

P. o. Mel. 3470 (9, 2)

<36636138080011

<36636138080011

Bayer. Staatsbibliothek

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

[9,2]

А. И. КТОРЕВА.

44

В

P. o. vel. 3470 (9,2

СОРЕНЕН

РАСКРЫТЪ ВЪТОРЫ

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ
С.-Петербургъ, 26 Ноября 1846 года.

Ценсоръ А. Ожигинъ.

СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Издание Александра Смирдина.

А.В. КТОРЕВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной

Его Императорскаго Величества

Канцеляріи.

1847.

Fg/72/156

СОПНЕНІО

ДЕРЖАВНА

ТОМЪ ДВОУ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Цѣна за два Тома два рубли серебромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ДЕРЖАВИНА.

Томъ II.

№	Стр.
СХІХ. Альбаумъ	181.
IV. Амуръ и Псишея	13.
LXXIV. Анакреоново удовольствіе	114.
XX. Анакреонъ въ собраніи	48.
XXIX. Анакреонъ у печки	59.
LIX. Арфа	91.
СХХХ. Аспазія	200.
ХС. Бабочка	132.
СХLIV. Басня, написанная въ Калугѣ	228.
XVII. Бесѣда съ Геніемъ	44.
СХІІІ. Блаженство супруги	163.
XLVIII. Богатство	79.
XXXIII. Бой	63.
LVIII. Варюшка	89.
XXXVIII. Венеринъ Судъ	68.
LI. Виша	82.
LXXXVII. Вниманіе	129.
СХХІІІ. Водометь	186.
X. Возвращеніе Весны	22.
СХХVII. Волховъ Кубрѣ	192.
LXXXIII. Всемигѣ	122.
СII. Вѣеръ	144.
СХХIV. Вѣнецъ безсмертія	187.

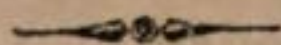
XVI. Вѣнчаніе Леля	42.
XXX. Геркулесъ	60.
LXXXV. Гимнъ Сафы Венерѣ	125.
LXXXVIII. Гитара	130.
LXXI. Голубка	109.
L. Горки	81.
XLIX. Горы	80.
XXV. Горючій ключъ	66.
XLIII. Гостю	74.
LXXVII. Графинѣ Орловой	116.
XLI. Даръ	72.
CLIX. Дежурство	818.
LXXVIII. Деревенская жизнь	117.
CLI. Добрыня, театральное представле- ніе	317.
XLIV. Другу	75.
CX. Дѣтямъ на комедію ихъ и маска- радъ	159.
XLII. Желаніе	73.
CXXII. Задумчивость	185.
LXX. За здравный орелъ	107.
CXXIX. Зима	198.
CLIV. Иродъ и Маріамна. Трагедія	537.
XXVII. Крезовъ Эротъ	55.
LXXXIV. Кружка	123.
XCI. Кузнечикъ	133.
XXXIV. Купидонъ	64.
CLIII. Кутерьма отъ Кондратьевъ, Коме- дія	513.
XIX. Къ Анжеликѣ Кауфманъ	47.
CXXXII. Къ Бахусу	203.
V. Къ Граціямъ	15.
CIV. Къ добродѣтельной красавицѣ . . .	146.
XXXVI. Къ женщинамъ	66.
CXXV. Къ красавцу	189.
CXXXIII. Къ Лидіи	205.
XXII. Къ Лирѣ	50.

СІІІ. Къ матери, которая сама воспитываетъ дѣтей своихъ	145.
СХХХІ. Къ Меценату	202.
VІІІ. Къ Музѣ	19.
ХХІІІ. Къ самому себѣ	51.
ХХІV. Къ Софіи	53.
ХХVІІІ. Къ Эвтерпѣ	56.
LXXІІ. Лизѣ. Похвала розѣ	111.
СХІV. Лучъ	164.
ХСІІ. Любушкѣ	134.
ХХХІІ. Люси	62.
LXXVІ. Махіавель	115.
LІІ. Мельникъ	83.
XVІІІ. Мечта	45.
СХІІ. Мои Граціи	162.
LXXV. Мореходецъ	115.
ХСVІІІ. Мщеніе	140.
СХІ. На балетъ Зефиръ и Флора	160.
ХХVІ. На бракъ графини Литты	54.
XІV. На брачныя торжества	37.
СХХХVІІІ. На красавицу	209.
ХСVІІ. На пастушій балетъ	139.
СХХХVІ. На птичку	208.
LX. На разлуку	92.
ІІІ. На рожденіе въ Сѣверѣ Порфиророднаго Отрока	10.
CVІІІ. Невѣстѣ	156.
СХLІ. Незабудочка	224.
LXXXІІ. Нинѣ	121.
СХХVІ. Новоселье молодыхъ	190.
СХVІІІ. Обитель Добрады	169.
LXXX. Объявленіе Любви	119.
CLVІІ. Ода на день рожденія Ея Величества 1774 года	808.
CLVІІІ. Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленскаго	815.
CLVІ. Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагарѣ:	

1) На ласкательство	784.
2) На порицаніе	788.
3) На постоянство	793.
4) Къ Мовтерпію	797.
5) На великость	800.
6) На знатность	805.
CLX. О, какъ великъ Наполеонъ	820.
CXLIII. Оковы	227.
CXLVII. Описаніе торжества, по случаю взя- тія Измаила	251.
CLXIII. Отвѣтъ Державина Евгенію	832.
LXXIX. Охотникъ	118.
XLV. Парашѣ	76.
CVII. Пени	153.
CXXXIX. Первая пѣсня Пиндара, Пиническая	209.
LXVII. Пикники	102.
CXL. Пиндарова Олимпическая первая пѣснь	217.
XLVI. Пиррѣ	77.
CLXII. Письмо Державина къ Евгенію	828.
CLXIV. Письмо Державина къ Нестерову	834.
LXXXI. Пламидѣ	120.
CXVI. Плачъ Царицы	167.
XCIV. Плѣнникъ	135.
VII. Побѣда красоты	18.
CLII. Пожарской, въ 4-хъ дѣйствіяхъ	423.
CXXXIV. Полигимніи	206.
CXVIII. Поминки	180.
XLVII. Портретъ Варюши	78.
CXX. Посылка плодовъ	183.
XXV. Потопленіе	53.
XI. Праздникъ воспитанницъ дѣвичья- го монастыря	24.
CLIX. Препятствіе къ свиданію съ супру- гою	157.
CXV. Признаніе	165.
LXIII. Призываніе и явленіе Плѣнницы	96.
II. Приношеніе красавицамъ	9.

IX.	Пришествіе Феба	21.
CXXI.	Прогулка	184.
CXLIX.	Прологъ Аллегорическій на рожденіе въ Сѣверѣ Любви	291.
CXLVI.	Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ Театра и Училища	235.
CL.	Прологъ на рожденіе въ Сѣверѣ Порфиророднаго Отрока	301.
LIII.	Птицеловъ	84.
XXXI.	Пчела	61.
LV.	Пѣночка	86.
LVII.	Пѣснь Баярда	88.
XII.	Развалины	32.
LXVIII.	Разныя вина	103.
CLV.	Разсужденіе о Лирической Поэзіи, или объ Одѣ	643.
	С. Распускающаяся роза	142.
CXLVIII.	Родственное празднество Вяземскихъ	285.
XXXIX.	Рожденіе Красоты	69.
XIII.	Рожденіе Любви	36.
LVI.	Русскія дѣвушки	87.
LXIV.	Сафо	97.
CVI.	Сафы. Второй переводъ	152.
LXV.	Сафъ	98.
XCVI.	Свобода	138.
CXLII.	Синичка	225.
XL.	Скромность	71.
CLXI.	Слѣпой случай	820.
✓ XXXVII.	Соловей во снѣ	67.
CV.	Соломонъ и Суламита	147.
XXI.	Спящій Эротъ	49.
XCIII.	Старикъ	135.
LIV.	Стрѣлокъ	85.
✓ LXXXVI.	Тишина	128.
LXVI.	Тончію	99.
CXLV.	Торжество восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II	229.

ХСV. Фалконетовъ купидонъ	136.
LXIX. Философы, пьяный и трезвый	104.
VI. Хариты	16.
LXXIII. Хмѣль	113.
CXXXVII. Хоръ сельскихъ дѣвушекъ	208.
I. Царь-дѣвица	1.
CXXVIII. Цирцея	195.
LXI. Цыганская пляска	93.
LXII. Цѣпи	95.
CI. Цѣпочка	143.
CXXXV. Черта къ біографіи Державина . .	207.
XCIX. Чечотка	141.
✓ LXXXIX. Шуточное желаніе	131.
XV. Явленіе Аполлона и Дафны на Нев- скомъ берегу	40.

ПРЕДЪУВЪДОМЛЕНІЕ.

По пріобрѣтеніи права отъ Гг. Наслѣдниковъ на напечатаніе еще 280 стихотвореній, шести трагедій и «Записокъ о Пугачевѣ», соч. Державина, — все это въ непродолжительномъ времени выйдеть въ свѣтъ въ двухъ томахъ.

ИРЕДЪВЪРЪОМЪАМЪИЕ

Ило приобщаеменіи ісповѣданіи Л. Паска-
-нкова не менѣе 280 смѣто-
-моденіи, вѣстни ісповѣданіи и «Замѣтокъ о
Исповѣданіи», сои. «Исповѣданіи», — еси иже еси
католическаго ісповѣданіи еси иже еси

еже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси

Иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси

Она еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси

Иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси

Иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси
иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси

Иже еси иже еси иже еси иже еси иже еси

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

I. ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Царь жила-была Дѣвица,
— Шепчетъ Русска старина —
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна;

Очи свѣтлы, голубыя;
Брови черныя дугой,
Огонь — уста, власы — златые,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной;

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эфиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася любовь.

Родилась она въ сорочкѣ,
Самой счастливой порой,
Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.

Кочетъ хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
«Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.»

Маковка злата церковна
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно —
Съ страхомъ чтить ее, дивясь;
Къ ней прійти необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли
И великіе цари:
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри;

И Полканы всюду чудны
Домъ стрegli ея и тронъ;
Съ колоколень самогудный
Слышался и ночью звонъ;

Теремъ былъ ея украшенъ
Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ;
Отливались блески съ башень
Во осьми ея моряхъ;

Въ рощахъ злчныхъ въ лукоморѣ
Въявь гуляла и въ саду,
Лѣтомъ въ лодочкѣ на озморѣ,
Іа санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился,
Чувъ Дѣвицу ѣздока;
Полкъ за нею Нимфъ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ
Страсть была ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ,
И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мѣшали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали,
Чтобъ ее лишь обвѣвать.

И по вѣткамъ птички райски,
Скакивалъ заморскій котъ,
Пѣли соловьи китайски
И жужжукалъ водомѣтъ.

Статно стоя, няньки, мамки
Одадь смѣли чуть дышать,
И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допускать.

Съ ними такъ она вѣщала,
Какъ изъ облакъ Божество;
Лежа, царствомъ управляла,
Ихъ жура за шаловство.

Иногда же и тазала
Не однимъ ужъ языкомъ:
Если больно разсерчала,
То по кудрямъ башмачкомъ.

Всѣ они Царя-Дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня;
Крыли, прятали ихъ лица
Отъ малѣйшаго пятна,

И безъ памяти любили,
Что безхитростна была;
Ей неправдѣ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ;
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всѣмъ въ раздольѣ:
Плавали, какъ въ маслѣ сырѣ,
Ѣздила на богомолье, —
Божествомъ ее всякъ чтилъ.

Всѣ поля ея златились
И шумѣли подъ серпомъ,
Тучныя стада водились,
Горы капали серебромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.

Стиходѣи ту жъ бряцали
И на гусляхъ милу ложь;
Въ царствахъ иныхъ повторяли
О Царѣ-Дѣвицѣ тожъ.

И отъ этого-го грому
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаны пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя,
Вымышляли, какъ хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной дары ей шлетъ,
Подъ ковромъ на Хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самоцвѣтъ;

Тотъ эдемскаго индѣя,
Гребень — звѣздъ на немъ наростъ,
✓ Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный — зобъ и хвостъ;

Колпицъ алы черевички
Несъ — съ бандорой тотъ плясать;
Горлицъ нѣжныя лички, —
Нѣжно пѣть и воздыхать.

Но она имъ не склонялась;
Набожна была чрезчуръ:
Только въ шуткахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь,

Иль велѣла имъ трудиться:
Яблокъ райскихъ ей искать,
Хохликъ солнцевъ, чтобъ свѣтиться,
Въ тмѣ вѣкъ младостью блистать.

Но они понадорвали
Свой животъ, и стали въ пень;
Что искали, — не сыскали,
И исчезли будто тѣнь.

Тутъ откуда ни явился
Царь, царевичъ, или круль;
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ;

По бедру коня хлестъ задню,
И въ тотъ мигъ невидимъ сталъ, —
Шастъ къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню,
И ее поцѣловалъ.

Хоронилася платочкомъ
И ворчала хотъ въ сердцахъ;
Но какъ въ слѣдъ его окошкомъ
Хлопнула, — вскричала: ахъ!

Конь къ тому жъ въ пути обратномъ
Тронулъ сѣтъ садовыхъ струнъ:
Градъ позналъ въ семъ звукѣ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ.

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ,
Ревъ завылъ и по церквамъ.

Кличъ прокликали въ столицѣ,
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-Дѣвицѣ,
И, служа сѣй, мститъ за честь.

Заскрипѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣтъ;
Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя,
И булатъ и сталь острятъ;
Старые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой летятъ;

И свирѣпы кони въ стойлахъ
Топаютъ, храпятъ и ржутъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымаютъ, пѣну льютъ;

Въ слухъ пищали стѣнобойны,
• Растворя чугуны рты;
Воютъ въ часъ полночный, сонный,
Чтобъ скорѣй въ походъ идти.

Идетъ въ шкурахъ рать звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ кистенѣмъ;
Въ перьяхъ птичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ течетъ чрезъ холмъ;

Занимаетъ степи, луги
И насадами моря,
И кричатъ: «Помремте, други,
За Дѣвицу и Царя!

«Не плѣнила златомъ, сбойствомъ
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройствомъ,
Здравымъ и простымъ умомъ.»

И такъ сими вождь рѣчами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что поднявъ бугры плечами,
Растрепали круля въ пухъ;

И еще въ его бы царствѣ;
Только разъ одинъ шагнуть,
Свѣта бѣ не было въ пространствѣ,
Чѣмъ его и вспомнать.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;
Онъ дрожалъ ея перуна
И въ своемъ ужъ чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-Дѣвицы
Нѣжный нравъ довольно зналъ;
Сталъ пастухъ — и гласъ цѣвницы
Часто ей своей внушалъ.

«Виноватъ», пѣлъ: «предъ тобою,
Что прекрасна ты, мила.
Сердце тронь мое рукою.»
— «Сядь со мной!» она рекла....

Такъ и всѣ красотки славны
Дерзостей не могутъ несть;
Всѣ бываютъ своеправны,
Любятъ жены, дѣвы честь.

II.

ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ. (¹)

Вамъ, красавицы младыя,
И супругъ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золотыя
Подвошу я въ книжкѣ сей.
Нравится ужъ я безсиленъ
И копьемъ и сайдакомъ,
Дуренъ, старъ и не умиленъ:
Бью стихами вамъ челомъ;
Бью челомъ, — и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ,
Лѣтомъ ходите по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ;
Чувства тѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень
Въ душу силу влилъ огня:
Сыплютъ искры — снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня.

(¹) Вторая супруга автора озабочена была недостаткомъ денегъ на отдѣлку сада въ Петербургскомъ его домѣ. Державинъ, шутя, отвѣчалъ ей, чтобъ она не скупилась, потому что денегъ дадутъ ему Музы: вскорѣ за симъ началъ онъ писать Анакреонтическія Пѣсни, и поднесъ ихъ женѣ своей и другимъ красавицамъ. —

Анакреонтическія Пѣсни доставили денегъ съ избыткомъ на украшеніе сада.

III.

**НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОД-
НАГО ОТРОКА. (1)**

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты,
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихова старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ,
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вокругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,

Отроча порфирородно
Въ царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился, — и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъдохнулъ, — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ, — и солнце красно
Обратилось къ веснѣ;
Онъ вскричалъ, — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки, —
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки, —
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньѣ
Растворенъ Судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьѣ:
Знать, родился нѣкій Богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ, —
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ Ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ Художества, Науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ Ему тѣлесну,

Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляючи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
«Будь страстей твоихъ владѣтель;
Будь на тронѣ челоуѣкъ!»
Всѣ крылами всплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
«Се божественный,» вѣщали
«Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ всему полезный міру!
Даръ добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ Нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!» —
«Будетъ,» — и Судьбы гласили:
«Онъ Монархамъ образецъ!»
Лѣсъ и горы повторили:
«Утѣшеніемъ сердецъ!» —
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣна преклоненна,
Въ руки Отрока взяла;
Воспріавъ Его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста;
Въ Немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.

Всѣ Его ужъ любятъ страстно,
 Всѣхъ сердца ужъ Онъ возжогъ:
 Возрастай, Дитя прекрасно!
 Возрастай, нашъ полубогъ!
 Возрастай, уподобляясь
 Ты Родителямъ во всемъ;
 Съ Ихъ Ты Матерью равняясь,
 Соравняйся съ Божествомъ!....

(¹) Стихи сии изображаютъ рожденіе Императора Александра, послѣдовавшее 1777 года декабря 12 дня. Въ сей день совершается поворотъ солнца къ лѣту. Державинъ сочинилъ на сей случай оду въ самый годъ рожденія Александра; но какъ она писана въ подражаніе Ломоносову, то и не была напечатана. Стихи же на «Рожденіе Порфироднаго Отрока» написаны Державинымъ не прежде 1780 года, и напечатаны въ первый разъ въ Вѣстникѣ, а во второй въ 1798 году.

IV.

АМУРЪ И ПСИШЕЯ. (¹)

Амуру вздумалось Псишею,
 Рѣзвися, поимать;
 Опутаться цвѣтами съ нею,
 И узелъ завязать.

Прекрасна плѣнница краснѣетъ,
 И рвется отъ него;
 А смѣхъ какъ будто бы робѣетъ
 Отъ случая сего.

Соч. Держ. Ч. II.

Она зоветъ своихъ подружекъ,
Чтобъ узелъ развязать;
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помочъ имъ подать.

Пріятность, младость къ нимъ стремятся,
И имъ служить хотятъ;
Но узники не суетятся,—
Какъ вкопаны стоятъ.

Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Псишей не бѣжитъ, ни стонетъ:
Свились какъ листъ съ травой.

Такъ будь, чета! вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

(¹) Сочинено въ 1792 году въ Царскомъ Селѣ, по случаю сговора Великаго Князя Александра Павловича съ Великой Княжной Елисаветой Алексѣевной. Нареченная Чета запуталась ненарочно въ лентахъ такъ, что принуждены были ихъ разрѣзать. На стихи сіи сочинена была музыка придворнымъ музыкантомъ Пашкевичемъ и въ присутствіи Императрицы Екатерины пѣты въ Царскомъ Селѣ на Камероновой Колоннадѣ. Напечатаны были неоднократно.

V.

КЪ ГРАЦІЯМЪ. (1)

Что вы, Граціи, такое?
Красота ль вы, или младость?
Вы души, иль тѣла нѣжность?
Вы любви ли милы дщери,
Иль магнитъ, сердца влекущій?

На лугахъ ли вы зеленыхъ, —
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы тѣнистыхъ, —
И лѣса даютъ прохладу,
Освѣжаетъ воздухъ чувства.

Ахъ! не вы ли на помостѣ,
Средь столповъ и переходовъ,
Въ храмѣ Россіи Богини,
Какъ зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланитахъ
Усмѣхаются лилеи,
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки, —
Вкругъ ихъ звѣзды, солнца въ персяхъ?

Ахъ, не вы ль, небесны Нимфы
Воплощенными намъ зритесь,
И сафирными очами
Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца восторги?

Это ты, Петрово племя!
Вы, Екатерины Внуки,
Павла и Марии Дщери.
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сестры:
Это Вы, Княжны младыя!

Это Вы, на коихъ нѣжно
Въ шлемѣ бранномъ зреть Россія,
Подъ трофеями, какъ пальма,
На цвѣты склонясь, улыбкой
Мещетъ тѣнь Екатерины.

(¹) Сочинено въ 1793 году, по случаю бывшихъ баловъ въ Царскомъ Селѣ на Камероновой Колоннадѣ, въ присутствіи Императрицы Екатерины.

VI.

Х А Р И Т Ы. (¹)

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харить, —
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
«Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочетъ смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?»

Обнималъ ли бrenнымъ окомъ
 Ты веселье ихъ пировъ?
 Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
 Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
 Плясками онѣ своими
 Восхищаютъ горній міръ;
 Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
 Важно павами плывутъ;
 Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
 Голубками воздухъ вьютъ;
 Какъ вокругъ онѣ спокойно
 Величавый мещутъ взглядъ;
 Какъ ихъ всѣхъ движенья стройно
 Взору, сердцу говорятъ?
 Какъ хитоны ихъ эфирны,
 Льву подобные власы,
 Очи свѣтлыя, сафирны,
 Помрачаютъ всѣхъ красы?
 Какъ богини всѣмъ соборомъ
 Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ,
 И Минерва важнымъ взоромъ
 Улыбается имъ въ слѣдъ?
 Словомъ: видѣлъ ли картины,
 Непостижныя уму?» —
 «Видѣлъ внукъ Екатерины,»
 Я отвѣтствовалъ ему.
 Богъ Парнасса усмѣхнулся,
 Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ.
 Я струнамъ ея коснулся,
 И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ на Русскую пляску

Великихъ Княженъ Александры и Елены Павловнъ
въ Тронной Залѣ, въ первый день Святыхъ 1795 года де-
кабря 25 дня.

VII.

ПОБѢДА КРАСОТЫ. (1)

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ,
Притекъ къ Аѳинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.

Она копья непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.

Пошла,—и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней;
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

Левъ шель,—и подъ его стопою
Приморскій влажный берегъ дрожалъ;
Но, встрѣтись вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кроткія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть;
Цвѣточной цѣпью привязала,
И отдала любви во власть.

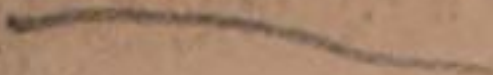
Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;
Красою мужество сражалось,
И побѣждала все — любовь.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ, по случаю предпола-
гавшагося сговора Великой Княжны Александры Па-
вловны съ Шведскимъ Принцомъ Густавомъ въ 1796
году, что однакожъ не совершилось.

VIII.

къ МУЗѢ. (¹)

Строй, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Какъ нѣжною она рукой
На небо, море, голубую,
На долы и вершины горъ
Зелену ризу надѣваетъ;
Вкругъ ароматы разливаетъ,
Всѣмъ осклабляетъ взоръ,

Смотри, какъ цѣпью птицъ станицы
Летятъ подъ небомъ и трубятъ;
Какъ жаворонки вверхъ парятъ:
Какъ гусли тихи, иль цѣвницы,
Звенятъ ихъ гласы съ облаковъ;
Какъ ключъ шумитъ, свирѣль взываетъ,
И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
Свистъ громкій соловьевъ.

Смотри: въ проталинахъ желтѣютъ,
Какъ звѣзды, межъ снѣговъ цвѣты;
Какъ распустившись розъ кусты
Смѣются въ люлькахъ и алѣютъ;
Сквозь мглу восходитъ знакъ челомъ,
Лѣса вѣтвями помагаютъ,
По рдѣну водъ стеклу мелькаютъ
Вверхъ рыбы серебромъ.

Смотри, какъ солнце золотое
Днесъ лучезарнѣе горитъ;
Небесное лицо глядитъ
На всѣхъ, веселое, младое;
И будто вся играетъ тварь,
Природа блещетъ, восклицаетъ:
Или какой себя вѣнчаетъ
Короной міра Царь?

(¹) Сочинено на коронованіе Императора Павла, въ
1797 году апрѣля 5, въ день Свѣтлаго Воскресенія.

IX.

ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА. (1)

Тише, тише, вѣтры, вѣйте,
Благовоіемъ дыша;
Пурпуровымъ златомъ рдѣйте,
Воды, доли—и душа,
Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
Пробудися свѣтлымъ днѣмъ:
Встань ты выше, выше холмъ!

Въ лучезарной колесницѣ
Отъ Востока Фебъ идетъ;
Внизъ съ раменъ по багряницѣ
Въ кудряхъ золото течетъ;
А отъ лиры сладкострунной
Божій тихій гласъ перуной
Такъ рѣками въ долъ падетъ,
Какъ съ небесъ лазурный свѣтъ.

Утренней зари прекрасной,
Дней веселыхъ свѣтлый Царь!
Ты, который дланью властной
Сыплешь свѣтъ и жизнь на тварь,
Правя легкими вожжами,
Искрометными конями
Обтекаешь міръ кругомъ,
Стань предъ насъ своимъ лицомъ!

Возсіай въ твоей коронѣ,
Давъ лунѣ и лику звѣздъ,
На твоємъ отдѣльномъ тронѣ,
Твой лучистый, милый свѣтъ!
Стань скорѣй предъ жадны взоры,
Да поютъ и наши хоры
Радостныхъ отца сыновъ
Славу, счастье и любовь!

(¹) Сочинено на возвращеніе Государя Павла I изъ
Москвы въ 1797 году.

Х.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ. (")

Возвращается Весна,
И Хариты вокругъ блистаютъ,
Взоры смертныхъ привлекаютъ.
Гдѣ стоитъ, грядетъ она,
Воздухъ дышетъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешутся рѣки златомъ;
Рощи, въ зеркалѣ смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качаютъ
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхаютъ,
Зелень всюду и цвѣтки
Стелютъ по землѣ коврами;

Рыбы мечутся изъ водъ;
 Журавли, вѣясь кругами
 Сквозь небесный синій сводъ,
 Какъ волторны возглашаютъ;
 Соловей гремитъ въ кустахъ;
 Звѣри прыгаютъ, брыкаютъ:
 Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ;
 Горстью пахарь дождь на нивы
 Сѣетъ вокругъ себя златой;
 Бѣлы парусы игривы
 Вздунись на морѣ горой;
 Вся Природа торжествуетъ,
 Празднуетъ Весны приходъ:
 Все играетъ, все ликуетъ.
 Нимфы! станьте въ хороводъ,
 И въ бѣлѣйши снѣга ткани
 Облеченны, изо льну,
 Простирайте нѣжны длани,
 Принимайте вы Весну;
 А въ цвѣтахъ ея щедроты,
 А въ зефирахъ огонь сердцамъ.
 Съ нею къ вамъ летятъ Эроты:
 Безъ любви нельзя жить вамъ.

(1) Сочинено по случаю прїѣзда Императрицы Марии
 Фёдоровны изъ Москвы въ Смольный Монастырь въ
 1797 году.

XI.

ПРАЗДНИКЪ

ВОСПИТАНИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНА-
СТЫЯ. (¹)

Если бъ умъ какой чудесный
Столь возвыситься возмогъ,
Чтобъ, проникнувъ сводъ небесный,
Въ горній возлетѣлъ чертогъ,
И средь тучъ тамъ бирюзовыхъ,
Будто множество зарницъ,
Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
Мириады свѣтлыхъ лицъ,
Въ ризахъ блестящихъ, эфирныхъ,
Видѣлъ Ангеловъ небесъ;
Съ ихъ агатныхъ, иль сапфирныхъ
Черпалъ бы восторгъ очесъ;
Красоты ихъ лучъ небесной
Изумлялъ бы слабый взоръ;
Ихъ гармоніи прелестной
Тихій, умиленный хоръ,
Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
Нѣжно трогали бы слухъ;
Райскихъ древъ благоуханье
Сладко упоило духъ;
Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать,
И внималъ, что уши бранны
Неудобны въ слухъ внимать;

Слышалъ, Серафимовъ хоры
 Какъ Царя Царей поютъ,
 Какъ вперенные ихъ взоры
 Свѣтъ съ Него и радость пьютъ:
 Тотъ возмогъ бы, по сравненью
 Сихъ божественныхъ чудесъ,
 Живо описать, къ видѣнью
 Росскихъ мысленныхъ очесъ,
 Какъ полсвѣта Повелитель
 И Его любезный Домъ,
 Павелъ, посѣщалъ обитель,
 Юныхъ дѣвъ священный сонмъ;
 Какъ онѣ Его встрѣчали,
 Будто Бога, иль отца;
 Цѣньемъ души восхищали,
 А красою всѣхъ сердца;—

Или, если бы рожденье
 На водахъ кто зрѣлъ весны
 И ея въ лучахъ явленье
 Изъ кристальныя волны;
 Съ холма кинувъ быстро око
 На прекрасный Волги берегъ,
 Гдѣ, разлившия широко
 И склоняя свѣтлый бѣгъ
 На Каспійско Море сткляно,
 Злачныхъ горъ она въ тѣни,
 Море гладко, златордяно,
 Представляетъ въ ясны дни;
 Тамъ бы на песчаныхъ стогнахъ
 Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада,

Что, собравшись въ милліонахъ,
 Какъ снѣговъ лежитъ гряда;
 Кроткія межъ нихъ колпицы
 Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
 Сребророзовыя птицы
 Лоснятся поверхъ зыбей,
 И шурмуютъ, и играютъ,
 И трепещутся средь волнъ,
 Съ перьевъ бисеръ отряхаютъ,
 Разноцвѣтный влажный огонь;
 Зрѣлъ бы, какъ, сплетясь крымами,
 Ходятъ по мелямъ стѣной,
 Вдаль расплывшися кругами,
 Кличутся промежъ собой;
 Громкій голосъ ихъ несется
 По водамъ и по полямъ;
 Гулъ отъ холмовъ раздается,
 Изъ-за рощей тихій гамъ:
 Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
 Ту картину начертать,
 Какъ Марію несравненну,
 Нѣжную Россіи мать,
 Юны дѣвы принимали
 Во святилищѣ своемъ,
 Благовѣйно предстояли
 Предъ Величества лицомъ;
 Въ темной зеленой аллеѣ,
 Древъ подровненныхъ въ тѣни,
 Снѣга самого бѣлѣе,
 Легче воздуха въ ткани,
 Передъ Нею онѣ играли

На помостѣ золотомъ,
Пѣли, прыгали, плясали
И рядами и кругомъ;
Въ даръ священный приносили
Рукъ издѣлія своихъ;
Не сокровища дарили,
Но сердцеъ преданность ихъ;
Лишь того искали взоромъ
И желали всей душой,
Чтобъ почтила разговоромъ,
Иль улыбкой ихъ Своей;
А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто среди птицъ весна,
Къ дѣтямъ взоръ бросая нѣжной,
Зрѣлась божествомъ она; —

Иль, когда бы къ баснословнымъ
Кто восхитяся временамъ,
Къ славнымъ, свѣтлымъ, благовоннымъ
На Олимпъ восшелъ пирамъ,
И увидѣлъ бы на ономъ
Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
Подъ янтарнымъ небосклономъ
Въ хладную пещеру входъ,
И молодыхъ къ ней Нимфъ прекрасныхъ,
Славнымъ пиромъ, на столахъ,
На узорчатыхъ, атласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скатертяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣтителей боговъ;
Какъ хитоны ихъ опрятно,

Въ узлы легкихъ облаковъ
 Подобравъ онъ пристойно
 Лентами зарей цвѣтныхъ,
 Сановито и спокойно
 Ходятъ вокругъ гостей своихъ;
 Какъ съ улыбкой благородной,
 Съ наклоненіемъ чела,
 Милой поступью, свободной
 Къ гостю каждая пришла;
 Принесли имъ: тѣ въ корзинахъ,
 Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
 Въ разноцвѣтныхъ тѣ кувшинахъ,
 Въ блюдахъ серебряныхъ, златыхъ,
 Сочножелтые, багряны,
 Вкусноспѣлые плоды,
 Въ хрусталяхъ напитки хладны,
 Сладки, искрометны льды;
 Какъ тамъ боги и богини,
 Осклабляясь, глядятъ,
 Со герои, съ героини
 Яствы сахарны ѣдятъ;
 Какъ амброзія небесна
 Въ алыхъ таетъ ихъ устахъ;
 Разсыпается чудесна
 Пища райская въ рукахъ;
 Льется въ медъ благовонномъ
 Вспламеняющій нектаръ,
 Въ сокъ розовомъ, перловомъ
 Мразъ, гасящій зноя жаръ:
 Тотъ бы внятно могъ и живо
 Описать сей праздникъ намъ,

Торжество то справедливо
И пріятное очамъ,
Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
Рукъ художествомъ, журчатъ,
Къ большей прелести природы,
На прекрасный Невскій брегъ
Льющіесь съ ээира воды,
Для прохладъ и для утѣхъ;
Гдѣ усердіе являли,
И въ привѣтствіе гостямъ
Дѣвы славный полдникъ дали
И Царицамъ и Царямъ;
Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зрителей водили взоры
Межъ утѣхъ и межъ прохладъ;—

Иль,—когда уже зephyры
Начинаютъ влажно дуть,
Боги въ мягкіе сапфиры
Идутъ съ пиршествъ отдохнуть,
Какъ златыя Феба стрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользятъ,
Вечеръ потемняетъ селы,
Окна пламенемъ горятъ—
Если бъ смертный дерзновенный
Кто отважиться столь смѣлъ,
Чтобъ таинственны, священны
Игры древнія хотѣлъ

Зрѣть украдкой среди ночи,
 И по спутаннымъ тропамъ
 Проходя кедровой роши,
 Вдругъ увидѣлъ Весты храмъ;
 Зрѣлъ вокругъ его, весталей
 Какъ прохаживаетъ строй;
 Огнь виситъ внутри кристалей,
 Во треножникѣ струей
 Послѣ жертвы дымъ курится;
 Предъ священнымъ алтаремъ
 Каждая дѣвица зрится
 Съ преклонившимся челомъ,
 Скромной блещущи красою,
 Важности святой полна,
 Подъ прозрачною фатою,
 Будто сквозь туманъ луна;
 Купно всѣ благоговѣньемъ
 Жертвенникъ обходятъ вкругъ,
 И съ тимпановъ удареньемъ
 На колѣни падши вдругъ
 Передъ образомъ богини,
 Славословіе поютъ;
 За дары, за благостыни,
 Въ жертву ей цвѣты кладутъ;
 И гласятъ: «О, земнороднымъ
 Божествамъ прекрасна Мать!
 Если взоромъ благосклоннымъ
 Соизволишь призирать
 Дѣвъ, Тобою вскормленныхъ,
 И прошенью внемлешь ихъ:
 То внуши молитвъ усердныхъ

Гласъ воспитанницъ Твоихъ,
И даруй, да подъ покровомъ
Матерней руки Твоей,
Благонравья въ блескъ новомъ,
Непорочности стезей,
Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою
И достойными Тебя
Будемъ жизнью святою,
Добродѣтель вѣкъ любя;»
Зрѣлъ потомъ бы ихъ въ гуляньѣ
Средъ цвѣтушихъ красныхъ мѣстъ,
Въ разноцвѣтномъ гдѣ сіяньѣ
Лѣсъ блисталъ лучами звѣздъ;
Какъ съ невинностью питая
Хладъ безстрастія въ крови,
Забавлялися, не зная
Сладостныхъ заразъ любви;
Какъ сокрывшись въ листья, въ гроты,
И облекшись въ темну ночь,
Метятъ тщетно въ нихъ Эроты,
И летятъ съ досадой прочь;
Видѣлъ бы, и тайный зритель
Древнихъ праздниковъ святыхъ,
Игръ сихъ вѣрный былъ сравнитель
Русской Весты дѣвъ молодыхъ,
Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
День рожденья ихъ Царицы
Проводили торжествомъ.
Вся Россія возставала
Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ;

Слезы радости роняла;
Такъ привѣтствовала ихъ;
«Я покоюсь послѣ боевъ,—
Процвѣтайте въ тишинѣ;
Будьте матери героевъ,
И подпорой твердой Мнѣ.»

(¹) Праздникъ сей составленъ былъ въ день рожденія Императрицы, 1797 Юля 22 дня.

XII.

РАЗВАЛИНЫ (¹).

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ:
Столпы, подзоры, пирамиды
И куполъ золотомъ сіялъ.
Вотъ здѣсь, дубами осѣненна,
Рѣзная дверь въ него была,
Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Во внутрь святилища вела.
Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитву міры,
И били ей челомъ Царя.
Вотъ тутъ была уединенной
Поутру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣть вселенной,

И какъ сердца плѣнять людей.
Тутъ поставлялася трапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ, и сонмъ жрецовъ;
Богатство разливалось Креза,
Сребро и злато средь столовъ;
Тутъ арфы звучныя гремѣли,
И повторялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо тутъ Сирены пѣли,
И гласовъ сладостью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали;
Тутъ нектаръ изъ сосудовъ билъ,
Курильницы благоухали,
Зной лѣтній провѣвалъ Зефиръ;
А тутъ крылатые служили
Полки прекрасныхъ, меткихъ слугъ,
И отъ богининой носили
Руки амброзію вокругъ.
Она, тутъ сидя, обращалась,
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
Возставши, тихо поклонялась,
Блистая щедростью лица.
Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты,
Покоилась прохладъ въ тѣни;
А тутъ Амуры и Эроты
Уединялись съ ней одни.
Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ;
Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ;
Здѣсь былъ театръ, а тутъ качели,
Тутъ азіятскихъ домикъ нѣгъ;

Тутъ на Парнассѣ музы пѣли;
Тутъ звѣри жили для утѣхъ;
Здѣсь въ разны игры забавлялась,
А тутъ, прекрасныхъ нимфъ съ полкомъ,
Подъ вечеръ красный собиралась
Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ;
Ходила по лугамъ, долинамъ,
По мягкой муравѣ, близъ водъ,
По желтымъ среди розъ тропинамъ;
А тутъ, затѣя хороводъ,
Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ
Играть, плясать между собой
По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
Вдали музыки роговой.
Они, кружась, рѣзвась, летали,
Шумѣли, говорили вздоръ;
Въ зеркалѣ водъ себя казали,
Всѣмъ тѣшили богининъ взоръ;
А тутъ, оставя хороводы,
Верхомъ скакали на конькахъ;
Иль въ лодкахъ разсѣкая воды,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.
Киприда тутъ средь миртъ сидѣла,
Смѣялась, глядя на дѣтей;
На восклицающихъ смотрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей,
Иль на станицу сребробокихъ
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
Или на пестрыхъ, красноокихъ
Ходящихъ рыбъ среди прудовъ,
Иль на собачекъ, ей любимыхъ,

Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
 Другъ другомъ съ лаемъ гонимыхъ,
 Мелькающихъ между лѣскомъ.
 А здѣсь, исполняясь важна вида,
 На памятникъ своихъ побѣдъ
 Она смотрѣла на Алкида,
 Какъ гидру палицей онъ бьетъ;
 Какъ прочіе ея герои,
 По манію ея очесъ,
 Въ ужасные вступали бои,
 И тмы подѣлали чудесъ;
 Приступомъ грады тверды брали,
 Сжигали флоты средь морей,
 Престолы, царства покоряли,
 И въ плѣнъ водили къ ней царей.
 Здѣсь въ внутренни она чертоги
 По лѣстницѣ отлогой шла,
 Куда гостить ходили боги
 И гдѣ она всегда стерегла
 Тотъ поясъ, въ небѣ ей истканный,
 На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
 Тотъ хитрый геній, изваянный,
 Который счастье ей дарилъ,
 Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
 Трофеи мира и войны,
 Здоровье, радости и смѣхи
 И легкіе, пріятны сны.
 Въ семъ теремѣ, Олимпу равномъ,
 Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ,
 Художествомъ различнымъ славномъ,
 Горѣли ночью тучи звѣздъ,

Красу богини умножали,
И такъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
Ее, какъ солнце, представляли....

Но здѣсь ея ужъ нынѣ нѣтъ:
Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ;
Все тмой покрылось, запустѣло;
Все въ прахъ упало, помертвѣло;
Отъ ужаса вся стынетъ кровь: —
Лишь плачетъ сирая Любовь.

(¹) Аллегорическое изображеніе опустѣвшаго Царскаго Села подъ именемъ Кипра, а Императрицы Екаѳерины подъ именемъ Киприды. Напечатано на особыхъ листкахъ въ Саксоніи Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, который по волѣ Государя Павла I-го оставилъ Россію.

ХІІІ.

РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ. (¹)

Опоясанна цвѣтами
Сходитъ къ намъ съ небесъ Весна,
И молодыми красотами
Улыбается она.
Улыбнулась, — и явились
Розы и лилеи въ свѣтъ;
Благовоныя оживились;
Возблесталъ на листьяхъ жемъ,

И по рощамъ разгласилось
Хохотаньемъ эхо вновь;
Радость, счастье водворилось:
Намъ родилася Любовь!

(¹) Сочинено, въ Павловскомъ, на случай рожденія
Великой Княжны Маріи Александровны въ 1799 году.

XIV.

НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА. (¹)

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эротъ долину пролеталъ, —
Незапно во страну Рифейску
Вспорхнулъ, гдѣ Сѣверъ обиталъ:
Увидѣлъ инеи, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя всеневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ отъ побѣдъ вокругъ звуки:
Тамъ злобѣ плѣнной вяжутъ руки,
Тамъ на мятежъ яремъ кладутъ;
Узрѣлъ, — и съ ужаса и хладу
Крылами въ трепетъ взмахнулъ,
Хотѣлъ летѣть назадъ въ Элладу;
Но какъ-то факель свой страхнулъ, —
И въ тмѣ вдругъ искры покатились:
Расцвѣлъ весной полночный край;

Орлы двухъ царствъ соединились;
Средь Гатчины открылся рай!
Плѣняетъ нѣжный громъ музыки,
Пылаютъ тысячи лампадъ,
Харитъ молодыхъ прелестны лики
Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоятъ:
Тѣ пляшутъ, скачутъ; тѣ играютъ;
Тѣ скромныхъ взглядами очей
Сердца героевъ поражаютъ,
И въ плѣнъ влекутъ богатырей.
Эротъ, красами удивленный,
«Не царство ль,» рекъ: «я зрю мое?
Но кто на тронѣ (дерзновенный!),
Отнявъ у Марса мечъ, копье,
Да и мои всеильны стрѣлы,
Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ?» —
«Марія, Павла здѣсь предѣлы,»
Ему весь Сѣверъ отвѣчалъ.

ХОРЪ.

Кто храбростью и красотою
Умѣетъ купно обладать,
Тотъ можетъ миромъ и войною
И свѣтомъ всѣмъ повелѣвать.

Вздыхнулъ Эротъ: «Такъ пусть ужъ боги
Не ждуть меня въ Темпейскій долъ;
Мнѣ святы Павловы чертоги:
Я въ нихъ поставилъ мой престолъ.

ХОРЪ.

Ликуйте, Павелъ и Марія,
Любовь въ чертогахъ зря Своихъ!

Хоть Ваши Дщери, днесь младыя,
Надѣли цѣпь Царей чужихъ,
Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
Вашъ разумъ, сердца доброту:
Гдѣ храбростью плѣнять не должно,
Туда Вы шлете красоту.

Такъ, Александра! не войною,
Но красотой плѣни Ты свѣтъ;
И ты, Елена! не виною
Будь Царскихъ распрь, народныхъ бѣдъ;
Но днесь, любви сопрягшись съ Богомъ,
Юсифъ, Павелъ, Фридерихъ!
Европѣ будьте Вы залогомъ
Покоя, счастья, дней златыхъ!

(¹) Сочинено въ Гатчинѣ по случаю празднества бра-
ковъ Великихъ Княженъ Александры и Елены Пав-
ловнъ въ 1799 году октября 12 и 19 ч.

XV.

ЯВЛЕНІЕ

АПОЛЛОНА И ДАФНЫ (¹)

НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ.

По гранитному я берегу
Невскому гулять ходилъ,
Сладкую весеннюю нѣгу,
Благовонный воздухъ пилъ;
Видѣлъ, какъ народъ тѣснился
Вкругъ одной молодой четы:
Лучъ съ нея, блистая, лился,
Какъ отъ солнца красоты.
Кто — я думалъ въ изумленьѣ —
Чудна двоица сія?
Не боговъ ли вновь схождение
Вижу въ ней на землю я?
Вижу точно Аполлона!
Вижу Дафну предъ собой!
Знать, сошедши съ Геликона,
Тѣшатся они Невой.
Такъ, они пришли конечно,
Смертнымъ скрывъ себя лицомъ;
Трепетаніе сердечно
Увѣряло духъ мой въ томъ.
Такъ, — и въ лицахъ лучезарныхъ
И въ сапфирныхъ ихъ очахъ
Душъ пріятность свѣтодарныхъ

Вижу я боговъ въ людяхъ!
 Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ
 Просвѣщенье, кротость, вкусъ;
 Какъ Хариты въ слѣдъ имъ ходятъ,
 И соборы вѣжныхъ Музъ,
 Съ Нимфами поющи, пляшутъ;
 Всплывъ Наяды сверхъ Невы,
 Плещутъ воды; вѣтры машутъ
 Ароматъ на ихъ главы.
 Видѣлъ, Петрополь дивился
 Какъ прекрасной сей четѣ;
 Сверхъ свѣтомъ озарился,
 Всталъ, и, въ мгlistой темнотѣ,
 Обогрѣвъ брану замерзлу,
 Тихимъ ихъ сіяньемъ кровь,
 Знича чтилъ въ нихъ и Зимстерлу,⁽²⁾
 Возвращенныхъ вкупѣ вновь,
 И, ликуя, увѣнчался
 Перевязкой изъ цвѣтовъ.
 Лель за дѣвою погнался,
 А за юношей — Любовь.
 Видѣлъ, видѣлъ Аполлона;
 Видѣлъ съ нимъ и Дафну я!
 Радостнаго звукомъ тона
 Лира отдалась моя.

⁽¹⁾ Сочинено по случаю прогулки по Невскому берегу
 Государя Императора Александра Павловича и Импе-
 ратрицы Елисаветы Алексѣевны въ 1801 году.

⁽²⁾ Подъ именемъ Знича, или священнаго огня, было
 обоготворяемо Славянами солнце; Зимстерла — ихъ
 богиня весны.

XVI.

ВѢНЧАНІЕ ДЕЛЯ. (')

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ,
И Иванъ Великій громомъ
Въ полночь, освѣщенъ, дрожалъ;
Я, пріятнымъ сномъ объятый
Макова въ тѣни вѣнца,
Видѣлъ: теремы, палаты,
Площадь Краснаго Крыльца
Роемъ мальчиковъ летучимъ
Облелѣяна кругомъ!
Лѣсомъ — шлемы ихъ дремучимъ,
Латы — златомъ и серебромъ,
Копья — сталію блистали
И чуть видѣлись сквозь мглы;
Стаями сверхъ ихъ летали
Молненосные Орлы.
Но лишь солнце появилось
И затеплились кресты,
Море зыблюще открылось
Разныхъ лицъ и пестроты, —
Шумъ, съ высотъ ліясь рѣкою,
Всѣми чувствами овладѣлъ:
Своды храма предо мною
Я отверзтыми узрѣлъ.
Тамъ, въ волнахъ толпы стѣсненной,
Въ думѣ весь синклитъ стоялъ;

Я въ душѣ моей смятенной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на тронѣ тамъ обширномъ,
Во священной темнотѣ,
Вдругъ въ сіяніи порфирномъ
Усмотрѣлъ на высотѣ
Двухъ я Геніевъ небесныхъ;
Коль безчисленны красы!
Сколько нѣжностей прелестныхъ!
Златоструйчаты власы,
Блескъ сапфира, розы ранни
Ихъ устенъ, ланитъ, очесъ,
Улыбаясь, брали дани
Съ восхищенныхъ тмы сердецъ;
И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
Діадимою Царей,
Ей, четѣ своей, касаясь,
Удвоился блескомъ въ ней.
Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ,
По сверкающимъ лучамъ,
Тѣни Самодержцевъ древнихъ,
Низпустившись во храмъ,
Прежни лица ихъ пріяли,
И сквозь ликовъ торжества
Въ изумленьѣ вопрошали:
«Кто такіа божества,
Что облекшись въ младость смертныхъ,
Съ кротостію скиптръ берутъ,
На обширность странъ несмѣтныхъ
Цѣпь цвѣточную кладутъ,
И весь Сѣверъ въ мигъ плѣнили

Именемъ однимъ Царя?»
Громы духъ мой пробудили:
Разглашалось ура!

Что такое сонъ сей значить?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуетъ, сердце скачетъ;
Отчего? я самъ не зналъ.
Кто на Царство такъ вѣнчался?
Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я столько восхищался,
Сладостныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣтомъ завладѣлъ:
«Царь сердецъ,» онѣ вѣщали:
«Богъ любви, всемогущій Лель.»

(¹) Аллегорическое описаніе коронаціи Императора
Александра въ 1801 году.

XVII.

БЕСѢДА СЪ ГЕНИЕМЪ. (¹)

Восхищенный явнымъ сномъ
Въ небо я моею душою
Видѣлъ, Геній подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицомъ прекрасенъ,

Ростомъ строенъ и высокъ,
Тихъ, привѣтливъ и пріятель
Взору, сердцу и уму....
И во снѣ его былъ внятень
Голосъ сердцу моему:
«Слушай, старый пѣснопѣвецъ!
Послужи еще мнѣ,» рекъ:
«Я не грозный Громовержецъ, —
Кроткій Царь и человѣкъ:
Прозвучи мою ты славу.»
Взялъ я лиру, строю вновь, —
И пою его державу
И къ отечеству любовь.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ, на случай призванія
автора Государемъ и порученія ему Калужскаго дѣла
въ 1801 году.

XVIII.

МЕЧТА. (¹)

Вошедъ въ шалашъ мой торопливо,
Я вижу мальчикъ въ немъ сидитъ,
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучитъ.

Рѣкою искры упали
Изъ рукъ его, во тмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утрення заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась,
И на мою упала грудь;
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не то ль зовутъ любить?

Люблю! Кого? сама не знаю.
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуетъ сердце! Дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

(¹) Писано въ 1794 году на сговоръ автора со второю его супругою, урожденною Дьяковой.

XIX.

КЪ АНЖЕЛИКЪ КАУФМАНЪ. ⁽¹⁾

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!
Если въ кисть твою вліяна
Свыше живость, чувство, вкусъ;
И списавъ Данаевъ, древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнь:
Напиши мою Милену, ⁽²⁾
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣскольکو челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня,
Я нашелъ бы въ ней обратно,
И плѣнясь ея красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

⁽¹⁾ Сочинено въ Петербургѣ на бракъ автора 1794

года января 30 дня, и изображаетъ портретъ второй жены автора, обратившагося къ знаменитой въ живописи Анжеликѣ Кауфманъ, потому особенно, что она писала обыкновенно фигуры стройныя, высокія, съ Греческими лицами. Такова была и жена автора.

(²) Названіе, данное авторомъ второй женѣ его.

XX.

АНАКРЕОНЪ ВЪ СОБРАНІИ. (¹)

Нѣжный, нѣжный въздыхатель,
О, пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ,
Безъ вина бы и безъ хмѣлю
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился,
И въ мечтѣ, иль въ восхищенъѣ,
Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ:
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда, сюда летаетъ,
И садится онъ по Нимфамъ,
То на ту, то на другую,
Какъ садятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младае.

Опъ у той блисталъ во взглядахъ
 У иной блисталъ въ улыбкѣ,
 И пускалъ оттуда жалы,
 Какъ лучи пускаетъ солнце.
 Жалы были ядовиты,
 Но и меду были слаще;
 Не пролетывалъ мимо,
 Попадали прямо въ душу;
 И душа бѣ твоя томилась,
 Уязвленная любовью;
 Лишь Паллады щитъ небесной
 Утолилъ твои бы вздохи.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ, на праздникъ Князя
 Потемкина-Таврическаго, въ Таврическомъ Дворцѣ,
 Апрѣля 1791 года.

XXI.

СПЯЩІЙ ЭРОТЪ. (¹)

Ходя въ рощицѣ тѣнистой,
 Видѣлъ тамъ Эрота я:
 На полянкѣ розъ душистой
 Спалъ прескрасное дитя;
 Сквозь пріятный сонъ, умильный,
 Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его;
 Будто яблоки наливны
 Рдѣлись щеки у него.

Соч. Держ. Ч. II.

Почивая безоружнымъ
Снѣжной грудью онъ блестѣлъ;
По вѣтвямъ, надъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, тулъ висѣлъ.
Пчелы вокругъ его летали,
Какъ на розъ шумящій кустъ;
Капли меду собирали
Съ благовонныхъ, сладкихъ устъ.
Въ рощу Граціи вѣбжали,
И нашедъ Эрота въ ней,
Потихоньку привязали
Къ красотѣ его своей;
Разбудя жъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ:
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали —
Гдѣ пріятность, тутъ любовь.

(¹) Сочинено въ С. Петербургѣ, по случаю оперы, игральной дѣтьми Княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, въ 1795 году.

XXII.

КЪ ЛИРѢ. (¹)

✓ Пѣть Румянцева сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ.....
Но завистливой судьбою

Задунайскій кончалъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тмою,
Какъ неславный человѣкъ.
Что жъ? Пріятна ли имъ будетъ,
Лири! днесъ твоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ. Подражаніе Анакреону.
Похвала Румянцеву и Суворову: первый тогда скон-
чался, а второй въ 1797 году жилъ въ своей деревнѣ.

XXIII.

КЪ САМОМУ СЕБѢ. (¹)

Что мнѣ, что мнѣ суетится,
Выучить бремя должностейъ,
Если міръ за то бранится,
Что иду прямой стезей? —
Пусть другіе работаютъ, —
Много мудрыхъ есть господъ —
И себя не забываютъ,
И Царямъ сулятъ доходъ. (²)
Но я тѣмъ колъ бесполезенъ,

Что горячь, и въ правдѣ чортъ:
Музамъ, женщинамъ любезенъ
Можетъ пылкій быть Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть и пить и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.
Полно быть въ дѣлахъ горячимъ:
Буду лишь у правды гость;
Тонкимъ сдѣлаюсь подъячимъ,
Растворю пошире горсть.
Утромъ раза три въ недѣлю
Съ милой Музой порѣзвлюсь;
Тамъ опять пойду въ постелю
И съ женою обоймусь.

(¹) Сочинено въ Петербургѣ 1798 года.

(²) Въ сіе время государственные чиновники придумывали разные способы къ умноженію доходовъ Имперіи. Многія мѣры послѣдовали по сему предмету: учрежденіе 25-ти-лѣтняго Заемнаго Банка и другія.

XXIV.

къ Софіи. (¹)

О, сколь, Софія, ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей!
Какъ чистая вода прозрачна,
Блестая розовой зарей.

(¹) Сочинено, въ 1795 году, въ Петербургѣ, на помолвку Графини Строгоновой, урожденной Голицыной.

XXV.

ПОТОПЛЕНИЕ. (¹)

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;
Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ;
Онъ гребетъ сквозь волнъ и тму;
Мысль веселье воображаетъ;
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился;
Путникъ мрачну пьетъ волну;

Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ не льсти:
Всѣ потонемъ въ безднѣ вѣчной....
Дружба и любовь, прости!

(¹) Сочинено, въ Петербургѣ, на потопленіе Федора Михайловича Дубенскаго, въ 1796 году.

XXVI.

НА БРАКЪ ГРАФИНИ ЛИТТЫ. (¹)

Діана съ голубаго трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей, (²)
Въ объятія Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей,
Въ хитонъ воздушный облеченна, —
Чело вокругъ въ звѣздахъ горитъ, —
Въ безмолвной тишинѣ вселенна,
На лунный блескъ ея глядитъ;
Иль виноградна вѣтвь младая,
Когда подпоры лишена, (³)
Поблекнетъ, долу упадая,
Но вѣтеркомъ оживлена,
Вкругъ стебля новаго средь лѣта,
Обвившись листьями, встаетъ,

Цвѣтетъ и солнцемъ обогрѣта,
Румянцемъ взоры всѣхъ влечетъ:
Такъ ты, въ женахъ, о, милый Ангелъ!
Магнитъ очей, заря безъ тучъ!
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ,
И кинулъ на тебя свой лучъ,
Подобно розѣ развернувшись,
Любви душею расцвѣла.
Ты красота, что, улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала. (¹)

(¹) Сочинено, въ Петербургѣ, въ 1798 году. Графиня Литта, урожденная Энгельгардтъ, была родная сестра Княгини Т. В. Юсуповой, племянница Князя Потемкина-Таврическаго.

(²) Въ срединѣ своего вѣка: она была лѣтъ 30-ти.

(³) Она осталась вдовою, бывъ въ первомъ супружествѣ за Графомъ Скавронскимъ.

(⁴) Графъ Литта, Малтійскій кавалеръ.

XXVII.

КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ. (¹)

Я у Креза зрѣлъ Эрота:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ,
Пусть колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна тетива,

Факель хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.

«Что,» сказалъ я, такъ» слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?

«Иль его безсиленъ пламень?
Тщетенъ токъ опасныхъ слезъ?»
Ахъ! нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

(¹) Эроть въ такомъ видѣ былъ изображенъ въ домѣ
Князя Александра Андреевича Безбородки, и огражденъ
стрѣлами. Сочинено, въ С.-Петербургѣ, въ 1796 году.

XXVIII.

КЪ ЭВТЕРПѢ. (¹)

Пой, Эвтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ племомъ покровенный,
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ;
Рано ль, поздно ль, побѣжденный
Голякъ предъ нимъ падетъ;
Вскинетъ тусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочетъ, да отдастъ.

Пусть придворный суетится
За фортуною своей,
Если быть ему случится
И наперсникомъ у ней:
Рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ;
Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ быть богатыремъ.

Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;
Идетъ осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды:
Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды.

Марсъ устанетъ, — и любимецъ
Счастья возметъ свой покой;
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и герой
Брякнуть въ кольца золотыя:

Ты съ согласія отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ.
Сына нѣги онъ поборетъ
И понравится тебѣ;
Качества твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близъ тебѣ.

Пой, Эвтерпа молодая!
Прелестью своею плѣни;
Бога браней усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми.
Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ склонится твоимъ,
И должна тебѣ вселенна
Будетъ вѣкомъ золотымъ.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ. Мысль къ этому стихотворенію подана Княземъ Потемкинымъ, слушавшимъ съ особеннымъ удовольствіемъ пѣніе и игру на арфѣ Марьи Львовны Нарышкиной, которая потомъ была замужемъ за Княземъ Любомирскимъ.

XXIX.

АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ. (')

Случись Анакреону
Марію посѣщать;
Межъ ними Купидону,
Какъ бабочкѣ, летать.

Леталъ божокъ крылатый
Красавицы вокругъ,
И стрѣлы онъ пернаты
Накладывалъ на лукъ;

Стрѣлялъ съ ея небесныхъ
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ устахъ прелестныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончатую взяла,
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала:

Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣе богъ,
Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жогъ.

Анакреонъ у печки
Вздохнулъ тогда сидя;

«Какъ бабочка отъ свѣтки,
Сгорю» сказалъ «и я.»

(¹) Сочинено въ 1795 году, безъ всякаго приготовленія, въ то самое время, какъ Марья Львовна Нарышкина играла на арфѣ.

XXX.

ГЕРКУЛЕСЬ. (¹)

Геркулесь пришелъ Данаю
Мимоходомъ навѣстить:
Я, сказалъ, тобой пылаю
(Онъ хотѣлъ съ ней пошутить.)
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ,
Пламени въ лицѣ полна,
Вздумала съ героемъ сильнымъ
Также пошутить она.
Начала съ нимъ разговоры;
Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ;
Какъ-то встрѣтились ихъ взоры;
Нечувствительно онъ сѣлъ;
И межъ тѣмъ какъ запылися
Такъ они шутя собой,
Гдѣ, откуда ни взялися
Мальчиковъ крылатыхъ строй;
Вкругъ летали, шурмовали,
Надъ главами ихъ паря,
И подкравшись тихо, крали

Все вокругъ богатыря:
Тотъ унесъ, кряхтя, дубину;
Тотъ сайдакъ, тотъ страшный мечъ;
Стеребили кожу львиную
Тѣ съ его могущихъ плечъ.
Не могла не улыбнуться
Красота, какъ шлемъ сняла:
Не успѣлъ онъ оглянуться —
Въ шлемѣ страсть гнѣздо свила.

(¹) Сочинено, въ С.-Петербургѣ, въ 1798 году.

XXXI.

ПЧЕЛА. (¹)

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Все вокругъ летая,
Прочь не летишь!
Или ты любишь
Лизу мою?
Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

(¹) Сочинено, въ С.-Петербургѣ, въ 1796 году.

XXXII.

ЛЮСИ. (¹)

О, ты, Люсенька любезна! (²)
Не бѣги меня, мой свѣтъ,
Что млада ты и прелестна,
А я дурень, старъ и сѣдъ.
Взглянь на розы и лилеи:
Лель изъ нихъ вѣнки плететь.
Вкругъ твоей пріятень шеи
Розовый и бѣлый цвѣтъ.

(¹) Относится къ воспитанницѣ Графини Стейнбокъ;
сочинено въ 1797 году.

(²) Люсинька, уменьшительное привѣтственное названіе Елисаветы.

XXXIII.

БОЙ. (1)

Предо мной хотѣлъ горою
Хладный Сѣверъ въ боѣ стать,
Если мнѣ любовь свѣчою
Придетъ душу зажигать.
Въ мигъ съ перомъ сѣдымъ, кудрявымъ,
На меня надѣлъ шеломъ,
Воружилъ лицомъ багрянымъ
И съ морщинами челомъ;
Далъ копье мнѣ ледяное,
Препоясалъ вокругъ мечемъ;
Сердце мнѣ вложилъ такое,
Что смотрѣлъ я сентябремъ.
На доспѣхи положася,
И что весь я ледяной,
Я, красавицъ не страшася,
Звалъ Любовь съ собою въ бой.
Тутъ откуда ни возмися,
Предо мною Лель предсталъ,
Красной дѣвой нарядился;
«Перевѣдайся», сказалъ.
Выступилъ я смѣло къ бою,
Наложа на сердце щитъ;
Мечъ рукой, копье другою
Я, поднявъ, хотѣлъ разить.
Почалъ Лель перить въ щитъ стрѣлы,
А доспѣхи жечь свѣчей;

Стрѣлы, падая, шипѣли,
Шлемъ блисталъ на мнѣ зарей.
Я ужъ думалъ, бой свершился,
И что я-то былъ герой;
Лель упорствомъ разсердился,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь стрѣлой:
Въ части мелкія кольчуга
Разлетѣлась,—я сталъ нагъ.
Ахъ, тщетна защита друга,
Если въ сердце вшился врагъ!

(¹) Сочинено, въ С.-Петербургѣ, въ 1796 году.

XXXIV:

КУПИДОНЪ. (¹)

Подъ медвѣдицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Какъ на міръ сей сонъ всемѣстной
Сыпалъ маковы цвѣты,
Какъ спокойно всѣ ужъ спали
Отягченные трудомъ,
Слышу, въ двери застучали
Кто-то громко вдругъ кольцомъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
И тревожитъ сладкій сонъ?
«Отвори: чего страшиться?»
Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ—

«Я ребенокъ: какъ-то сбился
Въ ночь безлунную съ пути,
Весь дождемъ я замочился,
Не найду, куда идти.»
Жаль его мнѣ очень стало,
Всталъ, и высккъ я огня:
Отворилъ лишь двери мало,—
Прыгъ дитя передъ меня.
Въ тулѣ лукъ на немъ и стрѣлы:
Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
Теръ руками руки мерзлы,
Кудри влажныя сушилъ.
Онъ успѣлъ лишь обогрѣться,
«Ну, посмотримъ-ка» сказалъ:
«Хорошо ли лукъ мой гнется?
Не испорченъ ли чѣмъ сталъ!»
Молвилъ, и стрѣлу мгновенно
Острую въ меня пустилъ;
Ранилъ сердце мнѣ смертельно,
И смѣясь говорилъ:
«Не тужи: мой лукъ годится,
Тетива еще цѣла.»
Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться,
Какъ любви во мнѣ стрѣла.

(¹) Сочинено въ С.-Петербургѣ 1796 года. Подраженіе Анакреону.

XXXV.

ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЪ. ⁽¹⁾

Подъ свѣсомъ шумныхъ тополовыхъ
Кустовъ, въ тѣни, Кипридинъ сынъ
Покоился у водъ перловыхъ,
Біющихъ съ горъ, и факель съ нимъ
Лежалъ въ травѣ, чуть-чуть куряся.
Пришли тутъ Нимфы, и дивяся,
«Что намъ?» сказали. «Какъ съ нимъ быть?
Дай въ воду, въ воду потопить,
А съ нимъ и огонь, чѣмъ всѣ сгараютъ!»
И вотъ!—кипитъ ключъ пѣной весь,
Съ купающихся Нимфъ стекаютъ
Горящія струи поднесъ.

⁽¹⁾ Сочинено, въ С.-Петербургѣ, въ 1797 году.

XXXVI.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ. ⁽¹⁾

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы львамъ,
Свободность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,

Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнить?
Красой ихъ надѣляетъ :
Огонь и мечъ и щитъ
Красавица сражаетъ.

(¹) Сочинено въ 1797 году. Подраженіе Анакреону.

XXXVII.

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ. (¹)

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей;
То звучалъ, то отдавался,
То стоналъ, то усмѣхался
Въ слухъ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы

Не услышу больше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

(¹) Сочинено въ 1797 году.

XXXVIII.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ. (¹)

На розѣ опочила,
Въ листахъ пчела сидя;
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дитя:
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами,
И къ матери бѣжитъ;
Облившися слезами,
«Пропаль, умру!» кричитъ:
«Ужаленъ небольшою
Крылатой я змѣей,
Которая пчелою
Зовется у людей.»
Богиня отвѣчала:
«Суди жъ: коль такъ пчелы
Тебя терзаетъ жало,
Что жъ твой ударъ стрѣлы?»

(¹) Сочинено въ 1797 году. Подражаніе Анакреону.

XXXIX.

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ. (1)

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ пектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огонь,
Благовоній мгла летала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
Раздавались пѣсень хоры
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ,
И увидя царства, грады,
Что погибли отъ боевъ;
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ;
Распалился столько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей.
Вмигъ сокрылся блескъ лазуря:
Тма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихоръ съ ризъ его, и буря
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,

Яры волны, будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворенны безднѣ утробы
Тартаръ искры извергалъ;
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянулъ громъ.
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, знать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щеки и уста,
Небо въ очи голубыя,
Цѣну въ грудь,—и Красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась,
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облебѣя табуномъ,
На свои се взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницею
Съ ней на воздухъ поднялись;
И летя подъ облаками,

Вознесли на звѣздный холмъ:
Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.
Боги, молча, удивлялись,
На красу разинувъ ротъ,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани — отъ красотъ.

(¹) Сочинено въ 1797 году.

XL.

СКРОМНОСТЬ. (¹)

Тихій, милый вѣтерочикъ,
Коль порхнешь ты на любезну,
Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи:
Если спросить, чье?—молчи.
Чистый, быстрый ручеечикъ,
Если встрѣтишь ты любезну,
Какъ слезинка ей въ лицо плещи:
Если спросить, чья?—молчи.
Ясный, ведреный денечикъ,
Какъ освѣтишь ты любезну,
Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи:
Если спросить, чьи?—молчи.
Темный, миртовый лѣсочикъ,
Какъ сокроешь ты любезну,

Тихо вѣткой грудь ей щекочи:
Если спросить кто?—молчи.

(1) Сочинено въ 1797 году.

XLI.

ДАРЪ. (1)

«Вотъ,» сказалъ мнѣ Аполлонъ:
«Я даю тебѣ ту лиру,
Коей нѣжный, звучный тонъ
Можетъ быть пріятенъ миру.

«Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть имъ нравенъ;
Лирою чрезъ нихъ ты сей
Можешь быть богатъ и славенъ.

Если жъ пышность, санъ, богатство
Не по склонностямъ твоимъ,
Пой любовь, покой, пріятство:
Будешь красотой любимъ.»

Взялъ я лиру и запѣлъ,
Струны правду зазвучали:
Кто внимать мнѣ захотѣлъ?
Лишь красавицы внимали.

Я доволенъ, свѣта богъ,
Даромъ симъ твоимъ небеснымъ.

Я богатымъ быть не могъ ;
Но я милъ женамъ прелестнымъ.

(¹) Сочинено въ 1797 году.

XII.

ЖЕЛАНІЕ. (¹)

Къ богамъ земныхъ сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.

Душѣ моей покою
Желаю только я :
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

(¹) Сочинено въ 1797 году, относится ко второй женѣ автора.

XLIII.

г о с т ю. (¹)

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ, } (²)
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть:
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

(¹) Сочинено на случай посѣщенія автора Петромъ Лукичемъ Вельяминовымъ въ 1795 году.

(²) Въ Петербургскомъ домѣ автора была комната съ диваномъ, въ которой серпяная палатка внутри установлена была зеркалами.

XLIV.

ДРУГУ. ⁽¹⁾

Пойдемъ сегодня благовонный
Мы черпать воздухъ, другъ мой, въ садъ,
Гдѣ вязы свѣтлы, сосны темны,
Густыми купами стоятъ; ⁽²⁾
Который съ милыми друзьями,
Съ подругами сердецъ своихъ,
Сажали мы, растили сами;
Ужъ нынѣ тѣнь пріятна въ нихъ.

Пусть Даша статна, черноока,
И круглолицая, своимъ
Взмахнувъ челомъ, тамъ у потока,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза, какъ зефиръ, порханьемъ,
Пропляшутъ вмѣстѣ казачка,
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подастъ рука. ⁽³⁾

Мы, сядя тамъ въ тѣни древесной,
За здравье выпьемъ всѣхъ людей:
Сперва за женскій полъ прелестной,
За искреннихъ своихъ друзей;
Потомъ за тѣхъ, кто намъ злодѣи: —
Съ одними намъ пріятно быть;
Другіе же, какъ скрыты змѣи,
Насъ учатъ осторожно жить.

⁽¹⁾ Сочинено въ 1795 году на прогулку въ саду Нико-

лая Александровича Львова, на дачѣ его близъ Невскаго Монастыря, на берегу Невы, противъ Охты.

(²) Деревья на сей дачѣ сажали друзья Николая Александровича, и именно, самъ Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Вельяминовъ, Марья Алексѣевна Львова, и Катерина Яковлевна Державина.

(³) Это двѣ горничныя дѣвушки Николая Александровича, которыя превосходною и скромною Русскою пляской восхищали людей, чувствующихъ изящное.

XLV.

ПАРАШЪ. (¹)

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ !

Ты, которой повторяетъ
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ Параша ударяетъ (²)
Въ струны, утѣшая насъ.

Встань, пойдёмъ на лугъ широкой,
Мягкій, скатистый, къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣнью древъ далекой
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:

Какъ скользя по нихъ сверкаетъ
Лучъ отъ царскихъ теремовъ,
Звѣзды, солнца разсыпаетъ
По тѣнямъ между кустовъ.

Какъ за сребряной плотицей
Линь златой по дну бѣжить:
За прекрасною дѣвицей,
За тобой, Амуръ летитъ.

(¹) Сочинено, въ Гатчинѣ, въ 1798 году, по случаю намѣренія Петра Андреевича Нилова жениться на Прасковѣ Михайловнѣ Бакуниной.

(²) Пелагѣя Михайловна Бакунина, сестра Прасковьи Михайловны.

XLVI.

П И Р Р Ъ. (¹)

Какой тамъ молодецъ проворной,
Прекрасный, статный, вспрысканъ весь
Водой душистой, благовонной,
Въ саду, въ цвѣтахъ между деревъ,
Тебя въ бесѣдкѣ обнимаетъ,
Толь страстно къ сердцу прижимаетъ,
И огонь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры нѣжно
Спустила прядь златыхъ волосъ? (²)

Увы! онъ сколько разъ слезами
Омочить страстную любовь,
Какъ вдругъ межъ черными волнами,
Отплывъ далеко отъ береговъ,
Себя увидитъ, проклиная...

Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнить наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

О, злополучна и несчастна,
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если бъ что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесъ, въ знакъ моего спасенья,
Виситъ ужъ опущенъ мой флагъ.

(¹) Сочинено въ 1804 году. Подражаніе Горацію.

(²) Въ это время модная прическа женщинъ состояла въ томъ, чтобы волосы косичками опускались на лицо.

XLVII.

ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ. (¹)

Милая заря весення,
Алымъ блескомъ покровенна,
Какъ встаетъ съ кристальныхъ водъ,
И въ небесныхъ идетъ сводъ,
Мещетъ яхонтные взоры;

Тихій свѣтъ и огонь живой
Проницаетъ тверды горы:
Такъ Варюша образъ твой.

(¹) Сочинено, въ 1797 году, Варваръ Михайловнѣ Баку-
ниной.

XLVIII.

БОГАТСТВО. (¹)

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
Копилъ бы для того я злато,
Чтобы, какъ придетъ смерть сражать,
Тряхнуть карманомъ торовато,
И жизнь у ней на откупъ взять.
Но сжели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата намъ алчною
Такъ много нашъ смущать покой?
Не лучше ль въ пиршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводить;
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ,
Младымъ красавицамъ служить?

(¹) Сочинено въ 1798 году. Подражаніе Анакреону.

XLIX.

ГОРЫ. (1)

Желалъ бы вѣкъ я быть съ Жидовочкой
прекрасной,
Чтобъ въ Горкахъ и Горахъ съ ней время про-
водить;
Но вмѣсто я того, по волѣ Царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставляя арфы звукъ, гитары, фортепьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,
Я долженъ розыскать, какъ чернь была вся
пьяна,
Какъ Земскому Суду угладила бока;
И словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты Жидовочкины зрѣть;
Талантовъ тысячью и прелестями плѣняясь,
Бекасами ея лишь — сыту быть умѣть.

(1) Сочинено въ селѣ Горы, въ Бѣлоруссіи, принад-
лежащемъ Графу Сологубу. Когда Державинъ, бывшій
тамъ въ 1799 году на слѣдствіи по Высочайшему указу
въ Березятнѣ, деревнѣ Графа Полье, возвращался од-
нажды ночью изъ сей деревни къ Графинѣ Сологубъ:
дочь ея, что нынѣ Княгиня Голицына, перерядясь въ
жидовское платье, поднесла Державину нѣсколько за-
стрѣленныхъ бекасовъ.

L.

ГОРКИ. ⁽¹⁾

Сегодня мы твое рожденье
Пирuemъ въ Горкахъ и Горахъ;
За здравье пьемъ, и въ восхищеньѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ;
А то жъ и твоему супругу,
Чтобъ долго и пріятно жить,
И недругу давать и другу
Пиры, забавы, — ѣсть и пить. ⁽²⁾

⁽¹⁾ Сочинено въ селѣ Горкахъ, Графини Сологубъ, неподалеку отъ села Горъ, по случаю празднованія тамъ рожденія матери ея, Марины Осиповны Нарышкиной, супруги Льва Александровича.

⁽²⁾ Извѣстно, что Левъ Александровичъ Нарышкинъ любилъ угощать всякаго рода людей.

II.

В И Ш А. ⁽¹⁾

—

Сей день усыпали цвѣтами
Младья дѣвы ложе мнѣ,
И тихихъ пѣсень голосами
Восхитили мой духъ во снѣ.
Казалось, за ними слѣдомъ
Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ,
И съ липъ златымъ питаюсь медомъ,
Благоуханный воздухъ пилъ;
Близъ водъ жилъ въ Полѣ Елисейскомъ,
Веселостей вкушая тму;
Но вставъ, увидѣлъ: въ миломъ, сельскомъ
Твоемъ, Жуковскій, я дому.

⁽¹⁾ Сочинено въ Вишѣ, небольшой деревнѣ Жуковскаго, въ Бѣлоруссіи, недалеко отъ Горъ, гдѣ въ 1799 году авторъ былъ угощаемъ.

III.

МЕЛЬНИКЪ. ⁽¹⁾

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли :
«Вѣдь расклюютъ же даромъ птицы.
Возьми, старинушка, смели.»
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я ну молоть всѣмъ животомъ.
Мололъ я пристально, трудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но что жъ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
Не раскололъ я ни зерна.
Смѣясь, мнѣ дѣвушки въ назоу,
Пѣняли: «Что жъ не мелешь, дѣдъ?
— «А вы,» сказалъ я: «для помолу
Пришли, какъ жорновъ не беретъ.»»

⁽¹⁾ Сочинено въ Горахъ 1799 года. Шутка на счетъ
Федора Михайловича Колокольцова.

ЫІІ.

ПТИЦЕЛОВЪ. (¹)

—

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
Казаться, гуню вздѣлъ худую, (²)
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ;
Пошелъ въ лѣсу ловить дичину,
И тамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣть, какъ паутину:
А нужно гдѣ, то и златой
Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы,
Чтобы приманкою такой
Скорѣе побуждались птицы
Слетаться въ потаенну сѣть.
Лишь столъ увидѣли богатый,
Не позамедлили летѣть
Къ нему различныя пернаты,
И носиками ну клевать,
Ну зоблить зерна золотыя, —
А тутъ же въ сѣти попадать
И путаться, какъ бы слѣпыя.
Эротъ, смекнувъ, что у одной
Голубки хвостикъ увязился
Во ячею и съ головой,
Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился,
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,
И въ сердце вмигъ ея вонзился:

Ручьемъ кровь ала потекла.
Ахъ! не клевать было пшеницы
Вамъ бѣднымъ пташкамъ золотой!
Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородѣ сѣдой.

(¹) Сочинено, въ Петербургѣ, въ 1800 году.

(²) Гуня, простонародное названіе худаго крестьян-
скаго платья.

LIV.

СТРѢЛОКЪ. (¹)

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гулять:
Меду сладкаго не нада,
Лишь бы въ полѣ пострѣлять.

На лету я птицъ пернатыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ;
Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ,
Лишь прицѣлилъ, попадалъ.

Но вечеръ вдругъ повстрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной,
Вмигъ крылами размахалась,
И пошла ко мнѣ на бой.

Хватъ въ колчанъ.... анъ стрѣлъ ужъ
нѣту:

Лукъ опущенъ; сталъ я въ пень.

Ахъ, беречь было монету
Бѣлую на черный день!

(1) Сочинено, въ Петербургѣ, въ 1793 году, для Сенатора Алексѣя Владиміровича Щербатова, который былъ любитель нѣги и роскоши.

LV.

ПѢНОЧКА. (1)

Пѣночка! какъ ты проснешься,
Вспрянешь, взглянешь, востепенешься,
Носикъ, шейку оботрешь:
Про кого ты запоешь?

Запоешь про солнце красно,
Запоешь ты про зорю,
И какъ вѣрно, нѣжно, страстно
Мной ты, я тобой горю.

Пой, созданіе любезно!
Какъ взаимно страстью нѣжно
Млѣть сердце, чувства, кровь,
Какъ сладка, сладка любовь!

Какъ отрадно утѣшенье,
Съ тѣмъ, кто миль, всечасно быть;

Какъ пріятно восхищеніе
Быть любиму и любить!

(¹) Стихи «Пѣночка,» сочинены Державинымъ въ 1799 году во снѣ, и написаны въ ту минуту, какъ авторъ проснулся.

LVI.

РУССКІЯ ДѢВУШКИ. (¹)

Зрѣлъ ли ты, Пѣвецъ Тіискій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмаками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыхъ
Ямки врѣзала любовь?
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины

И орловъ сердца разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бѣ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ приковалъ былъ.

(¹) Сочинено въ 1799 году.

(¹)

LVII.

ПѢСНЬ БАЯРДА. (¹)

Сладостное чувство томленье,
Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!
Какъ твое намъ вдохновенье
Восхитительно, Любовь!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Умножайся, пламень нѣжный,
Подъ желѣзной латой сей;
Печатлѣйся, видъ любезный,
Въ мысляхъ и душѣ моей!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,

Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Въ бой иду, не ужасаюсь;
Честь любезной отомщу.
Соблещите, (ополчаюсь!)
Молнии, моему мечу!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

(¹) Сочинено въ 1799 году, по случаю оперы игранный
въ присутствіи Императора Павла.

LVIII.

ВАРЮШКА. (¹)

Какъ, Варюша, ты прекрасна!
Если не изъ сердца страстна,
А изъ дружбы лишь одной,
Я, писавши образъ твой,
Написалъ тебя зарею:
То моложе если бъ былъ,
Я бы съ пламенной душою
Въ тебѣ солнце находилъ.

Написалъ бы, какъ въ диванѣ,
Въ голубомъ твоємъ тюрбанѣ,

Ты сидишь, и для красы,
На чело спустя власы,
Всѣхъ улыбкою любезной
Вмигъ умѣешь полонить:
Должно быть душѣ желѣзной,
Чтобъ, взглянувъ, не полюбить.

Гдѣ сокровище такое,
Толь прелестное, драгое,
Толь блистающій алмазъ
Былъ ты скрытъ отъ жадныхъ глазъ
Бриліанщика младаго,
Что купить тебя не могъ?
Онъ отъ глазъ бы свѣта злаго
Спряталъ, заперъ за замокъ.

Не продажный, но завѣтной
Ты жемчугъ; цѣны несмѣтной,
И нельзя тебя купить,
Кучей злата замѣнить;
А чтобъ нравиться прекрасной
И плѣнить тебя кто могъ,
Нуженъ мальчикъ нѣжный, страстной,
Взглядъ любви — крылатый богъ.

(¹) Сочинено въ 1799 году, Варварѣ Михайловнѣ Бакуниной.

LIX.

А Р Ф А. ⁽¹⁾

Не въ лѣтній лъзнойный день прохладный вѣ-
терокъ

Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуетъ?

Не въ знакъ ли журчитъ хрустальный ручеекъ?

Иль милая въ тѣни деревесъ меня цѣлуетъ?

Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,

На розахъ дремлющей, согласьемъ тихострун-
нымъ,

Какъ эхо мнѣ вдали щекочетъ нѣжно слухъ,

Иль шумомъ будить вдругъ вблизи меня перун-
нымъ.

Такъ! ты, подруга Музъ, ліешь мнѣ твой вос-
торгъ,

Подъ быстрою рукой играющей Хариты,

Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ,

И улыбаются любовію ланиты.

Какъ весело внимать, когда съ тобой она

Поетъ про родину, отечество драгое,

И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,

Какъ время катится въ Казани золотое! ⁽²⁾

О, колыбель моихъ первоначальныхъ дней, ⁽⁵⁾

Невинности моей и юности обитель!

Когда я освѣщусь опять твоей зарей,

И твой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть, } (¹)
Васъ, дубы Камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть,
И гробы обнимать родителей священны? (⁵)

Звучи, о, арфа, ты все о, Казани мнѣ!
Звучи какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ!
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

(¹) Сочинено на Званкѣ 1798 года, Пелагѣ Михайловнѣ Бакуниной.

(²) Тогда Императоръ Павелъ посѣщалъ Казань.

(³) Державинъ родился въ Казани.

(⁴) На Волгѣ и на Камѣ находятся огромныя заповѣдныя дубовыя рощи, для кораблестроенія.

(⁵) Въ Казанскомъ уѣздѣ въ селѣ Егорьевѣ находится семейное кладбище Державиныхъ.

LX.

НА РАЗЛУКУ. (¹)

—
Не раздаются больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ тобой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу отъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной.
Когда жъ назадъ ты возвратишься,
Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою навѣкъ простишься,
Съ Мурзой, Милордомъ и котомъ? (²)

Пожалуй, возвратись скорѣе,
Пріятны возврати часы,
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почеши Мурзѣ усы.

(¹) Сочинено въ 1802 году, по случаю отъѣзда Пелагѣи Михайловны Бакуниной.

(²) Мурзой называетъ авторъ себя; Милордомъ назывался прекрасный его пудель, а котъ Ангола всегдашній въ домашнемъ быту сотоварищъ его.

LXI.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА. (¹)

—

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нервъ трепеть, мѣніе любви,
Волшебное заразъ искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Какъ ночь—съ ланить сверкай зарями,
Какъ вихорь—прахъ плащемъ сметай,

Какъ птица—подлетай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ нощію сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вопль твой, Эвоа! ужасный, ⁽²⁾
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ,
Ліетъ повсюду гулы страшны,
А сластолюбіе любовь.

Жги души, огонь бросай въ сердца { ⁽³⁾
Отъ смуглаго лица.

Нѣтъ, стой, прелестница! довольно!
Музъ скромныхъ больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ Русска дѣва, пропляши.

Жги души, огонь бросай въ сердца,
И въ нѣжнаго пѣвца.

(¹) Сочинено въ 1805 году, Ивану Ивановичу Дмитріеву, по случаю его отзыва автору, что Московскія Цыганки криками ихъ въ Марьиной рошѣ мѣшаютъ ему заниматься стихотворствомъ.

(²) Извѣстный припѣвъ, или восклицанье древнихъ Вакханокъ во время игръ ихъ.

LXIII.

ПРИЗЫВАНІЕ

и

ЯВЛЕНІЕ ПЛѢНИРЫ. (1)

—

Приди ко мнѣ, Плѣнира;
Въ блистаніи луны,
Въ дыханіи Зефира,
Во мракѣ тишины!
Приди въ подобье тѣни,
Въ мечтѣ, иль легкомъ снѣ,
И сѣдши на колѣни,
Прижмися къ сердцу мнѣ;
Движенія исчисли,
Вздыханія измѣрь,
И всѣ мои ты мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбины
Моихъ не коситъ дней,
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу, ты въ туманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой?
Плѣнира на диванѣ
Простерлась надо мной, —
И легкимъ осязаньемъ
Устъ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣтерокъ дыханьемъ

Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь,
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
«Почто такъ сокрушаешь
Себя, мой милый другъ?
Нельзя смягчить судьбины,
Ты сколько слезъ ни лей;
Милой половины
Займи души твоей.»

(¹) Сочинено, въ Петербургѣ, въ 1794 году. На другой день смерти первой жены своей, проснувшись и лежа на диванѣ, авторъ увидѣлъ, что изъ дверей буфета приближалось къ нему бѣлое тонкое облако или туманъ, который какъ-будто оживилъ его сердце своимъ чудеснымъ появленіемъ.

LXIV.

САФО. (¹)

Блаженъ, подобится богамъ
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ!

Увижу ль я сіе,—и вмигъ
Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ,
И молнія по мнѣ стремится.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю;

Соч. Держ. Ч. II.

Дрожу, блѣднѣю, — и какъ знакъ
Упадшій, вяну, умираю.

(¹) Сочинено, въ Петербургѣ, въ 1797 году. Подражаніе извѣстной одѣ Сафо.

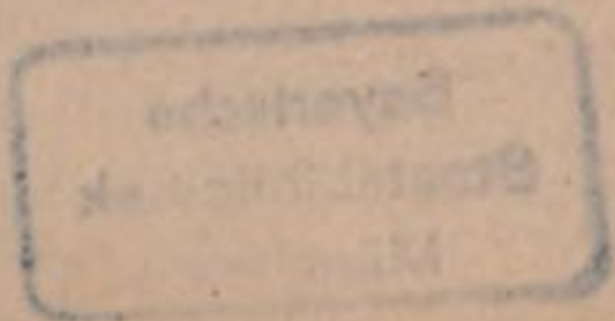
LXV.

САФЪ. (¹)

Когда брала ты арфу въ руки
Воспѣть твоей подруги страсть,
Протяжные и тихи звуки
Надъ сердцемъ нѣжнымъ сильну власть
Любви твоей изображали;
Но ревность лишь затмила умъ,
Громчайши гласы побѣжали,
И приближался бурный шумъ:

Тогда бѣлорумяны персты
По звучнымъ вспрыгали струнамъ,
Взоръ черноогненный, отверзстый,
И молнія во слѣдъ громамъ
Блистала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть блѣдный хладъ распространяла:
Я умиралъ игрой твоей.

О, если бы я былъ Фаономъ,
И пламень твой мою бѣ жегъ кровь:

Твоимъ бы страстнымъ, пылкимъ тономъ
Я описалъ свою любовь.

Тогда съ моей всесильной лиры
Зефиръ и громъ бы могъ летѣть:
Какъ ты свою, такъ я Плѣниры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

(¹) Сочинено въ 1794 году. Изображается горестъ автора, по смерти первой жены его.

LXVI.

Т О Н Ч И Ю. (¹)

Безсмертный Тончи! ты мое
Лице въ томъ, слышу, пишешь видѣ,
Въ какомъ бы мастерство твое
Въ Омирѣ древнемъ, Аристидѣ,
Сократѣ и Катонѣ, ввѣкъ
Потомковъ позднихъ удивляло;
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся человѣкъ.

Но лысина ль, или парикъ,
Но тога ль, иль мундиръ кургузый } (²)
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! Философія и Музы:
Онѣ насъ славными творять.
О, если бъ осѣнялъ духъ правый

И освѣщалъ меня лучъ славы, —
Присталъ бы всякій мнѣ нарядъ.

Такъ, живописецъ-философъ!
Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
Какъ знаешь ты; но лишь любовь
Увѣковѣчь ко мнѣ премудрыхъ.

А если слабости самимъ
И величайшимъ людямъ сродны,
Не позабудь во мнѣ подобны,
Чтобъ зависть улыбалась имъ.

Иль нѣтъ: ты лучше напиши
Меня въ натурѣ самой грубой:
Въ жестокой мразь, съ огнемъ души
Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой;
Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ,
Противъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ, } (з)
Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льди-
стыхъ;
Что былъ прапращуръ мой Багримъ. (¹)

Не испугай жены, друзей;
Придай мнѣ нѣжности немного:
Чтобъ былъ я ласковъ для дѣтей,
Лишь въ должности бѣ судилъ всѣхъ строго; } (з)
Чтобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мнѣ вздыхали,
Хоть въ платонической любви.

(¹) Программа для портрета, данная знаменитому живописцу Тончи, въ 1801 году. Одни совѣтовали написать

автора въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, какіе онъ имѣлъ; другіе полагали представить его въ древнемъ вкусѣ, безъ всякихъ украшеній. Живописецъ просилъ разрѣшить сіи два мнѣнія однимъ, какое автору принять будетъ угодно. Авторъ велѣлъ написать себя въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ въ сей одѣ. Портретъ этотъ находился въ столовой залѣ Державина. Въ такомъ видѣ былъ приложенъ портретъ Державина и къ Образцовымъ Сочиненіямъ, изданнымъ В. А. Жуковскимъ.

(²) Тога, плащъ или мантия, которые носили сенаторы Римскіе.

(³) Сими стихами авторъ изображаетъ, что онъ, почти безъ всякихъ пріуготовительныхъ наукъ, одною природою произведенъ въ поэты, и что на пути службы, испытывая многія препятствія, непріятности и нужду, однимъ характеромъ, безъ всякаго посторонняго покровительства, преодолевалъ ихъ. Въ одномъ письмѣ своемъ къ Графу Хвостову онъ сказалъ:

Кто велъ его на Геликонъ

И утвердилъ его шаги:

Не школъ витійственныхъ Содомъ, —

Природа, нужда и враги....

(⁴) Мурза Багримъ, предокъ автора, какъ выше сказано.

(⁵) Авторъ любилъ дѣтей, но по должности былъ взыскателемъ.

LXVII.

П И К Н И К И. (1)

—
Оставя безпокойство въ градѣ
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой, пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы.

Невинны красоты природы
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды —
Пріятная забава намъ.

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранить;
Богатствомъ, властью и чинами
Себя отнюдъ не возносить.

Но если веселъ кто, забавенъ,
Любезнѣе другихъ тотъ намъ;
А если скромнѣе, благодѣтеленъ,
Мы чтимъ того не по чинамъ.

Насъ не касаются раздоры,
Обидамъ мѣста не даемъ;
Но души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и герою
Повиноваться красотамъ;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ.

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цвѣты срывать.

Кто ищетъ общества, согласья,
Прійди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятель часъ.

(¹) Сочинено, въ Петербургѣ, въ 1776 году, по случаю бывшихъ пикниковъ у извѣстнаго государственнымъ заслугами человѣка, Алексѣя Петровича Мельгунова, къ которому собирались въ назначенныя за городомъ мѣста на островахъ или въ садахъ, молодые люди и дамы, гдѣ и авторъ участвовалъ.

LXVIII.

РАЗНЫЯ ВИНА. (¹)

Вотъ красно-розово вино:
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!
Ты тожъ румяна, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ черно-тинтово вино:
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно

Намъ съ поцѣлуемъ устъ лиловыхъ!
Ты тожъ, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ злато-Кипрское вино:
За здравье выпьемъ свѣтловласыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!
Ты тожъ, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вотъ слезы Ангельски вино:
За здравье выпьемъ женъ мы нѣжныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ любезныхъ!
Ты тожъ нѣжна и хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа.

(¹) Напечатано было много разъ и въ разныхъ изда-
ніяхъ.

LXIX.

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ. (¹)

ПЬЯНЫЙ.

Сосѣдъ! на свѣтъ все пустое:
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты быть могутъ почтены:
То здраво и покойно жить,

Съ друзьями время проводить,
Красотъ любить, любимымъ быть,
И съ ними сладко ѣсть и пить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

ТРЕЗВЫЙ.

Сосѣдъ! на свѣтѣ не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщемъ въ нихъ прямое,
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любить,
Умѣренно, въ довольствѣ жить,
По самой нуждѣ ѣсть и пить:
То можемъ всѣ счастливы быть.

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

ПЬЯНЫЙ.

Гонялся я за звучной славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ отравой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза страшнымъ быть,
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ убійствѣ время проводить?
Безумно на убой ходить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

ТРЕЗВЫЙ.

Гоняться на войнѣ за славой,
И съ ядрами встрѣчаться лбомъ
Велитъ тому разсудокъ здравой,
Кто лишь рожденъ не дуракомъ:
Царю, отечеству служить,
Чадъ, женъ, родителей хранить,
Себя отъ плѣна боронить —
Священна должность храбрымъ быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

ПЬЯНЫЙ.

Хотѣлъ я сдѣлаться судьей,
Законы свято соблюдать;
Увидѣлъ, что кривятъ душею,
Гдѣ должно сильныхъ осуждать.
Какая польза такъ судить?
Однихъ щадить, другихъ казнить,
И совѣстью своей шутить?
Смѣшно въ тенета мухъ ловить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!

Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

ТРЕЗВЫЙ.

Когда судьба тебѣ судьбою
Въ судахъ велѣла засѣдать:
Вертѣться нужды нѣтъ душою,
Когда не хочешь взяткоу брать.
Какъ можно такъ и сякъ судить,
Закономъ правду тенетить,
И подкупать себя пустить?
Судѣ злодѣемъ страшно быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

(¹) Образъ мыслей Аристиппа и Аристида. Сочинено въ 1789 году; напечатано въ Московскомъ Журналѣ, а въ послѣдствіи въ Пѣсенникѣ, собранномъ и изданномъ И. И. Дмитриевымъ.

LXX.

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛЬ. (¹)

По Сѣверу, по Югу,
Съ Москвы орель парить;
Всему земному кругу
Полетъ его звучить.

О, исполать, ребята,
Вамъ, Русскіе солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никѣмъ непобѣдимы:

За здравье ваше пьемъ!

Орелъ бросаетъ взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Всѣ быють челомъ ему.

О, исполать вамъ, вои,
Безсмертные герои,
Румянцевъ и Суворовъ!
За столько славныхъ боевъ:

Мы въ память вашу пьемъ!

Орелъ глядитъ очами
На солнце съ высоты;
Герои подъ шлемами,
На женски красоты.

О, исполать, красотки,
Вамъ, Росски Амазонки!
Вы въ мужествѣ почтенны,
Вы въ нѣжности любезны:
Здоровье ваше пьемъ!

(¹) Застольная пѣснь военныхъ людей, писанная въ 1795 году, въ память знаменитыхъ нашихъ Фельдмаршаловъ: Румянцева и Суворова.

LXXI.

ГОЛУБКА. (¹)

—

Отколь, голубка мила,
Летишь такъ рѣзво ты?
Откуда, бѣлокрыла,
На воздухъ льешь цвѣты,
И сладкій запахъ въ чувства?
Кто, съ чѣмъ послалъ тебя?

ГОЛУБКА.

Богъ свѣта и искусства
Послалъ съ письмомъ меня
Къ красавцу молодому,
Къ владыкѣ всѣхъ сердець,
Къ тому божку земному,
Кто подданнымъ отецъ,
Кому меня Фелица
Въ наслѣдье отдала:
«Будь Хлорова ты птица,»
Съ усмѣшкою рекла:
«Неси ему съ небесной
Ты пѣсни вышины;
Какъ славой мнѣ, всемѣстной
Наполнь его страны.»—
И я съ тѣхъ поръ, какъ должно,
Ему, какъ ей, служу;
Пріятную, сколь можно,
Гармонію ношу;

А онъ за то златую
Мнѣ хочетъ вольность дать;
Но дастъ, иль нѣтъ, какую,
Мнѣ нечего желать.
Какая это воля,
Летала чтобъ одна;
Была бѣ безвѣстна доля,
Была бы холодна?
Коль двесь пшеницей Хлоромъ
Изъ устъ его кормлюсь,
Его питаюсь взоромъ,
Счастливою зовусь:
На лонѣ, иль на шлемѣ
Кружусь, воркую я,
И въ сладкомъ этомъ плѣнѣ
Мила всѣмъ пѣснь моя.

Прости жъ меня, прохожій!
Не будь къ болтанью строгъ:
Сей день была похожей
Голубка на сорокъ.

(¹) Сочинено въ 1801 году. Подражаніе Анакреону.
Писано по случаю благотѣтельнаго расположенія Импе-
ратора Александра принять правительственныя мѣ-
ры къ улучшенію нижняго состоянія въ народѣ.

LXXII.

ЛИЗЪ.

ПОХВАЛА РОЗЪ. (1)

Я воспѣлъ весну прекрасну,
Нынѣ розу я пою;
Всѣхъ цвѣтовъ пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! другъ мой милый, юной!
Розѣ гласъ свой посвящай,
На гитарѣ тихострунной
Пѣснь мою сопровождай.
Роза зрѣнію любезна,
Обонянію мила,
Здравью, разуму полезна
И невинностью свѣтла.
Роза пѣнію достойна,
Даръ священный алтарей;
Царствъ владычицамъ подобна,
Въ одѣяніи царей.
Роза, если устрашаетъ,
Тернъ свой ставя чести въ щитъ:
Во цвѣтахъ благоухаетъ,
Очи, души веселитъ;
Розовы уста прекрасны:
На ланитахъ миль ихъ смѣхъ;
На грудяхъ лилейныхъ ясны,
Любы Лемо для утѣхъ.
Розы старцамъ утѣшеніе:

Святъ вѣнецъ ихъ мудрецамъ;
Розы дѣвамъ украшенье,
Восхищенье молодцамъ.
Розы лучшее убранство
И пріятностей младыхъ;
Розы красотѣ въ подданство
Клонятъ и владыкъ земныхъ.
Розы въ пиршествахъ утѣха,—
На гостяхъ, какъ огонь, цвѣтутъ;
Розы въ скукѣ не помѣха,
Услаждаютъ скорбь и трудъ.
Розовы листы нагрѣты
Вздохомъ устъ, ударомъ рукъ,
Счастливой любви обѣты,
Громкій производятъ звукъ.
Розы тожъ намъ помогаютъ,
Какъ и стрѣлы, побѣждать;
Коль красу гдѣ выхваляютъ,
Льзя ли розой не назвать?
Роза другъ зари румяной,
Дщерь весны и кринъ небесъ;
Миръ даетъ душѣ печальной,
Изсушаетъ токи слезъ.
Розу въ лучшіе дни года
Прославляетъ соловей;
Зефиръ вѣетъ, и природа
Улыбается вся ей.
Розы въ жизни насъ прельщаютъ,
Намъ по смерти розы честь;
Стихотворцы воспѣваютъ
Розовой Авроры перстъ.

Роза всѣмъ кустамъ царица,
Ароматовъ сладкихъ мать;
Бисеромъ своимъ зарница
Розу любитъ окроплять.
Роза міру покрывало,
Образъ солнца, красоты;
Розу похвалить чѣмъ, мало:
Будь мнѣ, Лиза, ею — ты!

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1802 году, племянницѣ
Автора, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой. Подражаніе
Анакреону.

LXXIII.

ЖМЕЛЬ. (¹)

Хмель какъ въ голову залѣзетъ,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь;
Крезъ съ богатствами исчезнетъ;
Пью! — и всѣмъ вамъ добра ночь.
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь ставлю свѣтъ;
Въ бой идетъ пускай мужъ бранный, —
У меня охоты нѣтъ.
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Поспѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ, лежать.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1802 году; подражаніе
Анакреону.

LXXIV.

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВІЕ. ⁽¹⁾

Почто витієвъ правилъ
Мнѣ выучить бремена?
Премудрость я оставилъ:
Не надо мнѣ она.
Вы лучше поучите,
Какъ сокъ мнѣ Вакховъ пить;
Съ прекрасной помогите
Венерой пошутить.
Ужъ нѣтъ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣть;
Подай мнѣ, мальчикъ милый,
Вина хоть поглядѣть;
Авось еще немного
Мой разумъ усыплю:
Приходитъ время строго,
Покину, что люблю.

⁽¹⁾ Подражаніе Анакреону. Писано, на Званкѣ, въ 1802 году.

LXXV.

МОРЕХОДЕЦЪ. (¹)

—

Что вѣтры мнѣ и сине море?
Что громъ, и штормъ, и океанъ?
Гдѣ ужасы, и гдѣ тутъ горе,
Когда въ рукахъ съ виномъ стаканъ?
Спасетъ ли насъ компасъ, руль, снасти?
Нѣтъ! Сила въ томъ, чтобъ духъ пылалъ.
Я пью, и не боюсь напасти:
Прійди хотя девятый валъ!
Прійди, и волнъ зіяй утроба!
Мнѣ лучше пьянымъ утонуть,
Чѣмъ трезвымъ доживать до гроба,
И съ плачемъ плыть въ толь дальній путь.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1802 году.

LXXVI.

МАХІАВЕЛЬ. (¹)

—

Царей насмѣшникъ, иль учитель
Великихъ, иль постыдныхъ дѣлъ!
Душъ слабыхъ, мелкихъ обольститель,
Поди отъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ твоихъ замашекъ,
Обмановъ тонкихъ, хитростей;

Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для счастія честныхъ людей;
Довольно видѣть сквозь покалы
Всю нашихъ внутренность сердецъ,
На бой насъ посылать, на балы,
Изъ лавровъ плестъ и розъ вѣнецъ.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1802 году, по случаю при-
мѣченныхъ авторомъ правилъ сего писателя.

LXXVII.

ГРАФИНЬ ОРЛОВОЙ. (¹)

Ты взорами орлица,
Достойная отца;
Душею голубица,
Достойная вѣнца.
Пріятности дивятся
Уму и красотамъ,
И въ пляскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Петрополѣ,
Побѣды поженешь:
Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь.

(¹) Сочинено въ 1801 году, въ Москвѣ, дочери Графа
Алексѣя Григорьевича, Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-
Чесменской.

LXXVIII.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. (1)

—

Что нужды мнѣ до града?
Въ деревнѣ я живу.
Мнѣ лентъ и звѣздъ не нада:
Вельможей не слыву;
О томъ лишь я стараюсь,
Чтобъ счастливо прожить;
Со всѣми обнимаюсь,
И всѣхъ хочу любить.
Кто вѣдаетъ, что́ будетъ?
Сегодня мой лишь день,
А завтра всякъ забудетъ,
И все пройдетъ какъ тѣнь.
Зачѣмъ же мнѣ способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищъ мнѣ не нада:
Богатъ, съ женой коль ладъ;
Богатъ, коль Лель и Лада
Мнѣ дружны, и Уладъ;
Богатъ, коль здоровъ, обиленъ,
Могу поѣсть, попить,
Подъ часъ и не безсиленъ
Съ Миленой пошалить.

(1) Сочинено, на Званкѣ, въ 1802 году.

LXXIX

ОХОТНИКЪ. ⁽¹⁾

—
За охотой ты на Званку
Птицъ поѣхалъ пострѣлять;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, сталъ вздыхать.

Что такое это значитъ,
Миленькій охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачетъ:
Птицы ль не убилъ какой?

Дѣвъ ли остренькіе глазки
Понадѣлали хлопотъ?
Съ ихъ ланитъ, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эротъ.

Какъ же быть? и чѣмъ лечиться?
Птичекъ ты багрилъ въ крови:
И тебѣ пришло томиться
Отъ смертельныя любви.

(1) Сочинено, на Званкѣ, въ 1802 году.

LXXX

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ. (¹)

Хоть вся теперь природа дремлетъ,
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенья, вздохи внемлетъ,
И только на тебя глядитъ.

Примѣть мои ты разговоры,
Помысль о мнѣ на единѣ;
Брось на меня пріятны взоры.
И нѣжностью отвѣтствуй мнѣ.

Единымъ отвѣчай воззрѣньемъ,
И мысль свою мнѣ сообщи:
Что съ тѣмъ сравнится восхищеньемъ.
Какъ двѣ сольются въ насъ души?

Представь въ умѣ сіе блаженство,
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь съ божествомъ равенство
Намъ можетъ въ жизни подарить.

(¹) Сочинено въ 1770 году.

LXXXI.

ПЛАМИДЪ. ⁽¹⁾

—
Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихимъ голубымъ огнемъ
Очей твоихъ; отъ ихъ я вида
Не защищусь теперь ничѣмъ.

Хоть былъ бы я царемъ вселенной,
Иль самымъ строгимъ мудрецомъ:
Пріятностью, красой сраженной,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

Все — мудрость, скипетръ и державу
Я отдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жертву славу,
И у твоихъ бы умеръ погъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задатокъ нѣсколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида;
Погасъ огонь въ душѣ моей.

(1) Сочинено въ 1770 году.

LXXXII

НИНѢ. ⁽¹⁾

—

Не лобызай меня такъ страстно,
Такъ часто, нѣжный, милый другъ!
И не нашептывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ восторгахъ;
Обнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнѣйшей страсти пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжетъ,
И удовольствіи чувство полно:
Погаснетъ скоро и пройдетъ.
И, ахъ! тогда прійдетъ въ мигъ скука,
Остуда, отвращенье къ намъ.

Желаю ль цѣловать стократно;
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И то пристойно, такъ, безстрастно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ:
То будетъ вѣченъ нашъ союзъ.

⁽¹⁾ Сочинено въ 1770 году. Подражаніе одной изъ одъ Клопштока.

LXXXIII.

ВСЕМИЛЪ. (¹)

Какая непонятна сила
Изъ устъ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красота владѣетъ міромъ;
Сердца ей тронъ и алтари;
Ее чтутъ мудрые кумиромъ,
И покланяются цари.

Прочти дѣянія великихъ:
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ толикихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкій духъ.

Почто жъ, о, милое творенье!
Грустишь и тонешь такъ въ слезахъ,
Когда царей и царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаетъ;
Въ слезахъ твердишь ты: «все мечта!»
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота.

(¹) Сочинено въ 1770 году.

LXXXIV.

КРУЖКА. (¹)

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая серебряная кружка!

Давно ужъ намъ въ тебя пора

Пивца налить

И пить...

Ура! ура! ура!

Ты дочь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.

И намъ, какъ имъ, давно пора

Счастливымъ быть

И пить...

Ура! ура! ура!

Бывало, старики въ винѣ
Свое все потопляли горе;
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣна море!

Забыть и намъ всю грусть пора,

Отважнымъ быть

И пить...

Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діеть не наблюдали;
Былъ здоровъ и счастливъ человѣкъ.
Какъ только пили да гуляли.

Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить...

Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, рѣзвость, смѣхъ,
Въ хмѣлю другъ друга обнимаютъ;
Теперь на мѣсто сихъ утѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.

Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить...

Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликаютъ;
А нынѣ клобъ да маскарадъ
И женъ ужъ съ нами разлучаютъ.

Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить...

Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего,
Теперь карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ, да банкъ, да макао,
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.

На карты намъ плевать, пора,

А скромно жить

И пить...

Ура! ура! ура!

О, сладкій дружба союзъ,
Съ гренками пивомъ пѣнна кружка!

Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,

Мила тамъ, весела пирушка.

Пребудь ты къ намъ всегда добра:

Мы станемъ жить

И пить...

Ура! ура! ура!

(¹) Застольная пѣсня. Напечатана въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ въ 1778, потомъ въ 1798 и 1804. Пріятная, полная чувства и выразительности. Музыка Придворнаго Гуслиста Трутовскаго сдѣлала эту пѣсню любимой Русскою народною пѣснью, особенно на дружескихъ пирахъ.

LXXXV.

ГИМНЪ САФЫ

ВЕНЕРЪ. (¹)

Безсмертная Венера!
Всечтимая богиня,
Юпитерова дщерь,
Которая прельщасшь
Сердца всѣхъ земнородныхъ!
Не мучь души моеѣ

Скукъ бременемъ печалей,
Тебя въ томъ закливаю;
Но пріиди ко мнѣ,
Какъ приходила прежде,
И именемъ Амура
Услышь мольбу мою,
И будь благопріятна,
И будь мнѣ милосерда,
Какъ нѣкогда была,
Когда ты оставляла
Домъ отчій позлащенный,
И на твоей ко мнѣ
Роскошной колесницѣ
Съ Олимпа низлетала.
Легко съ высотъ ее
По воздуху носили
На рѣзвыхъ, быстрыхъ крыльяхъ,
Порхая, воробыи,—
И кончивъ быстротечно
Свое они ристанье,
Съ ней возвращались вспять.
Тогда ты, всеблагая!
Своимъ лицомъ небеснымъ,
Осклабясь на меня,
Умильно вопрошала:
О чемъ я такъ тоскую?
Зачѣмъ звала тебя?
И коимъ средствомъ можно
Тревожный заблуженный
Спокоить разумъ мой?
Кого я, бывъ влюбленна,

Желала бѣ увѣрить,
Разжалобить, смягчить
И удержавъ въ оковахъ?
«Кто тотъ неблагодарный,»
Ты такъ вѣщала мнѣ:
«Любезнѣйшая Сафа,
Тебя что презираетъ?
Тебѣ не немлетъ кто?
Онъ ежели безчувственъ,
Не нѣжее, не привѣтливъ,
И отъ тебя бѣжить:
Самъ бѣгать за тобою,
Искать тебя онъ станетъ;
Когда отвергъ твой даръ,
Пришлетъ тебѣ самъ дары;
Когда тебя не любитъ,
Полюбитъ столько вмигъ,
Сколь ты сама захочешь.»—
И такъ прійди, Венера!
Прійди ко мнѣ, спаси,
Освободи жестокихъ
Томленій, грусти муки!
Сверши и увѣнчай
Руки своей ты дѣло!
И все, чего желаетъ,
Дай сердцу моему.
Прійди, возьмись, богиня!
Ты заступить собою
И защитить меня.

(¹) Это стихотвореніе сочинено Державинымъ въ 1800

году, сообразно прозаическому переводу въ Греческаго.

LXXXVI.

ТИШИНА. (¹)

Не колыхнетъ Волховъ темный,
Не шелохнетъ лѣсъ и холмъ;
Мещетъ на поля чуть блѣдный
Свѣтъ луна, и спитъ мой домъ.

Какъ—я мнилъ въ уединеньѣ—
Въ хижинѣ быть славну мнѣ?
Не живемъ, живя въ забвеньѣ:
Что въ могилѣ, то во снѣ.

Нѣтъ! талантъ не увядаетъ
Вѣчнаго забвенья въ тмѣ;
Изъ-подъ спуда онъ сіяетъ:
Я блесну на вышинѣ.

Такъ! пойду хотя въ забаву
За пѣвцомъ Тіискимъ въ слѣдъ,
И снискать его чтобъ славу,
Стану забавлять я свѣтъ;

Стану шуткою влюбляться,
На бумагѣ пить и ѣсть,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкаться,
И въ сѣдинахъ будто цвѣсть.

Я пою,—Пиндъ стала Званка;
Совосплещутъ Музы мнѣ;
Возгремѣла балалайка,
И я славенъ въ тишинѣ!

(¹) Писано, на Званкѣ, 1801 года; напечатано въ 1804 году.

LXXXVII.

ВНИМАНИЕ. (¹)

Тебя какъ Музы слышутъ
И какъ ты слышишь ихъ,
Пріятностію дышутъ
Въ пріятностяхъ твоихъ.

Эротъ, смотря тихонько,
Сказалъ: «какъ ты мила!»
Будь счастлива имъ столько,
Какъ Музами была.

Любовью ты владѣя,
Прик уй ее къ себѣ,
Чтоб ы, летать не смѣя,
Привыкнула къ тебѣ;

Привыкла бъ жить съ тобою,
И такъ бы вы сжились,
Какъ бабочка свѣчою,
Собою вы сожглись;

Красавицы, вздыхая,
Завидовали бѣ вамъ;
Я пѣсни вамъ слагая,
Слагалъ бы красотамъ,—

Красамъ, хвалу что трубятъ,
И мнѣ, какъ ты, льстя Музъ:
А тѣмъ, что васъ не любятъ,
Пѣть пѣсень не берусь.

(¹) Сочинено въ 1804 году, и тогда же напечатано по желанію Патальи Яковлевны Плюсковой.

LXXXVIII.

ГИТАРА. (¹)

Шестиструнная гитара
У красавицы въ рукахъ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ,
Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ,
Пѣть велитъ любовь.

Я пою подъ миртою мирной,
На красы ея смотря,
Не завидую обширной
Власти самого царя;
Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть вожди въ бояхъ дерутся,
Въ думахъ баре брань ведутъ;
Алыхъ устъ ея коснуться,
Вся моя побѣда тутъ:

Поцѣлуй ея мнѣ нѣжный
Выше всѣхъ даровъ.

Пусть герой свой блескъ сугубить,
Ждетъ безсмертія отликъ;
Милая меня коль любитъ,
Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ, —

И ея объятъя нѣжны
Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

(¹) Сочинено въ 1800 году. Напечатано въ 1804 году.
Поднесено Авдотѣ Семеновнѣ Жегулиной, въ послѣд-
ствіи Ершовой.

LXXXIX.

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ. (¹)

Если бъ милыя дѣвицы
Такъ могли летать, какъ птицы,
И сажались на сучкахъ:
Я желалъ бы быть сучочкомъ,
Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили и птенцовъ;

Никогда бѣ я не сгибался,—
Вѣчнобѣ ими любовался,
Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

(¹) Сочинено въ 1802 году. Напечатано въ 1804 году, въ Анакреонтическихъ стихотвореніяхъ.

ХС.

БАБОЧКА. (¹)

На цвѣты съ цвѣтовъ летая,
Въ полѣ бабочка живетъ;
Не тоскуя, не вздыхая,
Сладкій медъ одинъ съ нихъ пьетъ.
Что счастливѣе сей доли,
Какъ бы бабочкою быть,
На своей всегда жить волѣ,
И любви лишь сладость пить?
Я бы пилъ,—и, вновь влюбляясь,
Лишь въ весельѣ дни провёлъ,
А съ духами сочетаясь,
Былъ нетлѣнія символъ,

(¹) Сочинено въ 1802 году; напечатано въ 1804 году.

ХСІ.

КУЗНЕЧИКЪ. (¹)

Счастливъ, золотой кузнецикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточный сѣвъ лужечикъ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
Всѣмъ любуюся на волѣ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
Взглянешь лишь на что ты въ полѣ,
Всѣмъ доволенъ, все съ тобой.
Земледѣльцевъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ;
Ни къ чьему не льнешь наслѣдству,
Самъ богатъ собою всѣмъ.
Пѣснопѣвецъ тепла лѣта!
Аполлона нѣжный сынъ!
Честный обитатель свѣта,
Всѣми Музами любимъ!
Вдохновенный гласомъ звонкимъ
На землѣ ты знаменитъ;
Чтутъ живые и потомки:
Ты Философъ! ты Пѣитъ!
Чистъ въ душѣ своей, не злобенъ,
Удивленіе ты намъ:
О, едва ли не подобенъ,
Мой кузнецикъ, ты богамъ!

(¹) Стихотвореніе «Кузнецикъ» и слѣдующія за нимъ: «Любушкѣ» и «Старикъ» — подражаніе Анакреону, и всѣ три сочинены въ 1802 году.

ХСII.

ЛЮБУШКѢ.

Не хочу я быть Протеемъ,
Чтобы оборотнемъ стать;
Невидимкой, или змѣемъ,
Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;
Но желалъ бы я тихонько,
Безъ огласки отъ людей,
Зеркаломъ въ уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ
Обращалася ко мнѣ;
Станомъ, поступью, уборомъ,
Любовалася во мнѣ;
Иль бы, сдѣлавшись водою,
Я ей тѣло омывалъ;
Вкругъ монистой золотою
Руки блескомъ украшалъ;
Въ видѣ благовонной мази
Умашалъ бы ей власы,
На грудяхъ въ цвѣточной вязи
Отѣнялъ ея красы;
Иль, обнявши бѣлу шею,
Былъ жемчугъ ея драгой:
Ставъ хоть обувью своею,
Жала бѣ ты меня ногой.

ХСІІІ.

СТАРИКЪ.

Мнѣ дѣвушки шептали:
«Ты старъ, и сѣдъ и лысъ;
Вотъ зеркало,» сказали:

«Возьми и посмотришь.»

—«Что нужды мнѣ, не знаю;
Я старъ,» сказалъ «иль нѣтъ;
Я только увѣряю,
Что я душой не сѣдъ,

И старику нужнѣе
Въ веселіи пожить,
Приходить чѣмъ скорѣе
Меня похоронить.»

ХСІV.

ПЛѢННИКЪ. ⁽¹⁾

Опутавъ Лемя Музы
Въ цвѣточномъ тенетѣ,
Стеречь, повергши въ узы,
Вручили красотѣ.

Ужъ Лада ходитъ, проситъ,
Чтобъ ей сыскать его,

И выкупъ знатный носить
Съ собою за него.

Но плѣнника пусть долю
Хоть выкупъ сей прерветъ:
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтетъ.

(¹) Сочинено въ 1802 году. Подражаніе Анакреону.
Напечатано въ 1804 году.

ХСV.

ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ. (¹)

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу въ избѣ повалкой
Спать на сѣнѣ улеглись.
Въ полночь, самой той порою,
Какъ заснула тишина,
Сребряной на насъ рукою
Сыпала свой свѣтъ луна:
Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
Въѣхалъ на лучѣ верхомъ,
И меня нашедъ межъ спящихъ,
Тихо въ бокъ толкнулъ крыломъ.
«Ну,» сказалъ онъ «на охоту
Если хочешь, такъ пойдемъ;
Мнѣ оставь стрѣлять заботу,

Ты иди за мной съ мѣшкомъ.»
Всталъ я, и, держась за стѣнку,
Шелъ на цыпкахъ, чуть дышалъ;
За спиной онъ въ тулѣ стрѣлку,
Палецъ на устахъ—держалъ.
Тихой выступкой такою,
Мнилъ онъ, лучше дичь найти;
Мнѣ жъ, съ плѣшивой головою,
Какъ слѣпцу, велѣлъ идти:
Шли,—и только наклонялись
На гнѣздо молодыхъ куницъ;
Молодежь вокругъ засмѣялись,—
Насъ схватили у дѣвицъ.
Испугавшись смертельно,
Камнемъ сталъ мой Купидонъ:
Я проснулся,—радъ безмѣрно,
Что то былъ одинъ лишь сонъ.
Сна однако столь живаго
Голова моя полна;
Вижу въ мраморѣ такого
Точно Купидона я.
«Не шути, имѣвъ грудь цѣлу,»
Улыбаяся, онъ грозитъ:
«Вмигъ изъ тула выну стрѣлу,»
Слышу, будто говоритъ.

(¹) Сочинено въ 1804 году; напечатано тогда же.

ХСVІ.

СВОБОДА. (¹)

Теплой осени дыханье,
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шептанье,
Восклищанье голосовъ

Мнѣ лежащему въ долину
Наводили сладкій сонъ.

Видѣлъ я себя стоящимъ
На высокомъ вдругъ холму, (²)
На плоды вдали глядящимъ,
На шумящу близъ волну,—

И какъ будто въ важномъ чинѣ
Я носилъ на плечахъ холмъ. (³)

Дальше—власти мнѣ святыя
Иго то велѣли несть,
Всѣ вѣнцы суля земные,
Титла, золото и честь.

«Нѣтъ!» возставъ отъ сна глубока,
Я сказалъ имъ: «не хочу;

«Не хочу моей свободы,
Совѣсть на мечты мѣнять:
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могутъ колебать:

Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу.»

(¹) Сочинено въ 1803 году, по случаю увольненія автора отъ службы.

(2) Авторъ, представляя себя на холму, изображалъ аллегорически высокій свой чинъ.

(3) Этимъ авторъ разумѣетъ здѣсь тяжелую должность Министра Юстиціи, которой онъ былъ удостоенъ.

ХСVII.

НА ПАСТУШІЙ БАЛЕТЪ. (¹)

На дерну лежа зеленомъ,
Я въ свирѣль мою игралъ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ,
Я любви еще не зналъ.
Но, откуда ни возьмися,
Подбѣжалъ ко мнѣ дитя:
«Дай свирѣлку, потрудися,
Поучи,» сказалъ, шутя.
Отдалъ я ему свирѣлку,
Началъ онъ въ нее играть;
Поигравъ, мнѣ кинулъ стрѣлку,
Сталъ я съ стрѣлкой той плясать;
И со стрѣлкой таковою
Шестьдесятъ ужъ лѣтъ пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь въ душѣ ношу.

(¹) Сочинено и напечатано въ 1804 году.

ХСVIII.

МЩЕНИЕ. (¹)

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похитилъ сотъ,
И пчелою за то въ отмщенье
Былъ ужаленъ тутъ Эротъ.
Встрепенувшись, несчастный,
Крадены, сердясь, соты
Въ розовы уста, прекрасны,
Спряталъ юной красоты.
«На,» сказалъ: «мои хищенья
Ты для памяти возьми,
И отнынѣ наслажденья
Ты въ устахъ своихъ храни.»
Съ тѣхъ поръ Хлою дорогую
Поцѣлую лишь когда,
Сласть и боль я въ сердцѣ злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя, жаля, услаждаетъ,
Какъ пчелиная стрѣла:
Медъ и ядъ въ меня вливаетъ,
И, томя меня, мила.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, 1805 года; переводъ съ Греческаго.

ХСІХ.

ЧЕЧОТКА. (¹)

—

На розу сѣвъ, уснула
Чечотка подъ цвѣткомъ ;
Едва заря сверкнула
Румянымъ огонькомъ,
Проснулась, встрепенулась:
Жемчужинки лежатъ,
Скорлупка развернулась:
Вкругъ желты крошки спятъ,
Глядятъ и ожидаютъ
Капель серебряной росы,
Что имъ съ листовъ стекаютъ,
Какъ солнечны красы.
Самецъ, прижмась у вѣтки,
Тихохонько глядитъ.
«Ты милъ, а больше дѣтки,»
Чечотка говорить:
«Лети и попекися
Сыскать имъ червячковъ.»
Съ тѣхъ поръ, покой, простися !
Онъ рѣдко межъ цвѣтовъ.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1805 году.

С.

РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА. (1)

О, цвѣтъ прекрасный, осыпаемъ
По утру перловой росой,
Зефиромъ въ полдень лобызаемъ!
Открой скорѣй румянецъ твой.

Ахъ, нѣтъ! помедль: еще не знаешь
Всѣхъ тварей тлѣнныхъ ты тщеты:
Въ тотъ мигъ, какъ изъ пеленъ проглянешь,
Увы! должна увянуть ты.

И ты цвѣтешь не такъ ли, Хлоя?
Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтъ,
Чтобъ всѣхъ прельстя, лишить покоя,
И скоро потерять свой цвѣтъ?

Покинь же стебель твой опасный,
Укрась, о, роза! Хлоѣ грудь;
Коль ты цвѣтокъ изъ всѣхъ прекрасный,
На ней блаженнѣе всѣхъ будь.

Царицей будь на ней отнынѣ;
Украсивъ грудь, умри на ней:
Завидуя твоей судьбинѣ,
Захочетъ смерти всякъ твоей.

О, такъ! немного дней продлится,
Какъ будешь ты на ней блистать:
Благоуханьемъ огонь родится;
По Хлоѣ будетъ всякъ вздыхать,

Вздыхай! плѣняй! тебѣ Лель страстный
Покажетъ скоро путь; — но знай:
Увеселяя взоръ прекрасный,
Грудь украшай, но сокрывай.

А если наглою кто рукою
Покой дерзнетъ твой возмутить, —
Вздохнувъ по мнѣ, спѣши иглою
Твоей сопернику отмстить.

(¹) Писано въ 1807 году. Переводъ съ Французскаго,
сочиненія Графа Віельгорскаго.

СІ.

ЦѢПОЧКА. (¹)

Послалъ я средъ сего листочка
Изъ мелкихъ колецъ тонку нить:
Искусная сія цѣпочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ
Обнять твою ей шею вкругъ:
Захочешь, — будетъ украшеньемъ;
Не хочешь, — спрячь ее въ сундукъ.

Иной вѣдь на тебя такую
Наложить цѣпь, что, ахъ! грузна;

Обдумай мысль сію простую,
Красавица! — и будь умна.

(¹) Сіи стихи сочинены, на Званкѣ, въ 1808 году. Заимствованы отъ одного Нѣмецкаго поэта. Напечатаны въ 1808 году.

СН.

ВЪЕРЪ. (¹)

Когда бъ владѣлъ я цѣлымъ міромъ,
Хотѣлъ бы вѣромъ симъ быть:
Всѣхъ прохлаждалъ бы я Зефиромъ,
И былъ бы всей вселенной щитъ;
А ты, махаясь, Хлоя, мною,
Отъ жара сильнаго дыша,
Какъ солнце бы цвѣла красою,
Моей бывъ тѣнью хороша.

(¹) Сочинено въ 1780 году.

СШ.

КЪ МАТЕРИ,

КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ. ⁽¹⁾

—

Иныхъ веселье убѣгаетъ,
Съ тобой оно живетъ всегда:
Гдѣ разумъ съ красотой блистаетъ,
Нескучно тамо никогда,

Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людскихъ;
Обнявъ науки и искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.

Въ такомъ уединеньѣ скромномъ
Ты такъ добротами блистишь;
Какъ Ангелъ въ храмъ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

⁽¹⁾ Стихи эти сочинены и вписаны Державинымъ въ альбомъ Княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, въ 1804 году.

CIV.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ. (¹)

Тѣлесна красота, душевна добродѣтель,
Являютъ мудрому единую мѣту.
Коль зрять у первой онъ согласіе въ чертахъ,
А правду у другой и въ мысляхъ и въ дѣлахъ:
То видитъ въ двухъ одну прямую красоту,
Иль, лучше, образецъ тѣхъ высшихъ совершенствъ,
По коимъ красоты и благи Содѣтель,
Для наслажденія блаженствъ
И плоти и духовъ,
Образовалъ боговъ.
Они красотъ и благъ прямыхъ другъ въ другъ
зрѣньемъ
И вѣчнымъ ихъ собой взаимнымъ наслажденьемъ
Произвели любовь.
Сіи же существа, прекрасныя, благія,
Коль суть не вымыслы и не мечты пустыя:
То ужъ конечно ты
Одна изъ Геніевъ, иль Ангельскихъ міровъ,
Таланты чьи, дѣла, умъ, тѣла красоты
Приводятъ духъ въ восторгъ, во нѣжны чувства
кровь,
И въ философію и въ старость льютъ любовь.

(¹) Сочинено въ 1804 году.

CV.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА. ()

—

I.

СОЛОМОНЪ (одинъ).

Зима ужъ миновала:
Ни дождь, ни снѣгъ нейдетъ;
Земля зеленой стала,
Снѣзь воздухъ, лугъ цвѣтетъ.

Все взглядъ веселый мечетъ,
Жизнь новую все пѣтъ;
Ливанъ по кедрамъ блещетъ,
На листьяхъ липы медъ.

Птицъ нѣжныхъ воздыханье
Несется сквозь листовъ;
Любовь ихъ, лобызанье
Вьетъ гнѣзда для птенцовъ.

Шиповый запахъ съ луга
Дыхаетъ ночь и день:
Прійди ко мнѣ, подруга,
Подъ благовонну тѣнь!

Прійди плѣниться плѣнемъ
Небесъ, лѣсовъ, полей,
Да слухомъ и видѣньемъ
Вкушу красы твоей.

О! коль мнѣ твой пріятный
Любезенъ тихій видъ,
А паче, ароматный
Какъ вздохъ ко мнѣ летитъ.

II.

Ихъ перекликъ.

СУЛАМИТА.

Скажи, о, другъ души моей!
Подъ коей миртой ты витаешь?
Какой забавитъ соловей?
Гдѣ кедръ, подъ коимъ почиваешь?

СОЛОМОНЪ.

Когда не знаешь ты сего,
Пастушка милая,—овечекъ
Гони ты стада твоего
На дворъ, что въ рощѣ между рѣчекъ.

СУЛАМИТА.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ
Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй;
Чтобъ не искать межъ пастуховъ
Тебя,—и ты бѣ былъ мной доволенѣй.

СОЛОМОНЪ.

Какъ въ домъ войдешь, во всѣхъ восторгъ
Вдохнешь ты тамъ своей красою;
Введетъ Царь дѣву въ свой чертогъ,
Украситъ ризой золотою.

СУЛАМИТА.

Мнѣ всякій домъ безъ друга пусть.
Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ:

Какъ на грудяхъ онъ розы кустъ;
Какъ виноградъ, онъ крѣпокъ, силенъ.

СОЛОМОНЪ.

Моей молодой подруги видъ
Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

СУЛАМИТА.

Какъ горликъ на меня онъ зритъ, —
Въ самой невинности всѣхъ страстнѣй.

СОЛОМОНЪ.

Она мила, — тѣнистый верхъ
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонитъ.

СУЛАМИТА.

Онъ милъ, — и намъ любовь готовитъ
Въ травѣ душистой тму утѣхъ.

III.

СУЛАМИТА (одна).

Сколько милый мой прекрасенъ!
Тамъ, тамъ вонъ ходитъ онъ:
Лицомъ, какъ мѣсяцъ ясенъ;
Челомъ, — въ заряхъ Сіонъ.
Съ главы его струятся
Волны желтые власы;
Съ вѣнца, какъ съ солнца, зрятся
Блещающіе красы.

Сколько милый мой прекрасенъ!
Взоръ тихъ, какъ голубинъ;
Какъ арфа, dobroгласенъ;
Какъ огонь уста, какъ кринъ

Цвѣтутъ въ ланитахъ розы;
Пріятности въ чертахъ,
Какъ май, прогнавъ морозы,
Смѣются на холмахъ.

Сколько милый мой прекрасенъ!
Тимпана звучный громъ
Какъ съ гуслими согласенъ,
Такъ онъ со мной во всемъ.
Но гдѣ мой другъ любезный?
Гдѣ сердца моего
Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
Сыщите мнѣ его.

Сколько милый мой прекрасенъ!
Пошелъ онъ въ садъ цвѣтовъ.
Но вечеръ ужъ ненастенъ:
Рветъ розы, зная, съ кустовъ.
Ахъ! нѣтъ со мной,—ищите,
Всѣ кличьте вы его,
Мнѣ душу возвратите;
Умру я безъ него.

IV.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (вмѣстѣ).

Положимъ на души печать:
Въ сердцахъ союзомъ утвердимся;
Другъ друга будемъ обожать;
Въ любви своей не премѣнимся.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,

Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

ХОРЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (вмѣстѣ).

Вода не можетъ угасить
Взаимна пламени любви;
Имѣніемъ нельзя купить
Волненья сладостнаго крови.

ХОРЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

ХОРЪ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

(¹) Взято изъ Пѣсни Пѣсней Соломоновыхъ; сочинено
въ 1808 году.

CVI.

САФЫ.

ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ. (1)

Счастливъ, подобится въ блаженствѣ тотъ
богамъ,
Кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
Съ тобой бесѣдуетъ, тебѣ внимаетъ самъ,
И сладкою твоей улыбкой тайно таетъ.

Я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя съ
нимъ зрю,
Тончайшій огонь и мразъ изъ жилъ текущій въ
жилы;
Въ восторгахъ сладостныхъ вся млѣю, вся
горю.
Ни словъ не нахожу, ни голоса, ни силы;

Густая темна мгла мой взоръ объемлетъ
вкругъ;
Не слышу ничего, не вижу и не знаю:
Въ оцѣпенѣніи едва дышу, — и вдругъ,
Лишенная чувствъ, дрожу, блѣднѣю, ... умираю.

(1) Переведено въ 1770; напечатано въ 1808. Это переводъ съ Французскаго переложенія Буало, а не съ Греческаго Языка.

СѢН.

П Е Н И. (1)

Достигнулъ страшный слухъ ко мнѣ,
Что сталъ ты лживъ и лицемѣренъ;
Въ твоей отеческой странѣ,
О, льстецъ! мнѣ сдѣлался невѣренъ.
Тѣ нѣжности, которы мнѣ
Являлъ любви твоей въ огнѣ,
Во страсти новой погружаешь;
О мнѣ не мнишь, не говоришь,
Другой любовь свою даришь,
Меня совсѣмъ позабываешь.

Тѣ рѣчи, тѣ слова въ устахъ,
Меня которыя ласкали;
Тѣ тайны взгляды во очахъ,
Которые меня искали:
Тѣ вздохи пламенной любви,
Тѣ нѣжны чувства въ крови,
То сердце, что меня любило,
Душа, которая жила,
Чтобъ я душой ея была:
Ахъ! все, все, все мнѣ измѣнило!

Кого жъ на свѣтѣ почитать
За справедливаго возможно,
Когда и ты ужъ увѣрять
Меня не постыдился ложно?
Ты богъ мой былъ, ты клятву далъ,

Ты нынѣ клятву ту попралъ.
О, льстецъ, въ злыхъ хитростяхъ отмѣнной!
Но, нѣтъ! не клятвѣ сей
Я вѣрила, — душѣ твоей,
Судивши по своей влюбленной.

Къ несчастію тому, что мнѣ
Ты сталъ толико вѣроломный,
Любви неистовой въ огнѣ,
Я слышу, до того нескроменъ,
Что клятвы, славу, честь,
На жертву не страхась принести,
Все — говорятъ — сказалъ подробно,
Какъ мной любимъ ты страстно былъ.
Любя, любви кто измѣнилъ,
Въ томъ сердце все на-злость способно.

А кто одинъ хотъ только разъ
Безсовѣстенъ быть смѣлъ душею,
Тотъ всякій день, тотъ всякій часъ
Быть можетъ вѣчно вреденъ ею.
Такъ ты, такъ ты таковъ-то лютъ! —
Ахъ нѣтъ! — Средь самыхъ тѣхъ минутъ,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобою скорбь терплю,
Съ тобой я твой порокъ люблю;
Въ тебѣ еще все прелесть вижу.

Мой свѣтъ! коль ты ко мнѣ простылъ;
Когда тебѣ угодно стало,
Чтобъ сердце, кое ты любилъ,
Тебя ужъ больше не прельщало:

Такъ въ тѣ мнѣ скучные часы,
Какъ зришь ужъ не во мнѣ красы,
Не мнѣ пріятностями лаская,
Сидишь съ прелестницей своей:
Отраду дай душѣ моей,
Меня хоть въ мысляхъ воображая.

Представь уста, отколь любовь
Любовными ты пилъ устами;
Представь глаза, мигъ каждый вновь,
Отколь мой жаръ ты зрѣлъ очами;
Вообрази тотъ видъ лица,
Что всѣхъ тебѣ Царей вѣнца
И всей пріятнѣй былъ вселенной. —
Ахъ! видъ, тотъ видъ уже не сей:
Лишенная любви твоей,
Я зрю себя всего лишенной.

Жалѣй о мнѣ, — и за любовь
Оставленной твоей любезной,
Прошу, не проливай ты кровь, —
Одной пожертвуй каплей слезной,
Поплачь и потужи, стена;
Иль хоть обманывай меня:
Скажи, что ты неліцемѣренъ,
Скажи, — и прекрати злой слухъ.
Дрожайшій мой любовникъ, другъ!
Коль можно, сдѣлайся мнѣ вѣренъ.

(¹) Сочинено въ 1772 году, по просьбѣ одной дамы.

CVIII.

НЕВѢСТЪ. (1)

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не
знаю.

Какъ роза ты нѣжна, какъ Ангелъ, хороша;
Пріятна, какъ Любовь; любезна, какъ Душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю!

Нарядомъ мнѣ придать красавицѣ пріят-
ство.

Но лъзя ль алмазами милѣй быть дурнотѣ?
Прелестнѣе ты всѣхъ въ невинной простотѣ:
Теряетъ на тебѣ сіяніе богатство.

Лилии на холмахъ груди твоей блистаютъ,
Зефиры кроткіе во нравѣ тебѣ даны,
Долипки на щекахъ, улыбки зарь, весны;
На розахъ устъ твоихъ — соты благоухаютъ.

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны,
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучъ,
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучъ,
Такъ сердца глубину проводить взглядъ твой
скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я молчу:
Соборъ въ тебѣ утѣхъ, блаженство вижу рай!

Должно быть послушнымъ вамъ.
Такъ свирѣпыми волнами,
Сколько съ нею ни дѣлюсь,
Имъ навѣкъ шумѣть со льдами, —
Съ нею вѣченъ мой союзъ
Не страшился бъ я ввергаться
Въ волны яры для нея;
Но навѣки съ ней разстаться,
Жизнь мнѣ дорога моя.
Жизнь утѣхи и покою!
Возвратись опять ко мнѣ;
Жизнь съ толь милою женою
Рай во всякой сторонѣ;
Тамъ веселія сердечны,
Сладки, нѣжны чувства тамъ;
Тамъ блаженства безконечны,
Лишь приличныя богамъ.

(¹) Въ ноябрѣ 1778 года Державинъ, возвращаясь изъ Оренбурга въ Казань, не могъ продолжать пути своего, за рѣкою Камою, которая долго не становилась.

СХ.

Д Ъ Т Я М Ъ.

НА КОМЕДИЮ ИХЪ И МАСКАРАДЪ. (1)

—
Являлъ недавно сладкій сонъ
Пеня мнѣ долину злачну;
Я зрѣлъ сквозь дебрь древесъ прозрачну;
Игралъ на скрипкѣ Аполлонъ.
Вблизи его Эротовъ тма,
Все дутики, всѣ краснощоки,
Крылаты, бѣлы, чернооки,
И Нимфъ прекрасныхъ кутерьма
Плясала подъ свирѣльми ихъ;
Всѣ обнимались другъ со другомъ,
И всѣ, рѣзвясь, вертѣлись кругомъ:
Въ восторгѣ былъ я, зря на нихъ!
Хотѣлъ, чтобъ сихъ любви божковъ,
Харитъ толь милыхъ видѣть въ явѣ;
Но что?—Въ твоей простой забавѣ,
Съ семьей твоей, я зрю ихъ, Львовъ.

(1) Стихи сіи относятся къ семейству Федора Петровича Львова, сочиненныя въ 1808 году.

CXI.

НА БАЛЕТЪ

ЗЕФИРЪ И ФЛОРА. (1)

—

Что за призраки прелестны,
Легки, свѣтлы существа,
Сонмъ эѳирный, сонмъ небесный,
Тѣни, лица божества,
Въ неописанномъ восторгѣ
Мой лелѣютъ, нѣжатъ духъ?
Не боговъ ли я въ чертогѣ? —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ! (2)

Вижу холмъ подъ облаками,
Озлащаемый лучемъ,
Осѣняемый древами,
Ожурчаемый ключемъ;
Средь сребристыхъ водъ и брегу
Лебедей, дѣтей зрю вдругъ;
Вижу всю Эдемску нѣгу. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Слышу, дышетъ повсемѣстно,
Порхаетъ вокругъ розъ Зефиръ,
Улыбается прелестно
Красота отъ звуковъ лиръ;
Душъ невинныхъ разговоры
Какъ гармонія вокругъ, (3)
Какъ зари, ихъ свѣтятъ взоры. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ,
Спитъ, нахмурясь, бранный жаръ;
Миръ, объемляся съ спокойствомъ,
Пьютъ божественный нектаръ;
Духи вверхъ и внизъ шурмуютъ,
Хороводы выются вокругъ;
Съ дружбою любовь ликуютъ. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Правъ ты, что воображеньемъ
Могъ сихъ тайнствъ доходить,
Что мы плоти съ отверженьемъ
Будемъ съ Ангелами жить.
Ахъ! коль ложно это чувство,
Нашъ безсиленъ, смертенъ духъ:
Не творило бъ дивъ искусство. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Не могли бъ мы возвышаться
И къ понятію духовъ,
Ихъ блаженствомъ утѣшаться
На землѣ средь облаковъ;
Днесъ ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ:
Будемъ, будемъ мы богами!
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

(1) Сочинено въ 1808 году, въ то самое время, какъ сей прелестный балетъ былъ представленъ въ Эрмитажѣ.

(2) Шведенбургъ въ своихъ мечтательныхъ сочиненіяхъ описываетъ обители небесныхъ добрыхъ духовъ,

подобно городамъ, гдѣ есть и дома, и сады, и гдѣ души веселятся и блаженствуютъ.

(3) Шведенбургъ утверждаетъ, что ихъ разговоры подобны тихой, гармонической музыкѣ.

СХІІ.

МОИ ГРАЦІИ. (¹)

Се дѣвы милыя, что мой склоняютъ духъ
Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспитаньемъ:
Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любивъ вдругъ
Подъ добродѣтели святымъ сіяньемъ.

Важна и весела улыбкой та своей,
Другая кроткихъ чувствъ и въ робости любима,
Плѣняетъ третія огнемъ своихъ очей;
Отъ Ангеловъ стрѣла неизбѣжима.

Златое яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ
Бывъ долженъ подарить, я бѣ раздѣлилъ на ча-
сти,

Иль старшая возьми: увѣренъ, что однихъ
Ревнивыхъ склоненъ духъ отмищенъ къ страсти.

Взоръ Лизы, какъ эфиръ: свѣтла ея душа.
Взоръ Вѣры, Паши чернъ, какъ скромна ночь
съ звѣздами.

Амуръ и Гименей! бѣгите къ нимъ спѣша:
Пріятности вѣкъ жить будутъ съ вами.

(¹) Это стихотвореніе сочинено въ 1807 году, въ Свѣтѣ.

лое Воскресенье. Авторъ, вмѣсто краснаго яичка, подарилъ сими стихами племянницъ своихъ, Елисавету Николаевну и Прасковью Николаевну Львовыхъ.

СХІІІ.

БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ. ⁽¹⁾

Блаженна та жена, которая изъ круга
Уклоншися роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
Въ содружествѣ сестры, въ объятіи супруга,
Проводить въ тишинѣ благословенны дни!
Подъ сѣверомъ сѣдымъ ни мразъ, ни вихрь, ни
выюга
Не ужасаютъ ихъ; но лиліямъ они
Подобно сплетшимся среди тѣниста луга,
Лишь непорочности своей цвѣтутъ въ сѣни.
Не въ силахъ возмутить спокойства ихъ шумъ
града,
Ни прихоти богатствъ, ни зависть, ни досада;
Но, бывъ довольными они своей судьбой,
Не ищутъ на землѣ благъ рая, Альдорада;
Но совѣсть чистая и Небо имъ награда.
Почтенная Ш. . . ! ты зришь здѣсь образъ свой.

⁽¹⁾ Сочинено въ 1807 году въ альбомъ Графини Екатерины Алексѣевны Штейнбокъ.

СХІV.

ЛУЧЬ. ⁽¹⁾

Князь-Громъ имѣлъ Умилу,
Прекрасну, нѣжну дочь:
Очей прелестныхъ силу
Кто зрѣлъ, тлѣлъ день и ночь.
У этого жъ Князь-Грома
Былъ щитоносецъ, Лучъ:
Съ геройствомъ грудь знакома
Не ужасалась тучъ;
Ко Князю онъ услуженъ,
Въ опасностяхъ съ нимъ былъ,
И Князь, ему тожъ друженъ,
Его за сына чтилъ.

Сосѣдъ тогда Княжною
Плѣнился Вѣтеръ-Ханъ,
Съ влюбленною душою
Простеръ ко браку длань.
Нужна была Князь-Грому
Сосѣда Вѣтра мочь:
Любовнику такому
И обѣщалъ онъ дочь.
Нельзя было тутъ силъ
Противиться никакъ:
Пришло сказать Умилѣ,
Хоть не по сердцу,—такъ!

Души волненья страстной
Не могъ тутъ Лучъ сносить;

За сердце онъ прекрасной
Умилы хочетъ мстить.
Но въ рыцари какъ небомъ
Онъ не былъ посвященъ,
Сражаться Вѣтра съ ревомъ
Природой не рожденъ:
То, чтобъ отцу любезной
Ничѣмъ не согрubitъ,
Рѣшился огонь свой нѣжной
Въ туманахъ, въ мракахъ скрыть.

(¹) Сочинено въ 1808 году, и напечатано по просьбѣ
Ивана Семеновича Захарова, который сочинилъ коме-
дію, и просилъ автора написать романсъ.

СХV.

ПРИЗНАНИЕ. (¹)

Не умѣлъ я притворяться,
На святого походить,
Важнымъ саномъ надуваться,
И философа брать видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ:
Умъ и сердце человѣчье
Были Геніемъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ,
Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ, —
Не собою блисталъ я, — Богомъ:

Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались
Лирѣ моея Царямъ, —
Добродѣтелями казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ Вождямъ, —
Думалъ перелить въ потомки
Души ихъ я ихъ дѣтямъ.
Если гдѣ вельможамъ властнымъ
Смѣлъ я правду брякнуть въ слухъ, —
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
Имъ, Царю, отчизнѣ другъ.
Если жъ я и суетою
Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
Словомъ: жегъ любви колъ пламень,
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ.
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1808 году. Въ Запискахъ Державина отмѣчено, что это объясненіе на всѣ его сочиненія.

СХVІ.

ПЛАЧЪ ЦАРИЦЫ. (1)

—

Развернулася лишь лилея,
И на солнце стала зрѣть;
Улыбнулася, ахъя,
Только роза,—сѣкла смерть.
Будто мраморна Царица
На супружней выѣ зрится.
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Плачетъ добрая Царица:
Рокъ у ней злой дщерь унесъ;
Какъ роса, огнемъ струится
На ланитахъ капля слезъ,
Скорбь души изображая.
Дщерь бездушну лобызая,
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Въ одиночествѣ, въ разлукѣ,
Какъ супруга нѣтъ со мной,
Кто мнѣ въ горести и сукѣ
Собесѣдникъ будетъ мой?
Чей мнѣ взоръ и лепетанье
Вспомнить Ангеловъ витанье?—
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Кто Царя во дни унывны
Взглядомъ милымъ озаритъ;

Руки распротря невинны,
Взять на лоно приманить?
Ахъ! кто бранному Герою
Дѣтской честь отдасть игрою?
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Тяжко бремя кто короны
Будетъ нашей облегчать?
Подъ порфирой духа стоны
Упованьемъ улаждать?
Безъ надежды наслажденья
Цѣлый свѣтъ не награжденье.
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Прочь и скипетръ, и держава,
И блестящій дворскій сонмъ!
Суета и Царска слава,
Если смерть грозитъ серпомъ.
Такъ Царица возглашала
И утѣхамъ не внимала.
Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Но межъ сѣй и межъ супруга
Стоя плачуща, Любовь
Лобызаніемъ другъ друга
Утоляетъ смутну кровь,
Весь народъ, имъ благъ радѣя,
Проситъ: кроткая лилея!

Райскій кринъ! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

(¹) Плачъ Царицы сочиненъ въ Апрѣлѣ 1808 года на
кончину Княжны Елисаветы Александровны.

СХVII.

ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ. (¹)

ПАЛЕМОНЪ.

Среди плетеныхъ, шиповыхъ ограды,
Подъ тѣнью липъ, дубовъ,
Между сиренъ и розовыхъ кустовъ
Домъ благодатныхъ, неблазныхъ Добрады,
Богини всякаго добра,
Царицы тмы щедротъ,
Въ полугорѣ стоитъ, и вдалѣ чрезъ доль съ вы-
сотъ
Блеститъ изъ мрамора столпами;
А передъ ними, какъ сребра
Съ уступами гора,
Шумящій водоскатъ, жемчужными струями
Сверкая, сыплется въ рѣку,
И прогоняетъ дѣвъ задумчивыхъ тоску. —
Здѣсь возвышается алтарь Творцу вселенной,
Иobeliskовъ рядъ несется къ небесамъ,
Царямъ,
Вождамъ,
Друзьямъ,

Вкругъ благовопіемъ вседневно окуренной;
А тутъ пестрѣются различные цвѣты,
Для вящшей сада красоты
Въ узорчатыхъ грядкахъ,
Какъ будто на коврахъ,
Между извилистыхъ, златыхъ тропинъ, песча-
ныхъ,
По коимъ ходитъ ликъ небесныхъ Валкъ избран-
ныхъ.

На мѣстѣ семъ
Добрада въ обществѣ своемъ,
Во сельской простотѣ, но божеству прилич-
ной, —
Во знойный день,
Въ вечерній часъ обычной,
Подъ солнцемъ роши какъ кидаютъ длинну тѣнь,
И отъ очей за нимъ черепокожна чуда,
Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни откуда,
Алѣютъ воды, горы и лѣса,
И въ золотѣ горятъ багряномъ небеса,
Шумъ тварей тише становится,
И легкій порхаетъ Зефиръ,
Рой насѣкомыхъ, чуть вдали жужжа, толпится,
И клонится къ дремотѣ міръ, —
Возсѣвши на скамьѣ муравчатой, дернистой,
Богиня воздухъ черплетъ чистой,
И смотритъ на свои утучненны стада,
Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины;
Иль зритъ средь озера стекляныя равнины,
Какъ тихо тянется за лебедемъ бразда;
Иль слушаетъ, склонясь, преливистыя трели,

Какъ изъ-за рощи къ ней
Доходятъ голоса пастушеской свирѣли;
Иль громкій соловей
Какъ торжество своей
Любови страстной воспѣваетъ,
Отрывисто звучитъ,
За громомъ громъ катитъ,
И всю себя внимать природу заставляетъ;
Потомъ же, утомясь,
Свой тише, тише гласъ

Какъ бы степенно низпускаетъ,
И сладостно стень, въ восторгѣ умолкаетъ.

А иногда молву
Вкругъ слышитъ по лѣсамъ богиня птицъ без-
гнѣздныхъ;

Какъ чадъ своихъ любезныхъ,
Онѣ къ себѣ зовутъ: ау, ау, ау!
Отъ скучныхъ стоновъ сихъ склоня свою главу,
Подъ часъ задумчиво сидитъ,
Молчитъ;

А эхо тожъ: ау, ау!
Безперерывно повторяетъ,
Добрадѣ сердце раздираетъ.
Она вздыхаетъ,
Токъ слезный проливаетъ,
И бывши бѣдствія и Лизу воспоминаетъ,
Что въ Майскій свѣтлый, юный день
Недавно скрылася во смертну тѣнь,
Ее, отца и мать оставивши въ печали;
Или груститъ,
Печальный кажетъ видъ,

Отсутственну изъ дали
Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждетъ,
И заунывну пѣснь такъ про себя поетъ:

Арія.

Богиней я слыву;
Нейдутъ заботы прочь:
Тебя къ себѣ зову,
Прійди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Весна цвѣтитъ траву,
Зимы исчезла мочь:
Тебя къ себѣ зову,
Прійди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ таковыхъ умильныхъ насла-
дится,
Объемлетъ на одрѣ богиню сладкій сонъ;
А Дажъ - богъ, сшедъ съ небесъ, къ ней стра-
жемъ становится,
И осѣняетъ звѣздъ щитомъ.

Валкала ликъ тогда подъ арфой тихострунной,
Какъ шепчущій камышъ морской, или ручей
Въ вѣтреноватый часъ, часъ лунной,
Отвсюду ей
Во слухъ гармонію ліетъ,
Дремапье и покой, на вѣжды мглу ведетъ.

Хоръ.

О, духи всемірны!
Крплѣ вы эѳирны

Прострите надъ ней;
Струися, ручей,
Дремоты пріятной!
Душѣ благодатной
Чистой во всѣмъ,
Зрися рай сномъ.

Дафнисть.

Надъ злачнымъ садомъ симъ Добрады
Востока днесъ златилась дверь:
Ужъ не предвѣстье ль то отрады?
Не возвратится ли къ ней дщерь
Изъ дальныхъ, чуждыхъ странъ, изъ области
супруга?

Не скажешь ли о томъ, что Палемонъ намъ ты?

Дафна.

Я, я скажу: моя подруга,
Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣты
На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ соплетала,
Тихонько на ушко,
Чтобъ не подслушалъ кто,
Мнѣ такъ шептала:
«Сегодня праздникъ у Добрады, —
Пріѣхала къ ней дочь.»
Я вмигъ украдкой прочь
Убѣгла отъ сестеръ,
Чтобы и мнѣ, въ ея примѣръ,
Украсить мой нарядъ, и въ день такой пріят-
ный,
Толь свѣтлый, милый, благодатный,

Усердья моего всѣхъ больше показать.

Какъ будутъ дочь и мать
Себя взаимно обнимать,
И сладку межъ собой семейну жизнь вкушать!

Дафнисъ.

Какъ! ужъ пріѣхала къ намъ гостя ожиданна?

О, радость сердцу несказанна!

О, душъ ей преданныхъ восторгъ!

Здорову ли ее принесъ обратно Богъ?

Цвѣтетъ ли красота ея, цвѣла какъ прежде,

И вѣчно чтобъ съ ней жить, быть можемъ ли въ
надеждѣ?

Палемонъ.

Какъ на отечество свое она глядитъ,

На мать, на братьевъ, сестръ? Въ бесѣдахъ го-
ворить

Своимъ ли языкомъ?

Дафнисъ.

Спросила ли о комъ?

Узнала ли друзей, и тѣ мѣста природны,

Гдѣ развивались красы порфирородны,

И улыбалась въ ней младенческа душа?

Дафна.

Все также хороша:

Не разнится ни въ чемъ весеннихъ дней съ за-
рею;

Съ середнею своею и младшею сестрою

Привѣтлива, скромна и ласкова ко всѣмъ;

Всечасно мать лобзаетъ;
А мать ее
Объемлетъ, къ сердцу прижимаетъ,
И на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываетъ.
Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ,
И вокругъ торжественно сіяньемъ все блеснитъ:
Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлетаютъ,
Сверкая перьемъ, чешуей;
Повсюду, словомъ, все восторгъ являетъ свой.
Прекрасны дѣвы хороводомъ
И пляшутъ и поютъ, ея живяся взоромъ.

А р і я.

О, какъ обитель
Добрады цвѣтетъ!
Всякій въ ней житель
Блаженно живетъ;
Счастливо, пріятно,
Зритъ какъ обратно
Прибывшу къ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь теперь!

ПАЛЕМОНЪ.

И о житьѣ она своемъ
За тридевять земель, заморскомъ, рассказала
Тебѣ и всѣмъ?

ДАФНА.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца,

Какъ встрѣчена была отъ матери, отца,
Супруга своего, и отъ всего народа;

И какъ отъ хоровада

Всѣхъ тамошнихъ, какихъ-то, Музъ
По тамошнему пѣть ей былъ усердный гимнъ.
Я вытвердить его успѣла наизусть,

И языкомъ своимъ —

Коль Дафнисъ согласится

Со мною потрудиться,

Всѣмъ сердцемъ порадовать,

То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть.

ДАФНИСЪ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану,
И вторить стану.

Дуэтъ. ()*

ДАФНА И ДАФНИСЪ.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Блескъ златымъ вѣнцемъ дающа,
Изъ чужаго небосклона
Пренесенна къ намъ на лоно,
И съ сладчайшими плодами
Зеленѣй всегда листьями!»

Тріо.

ПАЛЕМОНЪ, ДАФНИСЪ И ДАФНА.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Къ небесамъ главу несуща!

(*) Дуэтъ сей и Тріо переводъ изъ Шиллера.

И, дни бурные зимою,
Не касайтесь къ ней косою!»

ПАЛЕМОНЪ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народъ,
То стыдно будетъ намъ,
Коль въ собственномъ своемъ отечествѣ и родѣ
Мы воли не дадимъ сердцамъ
И чувствъ своихъ къ отрадѣ,
Сегодня торжества не изъявимъ Добрадѣ.
Поди, о, Дафнисъ! поскорѣй
И предъ алтарь ты къ ней
Сзови всѣхъ пастуховъ съ селеніевъ окруж-
ныхъ,
Участниковъ ея щедротъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,
За всѣхъ ея родныхъ
Творцу моленье льетъ,
И восхищенныхъ чувствъ своихъ
Являетъ радость и пролады.

МОЛПТВА НАРОДА.

О, Боже! зри
Мольбы сердечны:
Съ высотъ простри
Дни счастья вѣчны,
И всякихъ золь
Избавь Добраду;
Царя, престоль
Прими въ ограду,

И насъ храни:
Дай свѣтлы дни.

Хоръ сиротъ.

Ты отъ смерти воскресила,
И изъ праха насъ взяла,
Воспитала, вскормила,
Просвѣщеніе дала.
О, Добрада Благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Сирыхъ благодарность зри.

Хоръ дѣвицъ.

Ты нашъ разумъ озарила,
И украсила нашъ нравъ;
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ ставъ.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Дѣвъ днесъ благодарность зри.

Хоръ вдовъ.

Ты насъ дланію покрыла,
Даровала намъ покой,
Жизнь несчастну прекратила
Щедрою твоей рукой.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Вдовъ днесъ благодарность зри.

ХОРЪ РЕМЕСЛЪ.

Ты искусствомъ надѣлила,
Намъ познанія дала:
Прясть и ткать насъ научила,
Пользу общую ввела.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Музъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Ты намъ милости являешь,
И щедротами даришь;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,
По достоинствамъ насъ чтишь.
О, Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Общу благодарность зри.

ПАЛЕМОНИЪ.

Но зрите, какъ сія божественна Царица
Скромна, и все добро лишь для добра творить;
Хотя сіяетъ всѣмъ, какъ бы небесъ зарница,
Но взоръ прозрачная тончица (*)
Ея, какъ легкій облакъ, тмитъ,
Когда ей ароматъ съ полевѣта душъ горитъ.

(¹) Стихотвореніе: «Обитель добрады,» представляетъ многія черты изъ жизни Императрицы Маріи Феодоровны.

(*) Тонкое покрывало.

вны, и сочинено въ 1808 году, по случаю ожданія въ Павловскѣ изъ чужихъ краевъ великой Княжны Маріи Павловны.

СХVIII.

ПОМИНКИ. (1)

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣть
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну, — смерть.
Возрыдали вокругъ Эроты,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны поты,
Пѣли гимнъ ей, и моя
Горестъ повторяла лира.
Убѣжала радость прочь;
Прелести сокрылись міра;
Тишина и черна ночь
Скутали мой домъ въ запоны;
Отъ земли и отъ небесъ
Слышны эха только стоны;
Плачемъ мы, — и плачетъ лѣсъ;
Воемъ мы, — и воютъ горы.
Плачъ сей былъ бы безъ конца,
Если бъ алыіі лучъ Авроры,
Богъ, что свѣтитъ Музъ въ сердца,
Не предсталъ, и мнѣ сіяньемъ
Не вліялъ утѣхи въ грудь.

«Помяни,» рекъ: «возліяньемъ
Доблесть, и покоенъ будь.»
Взялъ я урну, и росами
Чистыми, будто кристалъ,
Полну наточилъ слезами;
Гробъ обливъ, поцѣловалъ, —
И изъ праха возникаютъ
Се три розы, сплетшись въ кустъ, ⁽²⁾
Веселятъ, благоухаютъ,
Разгоняютъ мрачну грусть.

⁽¹⁾ Сочинено, на Званкѣ, въ 1807 году, на смерть
Маріи Алексѣевны Львовой.

⁽²⁾ Три, дочери послѣ нея оставшіяся.

СХІХ.

А Л Ь Б А У М Ъ. ⁽¹⁾

—
Когда земны оставишь царства,
Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
Харонъ спросить, иль мытарства,
Изъ жизни, подорожной, сей:
Поэтовъ можешь одобренья
Въ альбаумѣ твоємъ явить;
Духамъ отдавъ ихъ для прочтенья,
Паспортъ твой ими замѣнить.
По нихъ тебя узнаютъ тѣни,
Кто ты, и въ свѣтѣ какъ жила;

Сочж. Дер. Ч. II.

Твой всѣ чувства, помышленьи
Раскроются, какъ солнцемъ мгла.
Тогда ты можешь оправдаться,
И, ахъ! иль обвиненной быть,
Въ путь правый, лѣвый провожаться,
Святой, иль окаянной слыть.
Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово
Сей книги записной въ листахъ
Духовно пріимутъ тѣло ново,
И обличать тебя въ дѣлахъ
Во всѣхъ часахъ твоихъ, мгновеньяхъ;
Ты станешь на судъ нагой:
Въ поступкахъ, мысляхъ и движеньяхъ
Мракъ самый будетъ послухъ твой.
Поэтъ, тебя превозносившій,
Прямымъ заговоритъ лицомъ,
Порокъ, иль добродѣтель чтившей
Своимъ возопіетъ листомъ.
Листъ желтый, напимѣръ, надменность
Явить, что гордо ты жила;
На синемъ скупость вскрикнетъ, ревность,
Что ты соперницъ врагъ была;
На серебряномъ вструбитъ богатство,
Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;
На темномъ зашипитъ лукавство,
Что въ грудь вилась друзьямъ твоимъ;
На аломъ засмѣется радость,
Что весело любила жить;
На розовомъ воспляшетъ младость,
Что съ ней хотѣла вѣкъ свой длить;
На глянцовомъ самолюбье

Улыбкою своею дастъ знать,
Что было зеркало орудье
Красотъ твоихъ, дабы прельщать;
Надежда на листкахъ зеленыхъ
Шепнетъ о всѣхъ твоихъ мечтахъ;
На сѣренкихъ листкахъ смиренныхъ
Печаль завоюетъ во слезахъ.
Но Гений, благъ твоихъ свидѣтель,
На бѣлыхъ листьяхъ въ блескъ словъ
Покажетъ вѣру, добродѣтель
И безпорочную любовь.

(¹) Сочинено, въ 1808 году, Наталья Алексѣевнѣ Кол-
товской.

СХХ.

ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ. (¹)

Когда дѣлящая часы небесъ планета,
Къ намъ возвращаяся, приходитъ жить съ тель-
цомъ:
Отъ пламенныхъ роговъ щедрота льется свѣта,
Миръ облекается и блескомъ и тепломъ.

Не только лишь земля съ наружности одѣта,
Цвѣтами долъ пестритъ и кроетъ лакомъ холмъ,
Но и въ безжизвенной внутри влажности нагрѣта,
Плодотворительнымъ чреватѣетъ лучомъ,
И сими насъ дарить, другими ли плодами.

Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучомъ пронзая сердце мнѣ,
И помыслы родишь и слова любовны.
Но, ахъ! они къ тебѣ колико ни наклонны,
Въ цвѣтущей не живалъ я никогда веснѣ.

(¹) Сочинено въ 1808 году. Это стихотвореніе и два слѣдующія: *Прогулка* и *Задумчивость*, переведены изъ Петрарка.

СХХІ.

ПРОГУЛКА.

Находятся съ такимъ въ природѣ твари
Зрѣньемъ,
Что быстро свой взносить на солнце могутъ
Взоръ;
Но суть и тѣ, кому лучъ вреденъ удареньемъ,
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.

Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вождельньемъ
И на огонь летятъ, красоть въ немъ зря соборъ;
Но лишь касаются, сгараютъ мановеньемъ,
И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ и позоръ!

Безсиленъ будучи сносить лучи свѣтила,
Которымъ я прельщенъ, — ни тѣни, коя бѣ
Скрыла
Меня гдѣ отъ него, ни мѣста я не зрю;
Но съ потупленными, слезящими очами

Влекусь чрезъ силу зрѣть на солнце межъ же-
нами,
Не мысля, ахъ! о томъ, хоть ею и сгорю.

СХХІІ.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

Задумчиво, одинъ, широкими шагами
Хожу, и мѣрю пустыхъ пространство мѣстъ;
Очами мрачными смотрю передъ ногами,
Не зрится ль на песокъ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людьми
Не вижу, не ищу, какъ лишь оставить свѣтъ;
Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
Золъ внутреннихъ печать на взорахъ всякій
читетъ, —

И, мнится, мнѣ кричатъ долины, рѣки, холмы:
Какимъ огнемъ мой духъ и чувствія жегомы,
И отъ дражайшихъ глазъ что взоръ скрываетъ
мой.

Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачныхъ,
дальныхъ,

Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
Не приходила бы бесѣдовать со мной.

СХХІІІ.

ВОДОМЕТЬ. (1)

—
Лучъ шумящій, водометный!
Свыше сыплюща роса!
Гдѣ, въ тѣни, въ день знойный, лѣтній,
Совершенная краса,
Раскидавъ по дерну члены
И, сквозясь межъ струй, вѣтвей,
Сномъ объята, въ видѣ пѣны,
Взглядъ влекла души моеѣ;
Гдѣ на зыблющу склонялись
Лиліи блестящу грудь,
Зарь ихъ розы устъ касались,
И желали къ нимъ прильнуть;
Воздухъ свѣжестю своею
Еѣ спѣшилъ благоухать;
Травки, смятыя подъ нею,
Не хотѣли возставать;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ,
Съ коихъ стрѣлы огневыя
Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель.
О, мѣста, мѣста священные!
Хоть лишенъ я васъ судьбой;
Но прелестны вы, волшебны,
И столь милы мнѣ собой,
Что поднесъ о васъ вздыхаю
И забыть никакъ не могъ;

Съ жалобой напоминаю:
Мой послѣдній слышите вздохъ.

(¹) Сочинено въ 1808 году.

СХХІV.

ВЪНЕЦЬ БЕЗСМЕРТІЯ. (¹)

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ
Въ пріятномъ я недавно снѣ,
Подъ жаркимъ, свѣтлымъ небосклономъ,
Въ тѣни онъ палмъ явился мнѣ.

Хариты вокругъ его, Эроты,
Съ братиною златою Вакхъ,
Ваѣиль прекрасный, въ рощи, гроты
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ.

Онъ дѣвѣ плясаньемъ забавлялся,
Тряхнувъ подъ часъ самъ сѣдиной,
На бѣлы груди любовался,
На взоръ металъ ихъ пламень свой;

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхалъ;
Огнистыми склонясь устами,
Изъ кубка медъ златой вкушалъ;

Иль сидя съ юнымъ другомъ, нѣжнымъ,
Потрепывалъ его рукой,

А взоромъ вкругъ себя прилѣжнымъ
Искалъ красавицы какой.

Цари къ себѣ его просили,
Поѣсть, попить и погостить;
Таланты злата подносили, —
Хотѣли съ нимъ друзьями быть;

Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богатству предпочелъ;
Средь игръ, веселій, хороводу,
Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйтесь, красоты россійски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ тійскій,
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

(¹) Сочинено въ 1802 году.

СХХV.

КЪ КРАСАВЦУ. ⁽¹⁾

—
Фортуна, властною рукою
Бросая жребіи людей,
Души и тѣла красотою ⁽²⁾
И прелестями тебя честей
И сердцемъ добрымъ наградила,
Въ любви и въ брани для побѣдъ:
Но тутъ же въ младости сулила
Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ. ⁽³⁾

Увы ! добра и зла смѣшенье
Нераздѣлимо въ жизни сей.
Коль часто скорби и терпѣнье
Есть участь самыхъ и царей!
Что жъ въ свѣтѣ есть славнѣй сей доли,
Какъ кровь по должности пролить?
Теперь и зависть противъ воли
Должна въ тебѣ героя чтить.

⁽¹⁾ Писано, въ 1794 году, въ С.-Петербургѣ.

⁽²⁾ Ода сія относится къ покойному графу Валеріану Александровичу Зубову, который былъ прекрасенъ и лицомъ, и нравомъ.

⁽³⁾ Во время завоеванія Польши онъ былъ генералъ-лейтенантомъ подъ командою Суворова, и въ сраженіи лишился ноги, которую оторвало ядромъ.

СХХVI.

НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ. (1)

—
ДАФНИСЬ.

Днесъ, Дафна! радость намъ, веселье:
Родителей твоихъ, моихъ,
Мы позовемъ на новоселье,
И праздникъ сдѣлаемъ для нихъ.

ДАФНА.

Изрядно, Дафнисъ! Я съ цвѣтами
Для нихъ корзинку припасу;
Весь домикъ окурю духами,
И сыръ, и масло принесу.

ДАФНИСЬ.

Надѣнь сорочку бѣлоснѣжну;
На грудь двѣ розы приколи,
И ферязь поясомъ зеленоу,
Подбравъ немного отъ земли,
Устрой такъ къ пляскѣ ножки милы,
Чтобы, подъ пѣсней, козелка
Такъ проплясать тебѣ, какъ крилы
Порхаютъ вѣшняя вѣтерка.

ДАФНА.

Все будетъ, Дафнисъ. Ты жъ скорѣе
Воздвигнь алтарь, и тѣ на немъ
Цвѣты, плоды, что есть спѣлѣе,
Поставь, да ихъ мы принесемъ
На жертву подъ свирѣльми Пану

За нашихъ здоровіе гостей,
И что съ родителями я стану
Вкушать тобой златыхъ токъ дней.

ДАФНИСЬ.

О, Дафна милая, драгая,
Другъ сердца, свѣтъ моихъ очей!

Лишь ты, хозяйка молодая,
Моихъ пребудешь счастьемъ дней.

ДАФНА.

Нѣтъ, ты. Ахъ, гости дорогіе!

Вы здѣсь? Родитель нѣжный, мать!

Какія жертвы вамъ другія?

Мы можемъ лишь сердца отдать,

За хлѣбъ и соль намъ принесенны,

За курицу и пѣтуха. (²)

ДАФНИСЬ.

Мы всѣмъ отъ васъ благословенны:

Я вѣрный сынъ вашъ!

ДАФНА.

Я сноха!

ДАФНИСЬ.

Вы жизнь мнѣ даровали!

ДАФНА.

Вы въ дочь меня избрали!

ДАФНИСЬ.

Питали близъ своихъ сердець!

ДАФНА.

Вы счастья нашего вѣнецъ!

О Б А.

Пріймите же благодаренье
Усердныхъ вамъ своихъ дѣтей:
Сей праздникъ, пиръ и новоселье
Вы все, вы все намъ въ жизни сей.

(¹) Сочинено, въ Петербургѣ, въ 1794 году. Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, по случаю своей женитьбы и переѣзда изъ родительскаго дома на новоселье, просилъ Державина написать эклогу, что и было поводомъ къ сочиненію сего стихотворенія.

(²) Въ Россіи между народомъ тогда было въ обычаѣ присылать на новоселье хлѣбъ, соль, курицу и пѣтуха въ знакъ желанія обилія въ домѣ.

СХХVII.

ВОЛХОВЪ КУБРЪ. (¹)

Напрасно, Кубра дорогая, { (²)
Поешь о славѣ ты моей;
Прелестна дѣвушка, молодая!
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.

Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ
И сѣдина на волосахъ,
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушую я лѣсахъ.

Я мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ;

За старымъ караваномъ новыѣй
Ношу лѣниво на плечахъ;

Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,
Я русскихъ пѣсень голосами
Увеселяю слухъ лишь свой.

Межъ холмиковъ, дубковъ саженьныхъ, (3)
Ведетъ полога мурава
Моихъ въ снѣ путниковъ наемныхъ,
Плывущихъ спустя рукава;

Иль видятъ золотыя нивы
То пестроту цвѣтовъ въ лугахъ;
То лучъ съ серповъ и косъ игривый
Въ муравленыхъ горитъ водахъ.

Шумящи перловы пороги
Имъ слабо преграждаютъ путь:
Премудро, справедливо боги
Богатство за труды даютъ.

И Бардъ мой съ арфой ветхострунной
Хоть, сидя на холму, поетъ,
Но, представляя вечеръ лунной,
Онъ тихій голосъ издаетъ.

Увы! сколь парусомъ пробѣгшихъ,
На лямкахъ шедшихъ зрѣлъ ладей!
И сколько подъ луной умершихъ
Онъ духомъ зрить своихъ друзей!

Уже и вождь, ногой желѣзной
Ступавшій Александра въ слѣдъ,

Прекрасный человекъ, любезной,
Лучъ бѣдныхъ — блещетъ между звѣздъ.

И ты, въ Наядахъ бывъ извѣстной,
Не всегда волной шуми;
Но розовой рукой, прелестной,
Вдохнувъ, Меналка обойми.

Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ,
Потомства поздняго въ умѣ
Твердясъ пастушымъ, сельскимъ тономъ,
Съ кузнечикомъ свѣтись во тмѣ. ⁽¹⁾

(1) Писано въ деревнѣ автора, Званкѣ; напечатано въ Московскомъ Журналѣ.

(2) Рѣка Кубра протекала въ деревнѣ графа Дмитрія Ивановича Хвостова, который въ похвалу автору написалъ оду; авторъ отвѣчалъ ему стихами отъ рѣки Волхова рѣкѣ Кубрѣ.

(3) Дубы по берегамъ Волхова посажены были по повелѣнію Государя Петра Великаго: прежде дубовъ не было тамъ.

(4) Авторъ полагалъ, что пѣвецъ Кубры могъ бы съ большимъ успѣхомъ писать въ идиллическомъ родѣ.

СХХVІІІ.

ЦИРЦЕЯ. (¹)

—

На каменной скалѣ, страшилищѣ природы,
Бесплодный, дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
Цирцея, слезъ проливъ потокъ,
Отчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
Тоски сердечной жертва,
Свой злой оплакивала рокъ.
Тамъ, брося съ высоты бродящій взоръ на воды
Улисса по слѣдамъ,
По тмѣ, по вѣтру, по волнамъ
Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняетъ.
Ужъ видѣть думаетъ, и въ изступленьи семъ,
Какъ-бы спокоясь, отдыхаетъ;
Въ прерывчатомъ вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, рыдая, призываетъ:
«Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною, —
Изъ сожалѣнья возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!
Любовью сердце умерщвлено,
Но ей еще оно дышитъ.
Тиранъ! ахъ, такъ ли заплачено
То пламя, что тобой горитъ?
Рушитель моего покою!
Постой, жестокій! оглянись!
Не жаръ твой раздѣлить со мною,

Изъ сожалѣнья возвратись,
И ускори хотя мнѣ смерть!» —

Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;
Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ:
Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада призываетъ,
Паркъ, Фурій, Немезисъ, Цербера, Флегетона,
Гекату злобную и лютаго Алктона,
Чтобъ возвратили къ ней любви ея предметъ.
Тутъ срубъ на алтарѣ кровавомъ загорѣлся
Снизшедшей молніей, и вмигъ единъ пожегся;
Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
Остановилося теченіе планетъ,
И рѣки съ шумомъ вспять побѣгли въ вихрь
Зѣльномъ;
Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземель-
номъ.

Столь голосомъ грознымъ
Подвигся весь адъ,
Подъ гуломъ громовымъ
Сводъ звукнулъ Пліадъ;
Завѣса ужасна
Подернула свѣтъ;
Дно тартара мрачна,
Содрогшись, реветъ;
Кипитъ и ярится
Морь бурна волна;
Отъ страха вратится
Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
Во преисподней всѣхъ встревожило тѣней:
Встаютъ, отъ ужаса оставя сонъ свой, гробы,

И въ воздухѣ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
Глухой, унылый вопль, печальны завыванья,
Ревъ, скрежетъ слышанъ ихъ;
И съ ними страшныхъ бурь смѣшенные сви-
станья
Изшедшихъ изъ могилъ, вертеповъ, нѣдръ зем-
ныхъ.

Но всѣ усилія безплодны суть сіи,
О, ты, любовница несчастна!
Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна;
Чрезъ чары ты свои
Могла потрясть весь міръ, и молніей ужасной
Зѣвъ ада распалить;
Но то, чего не могъ свершить твой взоръ пре-
красной,

Не можетъ злобой учинить.

Любовь никакъ нельзя принудить:
Чужихъ она не терпитъ правъ, —
Зависѣть отъ себя лишь любить;
Ей нравишься, — лишь милымъ ставъ;
Законъ ея весь Свѣтъ плѣняетъ,
Ни чьихъ не вѣдаетъ сама.
Зима поля цвѣтовъ лишаетъ,
Вѣнчаетъ розами весна,
Борей Зефировъ прогоняетъ,
Зефиръ Бореевъ, солнце тма;
А какъ любовь ужъ улетаетъ,
Не возвращается она.

(¹) Переводъ французскихъ стиховъ изъ сочиненій
Жанъ-Баптиста Руссо.

СХХІХ.

З И М А. (¹)

—
поэтъ.

Что ты, Муза, такъ печальна,
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Скоча волосы, глядишь;
✓ Цитры, флейты и скрипицы,
Въ бѣлы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плѣниры не поешь?

муза.

Что мнѣ нѣтъ?—Ахъ! гдѣ Хариты? (²)
И друзей моихъ ужъ нѣтъ!
Л....., Х..... въ гробѣ скрыты, }
За Днѣпромъ К..... живетъ. } (³)
В....., лиръ любитель,
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта жите ль,
Согнуть скорбями въ дугу.

поэтъ.

Да! Фелицы нѣтъ, Плѣниры,
Нѣтъ Харитъ, и нѣтъ друзей:
Звукъ торжественныя лиры
Посвятимъ кому твоей?
Посвятишь ли въ честь ты Хлору, }
Иль Добрадѣ въ славу ты? } (⁴)

Трубъ у нихъ не слышно хору,
Дни ихъ тихи, какъ листы.

МУЗА.

Тотъ сидитъ всегда за дѣломъ,
Та покоитъ вдовъ, сиротъ;
Въ покрывалѣ скромномъ, бѣломъ,
Такъ зима готовить плодъ.
Не видать ея работы,
Не слыхать ея машинъ;
Но по скукѣ зрятся льготы,
И земля цвѣтетъ какъ кринъ.

ПОЭТЪ.

Между тѣмъ къ намъ, В..... новъ
Ты прійди хотя согбенъ:
Огнь разложимъ средь каминовъ,
Милыхъ сердцу соберемъ;
И подъ арфой тихогласной
Наливая алыи сокъ,
Воспоемъ нашъ хладъ прекрасной:
Дай зимѣ здоровье, Богъ!

(¹) Писано въ Петербургѣ, въ 1805 году.

(²) Подъ именемъ Харитъ авторъ разумѣлъ Великихъ Княженъ: Александру и Елену Павловну.

(³) Л — Николай Александровичъ Львовъ; Х — Иванъ Ивановичъ Хемницеръ; К — Василій Васильевичъ Капнистъ; В — Петръ Лукичъ Вельяминовъ: всѣ они были любители и знатоки стихотворства и друзья Державину.

(⁴) Имя Хлора относится къ Императору Александру, а подъ именемъ Добрады авторъ разумѣлъ Императрицу Марію Ѳеодоровну.

СХХХ.

АСПАЗІИ. (1)

Блещетъ Аттिका женами;
Всѣхъ Аспазія милѣй:
Черными очей огнями,
Грудью пѣнною своею
Удивляючи Аѳины,
Превосходитъ всѣхъ собой;
Взоры орли, души львины
Жжетъ, какъ солнце, красотой.

Рѣзвятся вокругъ утѣхи,
Улыбается любовь,
Нѣги, радости и смѣхи,
Плетеницы изъ цвѣтовъ
На героевъ налагаютъ,
И влекутъ сердца къ ней въ плѣнъ;
Мудрецы по ней вздыхаютъ,
И Периклъ въ нее влюбленъ.

Угождаютъ ей Науки,
Дань Художества даютъ;
Музикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей лѣютъ.
Она чувствуетъ, вздыхаетъ,—
Нѣжная видна душа,—
А сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ больше хороша.

Зависть съ злобой, содружася, } (2)
Смотрятъ косо на нее;

Съ черной клеветой свілся
Уподобяся змѣѣ,
Тонкія кидають жалы,
И винятъ въ хулѣ боговъ.
Ужъ Перикла силы малы
Быть щитомъ ей отъ враговъ;

(2)

Ужъ ведется всенародно
Предъ судей она на судъ;
Злы молвы о ней свободны
Ужъ не шепчутъ, — вопіютъ;
Ужъ собранье засѣдало;
Ужъ Архонты всѣ въ очкахъ;
Но сняла лишь покрывало —
Палъ предъ ней Ареопагъ!

(1) Сочинено въ 1810 году, для Марьи Антоновны Нарышкиной.

(2) Алцибіада и Аспазію обвиняли въ оскорбленіи боговъ, и предали ихъ суду Ареопага. Аспазія явилась туда въ покрывалѣ; но когда сняла его съ себя никто не рѣшился судить ее.

СХХХІ.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

—
Сабинскаго вина, простаго,
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесъ выпьешь у меня, Меценъ!
Что самъ на греческихъ винъ гнѣзда
Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день,

Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
Со плескомъ рукъ, и громъ отъ хвалъ
Твоихъ съ береговъ родимыхъ Тибра
Звучалъ, сверхъ Ватиканскихъ горъ.

Ты у себя вино секубско
И сладки пьешь калесски соки;
Но у меня ихъ нѣтъ, — и гроздь
Ни форміанскій, ни фалернскій
Моихъ не благовонитъ чашъ.

СХХХІІ.

КЪ БАХУСУ.

Вакха вдали (вѣрь мнѣ, потомство) я видѣлъ
Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть училъ
пѣсни
Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его —
и вверхъ
Завострѣнныхъ ушми козлоногихъ Сатировъ.

Эвоа! дрожить еще сердце отъ страха :
Ужасомъ бога исполненно, скачетъ оно
Съ радости дикой. — Эванъ! щади, о щади!
Отъ грознаго Тирса я трясусь, цѣпенѣя!

Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ,
О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ,
И медъ какъ изъ утлыхъ, древесныхъ, дупли-
стыхъ
Пней каплетъ на землю, извиваясь струями.

Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ
вѣнцѣ,
Блестящемъ межъ звѣздъ, твоей блаженной су-
пруги,

О страшномъ паденьѣ жилища Пентея
И о Оракійска Ликурга пагубѣ лютѣй.

Ты волны далекихъ кротишь океановъ ,
И, шумный вокругъ холмовъ обтекая пусты-
нныхъ,

Женъ Бостоннскихъ переплетши безвредно,
Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

Ты, буйна гигантовъ вдругъ крамола когда
Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ
взмостяся,
Къ отчему царству взнеслась, съ зѣвомъ ужас-
нымъ
И съ львиными Рета когтями, вспять низпро-
вергъ.

Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный пла-
савецъ,
Въ шуткахъ и играхъ любви способнымъ былъ
признанъ;
Въ браняхъ не меньше потѣмъ примѣръ далъ
собой,
И великъ ты равно, какъ въ бояхъ, такъ и въ
мирѣ.

Церберъ, въ рогахъ золотыхъ, зрѣлъ те-
бя тихо
И ни чуть не взревѣвъ, лишь хвостомъ обвивая,
Съ кротостью ластясь, трѣхъ языками зѣвовъ
Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедра.

СХХХІІІ.

КЪ ЛИДІИ.

—

Скажи мнѣ, Лидія, боговъ
Подъ клятвою прошу: почто ты Сибариса
Любя губишь, что нынѣ онъ
Возненавидѣлъ рать, пыль, зной сносить могу-
щій?

Почто, надѣвъ броню, верхомъ
Межъ сверстныхъ всадниковъ не ѣздитъ, и
уздою

Стальнозубчатой не кротитъ
Бурливаго коня, всѣхъ яростиѣйша Галловъ?

Зачѣмъ касаться Тибра онъ
Бои́тся желтыхъ волнъ, и отъ борцовъ елея
Бѣжитъ, отъ яда какъ ехиднъ?

Сожженныхъ зноемъ рукъ, оружіе носящихъ,
Зачѣмъ не кажется, всѣмъ хвалясь,

Что пращею своею сподвижниковъ всѣхъ далѣй
Онъ за поставленную цѣль

Пребрасывалъ кружцы тяжелые нерѣдко?

И древле, какъ Оетидинъ сынъ,
Предъ слезнымъ, жалостнымъ паденьемъ Илли-
она,

Зачѣмъ онъ прячется отъ войскъ,
Чтобъ и его на брань не увлекли съ собою?

СХХХІV.

ПОЛИГИМНІИ.

—

Муза Элады, пылка Сафа,
Сѣверныхъ странъ Полигимніа!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златыя,
Что молніи въ души бросаю,
Что громами тихо гремя,
Грудь раздробляютъ мою!

Иль, о румянощока, чернокудра,
Агатовоокая дѣва!
Ты мнѣ древняго слога премудра
Витіевъ Эольскихъ напѣва
Съ розовыхъ устъ гласъ проливаешь?
Слышу журчащіе токи
И во гармоньи тону!

Такъ, ты, греко-россійска Харита,
Вблизи какъ меня возсѣдая,
Коснулась во мнѣ дланью пѣнта,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимнъ возглашаючи Богу:
Сердце во мнѣ воспаменялось,
Слезы ручьями лились!

И если бъ мигъ еще продолжила
Твое небозвучное чтенье,
Всю жизнь бы мою какъ былье спалила;
Растаялъ бы я въ восхищеньѣ,

Юной красой упояся;
Блаженства снести бы не могъ,
Умеръ, любовью сгорѣвъ.

Но холодная старость, сѣдая,
Блѣднымъ покрывъ щитомъ костянымъ,
Стрѣлы твоихъ очесъ отражая,
Хоть упасть ко стопамъ мнѣ твоимъ
Строго тогда воспретила, —
Избѣгъ я тебя; но твой взглядъ,
Лучъ какъ въ лѣдѣ, блещетъ во мнѣ.

Зрится въ моемъ, горитъ воображеньѣ,
Ахъ! какъ солнце, твоя красота!
Слышу тобой, мое выраженье
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняетъ
Пѣньемъ твоимъ пѣсень моихъ. —
Буду я, буду безсмертенъ!

СХХV.

ЧЕРТА КЪ БІОГРАФІИ ДЕРЖАВИНА (*).

Кто вель его на Геликонъ,
И управлялъ его шаги?

(*) «Объясненіе четырехъ сихъ строкъ,» писалъ Державинъ къ Графу Д. И. Хвостову: «составить исторію моего стихотворства, причину онаго и необходимость.»

Не школъ витійственныхъ содомъ :
Природа, пужда и враги.

СХХХVI.

НА ПТИЧКУ.

✓ Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой :
Пищитъ, бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: пой, птичка, пой!

СХХХVII.

ХОРЪ СЕЛЬСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ.

Не на яблонькѣ, не наливное,
Яблочко мило блескъ издаетъ, —
А у бабушки здѣсь родимое
Дитятко, внучка, роза цвѣтетъ!

Что не мѣсяцъ младъ, не за облакомъ,
Съ утренней, красной свѣтлой звѣздой, —
Съ невѣстой женихъ сѣлъ за столикомъ:
Дитятко, внучка! Богъ ужъ съ тобой!

СХХХVІІІ.

НА КРАСАВИЦУ.

—
Красавица! зря пчелъ вкругъ розы ты, весной,
Представь, что роза ты, а мы, мы всѣ — твой
рой.

СХХХІХ.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ ПИНДАРА

ПИОИЧЕСКАЯ, (')

—
Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньѣ звукамъ внимлетъ
Монархъ веселья, пляска, ликъ:
Когда же, хоромъ управляя,
Дашь къ совосклищанью знакъ, —
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій,
Ты можешь молнии потушить!

Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
Орелъ, пернатыхъ царь, и внизъ
Спустя высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньѣ спитъ.
Пріятна мгла, смежая вѣжды,
Главу его на перси гнетъ;
Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
Чуть зыблется хребетъ его.

Свирѣпый Марсъ склоняетъ долу
Свое кроваво острее;
Утѣхой сердце упоенно,
Смягчась, плѣняется его.
И самые безсмертны боги
Забавъ сражаются отъ стрѣлъ;
Какія персты Феба мещутъ
И нѣжны груди Піеридъ.

Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсень Музъ;
Трепещетъ на землѣ и морѣ
Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
Трепещетъ и Тифей стоглавый,
Воитель бывшій на боговъ:
Наверженъ страшною горою,
Онъ въ мрачномъ тартарѣ лежитъ.

Килькійской оглашенной бездной
Онъ нѣкогда воспитанъ былъ;
Вокругъ его каменно-морскій
Днесъ Кумскій и Сицильскій брегъ
Космату грудь отягощаетъ;
Столпомъ, досягшимъ до небесъ,
Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
Прижать, придавленъ Этной онъ.

Изъ челюстей своихъ извержетъ
Потоками всежрущій огонь,
Который днемъ сквозь тучи дыма
Сверкаетъ искрами въ аэръ,
А ночью, вихрями крутяся,

Горящимъ каменнымъ дождемъ,
Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
Въ морскую глубину падеть.

Не только зрѣть его ужасно,
Какъ жупель онъ Вулкановъ вверхъ
Горящими струить рѣками, —
О немъ ужасенъ даже слухъ:
Какъ Этной къ листомрачну верху
И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
Изъявленнымъ хребтомъ простершись,
На терновыхъ лежитъ буграхъ.

О, Зевсъ, горы сея властитель!
Помилуй и спаси чело
Страны, богатая плодами,
Близъ коей соименный градъ
Воздвигъ народовъ поселитель,
И гдѣ въ ристалищѣ герольдъ
Пивѣйскомъ славу колесницы
Хироновой провозгласилъ!

Какъ въ понть пловцы пустясь, ликуютъ,
Зря вздуты вѣтромъ паруса,
Надеждою ихъ сердце льстится,
Что счастливо свой путь свершатъ:
Такъ сихъ торжествъ начало кажется,
Что градъ украсясь сей, и впредь
Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
Возликовствуетъ на пирахъ.

О, Фебъ! Лицея повелитель,
Делоса свѣтлый царь, и другъ

Любимаго тобой потока
Кастальскихъ водъ, съ Парнаскихъ горъ
Текущихъ, о, услышь желанье!
Сей гласъ мой! — и страну сію,
Героями превознесенну,
На сердцѣ напиши твоємъ!

Такъ милостью боговъ единыхъ
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтають человеки!
Блаженства лишь они дождятъ:
Черезъ нихъ премудрые — премудрость;
Краснорѣчивы — сладость устъ;
Могущіе — ихъ силу стяжутъ,
И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ восторгомъ,
Вожделѣвая мужа пѣть,
Да брошу сильною рукою
Мое выспрь мѣдное копье,
Которое прямымъ полетомъ
Межъ соподвижниковъ моихъ,
Всѣхъ далѣй, всѣхъ быстрѣй промчась,
Со звукомъ въ мѣту попадетъ.

О! да всегда къ нему снисходитъ
И впредь веселье такъ, какъ днесъ!
Осыпанъ счастія дарами,
Да забываетъ скорбь свою,
А помнитъ брани и побѣды,
Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣтъ боговъ,
Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона,
Благъ выше не снискалъ коронъ.

Но не тому ли ужъ подобенъ
Онъ древню Филоктету днесъ,
На брань готову, снаряженну
По изволенію судебъ,
Котораго изъ славныхъ воевъ
Первѣйшій мужествомъ герой
Толь рѣдкимъ посѣтя привѣтствомъ,
И дружбою почтилъ своей?

Тогда, вожди какъ приходили
Съ собой его подъ Трою звать,
Лежалъ, страдая въ Лемнѣ язвой,
Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ;
Хоть былъ безсильнымъ, слабымъ, тощимъ,
Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ,
И подвигъ совершилъ Данаевъ:
Угодно было такъ богамъ.

Возставъ, о Боже! и Хирона
Ты такъ съ болѣзненна одра,
И въ временахъ ему грядущихъ
Во всѣхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!
А ты, о Муза! колесницы
Четвероконной торжествомъ
Восхити духъ и Диоменовъ:
Не чужда сыну честь отца.

Ему ужъ скоро возгласится
И самому мной также пѣснь,
Какъ опому державцу Этны,
Кому Хиропъ воздвигъ сей градъ
Златой свободы на твердынь,

По чертежу Хилійскихъ правъ;
И Гераклидовъ родъ, Памфила,
Пребывъ Доріійцами до днесъ ,

Хранить Эгимовы завѣты
Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда съ холмовъ
Тагета двигшись, взялъ приступомъ,
Отторгнувъ отъ Амеклы, Пиндъ,
Счастливо ею завладѣвши,
И днесъ почтеннѣйшій сосѣдъ
Сталъ бѣлоконнымъ Тиндаридамъ,
И копій звуками цвѣтетъ.

Продли, продли, Зевесъ! тожъ счастье
И на Аменовыхъ водамъ,
Да о князьяхъ и о народѣ
Молва правдивая гремитъ!
Отцемъ возвышеннà младаго
Ты самъ Царя сего води,
И старца умудрай мастита
Въ согласьѣ царства содержать.

Молю тебя, молю, сынъ Хроновъ!
Да страшный ревъ военныхъ трубъ
Спокойство больше не смущаетъ,
Ни Тирянъ, ни Финикьянъ днесъ.
Ты самъ, Зевесъ! при Кумѣ видѣлъ
Кораблегибельный позоръ,
И оному ударъ подобный,
Имъ данный княземъ Сиракузъ;

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою
Съ смятенныхъ бѣгствомъ кораблей

Свергалъ цѣѣтущи войски въ море
И Грецію отъ рабства спасъ!
Пѣснь благодарная Аѳинамъ
Принадлежитъ за Саламинъ:
И я хвалю, не умолкая,
Спартанъ за Китеронскій бой.

О, какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сражень-
яхъ

Стрѣлами ополченны тмы
Надменныхъ Персовъ упали!
Какъ на смѣющихся брегахъ
Водами свѣтлыми Химеры
Звукъ Диноменовыхъ сыновъ
Гласится мной, достойно стершихъ
Геройской мышцей полкъ враговъ.

Пѣснь краткую, но содержащу
Въ себѣ дѣлъ болѣе, чѣмъ словъ,
Не столь хулители терзаютъ;
Но нагруженна черезъ край
Воображенъе утомляетъ;
И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жметъ тайно сердце:
Коль паче чужеземныхъ честь!

Межъ тѣмъ раждать пріятнѣй зависть,
Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
Не преставай идти вслѣдъ славы:
Рулемъ довѣрья правь народъ,
Судъ искушай въ горнилѣ правды,
Малѣйшу искру отъ царя

Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ;
Тмы вокругъ свидѣтелей тебя.

Ревнуешь ли потомства къ чести?
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ,
И щедрымъ быть не стрекайся;
Но паче, вѣтромъ парусъ твой
Вздувай, подобно мореходцамъ;
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ.

Единъ гласъ памяти блаженной
Звучитъ за гробомъ, — и дѣла
Мужей великихъ воскрешаетъ
Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
Не умретъ Креза добродѣтель;
Но лютый, злобный Фаларисъ,
Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
Не воспоминается добромъ.

Нигдѣ о немъ не звучитъ арфа;
Ея не вторитъ юныхъ пѣснь:
О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ,
Второй же даръ благая слава:
А кто стяжалъ ихъ обоихъ,
Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

(¹) Переведена съ нѣмецкихъ переводовъ Рамлера и Гедике, въ С.-Петербургѣ, въ 1800 году; напечатана въ Московскомъ Журналѣ.

СХL.

ПИНДАРОВА

ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ. (')

Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй,
Злато богатствъ среди пышныхъ, вельмож-
ныхъ,
Какъ между всѣхъ преизящнѣе блескомъ,
Пышущу пламени ночью подобно.
Хочешь ли, Муза, побѣды возвыситъ, —
Звѣздъ не ищи, свѣтозарнѣе тихихъ
Солнца полдневна лучей теплотворныхъ,
Кои, пустыню воздушну протекши,
Міръ освѣщаютъ вокругъ, — и славнѣйшихъ
Ты не ищи же торжествъ Олимпійскихъ.

Душу поэтовъ они
Пламенемъ всю наполняютъ,
Кронова сына когда,
Сидя Гирона въ чертогахъ,
Счастьемъ, богатствомъ цвѣтущихъ,
Звучно возносятъ, поютъ.

Скиптръ правосудья вращаетъ
Онъ въ многостадной Тринарѣ,
Доблестей цвѣтъ всѣхъ собирая,
Блещетъ, красой озаряясь

Пѣсень согласныхъ съ музыкой,
Кои мы дружески часто,
Сидя съ нимъ вокругъ за трапезой,
Въ славу ему восклицаемъ.

Снемли съ стѣны сей дорійскую цитру,
Коль олимпійскій конь побѣдоносный,
Нынѣ на рыцарскихъ играхъ риставшій,
Сладостнымъ духъ твой плѣняетъ востор-
гомъ.

О! какъ онъ берегомъ быстро Алфея
Безъ подстреканія гордо, красиво,
Мчалъ сиракузска царя конелюбна,
Къ цѣли летя по всему ипподрому,
Громкой побѣдой межъ всѣми блистая,
Честь своему приобрѣлъ тѣмъ владыкѣ.

Слава донынѣ о немъ
Селы, града пролетаетъ,
Рождшимъ толь много вождей
Лидскимъ Пелопсомъ селенны;
Богъ, препоясавый моремъ
Землю, его возлюбилъ.

Мощный Нептунъ, какъ изъяла
Врѣюща свѣтла коноба
Клота его, и ему тутъ
Кости слоновой вложила
Снѣга бѣлѣйшее рамо.
Вѣрь, что чудесность бываетъ:
Сплошь, пестро сказокъ убранство
Нравится болѣе правды.

Прелестъ Поэзыи, волшебная сила,
Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнить, услаждая;
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто даетъ вѣроятность,
Лучшій свидѣтель грядущее время;
Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принадлеж-
ность,
Чтобъ съ умиленьемъ въ сердцѣ глубокимъ
Провозглашать всѣмъ боговъ благостыню.
Если не будетъ кто виннымъ въ чемъ много,
Тотъ и отвѣту подвергнется мало.

Сыне Танталовъ! тебя
Нынѣ воспѣтъ я намѣренъ,
Прежде не пѣта никѣмъ,—
Твой какъ отецъ на трапезу
Звалъ всѣхъ боговъ въ свой люби-
мый
Градъ, Сипилію, къ себѣ:

Скиптра трезубна державецъ,
Страстью къ тебѣ воспаменяся,
Взявши тебя, какъ добычу,
Зевсу всечтиму далече
На огнеконномъ снарядѣ
Въ свѣтлы взнесъ неба чертоги;
Но для услуги сей самой
Былъ Ганимедъ тамъ ужъ прежде.

Бывшу жъ тебѣ отъ всѣхъ смертныхъ со-
крыту,

Какъ отыскать и посланцамъ родившей
Было тебя уже больше не можно:
Завистью мрачною, злой, воушенны
Тайны сосѣды всѣмъ слухъ распустили,
Будто бы тѣло твое все на части
Было прерублено острой сѣкирой
И во кипящей водѣ разваренно,
Ночью богамъ въ кругу пира носимо;
Сладостно ими, какъ снѣдно, пожерто.

Но возвѣщать мнѣ о томъ,
Будто безсмертные алчны,
Дерзко, безумно, грѣшно; —
Сильно того я страшуся.
Коль богохульниковъ часто
Ярый сражаетъ перунъ!

Чтили ль кого земнородныхъ
Неба блюстители, боги, —
Былъ то Танталъ. Но, увы! онъ,
Чашей блаженствъ упоенный,
Много собою кичася,
Гнѣвно свелъ мщенье десницы:
Камень надъ нимъ преужасный
Зевесъ, яко гору, навѣсилъ.

Вѣчно съ главы его отрѣваетъ,
Вѣчно бѣжить отъ него и спокойство:
Жалкій страдалецъ, межъ трехъ онъ че-
твертый,
Жизнь провождаетъ свою всю въ мученьѣ,

Сколь въ безполезномъ, столь горькомъ ры-
даньѣ,
Что у боговъ, даровавшихъ безсмертье,
Тайно священный похитилъ онъ нектаръ,
Также унесъ и амброзію сладку
Для угощенія смертныхъ клевретовъ.
О, суета, сокрываться отъ Вышнихъ!

Въ кару за тяжкій толь грѣхъ
Боги обратно сослали
Сына въ родъ смертныхъ его,
Столь увядающій скоро.
Юность же розоцвѣтуша
Чернымъ лишь власомъ вокругъ

Щеки его отѣнила,
Сердце прельстилось мгновенно
Бракомъ ему обѣщаннымъ
Со Ипподаміей милой,
Дщерью владѣльца Олимпій.
Къ пѣнну онъ ночью шедъ морю,
Трезубодержца водхолмна
Вызвалъ,—и богъ лишь явился:

«Сильный Царь водъ!» рекъ онъ, «ежели
дары
Благоугодны тебѣ суть Венеры,
Мѣдно копье удержи Аэммона,
Скрой въ Элизей и меня ты съ собою
На колесницѣ твоей быстротечной.
Тамъ съ нимъ сразися, побѣду обрящу.

Тридцать ужъ имъ жениховъ перебито;
Дочь же его и понынѣ въ невѣстахъ.
Такъ!—лишь опасностей тѣ не встрѣчаютъ,
Коиxъ вся въ нѣжности жизнь протекаетъ.

Мнѣ же коль рокъ ужъ судилъ,
Чтобъ умереть неизбежно,
Вѣкъ свой безславно почто
Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
Дѣлъ уклоняться геройскихъ,
Жизнь всю влачить со стыдомъ?

Нѣтъ! нѣтъ!—иду я сражаться!
Путь лишь открой мнѣ счастливый.»—
Тако вѣщая, — и спѣшно
Душу онъ бога восхитилъ,
Кой, озаря въ немъ сердце,
Пролилъ сіянье на взоры,
Давъ ему неустоимыхъ
Коней златыхъ съ колесницей.

Отъ Аэммонова гнѣва избѣгши,
Дѣву исторгъ онъ со славой ко браку,
Седмь воевождей ему породившу;
Тщилися чтить всѣ они добродѣтель.
Днесъ ему жертвы курятся надгробны,
Кои на брегѣ онъ злачномъ Алфея
Во благолѣпіи внемля, почіетъ.
Холмъ его вкругъ какъ молильный обходятъ,
Тожъ и алтарь его въ праздничныхъ играхъ,
Гдѣ собирается сонмъ чужестранцовъ.

Блещетъ далеко Пелопесъ
Славой торжествъ олимпійскихъ
Со ипподромовъ своихъ;
Сила гдѣ, быстрость ногъ гибкихъ,
Мышцы и жилы напрягшись,
Рьяно вдругъ спорять съ собой.

Лучъ отъ побѣды награда,
Витязей въ вѣкъ услаждаетъ,
Слаще золотого сота.
Да и кому чѣмъ сей вяще
Радостью лъзя наслаждаться,
Какъ не тому, гдѣ вседневно
Съ блескомъ она вспять струится
И утѣшаетъ насъ снова?

Пѣсню Эольской и мнѣ днесъ надлежитъ
Витязя игръ увѣнчать бранноносна,
Конна ристанья по праву извѣстну.
Кто межъ гостей здѣсь есть изъ иностран-
ныхъ,
Иль изъ живыхъ гдѣ суть люди на свѣтѣ,
Царствъ что въ правленьѣ, наукъ и худо-
жествъ,
Во превосходствѣ съ нимъ могъ бы поспо-
рить?
Нѣтъ! не дерзнетъ ужъ никто, какъ онъ только,
Быть возвеличенъ подвижниковъ въ ликѣ
Благозвучащими пѣснями достойно.

Богъ твой покровъ, о, Хиронъ!
Нѣжно онъ бдитъ надъ тобою,

Коль онъ не сниметъ впредь длань,
Взыду на красный холмъ Кроновъ
И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляетъ,
Какъ быстролетную стрѣлу,
Взнесся тотъ симъ, а сей онымъ:
Ты же надъ всѣми вершина.
Шествуй же, въ долъ не взирая,
Сей и всегда выотою:
Благо съ тобой жить мнѣ, витязь!
Грецію пѣсни освѣтятъ.

(¹) Переведена съ Нѣмецкаго Языка въ 1806 году, въ деревнѣ Званкѣ.

CXLI.

НЕЗАБУДОЧКА. (¹)

Милый незабудка цвѣтикъ,
Видишь, другъ мой, я, стена,
Бду отъ тебя, мой свѣтикъ,
Не забудь меня.

Встрѣтишься ль гдѣ съ розой нѣжной,
Иль лилеей взоръ плѣня,

Въ самой страсти неизбѣжной
Не забудь меня.

Ручейкомъ ли гдѣ журчащимъ
Зной омоешь лѣтня дня:
И въ жемчугъ водъ шумящихъ
Не забудь меня.

Вѣтерокъ ли гдѣ порханьемъ
Кликнетъ, въ тѣнь тебя маня;
И подъ устъ его дыханьемъ
Не забудь меня.

(¹) Это стихотвореніе и два слѣдующія за нимъ: *Синичка* и *Оковы*, написаны Державинымъ на Званкѣ въ 1809 году, и въ первый разъ появились въ печати въ объясненіяхъ на сочиненія Державина, изданныхъ О. П. Львовымъ.

СХІІ.

СИНИЧКА.

Синичка весення!
Тиликать престань:
Во время осенне
Зяблику дань
Ты платишь, и таешь,
Вздыхаешь.

Любить всѣмъ въ природѣ
Судбой суждено,
Но въ птичьемъ народѣ,
Ахъ! нужно одно,
Что если пылаешь,
Вздыхаешь;

То помни, что лѣто
Тотчасъ протечетъ;
Что сердце нагрѣто
Лишь страстью поетъ;
Но хладъ какъ встрѣчаешь,
Вздыхаешь,

Такъ выбери жъ птичку
Такую себѣ,
И въ осень синичку
Чтобъ жала къ себѣ
И хладу не знала,
Вздыхала, вздыхала, вздыхала.

СХІІІ.

О К О В Ы.

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Вырвавъ волосъ, привязала
Къ красотамъ меня своимъ.
Ставъ сей скованъ цѣпью нѣжной,
Я прервать ее хотѣлъ;
Но, чрезъ опытъ, и желѣзной
Тверже цѣпи я нашелъ.
Съ самой той поры я въ скукѣ,
Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь.
Не могу съ ней быть въ разлукѣ,
Волосомъ за ней влежусь.
Тѣмъ лишь только облегчаюсь,
Что къ ней ближе приближаюсь
И касаюсь сладкихъ устъ.

CXLIV.

ВАСНЯ,

НАПИСАННАЯ ВЪ КАЛУГѢ, 1802 ГОДА.

Рубилъ крестьянинъ дубъ близъ корня топоромъ,
Звучало дерево, пускало шумъ и громъ,
И листья на вѣтвяхъ хотя и трепетали,
Близъ корня видючи топоръ,
Но, въ утѣшеніе себѣ, съ собою болтали,
По лѣсу распуская всякій вздоръ.—
И дубъ, надѣясь на корень свой, гордился,
И презиралъ мужичій трудъ;
Мужикъ же все трудился
И думалъ между тѣмъ: пускай ихъ врутъ:
Какъ корень подсѣку, и вѣтви упадутъ!

CXLV.

ТОРЖЕСТВО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II, (1)

ОТПРАВЛЕННОЕ ВЪ ТАМБОВЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ

ДЕРЖАВИНЫМЪ, ВЪ ЕГО ДОМЪ,

1786 ЮНЯ 28.

О С О Б Ы,

СОСТАВЛЯВШІЯ КАДРИЛЬ И ХОРЫ
(большею частію дѣти).

Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Лаврентій Семеновичъ Журавченко.
Иванъ Петровичъ Ивановъ.
Анна Николаевна
Прасковья Николаевна } Свѣчины.
Надежда Николаевна
Княжна Катерина Ивановна Давыдова.
Иванъ Михайловичъ Ушаковъ.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Надежда Матвѣевна Булдакова.
Михайла Николаевичъ Кормилицынъ.
Катерина Степановна Беклемишева.
Николай Дмитріевичъ Хвощинской.
Фіона Ивановна Комсина.
Николай Степановичъ Беклемишевъ.
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Борисъ Дмитріевичъ Хвощинской.
Елена Николаевна Охлебинина.
Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Анна Никитишна Салькова.
Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Катерина Прохоровна Ерина.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Каролина Ѳедоровна фонъ-Мелина.

*Стихи въ хоръ соображены были съ музыкою и-на
Паизелло.*

Въ древнія времена въ Аѣинахъ былъ обычай составлять торжество богинѣ Минервѣ, страну Аттическую покровительствовавшей. Оно установлено было для поощренія къ добродѣтели, и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ храмъ жертвъ, главный жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами. Во время шествія они пѣли стихи, подобные ниже слѣдующимъ, въ честь ихъ покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, Хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодареніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ останавливались. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотворенію въ древности. Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему аѣинейскому обыкновенію, Тамбовское Благородное Общество, торжествуя день восшествія на Престолъ Ея Величества, составило кадрили изъ благородныхъ обою пола дѣтей, которыя, будучи одѣты въ бѣлое греческое платье и украшены цвѣточными перевязями, подъ предводительствомъ Хорега, представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлерей храма. Во время шествія ихъ слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

ХОРЪ.

гимнъ богинѣ.

Премудрая Аѳина!
Всещедро божество!
Ты намъ покровъ едица,
Ты наше торжество.

Благоволи пробавить,
Почтить того, прославить,
Кто только лишь Твою
Одну святую волю
И Твой законъ хранить,
Счастливитъ смертныхъ долю,
Не мститъ, благотворитъ,
И по путямъ лишь чести
Влечетъ къ себѣ сердца.—
Достоинъ не изъ лести
Тотъ славы и вѣнца.

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ Главнокомандующему въ губерніи (*), поднесли ему: юноша вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица—корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ краткимъ привѣтствіемъ:

юноша.

«За оказанныя благодѣянія здѣшнему обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія.»

(*) Г-ну Гудовичу.

ДѢВНИЦА.

«Позволь, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми.»

По данному начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія картины:

I.

Солнце въ полномъ свѣтѣ, посреди котораго вензловое имя Екатерины Вторыя освѣщало лучами своими полсвѣта, на которомъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами поднимали крылья, дабы воспарить къ сему благотворному свѣтилу.

НАДПИСЬ:

Твой свѣтъ насъ воскреляетъ.

II.

Геркулесъ, въ груди котораго вензловое имя Екатерины Вторыя, облеченный во львиную кожу, стоитъ, облокотясь на свою палицу, попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгають, а младенцы, играя вокругъ его, разсыпають цвѣты.

НАДПИСЬ:

Тебя мы не боимся.

III.

Апполонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной четырьмя огненными конями. Отъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. Мраки исчезаютъ. Пришествію его радуется природа. Лебеди и прочія пернатые машутъ крылами и прославляютъ его пришествіе.

НАДПИСЬ:

Торжествуемъ приходъ своего благодетеля.

(¹) Сочинено въ Тамбовѣ 1786 года, въ бытность тамъ Державина гражданскимъ губернаторомъ.

CXLVI.

ПРОЛОГЪ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ СЪ МУЗЫКОЮ,

НА ОТКРЫТІЕ ВЪ ТАМБОВѢ

ТЕАТРА И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ БЛАГОРОДНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

НА ТЕАТРѢ ВЪ ДОМѢ ГУБЕРНАТОРА ДЕРЖАВИНА (')

1786 ноября 24.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Пустынникъ. Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Геній. . . . Дѣвица Анна Матвѣевна Бибикова.
Мельпомена, Дѣвица Марья Григорьевна Орлова.
Талія. . . . Дѣвица Марья Дементьевна Чичерина.
Дѣти. . . . Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Мальчики съ рѣчьми . . . Николай Дмитріевичъ Хво-
щинскій.

Николай Степановичъ Беклемишевъ.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Борисъ Дмитріевичъ Хвощинской.
Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Дѣвицы безъ рѣчей. Надежда Матвѣевна Будда-
кова.

Фіона Ивановна Комсина.
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Елена Николаевна Охлебинина.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Анна Никитишна Салькова.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Катерина Степановна Беклемишева.
Музыка. . . . Первый хоръ г-на Журавченка.
Второй хоръ г-на Раупаха.
Декораціи и платье г-на Барзантія.

ПРОЛОГЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонить деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти разнаго состоянія отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. По укрощеніи бури, выходитъ Пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ.

ПУСТЫННИКЪ.

О, дикій, темный лѣсъ, ⁽¹⁾ но въ дикости прекрасный

Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ:
Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ?—Ахъ, нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе кто за мною идутъ въ слѣдъ...

(Рубить сучья, которые, упадая, открываютъ просѣкъ.)

Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ:—дорога къ свѣту есть.

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляетъ на проложенной Пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ; но онѣ тотчасъ закатываются: восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце, которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или Духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакъ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.

ГЕНІЙ.

(Сопедши съ облака, удивляется красотѣ и величеству свѣтила.)

Краса вселенныя, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, отраднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобъ я съ круговъ эира
Слетѣлъ и обозрѣлъ величество твое.
Оно божественно! Все чувствіе мое
Несмѣтныхъ благъ твоихъ плѣненно красотою:
Я восхищенъ тобою!

И если мой небесный, чистый жаръ,
Усердіе и чувства благородны

Тебѣ угодны:

Въ благопріятный даръ

Прійми его.

Отъ свѣта твоего

Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,

Я приложу старанье,
И лѣсъ сей просвѣтитъ готовъ.

(Беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ:)

Внимай меня, кто бѣ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный, ⁽²⁾
Послушайте! себѣ желаетъ кто добра,
Дражайшаго стократъ и злата и сребра,
Котораго никакъ не похищаютъ воры,
Не подкопаетъ тать: не медля, будьте скоры,
Слѣшите всѣ ко мнѣ богатство пріобрѣсть.

Я чувствовать учу прямую честь,

Я разумъ знаньемъ наполняю;

Просите у меня, все дать я обѣщаю,

Что можетъ честь

Принести

И сердце вспалить къ поступкамъ благонрав-
нымъ!

Прійди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ.

МАЛЬЧИКЪ.

(Выскача изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

ГЕНИЙ.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:)

Учись начальству быть послушнымъ прежде
самъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Потщуся быть послушнымъ.

Г Е Н І Й.

Кто хочет быть почтенъ, имѣть великій санъ?

(Другой мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

Г Е Н І Й.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:)

Такъ будь великодушнымъ,
Учись быть всѣмъ слугой.

М А Л Ь Ч И К Ъ.

Урокъ исполню твой.

Г Е Н І Й.

Кто хочетъ пріобрѣсть себѣ богатство, славу?

(Третій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

Г Е Н І Й.

Трудись!

М А Л Ь Ч И К Ъ.

Послѣдую сему уставу.

Г Е Н І Й.

Кто хочетъ добрымъ быть и честнымъ гражда-
ниномъ,

Любезнѣйшимъ отцемъ, послушнымъ, кроткимъ
сыномъ,

Супругомъ ласковымъ, сосѣдомъ не сварливымъ,
судьею справедливымъ,

Единымъ словомъ: кто, кто хочетъ быть счастливымъ!

(Тутъ множество мальчиковъ изъ пещеръ бѣгутъ съ распростертыми руками и кричатъ:)

Я! я! я!

ГЕНІЙ.

(Пишетъ на доскѣ, и возглашаетъ:)

Учитесь и трудитесь!

МАЛЬЧИКИ.

(Всѣ вдругъ:)

Будемъ!

Твоихъ совѣтовъ не забудемъ.

(Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающемуся эху, отзывается возглашеніемъ Генія и отвѣтами мальчиковъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАЛІЯ И МЕЛЬПОМЕНА.

МЕЛЬПОМЕНА.

Въ семъ лѣсѣ, гдѣ дика, сурова такъ природа,
Я слышу гласъ народа. —
Учиться здѣсь повелѣваютъ!

ТАЛІЯ.

(Глядя на доску.)

И грамотѣ здѣсь знаютъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

Здѣсь пишуть, кажется, и могутъ мыслить.

ТАЛІЯ.

Не можно ли ихъ намъ, сестра, къ себѣ причислить,

И краю здѣшнему услугу показать?

Мы будемъ представлять.

МЕЛЬПОМЕНА.

И то возможетъ статья.

ТАЛІЯ.

Пойдемъ же попытаться. —

Я вижу впереди учителя съ дѣтьми.

Наука, можетъ быть, межъ здѣшними людьми

Пріятна и любима.

(Подходитъ къ Генію.)

МЕЛЬПОМЕНА.

Мы странницы, пришли изъ Греціи, изъ Рима;

Насъ тамъ любили всѣ.

Я добродѣтель ободряла.

ТАЛІЯ.

А я порокъ пересмѣхала.

МЕЛЬПОМЕНА.

(Къ Генію.)

Дерзаемъ спросить: здѣсь льзяль остаться намъ?

ТАЛІЯ.

И нашъ воздвигнуть храмъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Въ сіе время, какъ Геній разговариваетъ съ Музами, дѣти снимаютъ съ дерева Учебную доску, и уходятъ съ нею въ пещеры.)

ГЕНІЙ.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моею столь много упражнен-
ный,

Я не примѣтилъ васъ. Но васъ ли вижу я?

Облегчена теперь обязанность моя.

Какое счастье! о, странницы любезны!

Вы кстати, кстати здѣсь, пренужны, преполез-
ны;

Вы нынѣ будете мнѣ помощію съ небесъ:

Сей лѣсъ

Былъ множество вѣковъ ужасно помраченнымъ,
Не очищеннымъ,

Подобно хаосу стоялъ

Стихievъ бурями стоналъ;

Но нѣкогда вертепъ сей дикій,

Пустынникъ ревностный, могущій и великій,

Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ,

Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ див-
нымъ,

По коей свѣтъ,

Спомоществуемый лучами трехъ планетъ, (з)

Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;

И лѣсъ

Поднесъ

Едва лишь освѣщеннымъ былъ,

Иль только просвѣщеннымъ слыгъ;
Но наконецъ сіе великое свѣтило,
Взошедъ на высоту небесъ,
Свой лучезарный блескъ спустило
На этотъ лѣсъ.

Отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ, } (•)
Отъ тихихъ до сердитыхъ, }
Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучъ;
Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,
Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,
Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!
Препоны нѣтъ ему нигдѣ;
Вездѣ

Все движется; живетъ, растетъ и расцвѣтаетъ,
Все животворный огонь вкушаетъ, ощущаетъ;
Кремень преобразается въ алмазъ, (•)
И испускаетъ все благодаренья гласъ!
Блистаніемъ его и я здѣсь пребываю:

Ему служу,
Разсадникъ свѣта развожу, } (•)
Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю.— }
Ступайте! время вамъ
Здѣсь вашъ воздвигнуть храмъ.

Ступайте! голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ вия-
тенъ,
Оберегатель правъ (•) здѣсь вамъ благопріа-
тенъ.

Ты, Мельпомѣна, намъ доброты возвѣщай
И подвизаться въ нихъ героевъ поощрай;
А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ искус-
нымъ

Пересмѣхай пороки, и дѣлай его гнуснымъ.
Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:
Вы умягчайте ихъ игрой своею и тономъ,
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь (8). Примите у меня
орудіе свое.

(Вынимая изъ облака, подаетъ Мельпоменъ кинжалъ.)

МЕЛЬПОМЕНА.

Велѣніе твое

Храня,

Я все противное законамъ, правдѣ, чести,
Любви къ отечеству и вѣрности къ Царю,
Все то, что по слѣдамъ пойдетъ коварства, ле-
сти,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
Не пощадя себя, на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

ГЕНИЙ.

(Вынимая изъ облака маску, подаетъ Талію.)

Вотъ, Талія, тебѣ личина и твоя.

ТАЛІЯ.

Я знаю, должность въ чемъ моя.

Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто не нарочно,
Все то, что скaredно, и гнусно, и порочно,
И такъ и сякъ, ни въ комъ, никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,

Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кашеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,
Господъ немилосердыхъ
И мудрецовъ безвѣрныхъ,
На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ;
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло покажу;

Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться,
Плевать на нихъ, мерзить, освистывать, ругаться;
А буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ; —
Будь баринъ, будь слуга; но будетъ мнѣ любезенъ.

Г Е Н І Й.

Не сомнѣваюсь я, нелестные друзья!
Не тщетна, кажется, надежда въ васъ моя.
Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,
И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣтите.
Но прежде намъ сего пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту
путь
И столь въ немъ расширилъ любезну свѣтозар-
ность:
Намъ должно торжествомъ принести тѣмъ бла-
годарность.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лѣсъ исчезаетъ. Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колоннадою, въ концѣ которой видѣнъ храмъ Просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медаліонами. Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тусклѣмъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензловое имя Петра I. Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ, представляетъ вензловое имя Екатерины II. — Хоры пѣвчихъ. Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь, и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена — на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторонамъ.

ГЕНІЙ.

(Обращаясь къ первому обелиску.)

Начнемъ!

И прежде нѣснѣ тому мы воспоемъ,

Кто въ свѣтъ

Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

ХОРЪ.

(Тихо, безъ музыки.)

Ко скипетру рожденны руки

Онъ въ трудъ несродный простиралъ;

Звучатъ донесъ по свѣту звуки,

Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:

Безсмертенъ Ты, Великій П е т р ъ!

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.)

Г Е Н І Й.

(Обратясь ко второму обелиску.)

Теперь мы возгласимъ то славное свѣтило,
Что вѣщшіе лучи на край сей низпустило.

Х О Р Ъ.

(Громогласно съ музыкою.)

Сіяй; любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей!
Сіяй, утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіяй, несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Е к а т е р и н а !

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ
цвѣточными гирляндами второй обелискъ.)

Т А Л І Я.

Начну я отправлять мою теперь же должность,
И вамъ Комедію представлю: *Такъ и должно* ^(¹).

(¹) Сочинено, въ Тамбовѣ, въ 1786 году, и тогда же напечатано.

Первый стихъ относится къ тогдашнему положенію благороднаго общества въ Россіи. Во всѣхъ почти мѣстахъ, отдаленныхъ отъ многолюдныхъ городовъ, равно и въ Тамбовѣ, гдѣ находился авторъ, вѣжливое обращеніе въ благородныхъ собраніяхъ было рѣдко. Люди, не видавшіе ничего, кромѣ деревни, не понимаютъ, что такое вѣжливость, и вниманіе къ другимъ, въ которыхъ нѣтъ имъ ни какой надобности: они всегда первые въ своихъ деревняхъ и притомъ ограничены на счетъ общественныхъ наслажденій. Авторъ, почувствовавъ такой недостатокъ и поставивъ въ обязанность своего званія слѣдовать благороднымъ видамъ

Императрицы Екатерины, нашелся въ необходимости изыскивать способы пріохотить людей, такъ сказать, къ выходу изъ темнаго лѣса на свѣтъ, и усилить ихъ взаимныя сношенія. Онъ началъ забавой и любопытствомъ, полагая сіи два способа дѣятельнѣйшими къ открытію онѣмѣлыхъ понятій въ глуши и уединеніи; устроилъ въ своемъ домѣ благородный театръ, на которомъ дѣти обоого пола изъ благородныхъ семействъ забавлялись и радовали своихъ родителей сначала представленіемъ дѣтскихъ нравственныхъ драмъ и комедій; завелъ танцевальное дѣтское собраніе одинъ разъ въ недѣлю, для чего выписалъ танцевальнаго учителя, которому родители платили по 50 коп. за урокъ; квартира и столъ для учителя были готовые въ домѣ губернатора; уговорилъ собирать въ его домѣ дѣтей, и учить ихъ грамматикѣ и началамъ арифметики, пригласивъ къ тому учителя изъ народнаго училища; два раза въ недѣлю назначилъ концерты и собранія. Всѣми сими заведеніями занималась первая жена автора; самъ же губернаторъ, озабоченный должностію, былъ приглашаемъ въ сіи собранія по билетамъ; въ то же время при Губернскомъ Правленіи была заведена Державинымъ типографія, въ которой печатались свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнѣ хлѣба, о бѣглыхъ людяхъ, о продажахъ разныхъ имуществъ, о подрядахъ и поставкахъ, и проч. и тутъ же печатались статьи изъ переведенныхъ тамошнихъ дворянствомъ книгъ; это былъ первый опытъ губернскихъ вѣдомостей, нынѣ издающихся повсемѣстно. Для обученія церковному пѣнію учредилъ въ народныхъ училищахъ особый классъ, гдѣ давалъ уроки отставной придворный пѣвчій; для заведенія разныхъ сельскихъ машинъ, выписанъ былъ особый механикъ и проч.

Пустынникъ. Пустынникъ здѣсь изображаетъ Государя Петра Великаго.

Солнце. Аллегорическое отношеніе къ Императрицѣ
Екатеринѣ.

(²) Народныя училища были открыты для всѣхъ состояній.

(³) Императрицы: Анна, Елисавета и Екатерина II.

(⁴) Отъ Бѣлаго Моря до Чернаго, отъ Каспійскаго до Балтійскаго.

(⁵) Подъ симъ стихомъ разумѣется извѣстная рѣчь, сказанная однодворцемъ Захаріемъ. Она была помѣщена въ повременныхъ изданіяхъ.

(⁶) Относится къ заведенію училищъ для просвѣщенія народа.

(⁷) Намѣстникъ.

(⁸) Театръ не долженъ имѣть другой цѣли, кромѣ поученія, и нравственныхъ живыхъ примѣровъ.

(⁹) Подъ симъ названіемъ была одна остроумная комедія, сочиненная Михайломъ Ивановичемъ Веревкинымъ, который въ то время, когда авторъ обучался въ Казанской Гимназіи, былъ ея директоромъ. Комедія эта избрана была на первый разъ потому, чтобы почтить память начальника автора, и чтобы осмѣять крючкотворцевъ, которыхъ еще большое стадо засталъ губернаторъ у производства дѣлъ.

СХLVII.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА,

БЫВШАГО ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТІЯ ГОРОДА ИЗМАИЛА,

ВЪ ДОМѢ

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО,

БЛИЗЪ КОННОЙ ГВАРДІИ,

ВЪ ПРИСУТСТВІИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ ІІ ⁽¹⁾

1791 апрѣля 28.

Для сего торжества составлена была кадрили изъ 24 паръ, въ которой удостоили принять участіе Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, Государь Императоръ Александръ Павловичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ. Прочія особы обоего пола были изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій, и всѣ въ великолѣпнѣйшемъ убранствѣ.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА.

Пространное и великолѣпное зданіе, въ которомъ было празднество, не изъ числа обыкновенныхъ. Кто хочетъ имѣть объ немъ понятіе, прочти, каковы были загородные дома Помпея и Мецената. Наружность его не блистаетъ ни рѣзбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ—его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ и составляетъ его преддверіе. Торжественныя врата съ надписью: «Екатеринъ Великой,» сооруженныя изъ двухъ огромныхъ гранитныхъ и четырехъ яшмовыхъ столповъ, съ позлащенными подножіями и надглавіями, ведутъ изъ притвора въ кругловой чертогъ, подобный Аѳинскому Одеуму.

Любопытство остановило бы здѣсь осмотрѣть печи изъ лазуреваго камня, обширный куполъ, поддерживаемый осмью столпами, стѣны, представляющія отдаленные виды, освѣщенные мерцающимъ свѣтомъ, который вдыхаетъ нѣкій священный ужасъ; но встрѣчающаяся внезапно изъ осьмнадцати столповъ сквозная преграда, отдѣляющая чертогъ сей отъ послѣдующаго за нимъ, поражаетъ взоръ и удивляетъ. На верху вкругъ висящія хоры съ перилами, которыя обставлены драгоцѣнными китайскими сосудами и съ двумя раззолоченными органами, раздѣляютъ

вниманіе и восторгъ усугубляютъ. Что же увидишь, вступя во внутренность? При первомъ шагѣ представляется длинная овальная зала или, лучше сказать, площадь, пять тысячъ человѣкъ вмѣстятъ въ себя удобная, и раздѣленная въ длину въ два ряда еще 36-ю столпами. Кажется, что исполинскими силами вмѣщена въ ней вся природа. Сквозь оныхъ столповъ видѣнъ обширный садъ и возвышенныя на маломъ пространствѣ зданія. Съ перваго взгляда усомнишься и согласишься, что сіе есть дѣйствіе очарованія, или по крайней мѣрѣ живописи и оптики; но приступивъ ближе, увидишь живые лавры, мирты и другія благорастворенныхъ климатовъ древа, не токмо растущія, но иныя цвѣтами, а другія плодами обремененныя. Подъ мирною тѣнію ихъ, индѣ какъ бархатъ, стелется дернъ зеленый; тамъ цвѣты пестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дороги пролегаютъ, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, блистаютъ стеклянные водоемы. Вездѣ царствуетъ весна, и искусство споритъ съ прелестями природы. Плаваешь духъ въ удовольствіи. Но едва успѣешь насладиться издали зрѣніемъ вертограда, нечувствительно приходишь къ возвышенному на ступеняхъ сквозному алтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживаютъ сводъ его. Вокругъ оваго утверждены на подставкахъ яшмовыя чаши, а сверху висятъ лампы и цвѣточные цѣпи и вѣнцы; посреди же столповъ на порфировомъ подножіи съ зла-

тою надписью (*) блистаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ божества, щедротою котораго воздвигнуть домъ сей (**). Единое воззрѣніе на него раждаетъ благоговѣніе, и воспламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ. Сколько людей великихъ, смотря на него, изъ почтенія, или изъ любочестія проліютъ слезы! но можетъ быть, для того, что не легко достигнуть подобнаго обожанія и славы. Алтарь сей окруженъ лабиринтомъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ его, между древесными вѣтвями, показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ древности мужей, изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ сосуды, на подножіяхъ возвышенные. На зеленомъ лугу, позади алтаря, стоитъ высокая, алмазовидная, обдѣланная въ злато, пирамида. Она украшена висящими гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ цвѣтнопрозрачныхъ каменьевъ составленными. Верхъ ея, изъ каменьевъ же, увѣнчанъ лучезарнымъ именемъ Екатерины Второй. Симъ блестящимъ памятникомъ хозяинъ хотѣлъ, кажется, изобразить твердость и сіяніе вѣчной славы своея Благотворительницы. Лучи солнечные, сквозь стѣну, или забралъ стекляныхъ, ударяя въ него, отражаются, и, преломляясь нѣсколько кратъ въ

(*) На семъ подножіи надпись: *Матери отечества и мнѣ премилосердой.*

(**) На портикъ дома надпись: *Отъ щедротъ Великой Екатерины.*

тѣлахъ столь же прозрачныхъ, такое произво-
дятъ радужное сверканіе, котораго описать не
можно. Иногда въ самыхъ мрачныхъ тѣняхъ
мелькаютъ пурпуровыя и златыя зари. Нельзя
лучше представить Добродѣтель, разливающую
всюду свое сіяніе. За обелискомъ, въ самой глу-
бинѣ вертограда, зеркальная пещера. Внутри
оной водный кладезъ и купель рѣзная изъ па-
росскаго мрамора, выше роста человѣческаго.
Такія же двѣ стоятъ по концамъ залы предъ
двумя возвышеніями, изъ коихъ на одномъ по-
мѣщается многочисленный хоръ музыки, а на
другомъ избраннѣйшая бесѣда. Для прочихъ го-
стей устроены между столповъ ложи. Вездѣ ви-
дѣнъ вкусъ и великолѣпіе; вездѣ торжествуетъ
природа и художество; вездѣ блистаетъ грани-
тый кристалъ, бѣлый мраморъ и зеленый цвѣтъ,
только глазамъ пріятный. По приличности, ви-
сятъ цвѣточные вѣнцы и вѣнцы, а по надобности
лампады и фонари. Невѣроятной величины зер-
кала! Всѣ они надъ предметы усугубляютъ, ин-
дѣ увеличиваютъ, а индѣ удаляютъ и умаля-
ютъ. Притомъ сладкогласное пѣніе птицъ,
пріятное благовоніе ароматовъ, содѣлывая сіе
жилище нѣкою новою поднебесностію, или вол-
шебною страпою, заставляютъ каждого въ вос-
торгѣ самого себя вопрошать: не се ли Эдемъ?—
Кромѣ торжественныхъ вратъ, еще четырьмя
большими дверями проходятъ изъ сего чертога
однѣми во внѣшній садъ, а другими въ прочіе
покои. Хотя по множеству оныхъ, простра-

ству и богатымъ приборамъ, приличнымъ болѣе роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая ихъ въ единой токмо блаженной природѣ; однако въ изумленіи своемъ чаешь быть въ цвѣтущей Греціи, гдѣ Одеумъ, Лицея, Стадіи, Экседры и Театры изъ разныхъ городовъ и мѣстъ собрались, и въ одномъ семъ зданіи воскресли. Тамъ, отдѣлено довольное пространство, гдѣ мужественная юность можетъ упражняться въ военныхъ тѣлодвиженіяхъ и прочихъ гимнастическихъ играхъ; здѣсь, любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія. Тамъ, плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо-Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всей Италіи; здѣсь, эстампы съ оныхъ взоры привлекаютъ. Тамъ, азіятской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь, европейскіе драгоцѣнные ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ, уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ; здѣсь, обсаженная древами прямо-видность представляетъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ собирать академию и преподавать свою философію. Словомъ, для всякаго возраста, пола и состоянія находятъся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждаго, съ пріятностію время препроводить можно. Вездѣ достаточная и пристойная услуга, рѣдкая утварь, всего обиліе; и если бы ка-

кой властелинъ всемогущаго Рима, преклоня подъ руку свою вселенную, пожелалъ торжествовать звуки своего оружія, или отплатить угощенія своимъ согражданамъ: то не могъ бы для праздника своего создать бóльшаго дома, или лучшаго великолѣпія представить. Казалось, что все богатство Азіи и все искусство Европы сокуплено тамъ было къ украшенію храма торжествъ Великой Екатерины. Едва ли есть нынѣ гдѣ такой властитель, которому бы толь обширное зданіе жилищемъ служило.

Великолѣпные чертоги

На столько разстоятъ локтяхъ,

Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги,

Едва въ ихъ слышатся концахъ.

Надъ возвышенными стѣнами,

Какъ небо, наклонился сводъ;

Между огромными столпами

Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ.

Если домъ по сему описанію заслуживаетъ вниманіе: то празднество, бывшее въ немъ, еще болѣе.

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію Великой Государыни и Ихъ Высочествъ, и по народному зву знатнаго обоого пола дворянства, къ 6-ти часамъ по полудни всѣ собрались. Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы, но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы безъ сомнѣнія пригласить такое же, или еще большее число гостей. Наконецъ прибылъ Дворъ. Въ

самое то время на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, взыграли трубы, и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу Всемиловѣйшей Обладательницы: простосердечное *ура* наполняло воздухъ. Самая лучшая похвала доброму Государю радостный кликъ его народа. Подъ симъ гласомъ искренности, хозяинъ встрѣтилъ Высочайшихъ своихъ Посѣтителей въ подобающемъ Августѣйшему Ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданническаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячъ гостей на священныхъ Императорскихъ Особъ, вступившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище.

Во древни времена такъ боги

На олимпійски торжества,

Оставя горніе чертоги

И свѣтлы троны божества,

Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора

Сіяніе лучей своихъ:

Среди народнаго собора

Священное прибытіе ихъ

Подобно также познавалось,

Какъ сходить къ намъ когда заря:

Роптанье вѣтровъ укрощалось,

Румянились эфиръ, моря;

Вниманье на горахъ блистало,

Поля лобзала тишина.
Все бrenно естество молчало,
Смотря, какъ шествуетъ Она;
Ея улыбка разливала
На всю природу блескъ и свѣтъ.

Какъ скоро Высочайшіе Посѣтители созво-
лили возсѣсть на пріуготовленные имъ мѣста,
то вдругъ загремѣла голосовая и инструмен-
тальная музыка, изъ трехъ сотъ человѣкъ со-
стоявшая. Торжественная гармонія разлилась по
пространству залы, выступилъ отъ алтаря хо-
роводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знамени-
тѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и
юношей составленный. Онѣ одѣты были въ бѣ-
лое платье столь великолѣпно и богато, что од-
нихъ брилліантовъ на нихъ считалось болѣе, не-
жели на десять милліоновъ рублей. Сіе младое и
избранное общество тѣмъ болѣе возбудило въ
Россіянахъ восторгъ, что Государи Великіе
Князья Александръ и Константинъ Павловичи
удостоили Сами быть въ ономъ. Видѣли Россіяне
соприсутствующу веселію ихъ любезную Ма-
терь Отечества, кроткую и мудрую свою Облада-
тельница; видѣли при Ней мужественнаго Ея
Сына и достойную Его Супругу, украшенныхъ
всѣми добродѣтелями; видѣли молодыхъ Ихъ
чадъ, Великихъ Князей и Княженъ, радостную
и твердую надежду будущаго Имперіи блажен-
ства, а притомъ послѣднихъ въ сообществѣ съ
дѣтьми ихъ. Какою радостію, какимъ востор-
гомъ наполняло сіе ихъ чувства, и что изобра-

жалося на ихъ то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того ни какое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадрили, такъ сказать изъ юныхъ Грацій, младыхъ полубоговъ и героевъ составленная, открыла балъ польскимъ танцемъ. Громкая музыка его сопровождается была литаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ Польскаго же были слѣдующія:

ХОРЪ 1. (*)

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрясь.
Славься симъ, ЕКАТЕРИНА!
Славься, нѣжная къ намъ МАТЬ!

Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, ЕКАТЕРИНА!
Славься, нѣжная къ намъ МАТЬ!

Ужъ не могутъ Орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость визится Селима,
И блѣднѣетъ онъ съ луной.

(*) Музыка ко всѣмъ хорамъ, кромѣ VI, сочиненія Козловскаго.

Славься симъ, ЕКАТЕРИНА!
Славься, нѣжная къ намъ МАТЬ!

Стонъ Синила (*) раздается
Днесъ въ подсолнечной вездѣ;
Зависть и вражда мятется
И терзается въ себѣ.
Славься симъ, ЕКАТЕРИНА!
Славься, нѣжная къ намъ МАТЬ!

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенной мы простерть.
Славься симъ, ЕКАТЕРИНА!
Славься, нѣжная къ намъ МАТЬ!

Зри, премудрая Царица!
Зри, великая Жена!
Что Твой взглядъ, Твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.
Славься симъ, ЕКАТЕРИНА!
Славься, нѣжная къ намъ МАТЬ!

Зри на блещущи соборы,
Зри на сей прекрасный строй:
Всѣхъ сердца Тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, ЕКАТЕРИНА!
Славься, нѣжная къ намъ МАТЬ!

(*) Древнее названіе Измаила.

ХОРЪ 2.

Возвратившись изъ походовъ,
Принеся съ собою трофей,
Среди звуковъ, среди громовъ,
Плодъ побѣды вы своей
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, честію вѣнчанны!
Торжествуйте, ликовствуйте,
Наполняйте плескомъ свѣтъ!
Всей вселенной доказуйте,
Что храбрѣй насъ въ свѣтѣ нѣтъ;
Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе
Васъ, Царямъ своимъ вѣрнѣе!

Вы въ поляхъ ли гдѣ сражались,—
Били тысячи вы стомъ;
На моряхъ ли въ бой пускались,—
Флоты рушили огнемъ.
Гдѣ вы грады осаждали,—
Страшны стѣны ихъ упали,
Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
Раздалася слава въ свѣтъ,
Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
Сопротивника днесъ нѣтъ;
Нѣтъ имъ спорника во брани,
Рвутъ вездѣ ихъ лавры длани.

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
Исторженныхъ у враговъ;
Вамъ, Россіянки, даруемъ
Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
Раздѣляйте съ нами славу,

Честь, утѣхи и забаву;
Раздѣляйте, ободряйте
И впередъ къ побѣдамъ насъ;
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашъ надъ нами силенъ гласъ;
За одинъ вашъ взглядъ любви
Лить мы рады токи крови.

За одну Твою щедроту,
За одинъ Твой кроткій взглядъ,
Сердце душу, жизнь, охоту,
Россъ принести на жертву радъ.
О, любезна Мать народа!
Вѣрь, что щедрая природа
Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
Чтобы звучны чудеса
Съ храбрымъ Россомъ Ты творила.
Продолжите, Небеса,
Продолжите Ея лѣта
Къ удивленію вы Свѣта!

Расположеніе пляски всей кадрили, которая
чрезъ нѣсколько колѣнъ Польскаго прерывалась
контратанцами, было изобрѣтенія самого хозяи-
на. Славный Пикъ искусствомъ своимъ сооб-
щилъ ей всю пріятность какъ въ важныхъ,
такъ и въ веселыхъ тѣлодвиженіяхъ. Что вы
предъ симъ, буйныя, пьянственные и шутов-
скія позорища! что вы предъ симъ?

Не такъ ли, Лира восхищенна,
Въ Пиндаровы пѣвѣтущи дни,

Была при торжествахъ почтенна?
И онъ, возсѣдшій пальмъ въ тѣни,
Вѣнцомъ покрытый, багряницей,
Передъ премудрости Царицей
Дѣла своихъ героевъ пѣлъ,
Рукой златыя движа струны.
Какіе сладкіе перуны!
Какой огонь отъ нихъ летѣлъ!

Подъ поражающимъ согласьемъ
Его пріятныхъ сердцу стрѣлъ,
Орелъ, нагнувъ на перси выю,
И млечнымъ облакомъ сокрывъ
Въ полъ-яблока зѣницы быстры,
Хребтомъ пернатымъ тихо зыблясь,
Дремалъ, казалось, близъ его,
Спустивъ свои на розы крылья: —
Но нерастлѣнно нѣгой сердце
И духъ его парилъ у звѣздъ.

И самыя забавы,
И самая любовь,
Наукой были славы
И къ подвигамъ жгли кровь
Души благородной.
Что слухъ внялъ восхищенной,
Что зрѣлъ прельщенный взоръ,
То юность вся твердила
И по домамъ своимъ,
По тѣмъ стезямъ ходила,
Что пѣлъ пѣта имъ,
И что гремѣлъ ихъ хоръ.

Онъ пѣлъ имъ витязей ристанье
И крики на коней возницъ,
И молній по мечамъ блистанье,
И пылъ столпомъ отъ колесницъ;
Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы,
Желаніе честей и славы,
И къ общему любовь добру;
Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
Вдыхалъ къ порокамъ омерзенье,
Мздоимну злату, серебру.

Сѣдые старцы, преклоненны
Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
Внимая добродѣтель чтиму,
Струили токъ блестящихъ слезъ.
Пріятно было имъ то слышать,
Что хвалятъ добры ихъ дѣла;
Но сердцу ихъ еще стократъ
Того милѣй и слаще было,
Что тотъ же на сынахъ ихъ видѣнъ
Былъ знакъ ко славѣ страстныхъ
душъ.

Минерва съ Марсомъ зрѣли
На юношъ полкъ молодыхъ,
По взорамъ разумѣли
Свою породу въ нихъ;
И чрезъ лѣта толики
Кто Александръ Великій,
Кто будетъ Константинъ;
Божественные взгляды
Свою читали честь

И весь въ Нихъ блескъ Элады:
Тотъ грома къ Персамъ несть,
Сей вновь постройтъ Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіи танцы кадрили сопровож-
дались громкою музыкою и хорами, воспѣвав-
шими побѣды, кажется, не съ инымъ какимъ
намѣреніемъ, какъ чтобы, по примѣру древнихъ,
возбуждать юношество къ славѣ. Пріятно было
видѣть нѣкоторыхъ молодыхъ людей, столько
симъ тронутыхъ, что слезы у нихъ на глазахъ
являлись.

Что принадлежитъ до прекраснаго пола, то
развѣ только Анакреонъ изобразилъ бы всѣ его
прелести.

Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
О, пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ:
Безъ вина бы и безъ хмеля
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
И въ мечтѣ, иль въ восхищеньи
Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ,
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ,
Иль на аленькомъ листочкѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ,
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда сюда-летаетъ,

И садится онъ по Нимфамъ,
То на ту, то на другую,
Какъ садятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младае.
Онъ у той блисталъ во взглядахъ,
У иной блисталъ въ улыбкѣ,
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце,
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще:
Не пролетывали мимо, —
Попадали прямо въ душу.
И душа бѣ твоя томилась,
Уязвленная любовью:
Лишь Паллады щитъ небесный
Утолялъ твои бы вздохи.

Въ продолженіе танцевъ, Августѣйшая Гостя, оказавъ Свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе, и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланный коврами и обитый драгоцѣнными тканями. Здѣсь на стѣнахъ изображена исторія персидскаго вельможи Амана и Мардохея Израильянина. Истканіе толь живо, что, кажется, слышанъ гласъ послѣдняго:

И если я не милъ того Вельможи оку, (²)
Ты вѣдаешь, могу ль я быть рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все, о, кроткая Эсѣирь,
Владычица сердець и красота порфирь?
Судьба на тронъ тебя съ тѣмъ царскій возводила,

Чтобъ милость ты и судъ на тронѣ воцарила,
Невинность бы спасла, низвергла бѣ клевету,
И сердце нѣжное и духа высоту
Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
Ты мудростью бѣ примѣръ мужей великихъ
стала!

Между тѣмъ, какъ разсматривая здѣсь обои, воображеніе мечтало сіе или что либо сему подобное, разумъ съ почтеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина, или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію, и который подобными правоучительными бытіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ, (s) обвѣшанный жемчужными бахрамами, украшенный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ. Онъ былъ какъ бы живъ, и поставленъ нарочно на стражѣ у Ассира, предъ которымъ происходила помянутая исторія. Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представленія. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному Высочайшихъ своихъ Посѣтителей, и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензловое Имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія

свои чувствованія. Балетъ препровожаемъ былъ музыкою и пѣніемъ.

ХОРЪ 3.

Сколь Твоими чудесами,
Взгляда Твоего лучами,
Именемъ Твоимъ блаженны!
Сколь Тобой мы восхищенны!
Зри на наши Ты днесъ лица,
Кроткая Небесъ зѣница!
Гдѣ Твое лишь имя, взоры
Намъ возблещутъ: пѣсни, хоры
Тамъ повсюду раздаются,
Восклищанія несутся:
Всѣхъ съ Тобой мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

Засимъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій смирнскаго кушца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести російскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая переменѣна политическаго нашего состоянія! Давно ли Украина и Низовья мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ Ордъ. Давно ли? О, коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ. О, потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины. Она рекла:

Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ гра-
ды; (*)

Крылаты Этны по морямъ
Текли съ Орловымъ до Элады: } (б)
Они три свѣта потрясли. (*)

Подобны лавры возрасли
И днесъ Потемкина рукой. (?)
Коль силенъ духъ Ея средь боевъ!
Коль онъ вездѣ великъ собой!
Онъ маніемъ творилъ героевъ,
Которыхъ въ поздни времена
Дѣянья, память, имена
Гремящей славой будутъ вѣчны,
Грозой стихіевъ непресѣчны.

Уже наступила ночь, и когда изъ театра воз-
вращались въ залу, предвозвѣщено было концер-
томъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

ХОРЪ 4.

Отъ крылъ орловъ парящихъ
По Югу воетъ шумъ:
Погрязли въ морѣ флоты;
Легли въ поляхъ полки;
Съ холмовъ низверглись грады,
Затмилася луна;
Подъ Росскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

Владычица полсвѣта,
Россіянъ храбрыхъ Мать!

Въ богоподобной славѣ,
Въ сіяньи благъ Твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на понтъ,
Благоволи приникнуть
На сонмъ Твоихъ побѣдъ.

Воззри, какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни:
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ Твои сыны.
Мое жъ къ Тебѣ усердье,
Коль можно бѣ съ чѣмъ сравнить,
Давно бѣ Тебѣ вселенна
Воздвигнула алтарь.

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что жъ представилось? Сама Августѣйшая Императрица вопрошаетъ: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Сто тысячъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристалломъ, наполненнымъ возженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненныя паникадила и фонари, висящіе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни какъ жаръ горятъ, а другіе какъ воды переливаются, и совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сіяніе, все покрывали свѣтозарностію. Какой блескъ! Волшебныя зámки Шехеразады! сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ, униженнымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безсмертные пѣвцы храмовъ вкуса и

славы (*)! почто вы не видали сего великолѣпія?—
Что я вижу? тутъ играетъ яркій и живой лучъ,
и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупля-
ются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день,
разливается блескъ тонкій и умѣренный: я весь
въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горящія
полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются.
Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ.
Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью
переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между стол-
пами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по простран-
ству; зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; искус-
ство вездѣ подражаетъ природѣ. Но что, кромѣ
сего, было чрезвычайнаго, описать трудно.
Высочайшія пальмы, по подбористымъ и рав-
нымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты
какъ бы звѣздами, и горятъ какъ пламенѣющіе
столпы. Ароматныя роши обременены златопро-
зрачными померанцами, лимонами, апельсинами;
зеленый, червленый и желтый виноградъ, вѣясь
по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ
тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилей и тюльпановъ,
ананасы и другіе плоды пламенностію своею не-
изрѣченную пестроту и чудесность удивленному
взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что ви-
дишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣ-
ришь! — Но если природа, искусство, и самое,
такъ сказать, волшебство неодушевленными и не-

(*) Вольтеръ сочинилъ поэму: *Храмъ вкуса*; а Попъ:
Храмъ лавы.

подвижными предметами приводятъ здѣсь въ изумленіе: то какимъ безмолвнымъ восторгомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпѣненіемъ останавливаешься, когда внезапно находишь подъ густотою древесныхъ вѣтвей чистыя воды и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ? когда тутъ же, средь грома музыки и литавръ, слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни съ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ отдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняютъ. Такая необыкновенная и восхитительная внезапность совсѣмъ новое чувство раждаетъ. Но что съ тобою будетъ, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной Матери твоего отечества, алтарь Ея и образъ, вокругъ которыхъ по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ видны дражайшія имена всего Ея наслѣдія? (*) Всякій Россіянинъ вообразитъ и почувствуетъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, отъ благодарности за прошедшее, отъ любви за настоящее и отъ надежды ожидаемаго блага. Ежели онъ благоразуменъ, то въ умиленіи сердца скажетъ: «Сей чистый и ясный

(*) Сквозь транспараны сіяли вензловыя Имена Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Престола, Его Супруги, Великихъ Князей и Княженъ, озаренныя фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтами, знаменующими безсмертіе и надежду.

Съ Владычицею душъ, съ небесъ
Пришли
Умножить блески, звуки, радость
Торжества.
Всѣ три,
Казалось, межъ собою
Какъ будто споръ вели:
Кому быть празднества душою?
Но слава здѣсь съ вѣнцомъ лавровымъ,
Съ короною изъ звѣздъ,
На подвиги душамъ готовымъ
Трубой съ высокихъ мѣстъ
Свой огонь вливала;
Во всѣхъ сердцахъ одна торжествовала.
И Нимфъ, и Сильфъ соборы
Ея всѣ пѣли хоры,
Ея твердили гласъ,
Плясали, бѣгали, скакали,
Качались (*), въ воздухъ летали,
И всѣ согласно восклицали:
«Утѣхамъ время, дѣлу часъ!»

Между прочими танцами были также пляски по малороссійскимъ и русскимъ простымъ пѣснямъ, изъ которыхъ одна ниже сего слѣдуетъ. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое отечество нравится болѣе иностраннаго: то какое было удовольствіе видѣть предъ лицомъ

(*) Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели.

Монарха одобреніе къ своимъ увеселеніямъ? О, вы, которые не плѣняли такимъ образомъ сердце, а хотѣли быть страшными, Цари! могли ль вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

ХОРЪ 3.

На бережку у ставка

На дощечкѣ у млинка, и проч.

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма пространномъ и прекрасномъ саду вожжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оныя. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешущихся между открытоюпологою зеленью, а индѣ древами осѣненными, зыблилась флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Роши, пріятно разбросанныя, и алеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ надъ водами стоящихъ, которыя отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ на-

ходится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ въ далекѣ гребецкаго рога и пѣсень, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится отвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздать Ея ко мнѣ щедротѣ?

Величіе мое—творенье рукъ Ея;

Все счастье мое — души Ея въ добротѣ,

И слава торжества—Ея, а не моя.

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посетители внутри (и внѣ дома (*)) ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣч-

(*) Въ продолженіе бала разносимы были чай, кофе, оршадъ лимонадъ и всякіе другіе конфекты.

никами. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду.

Онъ мечетъ молнію и громы,
И рушитъ грады и беретъ;
Волшебны созидаетъ дома,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою чиститъ брилліанты
И тѣшится, на нихъ смотря.
Сегодня бурю представляетъ,
Летаетъ завтра какъ зефиръ,
И лавръ и мирты собираетъ,
И бой ведетъ и строитъ миръ;
То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ лунѣ, и смотритъ вдаль;
То рядитъ щеголей въ ботины (*),
Любезныхъ дамъ въ прелестну
шаль (**).

И если бъ онъ имѣлъ злодѣевъ,
Согласны бъ были всѣ они:
Что видятъ образъ въ немъ Про-
теевъ,
Который жилъ въ златые дни.

(*) Легкіе сапожки, которые ввелъ Его Свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ.

(**) Азіятскія тонкія покрывала, которыми Его Свѣтлость дарилъ дамъ.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были Высочайшаго Императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ Всемиловѣйшая Госудауыня и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Престола съ Высочайшею Его Супругою: партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія; всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія возносилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Владычицы, и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться Ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро:
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна классами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;

Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медь златый, древъ искрометный
сокъ,

И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфоръ, кристалъ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.

Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смот-
рѣли;

Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И спросить: кого такъ угощаетъ Свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселен-
ной?

Вскорѣ послѣ ужина, Высочайшая Посѣти-
тельница, обозрѣвъ еще веселящихся, соизволи-
ла со всѣмъ Своимъ Августѣйшимъ Домомъ у-
клонится къ покою. Уже подвезены были коле-
сницы: внезапно раздалось нѣжное пѣніе съ ти-
химъ звукомъ органовъ, нисходящее, съ вися-
щихъ хоровъ, которые закрыты были разно-
цвѣтными озаренными яркимъ цвѣтомъ стекля-
ными сосудами. Всѣ безмолствуютъ, внимаютъ
и обращаютъ всюду взоры свои, и не видя пою-
щихъ, въ пріятномъ восхищеніи думаютъ созер-
цать облака, или зари, съ которыхъ слышалось ан-

гельское пѣніе, сопровождаемое небесною гармоніею.

ХОРЪ 6.

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ Твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышетъ все Твоей душой;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей,
Если мысль, Тебя не зрѣтъ,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ?

Стой и не лети, ты, время!
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*)

По окончаніи хора, хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею Всемилоостивѣйшею Самодержицею и облобызалъ Ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе. Паки новая и трогаящая сердце картина! Великолѣпный Дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную Монархиню съ величе-

(*) Сей хоръ, взятый изъ италіанской оперы, пѣтъ на Италіанскомъ Языкѣ; но здѣсь съ перемѣною нѣкоторыхъ словъ согласенъ съ тою музыкою.

ственнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ Своимъ подданнымъ, который нѣсколько минутъ держалъ Ея десницу съ нѣкакимъ особеннымъ душевнымъ умиленіемъ. Тако оставляла божественная Минерва сына Улисса.

Низшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемаясь къ высотамъ,
Къ нему съ улыбкой зрѣла.
Отъ брони вѣтромъ звуки,
Отъ взоровъ лучъ летѣлъ:
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣлъ.

(¹) Сочинено въ 1791 году; напечатано въ 1808.

(²) Сей стихъ относится къ Князю Александру Алексѣвичу Вяземскому, который, бывъ тогда Генераль-Прокуроромъ, гналъ автора. Здѣсь авторъ желалъ показать, что вельможи часто притѣсняютъ людей, точно такъ же какъ Мардохей притѣснялъ Амана, котораго защищала Эсѣиръ. Подъ именемъ Эсѣири авторъ разумѣлъ Императрицу Екатерину, удостоившую его Своимъ покровительствомъ.

(³) Столовые часы, имѣвшіе видъ золотого слона.

(⁴) Фельдмаршалъ Румянцовъ въ военныхъ дѣлахъ, особливо противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ карреями; а Фельдмаршалъ Минихъ безъ сего способа принужденъ былъ возить за войсками рогатки, и потому не могъ дѣлать скорыхъ движеній.

(⁵) Лирикъ Петровъ называлъ первый военные корабли крылатымъ Этнами. «Я зрю крылатыхъ Этнъ непобѣдимый строй» и проч. Графъ Орловъ командовалъ эскад-

рою, которая была отправлена къ греческимъ островамъ противъ Турокъ.

(⁶) Средиземное Море, на которомъ происходила морская битва, отдѣляетъ Европу отъ Азіи и Африки.

(⁷) Князь Потемкинъ во вторую Турецкую войну начальствовалъ флотомъ въ Черномъ Морѣ.

— 288 —
СХLVIII.

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО (1)

НА

БРАЧНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢЕВИЧА

И

КНЯГИНИ

ЕЛЕНЫ НИКИТИШНЫ

ВЯЗЕМСКИХЪ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ НЕВЗНАЧАЙ

СЕМЕЙСТВОМЪ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА

ВАСИЛЬЕВА

въ селѣ Александровскомъ, въ саду,

18-го іюля 1791.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Флора . . . Катерина } Алексѣевны Василь-
Помона . . . Марья } евы, малолѣтныя
дѣвицы.

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО.

Зрѣлище представляетъ въ саду бесѣдку и въ ней сидящихъ хозяина съ хозяйкою, украшенныхъ лѣтами, почестями и добродѣтелями, окруженныхъ ихъ семействомъ. Къ нимъ входятъ въ убранствѣ Флоры и Помоны, двѣ молодыя дѣвицы съ корзинами, одна неся цвѣты, а другая плоды.

ФЛОРА.

И мы въ сіи мѣста,
Почтенная чета!
Среди семьи твоей
Пришли сораздѣлить
Пріятный праздникъ сей,
И въ сельскихъ пѣсняхъ возгласить
Тебя, почтенный мужъ!
Тебя, почтенная супруга!
Сколь счастлива семья сія, сія округа,
Познайте то въ восторгѣ нашихъ душъ.

ПОМОНА.

Взгляните вы на всѣхъ здѣсь взоры:
Во всѣхъ течетъ здѣсь ваша кровь;
Внемлите тамъ поющихъ хоры:
Они поютъ вашъ бракъ, любовь.

ХОРЪ. I, (Вдали.)

Да царствуетъ веселье здѣсь.
Утѣхи, радость, восхищенье!

Любовь! твое воспламененье,
Твой даръ мы торжествуемъ днесъ.
О, нѣжные супруги!
Се вашихъ день прахладъ,
Се вамъ здѣсь предстоятъ
Любезны ваши дѣти, други
И чада вашихъ чадъ.

ФЛОРА.

За вашу къ намъ любовь, за милость, затру-
ды,

О счастье! нашемъ попеченья,
Я въ даръ сіи цвѣты.

ПОМОНА.

А я сіи плоды

(Объ вмѣстѣ).

Подносимъ вамъ во знакъ почтенья;
Пріимите ихъ отъ насъ, отъ искреннихъ сер-
децъ,
Сего семейства мать, и ты, его отецъ!

(Ставятъ передъ ними корзинки.)

ХОРЪ II.

Мы васъ всѣ любимъ сердечно,
Милы намъ, милы вы вѣчно,
Наши плѣнили сердца;
Видимъ въ васъ мать и отца.
Будьте счастливы и здоровы,

Полны утѣхи и славы!
Всякій намъ съ вами есть край
Радость, блаженство и рай,
Рай, рай, рай!

ФЛОРА.

Любезная сестра! подъ симъ совосклищаньемъ
Почтимъ сей день своимъ невиннымъ мы пля-
саньемъ.

ХОРЪ III.

О, чета почтенна рода!
Для того тебѣ природа
Бытіе дала,
Чтобъ была его хвала!
Мы твои усердны чада
Просимъ Небо, чтобъ досада
Васъ не знала никогда;

Печаль отъ васъ бы удалилась,
Надежда радость водворилась,
Въ почтенный домъ вашъ навсегда:
Да мы, среди утѣхъ, забавы,
Среди довольствъ, блаженства, сла-
вы,
Жить будемъ вѣчно безъ вреда.

По окончаніи хора, Флора и Помона берутъ
другъ друга за руки и начинаютъ польскій та-
нецъ; прочіе жъ молодые люди почтеннаго сего
семейства встаютъ съ мѣстъ своихъ, и попарно

слѣдуютъ за ними. Потомъ Флора и Помона под-
ходятъ къ хозяевамъ, въ честь которыхъ празд-
нество сіе было, и цѣлуютъ ихъ руки. Подра-
жая сему, и другіе дѣлаютъ имъ пристойныя
знаки почтенія; и тѣмъ оканчивается сіе род-
ственное празднество.

(¹) Сочинено въ 1791 году.

СХІХ.

ПРОЛОГЪ

АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СЪВЕРЪ

ЛЮБВИ. ⁽¹⁾

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЛЮБОВЬ.

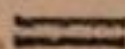
ЖРЕЦЫ.

ЮНОШИ.

ДѢВЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверѣ.

Сей прологъ былъ сочиненъ на случай разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны Великою Княжною Марією Александровною, по соображенію тогдашняго времени и обстоятельствъ; но какъ отъ автора Двору представленъ не былъ, то и не игранъ.

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ.

Театръ представляетъ на разсвѣтѣ лѣсъ, покрытый инеемъ. Въ срединѣ лѣса купа дубовъ, подъ которыми семь жрецовъ сидятъ въ бѣломъ одѣяніи. Предъ ними алтарь. Вдали видны каменные скалы съ висящими съ нихъ оледенѣлыми источниками. Музыка соображается дикою замерзлой природою, сливаясь съ шумомъ вѣтра.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Тихій, унылый, безъ музыки, изъ теноровъ и басовъ составленный.)

Долго ль инеемъ покрытый
Будетъ сей ужасенъ лѣсъ?
Свѣтлы дни уже забыты,
Видимъ въ стужѣ гнѣвъ небесъ!

ЖРЕЦЪ.

(Теноромъ поющій, приступая къ алтарю, поставяетъ предъ нимъ жертвенный треножникъ, покрытый бѣлымъ полотномъ.)

Съ первымъ бы цвѣткомъ явиться
Къ намъ должна была весна;
Но земля безплодна зрится, ⁽²⁾
Холодомъ умерщвлена.

ВТОРОЙ ЖРЕЦЪ

(Старшій, басомъ поющій, снимаетъ съ треножника покрывало.)

Часто покрываетъ мглою
Блески своего чела,
Чтобъ съ сугубой красотою
Послѣ возсіять могла.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Съ музыкаю, возставъ и приближаясь къ алтарю.)

Принесемъ же мы моленье
Благодѣтельнымъ богамъ,
Чтобъ твое произрѣченье
Скоро совершилось намъ.

ТРИ ЖРЕЦА.

(Старшій и два младше, съ музыкаю.)

Боги! наши голоса
Да коснутся неба свода!
Озарите небеса,
И воскреснетъ вся природа!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Безъ музыки.)

Чада! чада! къ намъ идите
И мольбы соедините.

(Показывается народъ, юноши и дѣвѣицы.)

ХОРЪ ОБЩІЙ.

(Съ музыкаю. Народъ, жрецы, юноши и дѣвѣицы.)

О, небо! преклонись къ молениямъ
Ты сокрушенныхъ нашихъ душъ.
Весна, прійди! и дуновеньемъ
Оковы мразныя разрушь.

Вели дыхать благоуханьямъ,
Вели раскинуться цвѣтамъ,

Да мы щедротъ ея дадимъ
Здѣсь жертвы принесемъ богамъ.

(Подъ симъ хоромъ хороводъ дѣвицъ и юношей составляютъ вкругъ алтаря и жертвеннаго треножника медленный священный танецъ. Между тѣмъ старшій жрецъ возжигаетъ на треножникъ огонь. Хоръ прерывается слышимымъ вдали троекратнымъ гуломъ грома; при каждомъ отголоскѣ его пламя на треножникѣ вспыхиваетъ, и хоръ, возобновляясь трикраты, постепенно и тихо умолкаетъ.)

ТРИ ЖРЕЦА.

Смягчилось стремленье
Холодныхъ бурь и стужъ:
Услышано моленье
Усердныхъ вашихъ душъ.

ХОРЪ.

(Изъ народа, юношей и дѣвицъ.)

Услышаны мольбы сердечны,
Молитва наша принята!
О, боги праведны и вѣчны!
Обрадуйте сіи мѣста.
Надежда, утѣшай, драгая!
Прійди скорѣй, весна златая!

(Сей народный хоръ пересѣкается сильнымъ громовымъ ударомъ. Театръ постепенно освѣщается, сходятъ облака и часть лѣса; а сцена мало по малу перемѣняется въ весеннія явленія.)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Оживитесь, почвы льдисты!
Распуститесь, цвѣтки!

Да сплететь изъ васъ душисты
Милымъ и себѣ вѣнки.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Раздѣлитесь зелены
Намъ на подвиги луга,
Чтобъ бросать огонь военный
Мы учились на врага.

(Въ сіе время спускаются облака ниже во глубинѣ театра и составляютъ изъ себя группу.)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Поспѣваетъ наша дань
Дѣвамъ юнымъ и прекраснымъ.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Ужъ открылося на брань
Поле юношамъ безстрашнымъ.

(Сии хоры одинъ послѣ другаго повторяются)

ОБЩІЙ ХОРЪ.

(Изъ юношей и дѣвъ.)

Всѣ утѣхи обѣщаетъ
Сердцу радостна весна;
Но еще не доставляетъ
Нѣкихъ намъ блаженствъ она.

(Тутъ указываетъ народъ на сгущенную группу облаковъ, и приближается къ ней вмѣстѣ съ жрецами.)

ХОРЪ НАРОДА И ЖРЕЦОВЪ.

(Фуга)

Что за явленіе
Снисходитъ съ небесъ?

Странно видѣнье
Рѣдкихъ чудесъ!

(Нижняя часть густыхъ облаковъ, садясь на землю, раздвигается и появляется изъ нея розовый кустъ.)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Весна открылась красотою,
Сплетемъ вѣнки себѣ мы вновь.

(Подбѣгаютъ къ кусту рвать цвѣты: въ немъ показывается любовь въ видѣ младенца. Въ сіе мгновенье разрѣшаются замерзлыя воды, текутъ водопады; лѣсъ и земля покрываются цвѣтами.)

ХОРЪ.

(Изъ народа, жрецовъ, юношей и дѣвицъ.)

Мы видимъ, съ юною весною
Родилась нѣжная любовь.

(Дѣвицы поднимаютъ на рукахъ Любовь, и несутъ ее, при повтореніи сего хора, на алтарь, украшенный тогда же цвѣтами, на которомъ и ставятъ.)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Лишь взглянетъ только, вспламенитъ
Намъ къ мужеству сердца.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Въ насъ пламенну любовь родитъ
Улыбкою лица.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

О, твердая любовь! златая
Всего народа цѣнь сердецъ!

Прославимъ, праздникъ составляя,
Въ тебѣ залогъ благихъ небесъ.

ЮНОШИ И ДѢВУШКИ.

(Выступя на средину театра и обращаясь
къ Любви.)

Сладкая души отрада!
Тяжесть золотыхъ оковъ!
Твоего едина взгляда
Ищемъ, жаждемъ мы, Любовь.

ДѢВУШКА.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милый мой, однимъ тобой!
И ты любишь,—все прекрасно,
Все прелестно предо мной.

ЮНОША.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милая! одной тобой,
И ты любишь,—я безстрашно
За тебя иду на бой.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ И ДѢВУШЕКЪ.

Обладай, Любовь, ты нами!
Обладай, взаимна страсть!
Царствуй, царствуй надъ сердцами:
Всѣмъ твоя пріятна власть.

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

(Поднося Любви розовый вѣнокъ)

Весенни мы приносимъ дары,
Да розой жизнь твоя цвѣтетъ!

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

(Поднося лавровый вѣнокъ.)

А мы тебѣ подносимъ лавры,
Да удивится слава свѣтъ!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Поднося вѣнокъ дубовый.)

Явися, общихъ благъ Содѣтель,
Народа радость и краса!
Любя святую добродѣтель,
Преклонь на насъ Ты небеса.

(Весь народъ повторяютъ послѣдніе два
стиха жрецовъ.)

Сей хоръ сопровождается трубами и литаврами, подъ которымъ Корифеи производятъ пляски, и на посохахъ, увѣшанныхъ цвѣточными плетеницами, составляютъ около алтаря подобіе храма. Съ небесъ спускаются къ Любви трофеи, въ которыхъ видны лукъ, колчанъ и пламенникъ. Она надѣваетъ на себя колчанъ, беретъ лукъ и пламенникъ, который въ рукахъ ея зажигается. Имъ она касается трофеевъ, между которыми освѣщается вензловое имя новорожденныя. Жрецы подносятъ къ Любви жертвенный треножникъ, на которомъ она пламенникомъ своимъ зажигаетъ ароматъ. На алтарѣ является огненная надпись:

«Блаженство, счастье водворится,
И именемъ Ея весь Сѣверъ озарится.»

Сей стихъ воспѣвается всеобщимъ хоромъ и дѣйствіе тѣмъ кончится, что всѣ съ колѣнопреклоненіемъ поклоняются Любви.

(¹) Сочиненъ въ 1797 году.

(²) Въ семь году отъ жестокой зимы почти всѣ деревья погибли.

СЛ.

ПРОЛОГЪ

НА РОЖДЕНИЕ ВЪ СЪВЕРЪ

ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА, (1)

ПОЧЕРПНУТЫЙ

ИЗЪ ДРЕВНЯГО ВАРЯГО-РУССКАГО

БАСНОСЛОВІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Рюрикъ	Великій Князь Новгородскій, родоначальникъ Мо- нарховъ Русскихъ, про- исшедшій отъ сѣверна- наго бога Одина.
Едвинда	его супруга.
Зничъ	или Май.
Зимцерла	или Весна, его супруга.
Лель	или Купидонъ, ихъ сынъ.
Валки	Небесныя дѣвы, или Гра- ціи.
Жрецы	Богослужители { первые отличаются
Барды	Пѣснопѣвцы. { на главахъ вѣнцами.
Дажь-богъ	Духъ, покровитель Сѣве- ра.
Огняны	{ Духи, повелѣвающіе сти- хіями, то есть: Саламан- дры, Сильфы, Наяды и Гномы.
Вѣтрыны	
Моряны	
Земляны	
Богъ Одинъ и прочіе	{ пирующие въ Валгалѣ или въ раѣ храбрыхъ } безъ Боги и Герои сѣверные { рѣ- Дагоды или Зефиры. } чей. Кикиморы или Мечты. Русалки или Нимфы рѣчныя.

Дѣйствіе въ Старой Ладогѣ, на мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Рюриковъ.

Сей прологъ, какъ и первый, сочиненъ въ одно время, на случай разрѣшенія отъ бремени Великимъ Княземъ.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лунную ночь и рошу на берегу рѣки Волхова. Нѣсколько купъ старыхъ дубовъ. Въ ближайшей изъ нихъ виситъ съ огнемъ лампада. Нѣсколько скамей и арфъ. Сквозь шумъ пороговъ и бушующаго лѣса слышны изрѣдка звуки арфъ. Музыка соображается видимымъ предметамъ. Со стороны выходятъ Барды, не менѣе пяти.

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Бурлива ночь!

ВТОРОЙ.

А вѣтръ часъ отъ часу крѣпчаетъ.

ТРЕТІЙ.

Луна сквозь тучъ едва на Волховѣ сверкаетъ,
И слышанъ громъ вдали.

(Луна покрывается облаками, и близится громъ.)

ПЕРВЫЙ.

Во кущу поспѣшимъ
Утреневать богамъ.

(Въ сіе время спускается на облакъ Дажь-богъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ДАЖЬ-БОГЪ.

ДАЖЬ-БОГЪ.

(Не видя жрецовъ.)

О, роща, гдѣ Одинъ,
И Рюрикъ сѣверный съ Эдвиндой воспѣваемъ!
Жилище Бардовъ! край, богами соблюдаемъ!
Какую радостну тебѣ я вѣсть принесъ!
Судьбы провозвѣщу тебѣ благихъ небесъ.

БАРДЫ.

(Въ сторонѣ между собою.)

Ахъ! что такое, что? Кто сшелъ со облаковъ?

ДАЖЬ-БОГЪ.

(Не усматривая ихъ.)

А р і я.

Духъ вѣсть радостна волнуетъ,
Въ сердцѣ льется живо кровь;
Мною богъ предзнаменуетъ
Сѣверу свою любовь:
Веселись, страна блаженна,
Озаренна небомъ днесъ!

(Гроза умножается.)

Молнія въ ночи блистаетъ,—
Это знакъ щедротъ боговъ;
Громъ на Западъ ударяетъ,—
Это гнѣвъъ на злыхъ умовъ:
Трепещи, страна мятежна!
Казнь тебѣ летитъ съ небесъ.

(Страшно громъ ударяетъ, и роща молніей вся освѣщается, какъ пожаромъ.)

ПЕРВЫЙ БАГДЪ.

Увы! знать гнѣвъ боговъ!

ВТОРОЙ.

О, милосердый духъ! и роща вся пыласть.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Не бойтесь! Небо вамъ блаженство предвѣщаетъ.
Я Дажъ-богъ, я вашъ другъ, я не предвѣстникъ
бѣдъ.

Пускай Перунъ тамъ гидръ стрѣлами грома
бьетъ:

Я вамъ Одиново принесъ благословенье.

Внимайте: Онъ вчера, низведъ съ Валкала
зрѣнье,

Окинулъ взглядомъ міръ, зря въ Западѣ раз-
доръ,

На Сѣверѣ покой, склонилъ съ улыбкой взоръ,
И повелѣлъ боговъ позвать на пированье.

Усладъ исполнилъ вмигъ всесильно приказанье.

Всѣ боги собрались, и въ дружной чашѣ медъ,

Какъ золото, блисталъ розъ на ланитахъ цвѣтъ.

Глава боговъ сосудъ изъ злата и порфира

Велѣлъ себѣ подать, гдѣ жребьи крылись міра.

Онъ крышку снялъ, и всѣхъ прекраснѣйшей изъ
Валкъ

Веселымъ маніемъ очей онъ подалъ знакъ.

Дѣвица розову десницу простираетъ,

И нитокъ клубъ златыхъ изъ урны вынимаетъ.

Разматываетъ клубъ, по воздуху летитъ,

И свитокъ на помость вдругъ падаетъ священ-
ный,

Печатью огненной со виѣ запечатлѣнный.

Богъ-царь открылъ печать, внутри свитка письма
мена!

Въ молчаньи чтутъ, и вдругъ, — счастливы пле-
мена

Народовъ сѣверныхъ! — всѣ боги восклицаютъ:

«Потомство Рюрика, какъ онъ подобно самъ,

«Войною нанесетъ страхъ Сены берегамъ;

«Весь Сѣверъ соединитъ въ подсолнечну едину,

«Поклонятся всѣ въ немъ всесильному Одину:

«Героевъ тма, царей, сольетъ свою съ нимъ
кровь,

«Отъ Мая и Весны произойдетъ Любовь.» —

Такъ боги въ свиткѣ чли, и всѣ единодушно,

Что время Сѣверу грядетъ благополучно,

Велѣли мнѣ предрѣчь младенца рождество:

Устройте жъ жертвы вы, устройте торжество,

Идите спѣшно въ храмъ.»

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

О, благотворный духъ!

О, покровитель нашъ! Но чей повѣритъ слухъ

Такому божескихъ судебъ предъизрѣченью

И твоему предъ насъ толь чудному явленью?

ВТОРОЙ.

Родится отрокъ ли, иль красна дѣва намъ?

ДАЖЬ-БОГЪ.

О, смертны слабые! не мнѣ, такъ симъ древамъ

Повѣрьте, и звѣздѣ сей блещущей надъ вами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Показывается межъ облаковъ сѣверная звѣзда. На дубахъ огненные надписи: *Отрокъ*. Дажъ-богъ на облакѣ тихо возносится. Барды напаютъ на колѣна, и съ умиленіемъ поютъ.

Дуэтъ.

Духъ добрый, свѣтлый, лучезарный!
Мы вѣруемъ тебѣ.

Виждь наши души благодарны,

Внемли ты сей мольбѣ,

И вознеси ее въ чертоги,

Гдѣ вѣчно торжествуютъ боги.

ТРЕТІЙ БАРДЪ.

Нашъ долгъ провозвѣститъ, что сдѣлалось съ
нами.

(Входятъ въ кущу, принимаются за арфы, и составляютъ съ повтореніемъ оныхъ общій хоръ, смотря съ восторгомъ на звѣзду.)

Хоръ.

Внемлите, всѣ нѣроды свѣта!

Одиновъ растворенъ чертогъ,

Благословляетъ Сѣверъ-богъ,

Сіяетъ новая планета!

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Теперь мы поспѣшимъ въ Одиновъ храмъ,

И жертву принесемъ съ жрецами тамъ богамъ.

(Уходитъ.)

==

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ царство Сѣвера. Дремучій лѣсъ, покрытый ивеемъ, посреди коего готическій серебряный чертогъ и тронъ. На возвышеніи онаго сидятъ Рюрикъ и Эдвинда. Ниже предъ ними виситъ колыбель подъ туманомъ. Ее качаютъ сѣдые мразы и океаны. Съ небесъ, подобно лѣствицѣ, къ трону облака. На нихъ видны Мечты и Зефиры, помагающіе на колыбель крылами. Съ самаго верха слышны голоса четырехъ Валкъ.

Квартетъ.

(Тихо.)

Спи, дитя, ты спи, любезно,
Въ буряхъ, мразахъ возрастай:
Мужество тебѣ полезно,
Нѣгу, роскошь презирай.
Ты рожденъ на свѣтъ судьбою
Ради царскаго вѣнца,
Въ нуждахъ дай примѣръ собою,
Правдой покори сердца.

РЮРИКЪ.

Воснны зрѣлица вы, сны! ему мечтайте,
Мечами о мечи въ слухъ тихо ударяйте;
Пускай онъ въ юности привыкнетъ видѣть брань
И поражать, какъ я.

(Мечты, сошедъ съ облаковъ, въ балетъ съкутся)

мечами, и представляютъ разныя военныя дѣйствія.)

ЭДВИНДЪ.

А вы, Зефиры! дань
Играніемъ ему и рѣзвостью платите.
Порфирородныхъ долгъ, не брань одна, внушите,
Имъ надлежитъ еще изящнѣйшая часть:
Быть кроткими, какъ я.

(Зефиры сходятъ съ облаковъ, и въ другомъ балетѣ представляютъ разныя дѣйствія милосердія и щедротъ; потомъ совокупно съ Мечтами составляютъ веселый танецъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Огняны, Вѣтрыны, Моряны и Земляны, предводительствуемые подъ великолѣпнымъ маршемъ Дажъ-богомъ, приносятъ съ собою въ разныхъ сосудахъ новорожденному дары.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Надъ всѣмъ имущій власть,
Богъ неба и земли и всей Господь вселенной,
И боги прочіе изъ вѣчности священной
Прислали отроку дары.

ОГНЯНЬ.

Со мною огонь и громъ,
Духъ мужественный, мечъ, туль стрѣлъ, шоломъ.

ГЮРИКЪ.

Къ защитѣ нужный даръ.

(Помаваетъ, и духи кладутъ дары предъ трономъ.)

ВЪТРАНЪ.

Со мною красу прелестну
Лица, пріятности и чистоту небесну.

ЭДВИНДА.

Любезный всѣмъ!

(То же по мановенію дѣлають.)

МОРИАНЪ.

Со мной, раждаемы въ моряхъ
Кораллы и жемчугъ, и счастье на водахъ.

(То же.)

ЗЕМЛЯНЪ.

Со мною прислано обиліе, убранство,
И злато и серебро, несмѣтное богатство,
Которое-творитъ блаженство на земли,
И все, чѣмъ смертные блистали гдѣ, цвѣли.

(То же.)

ДАЖЪ-БОГЪ.

А мнѣ ему еще къ тому всѣхъ благъ Содѣтель
Во грудь вдохнуть велѣлъ небесну добродѣтель.

(Подходить къ колыбели и дуетъ на младенца.)

РЮРИКЪ.

О, коль прекрасный даръ!

ЭДВИНДА.

Прекраснѣйшій изъ всѣхъ!

ДАЖЪ-БОГЪ.

Въ единомъ дарѣ семъ несчетны тмы утѣхъ.

Всеобщій хоръ.

Ты, добродѣтель! всему красота,

Дщерь ты небесъ!

Солнце и свѣта ты лѣпота,

Краше ты звѣздъ!

Отроку въ перси юны и нѣжны

Чаще дыхай,

Въ сердце страхъ Божій, мысли смиренны

Въ душу вливай.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зеленый священный холмъ; на немъ въ отверзтой ротондѣ преизящный храмъ, а предъ нимъ лугъ, окруженный рощами. Рюрикъ и Эдвинда сидятъ въ сторонѣ подъ балдахиномъ на полукружномъ тронѣ. Жрецы и Барды внутри храма предъ алтаремъ, на которомъ горитъ благоуханный огонь. Надъ храмомъ въ свѣтлыхъ облакахъ видѣнъ Валкаль, гдѣ по срединѣ во всемъ оружіи богъ Одинъ; а по обѣ стороны его другіе Сѣверные боги, Герои и Валки. Дажь-богъ вѣнзъ у трона Рюрикова.

Дуэтъ Жрецовъ и Валкъ, повторяемый Бардами на арфахъ.

ЖРЕЦЫ.

Се жертва непорочна,
Горитъ чистѣйшій огонь:
Изображаетъ точно
Душъ нашихъ пламень онъ.

(Имъ отвѣтствуютъ, какъ эхо, съ Валкала, двѣ Валки)

ВАЛКИ.

Какъ розъ благоуханье,
Восходитъ къ нему дымъ:
Такъ душъ сихъ изліянье
Взнеслось къ мѣстамъ святымъ.

ЖРЕЦЫ.

Услышь, услышь моленье,
И нашихъ гласъ похваля;

Исполнь благоволенье,
Которо обѣщалъ.

ВАЛКИ.

Услышано моленье,
Пѣснь ваша принята;
Боговъ благоволенье
Вамъ: Май, Любовь, Весна.

Общій хоръ Жрецовъ и Валкъ.

(Громогласно.)

Услышано моленье,
Пѣснь наша принята;
Небесъ благоволенье
Грядеть въ сіи мѣста.

ДАЖЪ-БОГЪ.

О, какъ я радуюсь! какъ духомъ веселюся!
Молитва принята! Дождуся я, дождуся,
Когда сюда слетятъ млада божества
Въ сіяньи ихъ лучей, во славѣ торжества.

СТАРШІЙ ЖРЕЦЪ.

(Въ священномъ восторгѣ предъ алтаремъ.)

Я вижу отроча, неслыханно, чудесно,
И тѣломъ и душой божественно, прелестно!
Печатью въ вѣчности онъ былъ запечатлѣнъ,
Во знакъ: что рѣдкій даръ имъ въ свѣтъ произ-
веденъ.

Что съ клуба въ бездну нить тянулася златая,
То знаменье, что жизнь продлится дорогая;
Что благовонная изъ урны вышла мгла,

То пользою оѣнятъ весь міръ его дѣла,
И словомъ, будетъ онъ великъ между царями.
Уже растеть!

младшій.

Но будто пѣнный холмъ встаетъ между цвѣтовъ.
Его священное названье: Лель, Любовь!

старшій.

Его родитель Зничъ. Такъ свѣтлѣ, какъ Май, лу-
чами.

младшій.

Зимцерла мать его — весна, заря красами!

рюрикъ.

Ужъ вижу обоихъ я ихъ небесъ въ лучахъ!

эдвинда.

Летятъ, любезные, на легкихъ облакахъ!

дажъ-богъ.

Летятъ, всѣмъ милые, прекрасные, молодые!
Летятъ сюда отецъ и мать и сынъ съ высотъ:
Какое множество въ сихъ божествахъ красотъ!

Хоръ общій.

Восторгъ нашъ умъ плѣнить,
Вся млѣетъ кровь:
Весна и Май летитъ,
При нихъ Любовь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, и на свѣтломъ облакѣ явлются

Зничь, Зимцерла и Лель,
(Поютъ.)

Trio.

По вашему прошенью
Съ небесъ летимъ,
Боговъ по мановенью
Природу обновимъ.

ЗНИЧЬ.	ЗИМЦЕРЛА.	ЛЕЛЬ.
Я васъ лучами	Ая цвѣтами	А я стрѣлами
Потщуся просвѣ-	Потщуся расцвѣ-	Потщуся уязвить;
титъ,	титъ,	Владѣть сердцами,
Наукъ вѣяцами	Златыми днями,	Любя, любимымъ
И счастьемъ надѣ-	Блаженствомъ на-	быть.
лить.	градить.	

(Мечутъ на землю цвѣты и золотыя стрѣлы.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Множество Зефировъ и Нимфъ, выбѣгая изъ рощей, подбираютъ цвѣты и стрѣлы: одни прикалываютъ ихъ къ груди, другіе втыкаютъ за поясъ. Въ концѣ составляютъ торжественный балетъ. Рюрикъ и Эдвинда смотрятъ съ трона, Жрецы и Барды изъ храма; Зничь, Зимцерла и Лель съ облаковъ, а Дажь богъ близъ трона.

РЮРИКЪ И ЭДВИНДА.

(По окончаніи балета, подошедъ къ облаку.)

РЮРИКЪ.

Сойдите, милые, боговъ по повелѣнью.

(Въ сіе время въ Вѣлкахъ богъ Одинъ и прочіе боги и Герои Сѣверные звучатъ въ щиты, показывая тѣмъ свое согласіе.)

ЭДВИНДА.

Утѣшьте нашъ народъ.

ЗНИЧЪ.

Я ихъ соизволенью
Покорствую всегда.

ЗИМЦЕРЛА.

Сойду

Лель.

И я сейчасъ.

(Облака осѣдаютъ на землю.)

ЖРЕЦЫ.

Уже священный щитъ готовъ тебѣ у насъ.

(Барды берутъ изъ храма щитъ, а изъ рукъ Знича и Зимцерлы — Леля, котораго ставятъ на щитъ, и несутъ на тронъ, на коемъ сидяще Рюрикъ, Эдвинда, Зничъ и Зимцерла принимаютъ его на свои руки.)

ДАЖЪ-БОГЪ.

Се отрокъ, мною вамъ, о, Барды! предрѣченный:
Воскликнемъ гимнъ ему торжественный, священ-
ный!

Хоръ.

(Общій на театрѣ и въ Валкалѣ.)

О, юноша! о, плодъ прекрасный!
Намъ купно съ розами родясь,
Какъ утренней зари блескъ ясный,
Какъ нѣжна лилія, смѣясь,
Расти, дитя, Зимцерлы въ лонѣ
И Знича подъ златымъ щитомъ;
Блистай на Рюриковомъ тронѣ
Нашъ юный Лель, какъ лучъ лицомъ!

(1) Сочиненъ въ 1797 году.

ДѢЙСТВІЯ

СЛІ.

ДОБРЫНЯ, ⁽¹⁾

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

СЪ МУЗЫКОЮ.

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Владимірѣ, Великій Князь Кіевскій.

Силоумѣ, первый его Бояринѣ.

Добрыня, богатырь Новгородскій, сродникѣ Влади-
міра.

Прелѣпа, Княжна Изборская, невѣста Владимірова.

Змѣй Горыничѣ

Змѣуланѣ Змѣуланьчѣ

Тугаринѣ Тугаринычѣ

} Царѣ и чародѣй Бол-
гарскій.

Способа, наперсница Прелѣпы.

Торопѣ, конюшій Добрынинѣ.

Добрада, жрица и волшебница Холмогорская.

Сребробрады, Бояре Владиміровы, составляющіе
Верховную Думу.

Жрецы, изѣ нихъ главный только съ рѣчьми.

Сотникѣ, начальникѣ стражи вратѣ градскихѣ.

Часовой, на башнѣ.

Два вѣстника.

Герольдѣ.

Бирючѣ, Герольдѣ Татарскій.

Дворѣ Владиміровѣ, —

Рынды, или Пажы, боя-
рышни, или дѣвицы, жи-
вущія въ княжескомѣ
теремѣ.

Всѣ безѣ рѣчей, а

только составляютѣ

Вѣдьма.

Войски.

Народѣ.

} Русскія.

} Татарскія.

хоры.

Дѣйствіе въ столичномѣ городѣ Кіевѣ, при окон-
чаніи идолопоклонства.

ДОБРЫНЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ въ утреннемъ мракѣ при рѣкѣ
Днѣпрѣ городъ Кіевъ. На стражевой башнѣ часо-
вой; вблизи, въ кустарникѣ, лежитъ градская стра-
жа, а вдали—шатры.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОБРЫНЯ И ТОРОПЪ.

ТОРОПЪ.

На княжескомъ лугу, въ зеленомъ лукоморьѣ,
Добрыня! твоего пустилъ гулять коня.

ДОБРЫНЯ.

Спасибо Торопу! утѣшилъ ты меня.

ТОРОПЪ.

Да тамъ же на раздольѣ,
Какой-то страшный чортъ, знать витязь, князь
татарской,
Къ намъ подсосѣдилъ свой шатеръ.

ДОБРЫНЯ.

Хотя бы напимѣрь

И царь чипчатской:

Какая въ томъ бѣда?

ТОРОПЪ.

Однако жъ вѣдь Орда
Не шутитъ иногда.

ДОБРЫНЯ.

Не бойсь!

(По воздуху летитъ огненный змѣй.)

ТОРОПЪ.

Ай, змѣй! ай, змѣй по воздуху летитъ!
И слышь, какъ искрами оретъ, свиститъ, шу-
митъ.

ДОБРЫНЯ.

Стой-знай, и не страшися.
Три раза молвь: аминь, аминь (*), рассыпья!

(Поютъ въ два голоса.)

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, рассыпья!

Боюсь я его!

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будетъ ничего.

ТОРОПЪ.

Вѣдь эдакіе змѣи
Тмы дѣлаютъ проказъ.

ДОБРЫНЯ.

То басни и затѣи
И глупыхъ бабъ рассказъ.

(*) Слово сіе и у язычниковъ, какъ прежде, такъ и нынѣ, упо-
требляется.

ТОРОПЪ.

Влѣтають въ дома, въ башни,
Пролазятъ и сквозь стѣны.

ДОБРЫНЯ.

Любовныя то шашни.
Дѣвъ выдумки и жень.

ТОРОПЪ.

Цѣлуютъ и милуютъ
Украдкой и во снѣ.

ДОБРЫНЯ.

Старухи такъ толкуютъ,
И вздоръ, повѣрь въ томъ мнѣ.

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпся!
Боюсь я его!

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будетъ ничего.
И мы межъ тѣмъ, какъ здѣсь встаетъ заря
златая,

Природу освѣщая,
Хоть полюбуемся, на городъ глядя сей.

(Восходитъ солнце.)

Какой восторгъ очей!

ТОРОПЪ.

Ужъ подлинно сказать! — Вѣдь это Кіевъ?

ДОБРЫНЯ.

Во всей подсолнечной межъ городовъ звѣзда.

(Поетъ одинъ.)

Ахъ! столица это солнышка
Святослава, Князя Русскаго.
Ахъ! того ли Володиміра!
Сколько башень бѣлокаменныхъ!
Сколько златоверхихъ теремовъ!
Словно жаръ, они въ печи горятъ.

ТОРОПЪ.

И впрямъ, смотри, какъ тамъ отъ терема пре-
красна
Поверхъ Днѣпра струя, что свѣчка блещетъ
ясна.

ДОБРЫНЯ.

Не въ семъ ли теремѣ, что краше въ свѣтѣ нѣтъ,
Моя возлюбленна живетъ?

ТОРОПЪ.

Твоя возлюбленна? — Ба, рыцарь мой любимый,
Желѣзный, каменный, никѣмъ непобѣдимый!
Свое ли говоришь мнѣ ты?

ДОБРЫНЯ.

Увы, Прелѣпы красоты....

ТОРОПЪ.

Ну, вотъ тебѣ и сказка!
А тамъ хоть объ закладъ, не мудрена развязка:
Влюбился, молодецъ,
Въ владычицу сердцецъ!

(Идетъ одинъ, передразнивая.)

У ней очи соколиныя,
У ней брови соболиныя,
Поступь тихая, павлиная,
Грудь высока, лебединая:

Не такъ ли, какъ во всемъ, красавицѣ быть
должно?

Какъ въ солнце, на нее, слышь, посмотреѣть не
можно.

ДОБРЫНЯ.

Ты шутишь, Торопъ, мной.

ТОРОПЪ.

Да гдѣ же, Расскажи, когда въ нее влюбился?
Мы тридевятъ земель проѣхали съ тобой;
А ты чрезъ три года мнѣ въ этомъ изъяснился.

ДОБРЫНЯ.

Завѣдала одна то молодецка грудь.

Но слушай, если такъ, лишь скромень будь,

Я тайну всю тебѣ открою,

Чѣмъ столь себя я безпокою.

Мнѣ помощь, вѣрный другъ, теперь твоя нужна:

Прелѣпа милая, изборская княжна,

Влюбленною въ меня была еще измлада,

И, словомъ, съ той поры, какъ мудрая Добрада

Во капищѣ боговъ, въ Хслюмоградѣ, насъ

Воспитывала съ нею вмѣстѣ,

Не выпускаючи ее изъ страстныхъ глазъ,

Вдыхаю я о ней, какъ о моей невѣстѣ.

Средь пиршествъ, средь боевъ, средь рыцар-

скихъ тревогъ,

Средь женскихъ прелестей, заняться я не могъ

Никѣмъ другимъ, какъ ей. Вездѣ искали очи
Ее средь свѣтла дня, средь темной ночи.
Ее одну люблю, храню въ душѣ моей:

А днесъ, о боги!

Колико мнѣ явились вы строги!

Я слышу, что она въ столицѣ сей.

торопъ.

Такъ сильно, зная, тебя кручина обула,
О, милый рыцарь мой? Да дѣло-то, ну, въ чемъ?

—

ЯВЛЕНІЕ II.

(Звукъ слышенъ рога, и тогда упадаетъ
стрѣла предъ башнею.)

часовой.

(На башнѣ.)

Къ ружью! стрѣла упала.

(Стража становится въ порядокъ.)

сотникъ.

Ахти! еще и съ ерлыкомъ!

Иль бусурманска нѣка сила

Откуда привалила,

И богатырь какой

Нахлынулъ къ намъ съ грозой?

Да что жъ? Вѣдь Русскіе не кажутъ тыла,

Намъ не знакомиться съ войной;

Пойду я къ князю со стрѣлою,

А вы здѣсь безъ меня управитесь съ зарею.

(Уходитъ.)

(На башнѣ слышны бубны и съ сиповками тихое
пѣніе; стража, снявъ шапки, преклоняетъ колѣна.)

Хоръ.

О, Хорсъ! Перунъ! О, Лель! О, Лада!
Храните князя, стѣны града;
И тихій какъ зари восходъ,
Да Русскій такъ цвѣтетъ народъ!

добрыня.

Врата ужъ града отворились!

торопъ.

И люди, посмотри, какъ въ нихъ зашевелились!

добрыня.

Великій князь идетъ, пойдемъ:
Иль нѣтъ, останься здѣсь съ собраньемъ ты
придворнымъ,
Развѣдай о княжнѣ, развѣдай обо всемъ:
Я жъ, скрывшись до норы, пребуду незнакомымъ.
(Уходитъ.)

торопъ.

А! а! чтобъ отгадать, не тратя много словъ,
Я вижу, для чего вильнулъ соколъ въ столицу:
Ну, сирѣчь, поймать подъ небомъ тамъ синицу.
Да что бы ни было, я съ нпмъ на все готовъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Владиміръ съ княжескимъ жезломъ въ рукахъ, сопровождаемый Силоумомъ и придворными.

ВЛАДИМІРЪ.

Кто такъ на русскіе предѣлы
Дерзаетъ смѣло наступать,
Метать на нихъ враждебны стрѣлы,
И браннымъ рогомъ возбуждать
Отъ сна Владыку полвселенной?—
Или не знаетъ онъ, невѣрной,
Какъ страшенъ Русскій Князь, какъ силенъ,
знаменитъ?

И можетъ ли онъ чьихъ въ брань вызововъ
бояться?

Война Россіянамъ—лишь случай прославляться.
Взойди скорѣе ты на башню, Силоумъ!
И въ серебряный ударъ тамъ дѣдовъ звучный
ищитъ,

Да потрясетъ его сердца и души шумъ,
Въ странахъ раздавшися полсвѣта!

СИЛОУМЪ.

Усердіемъ къ тебѣ грудь русская согрѣта:
Исполнится сейчасъ Владиміра приказъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ДВА ВѢСТНИКА.

ВѢСТНИКИ. (Оба вмѣстѣ.)

Спасай и защищай, великій князь!

ПЕРВЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Татары все твое владѣнье разорили.

ВТОРОЙ ВѢСТНИКЪ.

Разграбили жилье, народы порубили.

(Оба вмѣстѣ.)

И головнею всю Россію покатили.

ВЛАДИМІРЪ.

О, боги праведны! О, злобный, строгій рокъ!

Для добраго Царя какъ сей урокъ жестокъ!

(Стоитъ въ задумчивости.)

Хоръ придворныхъ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,

Великія души въ томъ нѣтъ:

Война обиды отмщеваетъ,

Въ согласіи содержитъ свѣтъ.

И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?

Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту. . . .

(Слышенъ звукъ щита.)

ВЛАДИМІРЪ.

Но ежели на брань идти мнѣ неизбѣжно

И проливать народа кровь:

Не должно ли сперва размыслить намъ прилежно

Начать войну велить къ отечеству ль любовь?

Пожду, что скажетъ Дума мнѣ?

Я В Л Е Н І Е V.

Тъ же, Силоумъ и Сребробрады.

СИЛОУМЪ.

Щитъ прогремѣлъ твоей странѣ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Предъ свѣтлое лице явились Сребробрады:
Что повелитъ великій князь?

ВЛАДИМІРЪ.

Отечества сыны, щиты, столпы, ограды!
Совѣта я прошу у васъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Мы рады.

ВЛАДИМІРЪ.

По мѣстамъ!

(Сребробрады становятся въ полциркуля. Владимиръ, сперва на правой, потомъ на лѣвой рукѣ, шепчетъ на ухо близъ себя стоящимъ и, отходя, говоритъ:)

Я время вамъ
Даю на размышленье.

(Сребробрады тихо совѣтуются между собою.)

Хоръ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духу нѣту?
Вели,—пойдемъ, покажемъ свѣту . . .

СИЛОУМЪ.

(Сребробрадамъ.)

Князь ждетъ рѣшенья.

СРЕБРОБРАДЫ.

Сердца царей въ рукѣ боговъ.

СИЛОУМЪ.

(Будто про себя.)

Не рубятъ, не казнятъ пословъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Хотите вы принять посольство отъ злодѣя?

СРЕБРОБРАДЫ.

Мы тако разумѣя. . . .

(Кланяются.)

СИЛОУМЪ.

Глаголь твой намъ законъ святой:

Всѣ соглашаются съ тобой.

ВЛАДИМИРЪ.

Велите жъ мнѣ принести скорѣе лукъ и стрѣлы.

СИЛОУМЪ.

(Отходя.)

Велико дѣло есть совѣты подавать,

Но болѣе того умѣть ихъ принимать.

ВЛАДИМИРЪ.

Я вашимъ разумомъ спасу мои предѣлы,

И, безъ сомнѣнія, совѣтъ вашъ будетъ благъ;

Онъ поданъ ревностью, къ отечеству любовью,

И вѣрно не въ однихъ исполнится словахъ:

Не прійдетъ больше врагъ багриться Русской
кровью.

Хоръ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?
Вели, — пойдѣмъ, покажемъ свѣту. . . .

—
Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣ же и Силоумъ въ великолѣпномъ послѣдованіи
народа. За нимъ Рынды на богатыхъ подушкахъ
несутъ въ налучѣ лукъ, а въ тулѣ стрѣлы, изъ коихъ
къ одной привязанъ ерлыкъ.

СИЛОУМЪ.

Насилу шестеро мы лукъ напрягли твой,
Что прадѣдъ натягалъ одинъ твой, самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Къ чему же съ пышностью такою,
Притомъ съ народною толпою?
Я блеска не терплю.

СИЛОУМЪ.

Затѣмъ что я тебя люблю.

(Тихо.)

Народъ души твоей никакъ не постигаетъ,
На вѣщность смотритъ онъ, по оной уважаетъ;
И повинуется охотнѣе тому,
Неравнымъ зрится кто ему.

ВЛАДИМІРЪ.

Куда пустить стрѣлу: налѣво, иль направо?

СРЕБРОБРАДЫ.

(Кланяются.)

Царь судить здраво.

СИЛОУМЪ.

(Указывая.)

Шатры раскинуты, мнѣ мнится, тамъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, впрямъ.

ВЛАДИМИРЪ.

(Спуская стрѣлу.)

Счастливый путь.

ТОРОПЪ.

(Выскача изъ народа въ сторону.)

Ужъ какъ

Воструха загремѣла,

Запѣла, засвистѣла,

И прямо къ небу полетѣла!

СИЛОУМЪ.

(Къ народу.)

Счастливый это знакъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Знать, дѣло наше право.

(Уходятъ, и всѣ за нимъ.)

Хоръ народа.

Стрѣла запѣла, засвистѣла,

И прямо къ небу полетѣла:

Такъ дѣло наше право;

Царь судить здраво,

Здраво, здраво,

Право, право!

==

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ готическій златоверхій княжны Прелѣпы теремъ, окнами и лѣстницею на берегъ рѣки Днѣпра. Противъ него съ другой стороны площадь, на коей для зрителей ложи, а между ними мостъ чрезъ рѣку, вновь устроенные.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

СПОСОБА.

(Одна.)

И мостъ готовъ!—Такъ, знать, великолѣпный
Назначенъ въѣздъ. Но что здѣсь не видать Пре-
лѣпы
Въ ея прогулки часъ?

ПРЕЛѢПА.

(Въ теремъ подъ окошкомъ
поетъ, сопровождая го-
лосъ свой арфою.)

О, отрада дней мучительныхъ!
Въ скукѣ, въ грусти облегченье мнѣ!
Образъ мыслей восхитительныхъ,
Гдѣ ты? гдѣ ты? во какой странѣ?
Посреди ли лѣса шумнаго?
Посреди ли степи знойной ты?
Посреди ли моря бурнаго?
Гдѣ твои сокрылись красоты?
Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;

Въ душу страстно воспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.

СПОСОБА.

Что за унылый тонъ?
И пѣсенки такой причина бы какая?
А! вотъ она сама.

(Прелѣпа сходитъ по лѣстницѣ,
а Способа устраняется.)

ПРЕЛѢПА.

О, сонъ! о, страшный сонъ!
Мечта ужасная, толь лютая, толь злая!
Казалось, змѣй его сглотилъ!—Я трепещу!
Добрады только щить

СПОСОБА.

(Подходя къ Прелѣпѣ.)

Давно тебя ищу
Я, милая княжна!—Но что ты такъ уныла?

ПРЕЛѢПА.

Какая радость мнѣ?

СПОСОБА.

Какъ! развѣ ты забыла
О счастіи своемъ?

ПРЕЛѢПА.

Какомъ?

СПОСОБА.

Ну что невѣста ты Владѣтеля такова,
Монарха Русскаго, прекраснаго, младаго,
Который славою, сіяньемъ окруженъ,

Предметъ вздыханія прелестныхъ многихъ женъ;
О комъ ни написать,
Ни рассказать
Нельзя красиво:

А ты на все сіе такъ смотришь горделиво!

ПРЕЛЪПА.

Да кто тебѣ сказалъ, чтобы невѣстой я
Изъ всѣхъ моихъ подругъ ему ужъ нареченна!

СПОСОБА.

Изрядно! Коль теперь усердная моя
И вѣрная тебѣ такъ служба заплаченна,
Притворствуй, лицемѣрь, лукавь, скрывай, кня-
жна,
О томъ, что вѣдаетъ ужъ вся сія страна.

ПРЕЛЪПА.

Ахъ! нѣтъ, Способа, нѣтъ! толь скромностію
злою

Не упрекай меня.

СПОСОБА.

Да князь помолвилъ вѣдь съ тобою?

ПРЕЛЪПА.

Никакъ.

СПОСОБА.

Да городъ весь

ПРЕЛЪПА.

Напрасно до тебя дошла толь лжива вѣсть.

СПОСОБА.

Гласъ Божій говоритъ, коль говоритъ столица.

ПРЕЛЪПА.

Не знаю ничего.

СПОСОБА.

Послушай же меня

Ты, юная дѣвица!

Скажу, не льстя тебя и не маня,

О чемъ всѣ знаютъ совершенно:

Твоею красотой княжое сердце плѣнно.

ПРЕЛЪПА.

Способа, ты меня въ томъ хочешь увѣрять,

О чемъ мнѣ кажется, нельзя тебѣ и знать.

СПОСОБА.

(Разсердяся, поетъ.)

Знаю, знаю я не ложно:

Льзя ль наперсникамъ не знать,

Что имъ надобно и должно,

И что можетъ составлять

Ихъ господжъ въ любви успѣхи,

Тайны, радости, утѣхи!

Знаю, знаю я неложно:

Льзя ль наперсникамъ не знать,

Что имъ надобно и должно,

И что можетъ исполнять

Ихъ господжъ сердецъ желанья,

Вздохи, грезы, ожиданья?

Знаю, знаю я не ложно:

Льзя ль наперсникамъ не знать?

ПРЕЛЪПА.

Коль знаешь, такъ скажи, пожалуй, какъ?

Какимъ то образомъ, какой судьбою,

Я стала у тебя невѣстою княжою?

СПОСОБА.

Послушай же, вотъ такъ:

По волѣ какъ его здѣсь собраны дѣвицы,
Въ супруги чтобъ ему краснѣйшую понять,
Къ великолѣпью сей родитель твой столицы
Позволилъ и тебѣ въ ихъ теремѣ предстать.
Ужъ годъ прошелъ, какъ ты въ кругу сего со-
бранья

Оспориваешь всѣхъ достоинства, княжна!
Хоть потемняются предъ солнцемъ звѣздъ сіянья,
Но часто безъ друзей и прелесть не сильна:
А для того, чтобъ нравъ твой оказать и душу,
И внутренню красу съ наружной согласить,
Старалась я склонить наперсницу Малушу,
Чтобъ чрезъ нее тебя предъ княземъ отличить.
Достигла до того: она мнѣ другомъ стала,
И, возведя къ себѣ ночныхъ сидѣльницъ въ ликъ,
Ни въ чемъ передо мной себя ужъ не скрывала,
Свободный даже входъ отверзла и въ тайникъ,
Отколь нерѣдко мы на садъ смотрѣли чудный,
На васъ, прекрасныхъ дѣвъ!—Я вижу какъ те-
перь,

Въ одну тишайшу ночь, въ блистательный часъ
лунный

Съ наперсницей отверзъ въ повалушу князь дверь,
И тихо проходя ряды красавицъ нѣжныхъ,
Смотрѣлъ, ихъ обходя, въ глубокомъ спящихъ
снѣ:

Но свѣтъ луны какъ палъ на верхъ возглавіи
снѣжныхъ,

И ясно освѣтилъ ихъ лица въ тишинѣ:

Какія красоты во мракѣ возблистали!
Румянецъ на щекахъ, казалось, горѣлъ,
Лицеи на грудяхъ сквозь тонку ткань блистали.
Великій князь, смотря на нихъ, оцѣпенѣлъ
И долго онъ, стоя въ безмолвьи, колебался;
Не зналъ, которую которой предпочесть:
Замѣтя жъ между ихъ, что ангелъ улыбался,
И, руки вверхъ взмахнувъ, хотѣлъ какъ бы летѣть,
Онъ взялъ одну изъ нихъ, и въ жилки голубыя
Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ, чтя признаки благіе,
«Въ сей дѣвѣ,» возгласилъ: «живетъ моя любовь!»—

Сказалъ, и взоръ возвелъ на всшедшую зарницу:
«О, Лада, мать утѣхъ! такъ ты своимъ лучемъ
Мнѣ показала всѣхъ краснѣйшую дѣвицу—
Благодарю тебя.»—И вышелъ тотчасъ вонъ
Изъ спальни, крадучись и тихими стопами;
Малушѣ повелѣлъ предъ всѣми отличать
Тебя почтеніемъ, уборами, столами;
Жемчугомъ, серебромъ и златомъ осыпать.
И я сама съ тѣхъ поръ богаче содержуся:
Ну послѣ-то сего, что скажешь ты теперь?

ПРЕЛѢПА.

Увы!

СПОСОБА.

Пожалуй хоть еще не вѣрь.

ПРЕЛѢПА.

Тревожуся, мятуся!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ТОРОПЪ.

(Который, пришедъ тихо, весь
слышалъ разговоръ Способы.)

ТОРОПЪ.

Я вашей милости, Царевна, покланяюсь.

ПРЕЛЪПА.

Кто ты! о чемъ?...

ТОРОПЪ.

Я Торопъ называюсь;

И вотъ о томъ

Я даже до лица земного. . .

(Кланяется въ землю.)

ПРЕЛЪПА.

О чемъ, о чемъ?

И мнѣ?

ТОРОПЪ.

Отъ рыцаря молодого.

СПОСОБА.

Да кто ты? говорятъ: зачѣмъ? и отъ какого
Ты рыцаря сюда къ кому пришелъ?

ТОРОПЪ.

Я конюхъ богатырской

И вотъ пришелъ.. (вз сторону) какъ бишь?...

Захрюснуло въ умѣ.

(Потираетъ лобъ.)

ПРЕЛЪПА.

На что жъ ко мнѣ?...

ТОРОПЪ.

Поклонъ отдать здѣсь низкой.

(Кланяется.)

Пресвѣтлому лицу Царевны молодой,
И у нея спросить: не любъ ли рыцарь мой?

СПОСОБА.

На что?

ТОРОПЪ.

Въ прислугахъ быть у ней, или въ посылкахъ.

ПРЕЛЪПА.

Не нужно.

СПОСОБА.

Слышь, слуга не надобенъ такой.

ПРЕЛЪПА.

Явился къ князю ты.

СПОСОБА.

А кто же рыцарь твой?

ТОРОПЪ.

Кто рыцарь мой?—

Онъ невидимкой сталъ.

ПРЕЛЪПА И СПОСОБА. (Смѣются.)

Вотъ толкъ какой!

СПОСОБА.

Изволь, пожалуй, съ нимъ ты скоро разой-
тись.

(Слышится вдали маршъ войскъ.)

ПРЕЛЪПА.

Однако мнѣ пора пойти принарядиться,

Чу! войски ужъ идутъ для встрѣтенья посла.

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

(Подступя къ Способъ.)

Я саду вашему не могъ не удивляться:

Куда бы хорошо какъ бы въ него....

СПОСОБА.

Кого?

ТОРОПЪ.

Меня.

СПОСОБА.

(Съ насмѣшкою.)

Козла?

ТОРОПЪ.

(Пріосамясь.)

Эй, барска барыня, изволишь насмѣхаться,

Не выслушавъ, не зная, въ чемъ дѣло со-
стоитъ.

СПОСОБА.

Ба! конюхъ балагуръ совсѣмъ другой взялъ видъ.

ТОРОПЪ.

Прости, сударыня!...

СПОСОБА.

Годится ль разговоры
Подслушивать другихъ? Чѣмъ оправдаться тутъ?

ТОРОПЪ.

Мнѣ праведны твои, боярыня, укоры;

Повинну голову не рубять, не сѣкутъ:

Я присланъ рыцаремъ съ тобою объясниться,
И помощи твоей намъ дружеской просить.

СПОСОБА.

(Про себя.)

Другая пѣсенка. (*Вслухъ*) Я чѣмъ могу служить?

ТОРОПЪ.

По обстоятельствамъ: мой рыцарь безымянный
Желаетъ разговоръ имѣть уединенный
Съ Прелѣпой, и меня прислалъ онъ для того,
Чтобъ попросить на то согласья твоего.

СПОСОБА.

На что же тайныя съ дѣвицами свиданья?

ТОРОПЪ.

О нуждѣ, можетъ быть, поговорить. . . .

СПОСОБА.

Какой?

ТОРОПЪ.

Не знаю.

СПОСОБА.

(Про себя.)

А, постой!

Не отъ того ль у насъ смятенья, воздыханья?

Изрядно, господинъ конюшій! Мы пойдемъ

Отселѣ въ мой теремъ,

И тамъ поговоримъ мы обо всемъ подробно:

Ты видишь, здѣсь теперь народно.

(Указываетъ на входящія войска
и оба уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Войска Русскія и Татарскія, въ сопровожденіи народа, переходятъ чрезъ мостъ, каждое подъ своимъ знаменемъ и своимъ маршемъ, и становятся въ порядокъ другъ противъ друга. Въ ложахъ зрители, между коими и Прелѣпа. На Русскихъ знаменахъ летящій орелъ держитъ пукъ громовыхъ стрѣлъ, а на Татарскихъ крылатый змѣй свѣтящуюся луну.

Хоръ Русскихъ.

Ступай, россійская дружина!
Куда твой князь и честь велить.
Перунъ и молнія орлина
Вездѣ во слѣдъ тебѣ летить:
Ступай! ура, ура!

Хоръ Татаръ.

Гайда, татарская станица!
Куда твой Ханъ и мечь велить.
Несмѣтной силы вереница,
На васъ Магметъ, луна глядитъ:
Гайда! алла, алла!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ продолженіе хоровъ, великій князь верхомъ, на конѣ, окруженный богатырями, въ многочисленномъ провожаніи Двора и народа, въ числѣ котораго и Горопъ; а потомъ Тугаринъ, въ личинѣ крокодила, на двухъ крылатыхъ трехглавыхъ змѣяхъ, выѣхавъ на колесницѣ, останавливаются у моста, и сошедъ съ коня и колесницы, каждый становится передъ своимъ войскомъ.

ТУГАРИНЪ.

Речитативъ.

Царь Казанской,
Астраханской,
Чипчакской Золотой Орды
Всемощный повелитель,
Другъ солнцевъ, братъ луны и зять звѣзды,
Блистающей съ Востока,
Сынъ Магомета, всѣхъ сильнѣйшаго Пророка,
Священныхъ Алкорана словъ
Благоговѣйный исполнитель,
Ближайшій родственникъ о словъ
Абубекировыхъ; престрашный чародѣй,
Горынычъ Змѣй,
Надъ всей вселенной князь князей
Россійскому князьку повелѣваетъ,
И исполненія ожидаетъ:
Чтобъ онъ ему
Сейчасъ въ его гаремъ
Прекрасную княжну
Прелѣпу возвратилъ
И золотой
Казной

Безсчотно надѣлилъ,
На что онъ и ея согласіе имѣетъ.
Но воспротивиться Владиміръ коль посмѣетъ,
То Русь всю истребитъ огнемъ онъ и мечемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Великій Русскій Князь угрозы столь нелѣпы,
Несходныя ни съ чѣмъ,
Умѣетъ презирать:
Но было съ Змѣемъ чтобъ согласіе Прелѣпы,
Ты чѣмъ то можешь доказать?

ТУГАРИНЪ.

Спроси ее о томъ: она не отречется.

ВЛАДИМІРЪ.

Отъ клеветы такой весь духъ во мнѣ мятется!
Но пусть прійдетъ княжна!—Скажи ей, Силоумъ.

СИЛОУМЪ.

Велѣньемъ таковымъ грудь нѣжная пронзится.

(Слышно взвизгиваніе.)

И вотъ ужъ слышу въ ложѣ шумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но что же дѣлать мнѣ? Ей нечего страшиться;
Открыть я долженъ ложь, и дерзость наказать.

(Силоумъ отходитъ.)

ТУГАРИНЪ.

Казнь можетъ сила лишь одна опредѣлять.

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ, правосудіе.

ТУГАРИНЪ.

Ты можешь забавлять
Себя и свой народъ пріятной сей мечтою.
Коль раздавить тебя могу одной рукою:
То истина твоя, права, законъ святой
Не что, какъ только бредъ пустой.

ВЛАДИМИРЪ.

Безстрашный, твердый духъ и разумъ просвѣ-
щенной.
Противное тому являли всякій разъ.

ТУГАРИНЪ.

О, нѣтъ! Агарянъ родъ вѣкъ будетъ бичъ вселен-
ной.

ВЛАДИМИРЪ.

Покажетъ время то.....

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тъ же, Прелѣпа, Способа и Силоумъ.

СИЛОУМЪ.

Исполненъ твой приказъ.

ПРЕЛѢПА.

Я здѣсь.

ВЛАДИМИРЪ.

Скажи, княжна, рѣши мое сомнѣнье:
Посоль сей предлагалъ тебѣ со Змѣемъ бракъ,
И будто есть твое на то соизволенье?

ПРЕЛѢПА.

Отвѣтствуетъ тебѣ мой огорченный зракъ;
Услыша твой приказъ, осталась чуть живою.

ТУГАРИНЪ.

Пускай она одна поговорить со мною.

(Беретъ Прелѣпу за руку къ сторонѣ.)

Слухъ о Горынычѣ, какъ страшный громъ, гре-
митъ;

Онъ звѣзды красотой и славой солнце тмитъ:
Я бракъ тебѣ, княжна, съ царемъ симъ предла-
гаю.

ПРЕЛѢПА.

Плѣнись кто хочетъ имъ, а я его не знаю.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, вѣроломная! должна его знать ты,
Прочти: вотъ хартія, и чьи на ней черты?

ПРЕЛѢПА.

(Про себя.)

Ахъ! что это? Мои!

ТУГАРИНЪ.

Ты то ко мнѣ писала!

Я не чудовище.

(Снимаетъ съ себя личину, и поетъ
окончаніе той аріи, которую пѣла
Прелѣпа въ теремѣ.)

«Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу, страстью воспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.»

Почто же лишь теперь меня ты не узнала.
Столь пламенно свою являя прежде страсть?

ПРЕЛѢПА.

(Съ удивленіемъ.)

Ты выдумалъ сію толь злую мнѣ напасть!

СПОСОБА.

Сама ты въ теремѣ такую пѣсню пѣла.

ПРЕЛѢПА.

(Съ досадою.)

Такъ что же изъ того? Я пѣть ее хотѣла;
Отчетомъ никому я въ чувствахъ не должна.
Баянова то пѣснь, извѣстна всѣмъ она.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, тѣмъ, коварная, ты не отговоришься:
Ты принадлежишь мнѣ, и съ хищникомъ про-
стишься.

(Схватываетъ ее и хочетъ увести.)

ПРЕЛѢПА.

О, варваръ!

(Бросается къ Способѣ.)

СПОСОБА.

Ахъ! спаси, спаси, великій князь!
Отъ лютаго толь змѣя,
Спаси скорѣе насъ!

ВЛАДИМИРЪ.

(Бросается съ мечомъ.)

Я дерзость накажу злодѣя!

(Въ сіе время Прелѣпа и Способа
уходятъ.)

ТУГАРИНЪ.

И я мои права умѣю защитить!

(Про себя.)

Я силой отниму, когда не могъ прельстить.

ВЛАДИМІРЪ.

Россіяне!	{	Оба сіи войска устрем- ляютъ другъ на друга свои копья, а Владиміръ и Горынычъ замахиваютъ мечами.
ТУГАРИНЪ.		
Агаряне!		

СИЛОУМЪ.

(Ставь между ними.)

Столь скороспѣшная должна ль смущать васъ
ссора?

Trio.

СИЛОУМЪ.

На что такъ горячиться,
Сердиться и браниться?
Сыскать бы лишь вину,
И объявить войну.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ честь велитъ рѣшиться
Отъ Змѣя борониться,
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Чтобы спасти княжну.

ТУГАРИНЪ.

Мой духъ во мнѣ ярится,
Хоть съ свѣтомъ радъ сра-
зиться!
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Хочу имѣть княжну.

В С Ъ.

Войну; войну, войну!

СИЛОУМЪ.

Войну!—Но токмо лишь, по силѣ договора,
Когда, гдѣ, какъ и кѣмъ начать,
Условье должно вамъ другъ другу дать.

ВЛАДИМІРЪ.

Я радъ договориться.

ТУГАРИНЪ.

Знакъ трусости!—Да пусть. Вѣдь силой бой рѣ-
шится.

(Они кладутъ мечи въ ножны,
а войска—копья на плечо.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ и Тугаринъ даютъ знакъ. Конь верховой, богатыри и колесница удаляются; а на мѣсто ихъ по прежнему полукружіемъ смыкаются Русскія и Татарскія войска, по срединѣ копъ, между Владиміромъ и Горынычемъ, Силоумъ предлагаетъ договоръ, котораго окончательныя слова музыка повторяетъ речитативомъ.

СИЛОУМЪ.

«Избрать вамъ рыцарей сперва между собой,
«И имъ велѣть вступить единоборствомъ въ бой.

ВЛАДИМІРЪ.

«Изрядно.

ТУГАРИНЪ.

«Ну, ладно.

СИЛОУМЪ.

«Коль рыцарей такихъ не можетъ отыскаться,

«То князю самъ-на-самъ съ Горынычемъ сра-
жятся.

ВЛАДИМИРЪ.

«Мечомъ!

ТУГАРИНЪ.

«Не спорю и о томъ.

СИЛОУМЪ.

«Въ сраженьѣ колъ князя ослабѣвать начнутъ,

«А кровію своей вражды не пресѣкутъ:

«Тогда ужъ войскамъ ихъ другъ на друга пол-
ками

«Идти стѣной

«На рукопашный бой.

ВЛАДИМИРЪ.

«Пусть честь свою князя защитятъ прежде
сами.

ТУГАРИНЪ.

«Что нужды въ томъ, хотя чужими головами!

СИЛОУМЪ.

«И съ побѣжденныхъ дань, кто побѣдитъ, возъ-
метъ,

ВЛАДИМИРЪ.

«Не отягчивъ народъ.

ТУГАРИНЪ.

«Нѣтъ, нѣтъ, пусть грабятъ все своими всякъ
руками:

«И князь съ княжною самъ,

«И все его владѣнье

«Подъ рабственное мнѣ сейчасъ плѣненье
«Повергнется къ моимъ стопамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Коль иго страшное!—Но всѣ твои мечты,
«Быть можетъ, что пройдутъ, когда падешь самъ
ты.

ТУГАРИНЪ.

«Паду, когда мой взоръ тма скроетъ ночи вѣч-
ной.

СИЛОУМЪ.

«Но рѣдко у князей обѣтъ чистосердечный
«Бывалъ въ такихъ дѣлахъ, а видомъ лишь од-
нимъ.

ВЛАДИМІРЪ И ТУГАРИНЪ.

(Вмѣстѣ.)

«Мы клятву въ томъ дадимъ.

(Владиміръ и Тугаринъ, ставъ каждый на колѣна
предъ своими знаменами.)

ВЛАДИМІРЪ.

«Перуну свѣтъ!

ТУГАРИНЪ.

О, Магометъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Услышьте насъ!

ТУГАРИНЪ.

«Въ сей страшный часъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Мы клястся смѣемъ.

ТУГАРИНЪ.

«Я этимъ змѣемъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Я симъ орломъ!

(Оба вдругъ.)

«И вѣрно слово мы даемъ!

СИЛОУМЪ.

«А если клятвы вамъ не удержатъ случится?

ВЛАДИМІРЪ.

«Перунъ пусть погасится!

ТУГАРИНЪ.

Померкнетъ пусть луна!

О Б А.

(Вставая вмѣстѣ.)

«И ввергнетъ въ плѣнъ сія преступника вой-
на.»—

(При сихъ словахъ на знаменѣ русскомъ изъ пучка перуновъ пышетъ пламя, а на знамѣ татарскомъ луна блѣднѣетъ.)

ВЛАДИМІРЪ.

Что вижу я!

ТУГАРИНЪ.

Я весь отъ ужаса трясуся!

ВЛАДИМІРЪ.

Я вашей помощи, о Небеса! ищу:
Ужъ не предвѣстье ль то?

ТУГАРИНЪ.

Ничѣмъ не устрашуся!
Пусть адъ и Небеса противъ меня:—отмщу!

(Уходитъ, а за нимъ и Владиміръ.)

—
ЯВЛЕНІЕ VII.

Оба войска становятся въ прежній порядокъ другъ противъ друга. Герольдъ и бирючъ съ трубами, имѣя на высокихъ стягахъ, русской шапку, а татарской чалму, которыми вертятъ одинъ за другимъ, и трубя, возглашаютъ.

БИРЮЧЪ.

Услышьте, орды всѣ Татарски!
Чипчакскій князь на край Славянскій
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

ГЕРОЛЬДЪ.

Услышьте, Россы и Славяна!
Князь Кіевскій на Змѣулана
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

(Оба войска подъ своими маршами уходятъ, и раздается отъ нихъ издали глухой гулъ:)

(Отъ Русскихъ.)

Ура! ура!

(Отъ Татарскихъ.)

Алла! алла!

ТОРОПЪ.

(Давъ уйти войскамъ и народу.)

Тьфу пропасть! кое какъ на силу провалили:
Какую кашу заварили!

Ужъ подлинно сказать, что кутерьма:
Прійдетъ ряхнуться всѣмъ съ ума.
Отверзты тысячамъ войной, я вижу, гробы;
Но здѣсь ужъ не видать Способы.
О Невидимкѣ съ ней еще бѣ потолковать,
И ей ширинку бѣ мнѣ, вотъ эту, показать:
Въ ней скрыта капля водъ рѣки священна Буга.
Но какъ бы не пришло и съ ней мнѣ очень туго;
Вѣдь два соперника съ моимъ-то соколомъ:
Великій князь да Змѣй съ зубастымъ страш-
нымъ ртомъ.
Слышь, оба молодцы, хотя бѣ куда, такъ хваты!
Притомъ же обѣ одной красоткѣ спорятъ вдругъ:
А ты межъ ихъ, какъ бѣсѣ, перебѣгай палаты.
Нѣтъ, право, съ ужасу дрожить во мнѣ мой
духъ.

(Поетъ.)

Я дрожу, боюсь, робѣю,
Какъ въ тиски бы не попасть.
Змѣй и князь!—Страшна ихъ власть!
Гладокъ въ царски входъ чертоги,
Верхъ завидѣнъ ихъ крыльца;
Но лишь поскользнутся ноги,
Вмигъ спровадятъ молодца.
Но какъ бы ни было, хоть пасть, хоть споты-
каться,
Къ Способѣ нужно мнѣ съ шириночкой про-
браться,
Не вѣрить безъ того рассказамъ никакимъ,
Хоть, правда, я мигнулъ ужъ ей глазкомъ однимъ.
Да вотъ она и здѣсь! . . .

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Торопъ и Способа.

СПОСОБА.

Конюшій мой безцѣнной!
Ты не видалъ ли здѣсь той грамотки бездѣль-
ной,
Которую княжѣ Тугаринычъ. . . .

ТОРОПЪ.

Онъ взялъ.

СПОСОБА.

Къ себѣ?

ТОРОПЪ.

Да, да, онъ взялъ.

СПОСОБА.

Заподлинно? — Меня о томъ княжна просила,
Чтобы узнать.

ТОРОПЪ.

Срази меня Перуна сила!

А что развѣ?...

СПОСОБА.

Нѣтъ, такъ.

ТОРОПЪ.

А я ширинку ту,
О коей говорилъ, принесть во увѣренъе.

СПОСОБА.

Подай! (Смотря) Чтò вижу я?—Бѣсовскую мечту!
Повѣрь-ка на часокъ княжѣ на разсмотрѣнъе.

ТОРОПЪ.

Нѣтъ, милый свѣтикъ мой,
Съ одной я головой!

СПОСОБА.

Что, развѣ тайна тутъ скрывается какая?

ТОРОПЪ.

Ну, кѣмъ подарена, такъ та, ее узнай. . .

СПОСОБА.

Такъ что жъ?—Не просите ль и сами вы о томъ?

ТОРОПЪ.

Да рыцарь хочетъ самъ предстать своимъ лицомъ:

То мнѣ, отдавъ тебѣ ширинку эту,
Повѣситъ вывѣской ужъ Невидимку свѣту.

СПОСОБА.

Знать, хочется вамъ насъ обѣихъ оплести:

Поди жъ, коль такъ, гуляй; мнѣ недосугъ,—прости!

ТОРОПЪ.

Ахъ, милая моя сударушка, Способа!

Минуточку постой, и выслушай одна:

Мы можемъ сдѣлаться съ тобой счастливы оба.

Прелѣпа въ рыцаря, какъ видно, влюблена:

Куда бы хорошо, и мнѣ съ нимъ пріютиться

На тепло гнѣздышко!

СПОСОБА.

А какъ?

ТОРОПЪ.

Ну какъ! — Женигъся.

СПОСОБА.

На комъ?

ТОРОПЪ.

На комъ же, лапочка,
Когда не на тебѣ, моя косаточка?

СПОСОБА.

(Смѣется.)

И впрямъ?

ТОРОПЪ.

Божусь тебѣ, что страстная любовь
Давно уже зажгла къ тебѣ всю кровь.

СПОСОБА.

(Грозя пальцемъ.)

Ну, хорошо! — Смотри!

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

(Оборотясь, догоняетъ.)

Дуетъ.

Нѣтъ, постой, постой, косатка!
Лель махнулъ ужъ намъ крыломъ;
Не уйдешь ты безъ задатка,
Поцѣлуй, такъ и съ концомъ.

СПОСОБА.

Что за дерзкая ухватка,
Смѣть приступомъ брать въ полонъ!
Тутъ нужна еще догадка:
Ну, побѣй-ка мнѣ челомъ.

ТОРОПЪ.

Радъ я, свѣтикъ, поклоняться,

(Кланяется.)

Милости твоей просить:
Полюбить меня, и взяться
Господину пособить.

с п о с о б а .

Такъ-то лучше приласкаться,
То могу и услужить;
Только должно обѣщаться
Намъ другъ друга вѣкъ любить.

(Оба вмѣстѣ.)

Хорошо!—о томъ ни слова:
Лель махнулъ ужъ намъ крыломъ.
Я готовъ — и я готова
Жить голубкой — съ голубкомъ.

==

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ теремъ княжны Прелѣпы. Она сидитъ на софѣ въ задумчивости, перебираетъ перстами струны арфы, которыя издають меланхолическіе аккорды.

ПРЕЛѢПА.

Какія странныя сегодня приключенья
Во снѣ я видѣла! — Пожралъ Добрыню змѣй!
Безвѣстный богатырь идетъ мнѣ въ услуженье!
Баяна пѣснь пропѣлъ чипчакскій чародѣй!
Отколь онъ взялъ ее? — Никакъ не понимаю.
И князь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Прелѣпа и Владиміръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Невеселу Прелѣпу я встрѣчаю!
Да и нельзя не такъ. — Столь дерзостный зло-
дѣй
Осмѣлился смутить покой души твоей.

ПРЕЛѢПА.

Благодарю, мой князь, за нѣжное участие.

ВЛАДИМИРЪ.

Ахъ! здравіе твое, княжна, спокойство, счастье,
Первѣйши должности на сердцѣ у меня.

ПРЕЛЪПА.

Не стою милостей, ихъ для меня такъ много!

ВЛАДИМИРЪ.

Почтенъ и любовь къ тебѣ въ душѣ храня,
Мятуся, зря тебя расположенну строго;
Взгляни на зракъ ты мой, и изъ него прочти,
Какъ властвуешь ты мной. . . .

ПРЕЛЪПА.

Кто? — Я?

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ! ты.

(Поетъ.)

Владычица души плѣненной!
Царица сердца моего!
Познай любовію возженной
Вдохъ узника днесъ твоего!
Познай, что я тобою страстенъ,
Твоей сраженный красотой;
Познай, что я въ себѣ невластенъ,
И ты одна владѣешь мной!

ПРЕЛЪПА.

Къ чему, о, Государь! въ толь изреченьяхъ стра-
стныхъ

Ты обращаешься со мной?
Имѣешь ты тысячу ты въ теремѣ прекрасныхъ,

Которымъ можешь ты открыть сей пламень твой.
Изборска жъ Князя дочь. . . .

ВЛАДИМІРЪ.

Хотя бъ и всей вселенной
Царица ты была, невѣстой обрученной
Монарху Русскому не низко быть тебѣ.

ПРЕЛѢПА.

Невѣстою?

ВЛАДИМІРЪ.

Сей день!

ПРЕЛѢПА.

Увы!

ВЛАДИМІРЪ.

Что за вздыханья,
Позволилъ коль тебѣ
Отецъ твой для избранья
Быть въ теремѣ моемъ? И ты тогда себѣ
Не чла сего обиднымъ.

ПРЕЛѢПА.

Велика честь!

Позволь себя назвать, Владиміръ, непостижнымъ.
Ты страстную любовь являешь, а не лесть;
Но съ Змѣемъ ты меня на доску свелъ одну,
Злодѣйскому его повѣря соплетенью.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ обожатель твой, я признаю вину;
Какъ Царь, имѣю я причину къ извиненью:
Что бы сказалъ тогда народъ, подвластный мнѣ,

Когда бѣ, не объяснясь съ врагомъ, далъ знакъ
къ войнѣ?

Не справедливо ли бѣ меня винили въ страсти,
Что ради я тебя Россію ввергъ въ напасти?
Пусть виненъ предъ тобой, но я исполнилъ долгъ;
Ты жѣ нѣжности сама отъ изверга терпѣла.

ПРЕЛЪПА.

Что онъ ту жѣ пѣсню пѣлъ, я кою прежде пѣла?..

ВЛАДИМІРЪ.

Она извѣстна мнѣ.—Но что же мой предлогъ?
Ужель въ возлюбленной какой успѣхъ имѣеть?
Могу ли льститься я!

ПРЕЛЪПА.

Владиміръ столь владѣть собой умѣетъ
И знаетъ, что. . . .

(Поютъ.)

ПРЕЛЪПА.

«Любить насильно невозможно,
Нельзя намъ сердцу повелѣть
Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМІРЪ.

«Такъ воздыхать мнѣ должно
И тщетной страстію горѣть,
Горѣть,—и умереть.

(Оба вмѣстѣ.)

ПРЕЛЪПА.

«Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМИРЪ.

Горѣть и умереть!» —

Терпѣть, жестокая, ты мнѣ велишь,
Безвременно меня терзаешь и мертвишь:
Смягчися, зря мое несносное мученье!

(Цѣлуетъ страстно ея руку.)

ПРЕЛЪПА.

Къ чему такое, князь, предъ дѣвой униженье?
Терпѣніе всему дать можетъ оборотъ.

ВЛАДИМИРЪ.

О, всѣхъ собраніе пріятностей, красотъ!
Любовь величества и титулъ не разбираетъ:
Законъ ея царя съ пастушкою равняетъ. —
Но вижу я, княжна, обширный разумъ твой
И правильно твое о страсти разсужденье:
Ты хочешь, чтобъ войну иль поединокъ мой
Окончивъ, ожидалъ я твоего рѣшенья.
Сего ль желаешь ты?

ПРЕЛЪПА.

Моей тутъ воли нѣтъ.

ВЛАДИМИРЪ.

О, съ сей надеждою пріятно и терпѣть.

(Еще цѣлуетъ ея руку.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И СПОСОБА.

СПОСОБА.

Доносить Силоумъ о рыцарскомъ собраньѣ.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ! я ихъ повелѣлъ собрать,

Чтобъ силы испытать

Во рыцарскихъ играхъ, и сдѣлать бы избранье
Храбрѣйшаго изъ нихъ въ единоборный бой.

Сей избранный, княжна, украсится тобой.

ПРЕЛѢПА.

Отличная мнѣ честь.

(Взявшись за руки, уходятъ.)

СПОСОБА.

(Одна.)

Пожалуй, раскручинься,

Разрюмься, распузырься,

И дѣвку вѣтрину раздумай, разгадай!

И вида, давича, Горыныча страшилась;

Потомъ опять смягчилась.

И вотъ о пѣснѣ той его поди узнай!

Быть съ Невидимкою боялась на свиданьѣ,

А о ширинкѣ знать желаетъ: кто? зачѣмъ?

Отъ князя въ обморокъ, и тутъ же на собранье

Съ нимъ рыцарей спѣшимъ, и руку подаемъ! —

И такъ, тутъ разбери поди любовь прямую;

Влѣзь въ сердце и узнай, кто милъ и кто постылъ?

Да нѣтъ, хитрянушка, я тотчасъ растолкую

Наединѣ съ тобой, мнѣ только бѣ случай былъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Театръ перемѣняется и представляетъ великолѣпный дворецъ княжескій, украшенный балкономъ и колоннами, противъ котораго амфитеатръ для зрѣлища гимнастическихъ игръ, а вдали по перспективѣ ипподромъ для конскаго ристанія. Въ срединѣ высокій столбъ. Все отдѣляется отъ двора княжескаго золотою рѣшеткою, въ срединѣ которой золотыя гербовыя ворота. По сторонамъ ихъ двѣ скамьи; на нихъ садятся нѣсколько пришедшихъ богатырей. Владимиръ, Прелѣпа, теремныя дѣвицы на балконѣ, а народъ въ амфитеатрѣ.

СИЛОУМЪ, ДОБРЫНЯ, ТОРОЦЪ И БИРЮЧЪ.

(Пзъ нихъ Добрыня закрыть шлемомъ.)

СИЛОУМЪ.

(Богатырямъ.)

Вотъ, братцы-молодцы, вамъ витязь безъимянной!

На широкъ дворъ взлетѣлъ, какъ ясный онъ соколъ;

Кормилъ коня пшеномъ, поилъ сытой медвяной,

И, привязавъ его къ столбу, къ кольцу златому,

Во gridню княжеску, не доложась, вошелъ:

Порадуйтесь, друзья, вы удалцу такому!

Князь силы вамъ своей велѣлъ съ нимъ попытать.

(Богатыри, пошатавъ головами, приподнялись съ мѣстъ, сняли шапки, поклонились и опять сѣли.)

ДОБРЫНЯ.

(Не открывая шлема.)

Знать, мѣсто надобно здѣсь самому сыскать.

(Съ послѣднимъ словомъ, пришедши къ концу одной скамьи, присѣлъ и подвигъ)

нулся, отъ чего сидящіе на ней богатыри
попадали, а съ другой вскочили упавшихъ
поднимать.)

СИЛОУМЪ.

Самъ видно у себя!

(Уходитъ.)

ТОРОНЪ.

(Съ насмѣшкою въ сторону.)

Съ похмелья повалились.

(Уходитъ.)

ГЕРОЛЬДЪ.

(Протрубя.)

По волѣ княжеской, пространный свѣтъ внимли!

Здѣсь игры рыцарски открылись

Удалымъ молодцамъ Россійскія земли.

Ступайте, подвизайтесь,

Проворство, силу показать.

Славнѣйшаго изъ васъ старайтесь

Вы въ витязя избрать.

(Рѣшетка золотая растворяется на обѣ стороны,
и Герольдъ въ отдаленности театра становится
у столба богатырскаго, откуда всякій разъ даетъ
знать трубой обѣ окончаніи какого либо ры-
царскаго подвига.)

Хоръ богатырей

Не сизы соколы по поднебесью,

Не бѣлы кречеты подъ облаки,

Богатыри слетались Русскіе

Къ Великому Князю ко Владиміру,

Ко Владыкѣ Всероссійскому,

Чтобъ потѣшиться молодечествомъ,

Позабавить бы удалствомъ его.

Что одинъ изъ нихъ всѣхъ проворнѣе,

Всѣхъ провориѣе, всѣхъ могучѣе:
Гдѣ онъ ступитъ,—тутъ земля дрожитъ;
Гдѣ рукой махнетъ,—тутъ и улица.
Что возговоритъ богатырскій кругъ:
Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Въ продолженіе сего хора богатыри, взадъ и впередъ расхаживая, показываютъ, что снимаютъ съ себя тяжелые доспѣхи, а между тѣмъ непримѣтно уходятъ за кулисы: на мѣсто же ихъ, вступивъ танцовщики, изъ коихъ одинъ въ закрытомъ шлемѣ, танцуютъ балетъ, въ которомъ представляютъ разныя гимнастическія игры, какъ-то: борьбу, кулачный бой, бѣганье и проч. Потомъ вдали видно на ипподромѣ ристаніе на коняхъ верьхами и въ колесницахъ, машинами представляемое; гдѣ летаютъ по воздуху деревья и камни, слышно ржаніе коней, звукъ мечей, трескъ преломленныхъ копій, и тому подобное. По окончаніи жъ игръ, танцовщики и представляющій закрытаго рыцаря уходятъ, а на мѣсто ихъ паки являются богатыри, изъ коихъ Герольдъ, выводя на сцену Добрыню, закрытаго шлемомъ, говоритъ богатырямъ.)

Г Е Р О Л Д Ъ.

Закрытый витязь сей пойдетъ въ единоборство.
Отличную явилъ онъ силу и проворство:
На воздухъ стрѣлу другою разсѣкалъ,
Въ пятьсотъ пудъ палицу за облако металлъ,
Рвалъ холмы и дубы съ корней одной рукою.

Х О Р Ъ Б О Г А Т Ы Р Е Й.

(Три раза повторяетъ послѣдній стихъ.)

Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Добрыня кланяется.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ съ Прелѣпою и всѣми дѣвицами теремными сходятъ съ балкона. Дѣвицы въ рукахъ своихъ имѣютъ копья, щиты, мечи, луки, стрѣлы и прочіе легкіе доспѣхи воинскіе, между которыми входятъ и хористы.

ВЛАДИМИРЪ.

Преславны витязи! пусть всякій самъ собою
Здѣсь милую себѣ подругу изберетъ,
И отъ нея свое оружіе возьметъ.

А ты, моя княжна, героя безыменна
Грудь богатырскую укрась отличьемъ симъ.

(Взявъ у Силоума съ золотого блюда гривну, или медаль, подаетъ Прелѣпѣ.)

ПРЕЛѢПА.

(Надѣвая оную на Добрыню, ставшаго на колѣна.)

Какъ блещетъ злато здѣсь, и слава такъ желанна
Твоя до возблеститъ, о, витязь знаменитъ!

ДОБРЫНЯ.

Счастливъ, когда судьба мнѣ долгъ велитъ свер-
шить,

И съ должной честію предъ князя возвращуся!

ВЛАДИМИРЪ.

(Ударя Добрыню по плечу мечомъ.)

Я вѣрю, что тобой ни въ чемъ не постыжуся:
Будь рыцаремъ моимъ!

(Владиміръ, Прелѣпа и Добрыня уходятъ, богатыри паки удаляются; а на мѣсто ихъ танцовщики и танцовщицы въ продолженіе нижеслѣдующаго хора представляютъ другой

балетъ, въ коемъ дѣвицы раздаютъ
оружіе рыцарямъ.)

Хоръ дѣвицъ.

Разрѣзались, разыгрались
Красны дѣвицы въ кругу,
Какъ на грозну брань собирались
Русски молодцы врагу.
Будемъ дѣвушки рѣзвѣе, —
Говорили межъ собой, —
Чтобъ отважнѣе, храбрѣе
Наши милые шли въ бой;
Чтобы славу заслужили,
Ставъ отечеству сыны,
И счастливѣе бѣ мы жили,
Чѣмъ безъ славы, безъ войны;
Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ,
Ленты золоты носили
И жемчуги на главахъ;
Мы бы чванились собою,
Намъ бы кланялся народъ.
Нѣтъ вѣдь славы, кромѣ бою,
И богатства и красотъ.

(По окончаніи балета, уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Театръ перемѣняется, и представляетъ въ ночи небольшую часть сада съ каскадами, освѣщеннаго луною, которой лучъ, отражаясь отъ крышки золотой терема Прелѣпы, падаетъ на водоскаты. Въ тѣни видны мрачные переходы и потаенная лѣстница.

ПРЕЛѢПА И СПОСОБА.

— ПРЕЛѢПА.

Доколѣ витязя и прочія дружины
Князь въ бой не отпустилъ, поговоримъ съ то-
бой.

СПОСОБА.

Не лучше ль намъ итти подъ свислыхъ древъ
вершины?
А здѣсь ужъ слишкомъ мы освѣщены луной.

ПРЕЛѢПА.

И здѣсь не видно насъ.—Что мнѣ о пѣснѣ ска-
жешь?

СПОСОБА.

Унесъ съ собою Змѣй.

ПРЕЛѢПА.

О Невидимкѣ что ты знаешь?

СПОСОБА.

Я знаю только то, что витязь безъимянной
На играхъ превзошелъ всѣхъ силой несказан-
ной,
Иныхъ изъ сѣделъ выбилъ вонъ.

ПРЕЛѢПА.

Но кто же онъ?

СПОСОБА.

Старалась я узнать то по твоимъ желаньямъ,
Но отъ конюшаго; со всѣмъ моимъ стараньемъ
Я не добилаь ничего,
Окромѣ лишь того,
Что похваляется ширинкою онъ тою,
Что сказывала я.

ПРЕЛЪПА.

Какъ?

СПОСОБА.

Съ именемъ твоимъ, и вышита тобою.

ПРЕЛЪПА.

Какъ, съ именемъ! Нельзя ль его сюда скорѣй?

СПОСОБА.

А со Владиміромъ въ помолвкѣ-то своей
Вы вѣрно ужъ сошлись?—А мнѣ ты и ни слова!

ПРЕЛЪПА.

Да, говорили мы.—А Рыцаря. . . .

СПОСОБА.

Какова?

ПРЕЛЪПА.

Ну, невидимку-то.

СПОСОБА.

Ужъ ночь. . . .

ПРЕЛЪПА.

Но при лунѣ.

СПОСОБА.

Ахъ, милая княжна! что говоришь ты мнѣ?
Коли узнаетъ князь!—И какъ это возможно?

ПРЕЛЪПА.

Изъ любопытства лишъ.

СПОСОБА.

Нельзя, неосторожно.

ПРЕЛЪПА.

Теперь ночь.

СПОСОБА.

Поди ты прочь!

ПРЕЛЪПА.

Способа, милый другъ! подай душѣ отраду,
Я только одного его желаю взгляду.

СПОСОБА.

Ахъ! Лада надъ тобой!—Ужъ я тебя не знаю.
То князь въ умѣ, то змѣй, то потаенный другъ!

ПРЕЛЪПА.

Нѣтъ больше силъ моихъ: волнуется весь духъ!
Я предъ тобой себя ужъ больше не скрываю:
Горыныча боюсь, и виду не терплю,
Со многими въ княжомъ нельзя быть сердцѣ
вмѣстѣ;

Съ издѣтства самаго Добрыню я люблю,
И рокъ судилъ ему во мнѣ лишъ быть невѣ-
стѣ.

Вотъ тайна вся.—Теперь иди скорѣй за нимъ.

СПОСОБА.

Какіе ужасы! какія повелѣнья!
А если кто меня въ пути увидитъ съ нимъ?

ПРЕЛЪПА.

Когда душа чиста, то нѣтъ тутъ преступленья.
Поди!

СПОСОБА.

Ахъ, милая! что дѣлать мнѣ съ тобой?
Желаю и боюсь.

(Подумавъ, про себя.)

Съ нимъ Торопъ будетъ мой.

(Уходить.)

ПРЕЛЪПА.

Я отдалась любви, послала за Добрыней;
Но безъимянной сей быть можетъ и не онъ.
То можетъ быть обманъ, подобно какъ Змѣиной:
Не даромъ ужасалъ меня сей ночи сонъ.

(Слышно въ той сторонѣ, гдѣ Тугариновъ шатеръ,
по Днѣпру хохочущее эхо отъ птицъ, а на тере-
мѣ стонъ Филина.)

(Поетъ.)

Чу! кто-то тамъ въ лугахъ хохочетъ,
На кровлѣ слышу чудный стонъ.
Знать, чародѣй прельстить насъ хочетъ,
А здѣсь меня пугаетъ онъ.
Мятусь, дрожу, изнемогаю!
Что будетъ съ бѣдною со мной?
Къ тебѣ, Добрада, прибѣгаю,
Покрой меня твоей рукой!
Покрой!—и отжени всѣ страсти,
Мечты, волшебства и напасти.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Земля разверзается. Выходить Добрада въ бѣломъ жреческомъ одѣяннѣ, на подобіе тѣни, и въ то же время на другой сторонѣ съ потаенной лѣстницы сходятъ закрытые также бѣлыми покрывалами: Способа, Торопъ и Добрыня, съ опущеннымъ на лицѣ забраломъ.

ДОБРАДА.

Услышана твоя молитва мною:

Не бойся, будь тверда душою.

(Исчезаетъ.)

ПРЕЛѢПА.

Что вижу я?—Ахъ! вкругъ меня мечты.

(Увидя Способу.)

Иль это ты!

Ужъ возвратилася, Способа?

СПОСОБА.

Конюшіи съ рыцаремъ пришли со мною оба;

Мы такъ закрылись, чтобъ никто насъ не узналъ.

ТОРОПЪ.

(Ощупывая деревья руками.)

Глаза мои тмы, ужаса полны.

СПОСОБА.

На кровлѣ филинъ тамъ уныло завывалъ.

ТОРОПЪ.

Въ лугахъ русалки хохотали.

СПОСОБА.

Мы отъ роду такой боязни не видали.

ДОБРЫНЯ.

Но здѣсь ужъ блещетъ свѣтъ луны?

СПОСОБА.

(Прелѣпѣ, представляя Добрыню.)

Вотъ богатырь, княжна, безвѣстной, безъимян-
ной.

ПРЕЛѢПА.

Плѣненна славой несказанной,
Хотѣла бѣ я его въ лицо узрѣть.

ДОБРЫНЯ.

Большимъ бы счастьемъ почелъ и я ту честь;
Но мнѣ до времени быть нужно сокровеннымъ

СПОСОБА.

Не межъ народомъ ты, сударь, обыкновеннымъ.

ПРЕЛѢПА.

Мы можемъ скромны быть.

ТОРОПЪ.

(Въ сторону.)

Вѣрнѣе нѣтъ сего отъ женщинъ обѣщанья.

ДОБРЫНЯ.

Прекрасны, княжны исполнить чтобъ желанья,
Я принужденъ себя открыть.

(Снимаетъ шлемъ.)

ПРЕЛѢПА.

Добрыня! это ты! тебя ли вижу я?

Какъ счастлива теперь судьба моя!

(Съ восторгомъ обнимаются.)

Какимъ то образомъ, любезный мой, случилось?

ДОБРЫНЯ.

Знать Небо надъ моимъ страданіемъ смягчилось.
Разставшись съ тобой, оставя Холмоградъ,

Проѣхалъ я моря, лѣса, пустыни, горы,
Побилъ невѣрныхъ тмы, богатырей напоры,
Ужасны отразилъ; и возвратясь назадъ,
Заѣхалъ посмотрѣть Владиміровъ Дворъ слав-
ной,

Помѣрить силъ моихъ со рыцарьми его;
Но къ горести моей услышалъ несказанной,
Что въ теремѣ ты здѣсь.

ПРЕЛѢПА.

Ужъ годъ какъ у него.

ДОБРЫНЯ.

Невѣстой обрученной?

ПРЕЛѢПА.

Сей день назначенъ былъ; но помѣшалъ невѣр-
ной

Тугаринъ, богатырь,

ДОБРЫНЯ.

Увы! и онъ, я слышу, бракъ
Тебѣ съ собою предлагаетъ.

ПРЕЛѢПА.

Да, онъ того желаетъ.

ДОБРЫНЯ.

И съ наглостью притомъ неслыханною?

ПРЕЛѢПА.

Такъ.

ДОБРЫНЯ.

Чудовище! злой Змѣй!

ПРЕЛЪНА.

Но какъ же, дерзновенье
Такое слышавъ, ты его не отвратилъ?

ДОБРЫНЯ.

Представь себѣ; княжна, мое ты положенье!
Совмѣстникъ мнѣ мой князь, и могъ тебѣ быть
милъ :

То какъ я, безъ заслугъ, безъ нова увѣренья
Въ твоей ко мнѣ любви, себя могъ объявить?

ПРЕЛЪНА.

Возмогъ ли хоть на часъ во мнѣ ты усомниться,
Чтобы могла въ кого другого я влюбиться?

ДОБРЫНЯ.

Благоволи Перунъ лишь славой осѣнить,
Тогда явлюся я тебя уже достойнымъ.

ПРЕЛЪНА.

Какая польза въ томъ? Ужели князь спокой-
нымъ

Зрѣть будетъ окомъ на тебя?

Онъ въ славѣ, въ торжествѣ твоёмъ, меня лю-
бя,

Не возжелаетъ ли имѣть своей женою?

Ахъ, горе мнѣ тогда! ахъ, горе и тебѣ!

ДОБРЫНЯ.

Я покорюсь судьбѣ.

Но, бывъ съ заслугами и бывъ любимъ тобою,

На бракъ я больше правъ, чѣмъ князь, могу
имѣть;

А паче, если князь правдивъ, великодушенъ . . .

ПРЕЛЪНА.

Иди же, мой герой, со славой умереть!

ДОБРЫНЯ.

Во всемъ тебѣ, моя любезная, послушенъ.

Дуэтъ.

ПРЕЛЪНА.

Ко мнѣ ты страстью тлѣешь;

ДОБРЫНЯ.

Да, я горю тобой.

ПРЕЛЪНА.

Ты жизнь во мнѣ имѣешь?

ДОБРЫНЯ.

Я живъ твоей душой.

ПРЕЛЪНА.

Вся мысль твоя мной плѣнна?

ДОБРЫНЯ.

Въ тебѣ моя вселенна,

(Оба вдругъ.)

И всѣ утѣхи глазъ.

Я, зря тебя, прельщаюсь,

И также восхищаюсь,

Какъ въ самый первый разъ!

ПРЕЛЪНА.

О, коль сладка любовь!

ДОБРЫНЯ.

Небесный то восторгъ души!

СПОСОБА.

А ты, мой Торопъ, что задумчивъ такъ въ тиши?

ТОРОПЪ.

Жду, лапочка, какъ ты умильно вздернешь бровь!

ДОБРЫНЯ.

(Поетъ.)

Коль въ томъ твоя забава,
Чтобъ быть всегда со мной:
То счастье и слава
Мнѣ зрѣть на образъ твой;
Тобою заниматься,
Тобою любоваться,
Мнѣ нѣтъ блаженствъ иныхъ.
Цари пусть веселятся;
Но смѣютъ ли равняться
Со мной въ сіяньи ихъ?

ПРЕЛЪПА.

(Поетъ.)

Порфиною одѣта,
Не вознесутъ собой;
На всѣ державы свѣта
Не промѣнюсь тобой.
Тобою утѣшаюсь,
Горжусь и величаюсь:
Твое мнѣ сердце тронъ;
Всѣ пышности земныя
Молвы лишь все пустыя
И грубый сердцу звонъ.

СПОСОБА.

А мы вѣдь такъ съ тобой не прогоняемъ скуку.

ТОРОПЪ.

И впрямъ, красавица: такъ дай же мнѣ ты руку.
Куда игла, пускай идетъ туда и нить;
Влюбился господинъ, и я давай любить.

(Даютъ другъ другу руки.)

ДОБРЫНЯ.

Но полночь ужъ теперь; мнѣ въ храмъ помолить-
ся,
Откланяться съ Дворомъ, и съ братьями про-
ститься.

ПРЕЛЪНА.

Прости, любезный мой, и возвратися здоровъ
Въ объятіе любви моей, на лоно чести.

ДОБРЫНЯ.

Прости!

ТОРОПЪ.

(Способъ.)

Прости и ты, милѣй мнѣ солнца ставъ.

СПОСОБА.

Прости, мой суженой! Пришпорь къ своей невѣ-
стѣ.

(Хотятъ уйти; но возвратясь, обнимаются попар-
но, и поютъ въ четыре голоса.)

ДОБРЫНЯ.

Небесно наслажденье...

ТОРОПЪ.

Съ любезной вмѣстѣ жить!

ПРЕЛЪНА.

Несносное мученье...

СПОСОБА.

Въ разлукѣ съ милымъ быть.

(Вмѣстѣ.)

Я адъ тамъ ощущаю,
Гдѣ безъ тебя бываю,
Томлюся всей душой;
Но гдѣ тебя видаю,
Ласкаю, обнимаю,
Прижму къ груди своей:
Тамъ рай души моей!

(Въ сіе время Вѣдьма, съѣхавъ по лунному лучу, кувыркаясь, перебѣгаетъ чрезъ театръ въ бѣломъ платьѣ съ растрепанными волосами: отъ чего всѣ врозь разбѣгаются, кромѣ Добрыни, который, не торопясь, надѣваетъ шлемъ, и уходитъ.)

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ обширную овальную внизу съ большими продолговатыми, а вверху съ круглыми окнами, освѣщенную многими лампадами, повалушу. Вокругъ стѣнъ видѣнъ съ балюстрадамъ помость съ постелями, которыя покрыты червлеными покрывалами съ золотою бахромой; при концѣ каждой па табуретахъ сидятъ дѣвицы, (между коими и Прелѣпа) съ пряслицами, обвитыми кудельками багрянаго шелка, который они прядутъ. Сквозь нижнія окна вдали видны градскія стѣны, а изъ верхнихъ выглядываютъ нянюшки и мамушки. При окончаніи нижеслѣдующаго хора, входитъ Владиміръ съ рындами и придворными.

Хоръ дѣвицъ.

(Безъ музыки.)

Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь,
Наше солнышко Владиміръ Князь похаживаетъ;
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ;

Что у ласточки,
У касаточки,
Алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ.

Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи показываетъ.
Веселымъ лицомъ,
Въ обнякъ словцомъ
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
Не мани насъ, князь!
Не гадай насъ, князь!
Красно солнышко! ему боярышни возговорятъ.
Не златой казнѣ,
Но твоей красѣ
Очи и сердца свои давно всѣ продали.
Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хоть разъ,
Дай въ залогъ перстень любой тебѣ, ту выбери.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ рано, милая! а вы ужъ на работѣ?

ПРЕЛЪПА.

Ты въ безпокойствѣ, князь: то мы, чтобы не
спать,
Прядемъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Пріятно все по собственной охотѣ;
Однакожъ красотамъ себя такъ изнурять! . . .

ПРЕЛЪПА.

Мы Князю нашему готовимъ багряницу.

ВЛАДИМИРЪ.

Цѣнить онъ знаетъ трудъ.—Я думаю зарницу
Во всемъ сіяніи увидимъ скоро мы. . . .

ПРЕЛЪПА.

(Смотря въ окошко.)

Уже рѣдѣютъ мрака тмы.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И СПОСОБА.

(ВХОДИТЬ СЪ ПОСПѢШНОСТІЮ.)

СПОСОБ.

Я зрѣла съ терема: прошла лишь ночь тѣней,
Съ противныхъ пыль сторонъ столбомъ вдругъ
поднялася,

Земля пустила стонъ отъ топота коней,
Ужасна трескотня по лѣсу раздалася;
Вкругъ холмы крякнули, звукъ съ латъ богаты-
рей:

А вѣтромъ только мгла не много отлетѣла,
И взоръ могъ различить вдали лице съ лицомъ,
Я змѣя страшнаго лежащаго узрѣла,
Нашъ рыцарь на конѣ летитъ къ нему съ копь-
емъ.

ПРЕЛѢПА И ВСѢ ДѢВНЦЫ.

(Вставъ съ мѣстъ своихъ.)

Способа! правда ль то?

ВЛАДИМИРЪ.

Не такъ ли показалось?

СПОСОБА.

Ахъ, милостивый князь! все вокругъ восколеба-
лось!

Крутится предо мной еще теперь пыль.
Поздравить смѣю васъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Быть можетъ, что и было.

Хоръ дѣвицъ.

(Поднося на золотомъ блюдѣ пригото-
вленный вѣнецъ изъ розъ.)

Съ побѣдой поздравляемъ,
И, нѣжныхъ въ знакъ сердецъ,
Поднести тебѣ дерзаемъ.
Сей изъ цвѣтовъ вѣнецъ:
Любуйся, восхищайся!
Побѣдой утѣшайся!

ВЛАДИМИРЪ.

Велика честь сія; но оной я не стою:
Она принадлежитъ достойному герою.
Вамъ побѣдителю сей должно даръ поднести.
При всемъ томъ невѣрна еще сія и вѣсть:
Способнымъ словамъ не худо подтвержденье.

СПОСОБА.

Нѣтъ, красно солнышко, ни малаго сомнѣнья;
Сама я видѣла.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ТОРОПЬ.

(Въ безпамятствѣ вбѣгая, поетъ, бѣгая туда и сюда.)

ТОРОПЬ.

Братцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Знайте, разбиты мы въ прахъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Братцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Рыцарь мой бѣдный въ когтяхъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Братцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Знайте, разбиты мы въ прахъ.

Ахъ! ахъ! ахъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Что? Какъ?

ТОРОПЬ.

Такъ, такъ,

Бѣда всѣмъ намъ,

За мною по пятамъ,

Какъ буря за плечьми, валить въ градски ворота

Татарска конница, и безъ числа пѣхота.

Мы всѣ разбиты въ прахъ.

У Змѣулана-то и рыцарь мой въ когтяхъ.

ПРЕЛЪНА.

Возможно ли?

ТОРОПЪ.

Ахъ, такъ.

СПОСОБА.

Ты не ряхнулся ли?

(Поютъ въ два голоса.)

ТОРОПЪ.

Нѣтъ, ты ряхнулась.

СПОСОБА.

(Съ сердцемъ.)

Ряхнулся ты ума.

ТОРОПЪ.

Бѣда стряхнулась.

СПОСОБА.

Тугаринъ палъ, я видѣла сама.

ТОРОПЪ.

Упалъ, да вдругъ очнулся.

СПОСОБА.

Да что же въ томъ вреда?

ТОРОПЪ.

Онъ змѣемъ обернулся.

(Оба.)

Бѣда! ахти, бѣда!

ВЛАДИМИРЪ.

(Торопу.)

Да Расскажи яснѣй

О странной вѣсти сей.

ТОРОПЬ.

Слышь: палъ съ коня, какъ снопъ; но змѣемъ
очутился

Крылатымъ, въ воздухъ звившись подъ облака.

Тутъ вдругъ изъ челюстей, какъ огненна рѣка,

На рыцаря главу внизъ искры покатились,

Покрылся дымомъ шлемъ, вокругъ перья вспла-
менились:

Мой витязь вѣрно бы подъ дьявольщиной палъ,

Когда бъ не нѣкая отъ шлема крѣпка сила,

Какъ вѣтръ, невидимо огня не относила;

А помощь свыше онъ какъ только лишь узналъ,

Оправился, и лукъ натягъ съ двумя стрѣ-
лами,

Пустилъ въ Горыныча, и крылья вдругъ под-
сѣкъ.

Свернулся змѣй клубкомъ передъ его ногами,

И человѣческимъ такъ голосомъ прорекъ:

«Ты гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!

Пришелъ мой смертный часъ: напой водой те-
кучей.»

Мой рыцарь добръ вельми, разжалившись надъ
нимъ,

Стальной шлемъ снялъ съ главы, на лугъ ши-
ринку кинулъ,

И почерпнуть пошелъ воды текучей имъ....

Тугаринъ, засвистя, засадну силу двинулъ,

И войскомъ вмигъ, какъ лѣсъ вокругъ рыцаря
обнесъ:

Отрѣзалъ съ тылу, взялъ въ оковы, въ плѣнъ
помчалъ.

Я блюлъ его коня, онъ чуть меня унесъ;
А наши, исплошась, всѣ порознь поскакали.

ВЛАДИМИРЪ.

Ты сказку выдумалъ.

ТОРОПЪ.

Ахъ, нѣтъ! вотъ-те божусь.

(Указывая на Способа.)

СПОСОБА.

(Сторонясь.)

Что плешься на меня? — Ты первый, видно,
трусъ.

(Одумавшись.)

Но, ахъ! вѣдь пѣтухомъ здѣсь курица кричала.

ТОРОПЪ.

(Плачетъ.)

Сорока жъ развѣ здѣсь въ ночи не щекотала?

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Надежда Государь! Орда осѣла градъ:

Предмѣстья рубятъ и палятъ.

(Въ сіе время слышна по городу тревога, и видѣнь въ окно дымъ, а на стѣнахъ люди.)

ВЛАДИМИРЪ.

Вели, чтобъ воинства на стѣны шли градскія,
Я буду самъ сейчасъ. — Вотъ случаи какіе!

Князь кормщикъ корабля, — жди вѣтровъ пере-
мѣнъ:

Но покажу примѣръ я моему народу,
Что управлять могу рулемъ и въ непогоду.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Силоумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

А! кстати, Силоумъ ты здѣсь! на вѣроломство
Я самъ теперь иду; храни ты градъ, чертогъ,
княжну.

СИЛОУМЪ.

Потщуся утишишь печаль и безпокойство,
И въ градѣ сохраню порядокъ, тишину.

(Владиміръ уходитъ, а за нимъ Вѣстникъ, Способа, Торопъ
и всѣ дѣвицы.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прелѣпа и Силоумъ.

ПРЕЛѢПА.

Какой насъ жребій ждетъ по бранной неудачѣ?
Стенать подъ узами, и умереть во плачѣ!

СИЛОУМЪ.

Не сокрушай себя безвременно, княжна!
Войнѣ Владиміръ дастъ счастливо окончанье;
Онъ тамъ: надежда есть.

ПРЕЛЪПА.

Какъ суетна она!

Надеженъ рыцарь былъ, и лестно ожиданье:

Но что? — И побѣдивъ, онъ самъ сталъ погу-
бленъ.

СИЛОУМЪ.

Онъ живъ.

ПЛЕЛЪПА.

Пріятнѣй смерть, чѣмъ варварскимъ рукъ
плѣнъ.

(Поютъ въ два голоса.)

Премѣненъ сей и скученъ свѣтъ:

Онъ мечтъ лишь горестныхъ собранья;

Темница узъ, жилище бѣдъ,

Мигъ радостей, вѣкъ ожиданья;

Сегодня счастливы быть мнимся,

А завтра въ безднѣ золь явимся.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ И СОТНИКЪ.

(Съ чалмой въ рукахъ.)

СОТНИКЪ.

Великій князь, какъ вѣтръ съ полей сдуваетъ
прахъ,

Отъ града отразилъ такъ бусурмански силы;

Змѣй дрогнулъ отъ него, тмы тылъ оборотили;

Мечемъ онъ чудеса въ ихъ показалъ полкахъ.

Прислалъ къ тебѣ чалму, знать, съ тайною
какою,

Котору самъ онъ сшилъ со Змѣя булавою,

СИЛОУМЪ.

(Вынувъ изъ чалмы пѣсню съ ширинкою, и разсмотрѣвъ показываетъ княжѣ.)

Рука это твоя?

ПРЕЛѢПА.

(Съ изумленіемъ.)

Моя!

СИЛОУМЪ.

Теперя я пойду для срѣтенья княжова.

(Уходитъ и съ нимъ Сотникъ.)

ПРЕЛѢПА

(Одна, въ задумчивости.)

Что, премѣнясь, ушелъ отъ одного онъ слова?

Ужъ нѣтъ ли вновь еще несчастія какова?

Но ждать еще какихъ мнѣ бѣдъ?

(Съ отчаяніемъ.)

Свершился, знать, ударъ ужъ рока злаго!

Добрыни болѣе на свѣтѣ нѣтъ!

Въ чалмѣ Горыныча ширинку полонили,

И пѣсню въ ней же принесли.

Убить онъ: такъ, убить! Свирѣпые сразили

Мою грудь молніей и сердце все сожгли.

(Поетъ.)

Разверзися земля скорѣй,

И адская зіяй утроба!

Добрыня! царь души моей!

Тебя ль я зрю во мракѣ гроба?

Мнѣ гласъ твой слышится, тѣнь зрится:

Иду съ тобой соединиться!

(Уходитъ.)

==

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ великолѣпный княжескій чертогъ, преддверіемъ храму служащій, и отдѣленный отъ храма обширною аркою, которая задернута завѣсою. Придворные, Сребробрады и Силоумъ уготованы на срѣтеніе Владиміра и торжество побѣды.

СИЛОУМЪ.

(Съ чалмой, Сребробрадамъ.)

Побѣду надъ врагомъ и счастья премѣну

Намъ возвѣстилъ Великій Князь:

Но чрезъ чалму сію узнаете измѣну,

Которая, я мню, что удивить и васъ,

Коль скажемъ, наши кѣмъ ничтожились совѣты.

СРЕБРОБРАДЫ.

Хвала, хвала богамъ, разрушившимъ навѣты!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Владиміръ съ Рындами.

ВЛАДИМІРЪ.

(Во всеоружіи.)

Исполнилъ я мой долгъ.

(Отдаетъ щитъ, шлемъ и копье
Рындамъ. Всѣ ему кланяются
съ благоговѣніемъ.)

СИЛОУМЪ.

Прислалъ на разсмотрѣнье,
Ширинку ты съ письмомъ, въ чалмѣ сокрыту
сей:

Прелѣпа сдѣлала о нихъ рѣшенъе.

ВЛАДИМИРЪ.

Какое? Знать хочу.

СИЛОУМЪ.

Что принадлежатъ ей.

ВЛАДИМИРЪ.

Съ чего?...

СИЛОУМЪ.

Та шита ей, то писано самою.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ ставишь ты ее виною:
Но въ чемъ преступница она?

СИЛОУМЪ.

Вина ея не такъ темна.
Къ врагу она писала,
И слѣдственно войну на князя поднимала.

СРЕБРОГРАДЫ.

Измѣна, Государь!

ВЛАДИМИРЪ.

Страшитесь, старцы, такъ
Невииность клеветать столь зло, неосторожно;
Княжна измѣнница! Какъ быть тому возможно?

СИЛОУМЪ.

Ее въ томъ обличилъ и даже ребкѣи зракъ.

ВЛАДИМИРЪ.

(Съ печальнымъ видомъ.)

Не вѣрю. (*Подумавъ*). Но я князь. Пристрасть
не у мѣста,
И чужды должны быть мнѣ жалость, вздохи,
стонъ;

Равно преступница, раба ль то, иль невѣста.
Подъ безпристрастнымъ лишь Царемъ незыб-
лемъ тронъ;

Хотя бы дочь была, сестра или супруга:
У праведныхъ Царей нѣтъ ни родни, ни друга.
Друзья! изслѣдуйте и донесите мнѣ.

(Хочетъ уйти.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Торопъ и Добрыня съ открытымъ лицомъ,
вошедъ тихо, слушаютъ разговоръ Владиміровъ съ
его Совѣтниками; и потомъ въ другія двери всту-
паетъ Прелѣпа съ Способою.

ПРЕЛѢПА.

(Увидя Добрыню, изъ печальной
вдругъ показывается радостною, и
про себя.)

Живъ! . . .

ВЛАДИМИРЪ.

(Примѣтя Добрыню.)

Какъ! отколь ко мнѣ
Вдругъ сродникъ мой драгой, Добрыня, могъ
явиться?

ДОБРЫНЯ.

Позволь, о Государь, въ томъ послѣ объясниться
Кто здѣсь измѣнникомъ?

ВЛАДИМИРЪ.

(Печально, не видя Прелѣпы.)

Съ Тугаринымъ княжны
Изборскія Прелѣпы
Сношенья найдены.

ДОБРЫНЯ.

Ужъ ли то правда? (*Подумавъ*) Нѣтъ!
Нѣтъ, сплетни то нелѣпы:
Ширинку съ пѣсней, что ль?

СРЕБРОБРАДЫ.

Ея руки, въ его чалмѣ.

ДОБРЫНЯ.

Вы заблуждаетесь, о суди, во тмѣ.
Послушай, Государь, сей тайны разрѣшенье:
То вещи всѣ мои; отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Въ знакъ дружбы нѣжныя, любви во увѣренье,
Невѣстой были мнѣ моею подарены;
То нашихъ клятвъ залог.

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ, гдѣ и отъ кого?

ДОБРЫНЯ.

(Указывая на Прелѣпу.)

Отъ сей княжны.

ВЛАДИМИРЪ.

(Обращаясь къ ней.)

Ты здѣсь, княжна?

ПРЕЛѢПА.

И сей обѣтъ

Внимали сами боги;
Я съ именемъ его обручена кольцомъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Когда, при комъ?

ДОБРЫНЯ.

Средь храма предъ жрецомъ.

ПРЕЛЪПА.

Въ училищѣ Добрады.

ВЛАДИМИРЪ.

Вотъ новыйи мнѣ ударъ! Вотъ нѣжности награды!

Ахъ! для чего жъ сію любовь,

Княжна, ты предо мной такъ хитро сокрывала?

ПРЕЛЪПА.

Я времени искала.

СИЛОУМЪ.

(Въ сторону.)

Нѣтъ, хитрость; баснями не кормятъ соловья.

(Добрынь.)

А какъ въ чалму онъ къ Тугарину попали?

ДОБРЫНЯ.

Безвѣстный рыцарь—я,

Сражался съ Змѣемъ я,

Съ коня его сбиль я;

Но послѣ такъ случилось,

Что пѣснь съ ширинкою коварствомъ очути-
лась

У моего врага.

ВЛАДИМИРЪ.

Вы видите теперь, какъ истина нага!

СРЕБРОБРАДЫ.

Еще сомнительно.

ВЛАДИМИРЪ.

Но въ чемъ же тутъ сомнѣнье?

СРЕБРОБРАДЫ.

Не чрезъ наборы словъ...

СИЛОУМЪ.

Но чрезъ свидѣтелей быть должно увѣренье.
Кто зналъ училище, залогъ ихъ, любовь?

ПРЕЛЪПА.

Добрада знала все....

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Вдругъ.)

А развѣ мы вчерась не знали вашей страсти?

ТОРОПЪ.

(Показывая на Способу.)

Не я ль за ней ходилъ?

СПОСОБА.

(Указывая на Добрыню.)

Не я ль его
Вводила въ садъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Довольно мнѣ сего.

СИЛОУМЪ.

Довольно истинѣ и правосудной власти,

Чтобъ ихъ съ виновными въ одинъ поставить
рядъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, такъ!

СИЛОУМЪ.

Бывъ воиномъ, столь славнымъ, знаменитымъ,
Зачѣмъ Добрыня былъ сокрытымъ,
И ночью въ княжескій чертогъ
Способою вводился тайно?
И какъ конюшій могъ
Съ нимъ вмѣстѣ быть? — Все что-то чрезвы-
чайно!

Но, бывъ безъ памяти въ нее влюблѣнъ,
Преступницу спасти лишь ищетъ онъ,
И сказку выдумалъ нелѣпу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Судить Прелѣпу!

ВЛАДИМИРЪ (съ гнѣвомъ).

Не будьте скоры такъ другихъ на обвиненье,
Подумайте еще....

(Отворотясь, подходитъ къ Добры-
нѣ и говоритъ съ нимъ тихо.)

ТОРОПЪ.

(Въ сторону.)

(Поетъ.)

Не хотятъ здѣсь правды вѣдать,
И приходитъ намъ бѣда:
Одному Царю что дѣлать,
Гдѣ проказятъ господа?
Какъ дружатъ, такъ пса оправятъ,
Правъ! напишутъ въ три пера.

А налягутъ: вмигъ задавятъ
И слова, какъ комара.

Я В Л Е Н І Е IV.

Тъ же, Сотникъ и Тугаринъ съ перевязанною головою, поддерживаемый бирючемъ и воинами.

СОТНИКЪ.

Тугаринъ ко вратамъ во плѣнъ приведенъ;
Ты воинству во градъ велишь ли возвратиться?

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ! взять злодѣй мой въ плѣнъ?

СОТНИКЪ.

(Указываетъ на Тугарина.)

Онъ тамъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Тотчасъ расположиться
Вели по городу полкамъ;
Но Расскажи подробнѣй, какъ
Плѣненіе сіе случилось?

СОТНИКЪ.

Надежа Государь! я слышалъ такъ:
Какъ полчище тобой
Срацыновъ отразилось,
Тугарынычъ утекъ съ открытой головой
И въ таборъ свой, вбѣжавъ, со ужасомъ узрѣлъ,
Что рыцарь сей (указывая на Добрыню), въ
плѣну прервавъ свои оковы,
Схватя свой мечъ, бѣжалъ, летѣлъ

Ему на встрѣчу;
Тмы силъ вокругъ прыжки не преграждали
львовы,
И головы въ чалмахъ, какъ птицъ мелькавъ
стада,
Открыли нуть ему чрезъ преужасну сѣчу
Добраться до врага.
Онъ на него напалъ,
И, не смотря, что Змѣй былъ на конѣ высо-
комъ
Со ухомъ жабръ ему отсѣкъ съ единымъ ско-
комъ,
И выбивъ изъ сѣдла, на землю бросивъ, взялъ
Во плѣнъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Какая вѣсть! Добрыня!... чѣмъ заслугу
Твою тебѣ я заплачу?

ДОБРЫНЯ.

Исполнивъ должное, награды не ищу.

СРЕБРОГРАДЫ.

Дай правосудіе!

СИЛОУМЪ.

И недругу и другу!

ВЛАДИМІРЪ.

О! что за судъ еще? — Тугаринъ налицо:
Вся тайна намъ теперь открыта стала.

ТУГАРИНЪ.

(Въ сторону, скрыпя зубами.)

О! я имъ отмщу.

ВЛАДИМИРЪ.

(Тугарину.)

Писала ли къ тебѣ княжна?

ТУГАРИНЪ.

Писала.

ВЛАДИМИРЪ.

О, боги!

СРЕБРОБРАДЫ.

Мстители!

ПРЕЛЪПА.

Проклятый лжецъ!

ТУГАРИНЪ.

Докажетъ истину мое у ней кольцо,
Что съ именемъ моимъ я далъ ей въ обрученье.

ДОБРЫНЯ.

Что слышу я!

ПРЕЛЪПА.

(Тугарину.)

Тебѣ?

СНЛОУМЪ.

Вотъ дѣлу и конецъ!

ВЛАДИМИРЪ.

(Съ печальнымъ удивленіемъ.)

И такъ кольцо сіе намъ сдѣлаетъ рѣшенъе.
Прикажешь ли, княжна, сюда его принесть?

ПРЕЛЪПА.

Напротивъ, не скажу ни слова:

Кольцо то сдѣластъ мнѣ честь;

Я имъ изобличить Тугарина готова.

ВЛАДИМИРЪ.

Способа! Силоумъ!

(Даетъ имъ знакъ, чтобъ шли.)

ПРЕЛЪПА.

**Тамъ въ досканцѣ и есть,
Когда не вѣрите моимъ вы стонамъ.**

СИЛОУМЪ.

Какъ эту сѣть расплестъ?

ВЛАДИМИРЪ.

(Съ огорченіемъ.)

Судите по законамъ.

(Уходитъ, и всѣ за нимъ, кромѣ ниже-
слѣдующихъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Торопъ, Добрыня и Прелъпа.

ДОБРЫНЯ.

Какое выйдетъ намъ рѣшенье?

ПРЕЛЪПА.

Вотъ добродѣтели плоды!

ТОРОПЪ.

И вотъ къ служивымъ уваженье!

ПРЕЛЪПА.

Любезный мой! твои всѣ отъ меня бѣды:

Но зрятъ мою невинность боги.

Ширинку съ пѣснью, любви моею залоги,

Я ввѣрила тебѣ: кольцо же съ именемъ твоимъ
Хранится въ теремѣ въ ларцѣ съ кольцомъ мо-
имъ.

ДОБРЫНЯ.

Я вѣрю, милая!

ПРЕЛѢПА.

Не сомнѣвайся, другъ сердечный,
Въ любви моей къ тебѣ безмѣрной, безконечной.

ДОБРЫНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ; умру, тебя любя!

ПРЕЛѢПА.

Какая днесъ насъ ждетъ судьба?

ДОБРЫНЯ.

Какая бѣ ни случилась!

ПРЕЛѢПА.

Лишь только бѣ я съ тобою не разлучилась.

ТОРОПЪ.

Широки бороды, ума палата
У праведныхъ судей!

ПРЕЛѢПА.

Такъ несомнительна и клеветѣ отплата.

ДОБРЫНЯ.

Отъ божества, а не людей.

(Поетъ.)

Знай, зависть чловѣковъ, злоба
На правду любятъ посягать;
Гоня ее до двери гроба,
Народъ, судей, царей мутятъ.

Но грудь незвиная спокойно
Межъ змѣй вокругъ шипящихъ спитъ ;
Горѣ возвышенной подобно,
Смѣясь, на яры волны зритъ.

ТОРОПЪ.

Да на кого же такъ надѣяться, бодриться,
Коль не оправитъ насъ судъ?

ДОБРЫНЯ.

На себя.

ТОРОПЪ.

Лишь одного?

ДОБРЫНЯ.

Невинность подъ щитомъ всегда небеснымъ
зрится.

ПРЕЛЪПА.

И не боится никого.

ТОРОПЪ.

Подъ щитъ такой и я, пожалуй, радъ укрыться.

(Въ сторону.)

А правду коль сказать, то такъ и слякъ

На сердцѣ кутермится;

Но съ ними не храбриться

Нельзя никакъ.

(Поютъ въ три голоса.)

Невинность наша намъ отрада,

Она намъ мужество даритъ;

Она надежда и отрада,

И твердь на ней и вѣры щитъ.

Что бъ съ нами въ свѣтѣ семъ ни стало,

Должны, благодаря, терпѣть;
Хоть небо бы на насъ упало,
Мы равнодушно встрѣтимъ смерть.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Завѣса въ аркѣ поднимается и представляетъ внутренность храма, наполненнаго кумирами, въ глубинѣ котораго на постепенномъ полукружномъ возвышеніи, въ срединѣ, на облакѣ, богъ Перунъ съ поднятымъ въ обѣихъ рукахъ громомъ, нагнувшись, смотритъ внизъ. При подножіи его на первой ступени царскій тронъ, а внизу въ прямой линіи алтарь съ возженнымъ пламенемъ. Съ самага верху по обѣимъ сторонамъ по ступенямъ вдоль храма полуциркулемъ же стоятъ кумиры прочихъ боговъ. Между ними на гранитныхъ постаментѣхъ, (изъ коихъ нѣсколько порожнихъ) видны Русскія и иноплеменные (*) знамена. Изъ нихъ первыя на вышинѣ, а послѣднія на низу. Предъ знаменами на каждомъ постаментѣ сидятъ орлы, поднявшіе крылья нѣсколько вверхъ и держащіе въ когтяхъ своихъ на цѣпяхъ серебряныя щиты, съ именами городовъ Русскихъ и знаменъ народовъ чужеземныхъ, кои они стрегутъ подъ надзоромъ боговъ. На алтарѣ свитокъ бумаги; вокругъ его Жрецы. На сценѣ Сребробрады, Герольдъ, Силоумъ и Владиміръ; а въ сторонѣ, какъ и прежде, съ перевязанною головою, поддерживаемый впрючемъ и воинами, Тугаринъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Печально.)

Свершился ль судъ?

(*). Имена народовъ полуденныхъ должны быть выставлены на щитахъ тѣхъ, которыми обладалъ Владиміръ, и которыя нынѣ подъ другими державами находятся.

СРЕБРОБРАДЫ.

Свершенъ.

ЖРЕЦЫ.

(Указываетъ на алтарь.)

Се здѣсь опредѣленье.

ВЛАДИМІРЪ.

Открыли ль новыя какія преступленья?

СИЛОУМЪ.

Открыта ихъ вина, и нѣтъ ужъ въ томъ сомнѣнья.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ!

СИЛОУМЪ.

Самое кольцо, княжна на кое слалась.
Со именемъ его (указывая на Горыныча) во досканцѣ сыскалось,
Во теремѣ у ней.

(Показываетъ кольцо.)

ТУГАРИНЪ.

Она давно была любовницейю моею.

ВЛАДИМІРЪ.

(Смотря на кольцо съ удивленіемъ.)

Льзя ль было ожидать сей хитрости въ Прелѣпѣ?

СИЛОУМЪ.

Змѣя, рожденная въ вертепѣ!

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣнница!

ВЛАДИМИРЪ.

Но судъ сей чѣмъ же заключенъ?

СИЛОУМЪ.

Какъ должно, такъ свершентъ;
Тебѣ лишь подписать.

ВЛАДИМИРЪ.

(Жрецу, указывая на опредѣленіе,
лежащее на алтарѣ.)

Подай! (Читаетъ.) «Княжну предъ алтаремъ
заклатъ
«И съ ней сообщниковъ...» — Неправедно рѣ-
шеніе!

(Бросаетъ опредѣленіе.)

Хотите исполнять?

(Въ сіе время вдалекѣ слышится
тихій громъ.)

ЖРЕЦЪ.

Се неба изреченіе!

СРЕБРОБРАДЫ.

Знать, утвержденъ нашъ судъ.

ВЛАДИМИРЪ.

(Съ горестію.)

Быть такъ!

(Падаетъ въ обморокъ на руки къ
придворнымъ.)

СИЛОУМЪ.

(Герольду.)

Дай знакъ.

(Герольдъ трубить).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добрыня, Прелѣпа, Торопѣи Способа вводятся
подъ стражею въ преддверіе храма, окованные цѣпями,
изъ коихъ Прелѣпа въ бѣломъ платьѣ съ распу-
щенными волосами.

СИЛОУМЪ.

Вамъ казнь присуждена.

ТОРОПѢ.

Ахти!

СПОСОБА.

Онъ бусурманъ!

Не обморочилъ ли меня какой дурманъ?

Не принесла ли я кольцо не то, другое.

СИЛОУМЪ.

О, пустое.

ЖРЕЦЪ.

Покайтесь!

СИЛОУМЪ.

Вамъ часть дается на прощанье,
Не примется отъ васъ пустое оправданье.

(Отступаетъ со жрецомъ во глу-
бину театра.)

ПРЕЛѢПА И ДОБРЫНЯ.

(Обнимаясь.)

Дуэты.

Неизбѣжнымъ, страшнымъ рокомъ
Разстаешься ты со мной;
Во стенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой;
Обливаясь слезами,

Скорби не могу спести;
Не могу сказать словами,
Сердцемъ говорю: прости!

ДОБРЫНЯ.

Прости, любезная, нѣжнѣйшая супруга!
Моимъ ты сердцемъ такъ давно наречена.

ПРЕЛЪНА.

Прости, драгой супругъ!
Душа моя съ твоей давно сопряжена.

ДОБРЫНЯ.

Увидимъ ли еще съ тобою другъ мы друга?

ПРЕЛЪНА.

Соединится ль нашъ невинный въ небѣ духъ?

ТОРОПЪ.

Въ чужомъ пиру и намъ достанется, Способа!

СПОСОБА.

Пришла бѣда на нихъ, прійдетъ на весь нашъ родъ.

ТОРОПЪ.

Коль сдѣлалось ужъ такъ, для добрыхъ сихъ

господъ,

Пойдемъ мы имъ служить, хотя въ срединѣ гроба.

(Поютъ попарно въ четыре голоса.)

Руки, грудь, уста и очи
Лобызаю у тебя;
Нѣту силы, нѣту мочи
Отдѣлиться отъ тебя:
Лобызаю, умираю,

Тебѣ душу отдаю;
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Душу взять съ собою твою.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Герольдъ даетъ знакъ трубою, и начинается печальная процессія при звукѣ унылаго марша. Главный Жрецъ и его товарищи съ возжженными факелами берутъ изъ преддверія Прелѣпу и прочихъ осужденныхъ, и ведутъ во внутренность храма; и съ пѣніемъ обводя нѣсколько разъ вокругъ алтаря, ставятъ ихъ на колѣна по обѣимъ сторонамъ алтаря.

Хоръ Жрецовъ.

(Тихими басами безъ музыки.)

Внемли, печальная Прелѣпа,
Какъ смерти гласъ тебя зоветъ;
Скрыпъ слушай адскаго заклепа,
Который въ мракъ тебя запретъ.
Законы правосудья строги
Пролить васъ осудили кровь;
Но будутъ милосерды боги,
Невинна ваша колъ любовь.

ЖРЕЦЪ.

(Наклоня голову Прелѣпы
и занося ножъ.)

Благоволи, Перунъ!

(При послѣднемъ словѣ Жреца ударяетъ страшный громъ; молнія освѣщаетъ храмъ, ножъ изъ рукъ Жреца и оковы съ осужденныхъ упадаютъ. Они встаютъ на ноги. Владимиръ освобождается отъ обморока; на облакахъ является Добрада.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Презніе и Добрада.

ДОБРАДА.

Рецитативъ.

Постой, о, дерзновенный!
Не лей невинну кровь!
Судья лишь заблужденный
Караеъ за любовь.
Но чтобъ невинность вамъ святую
Умѣть съ злодѣйствомъ различить,
На совѣсть должно прежде злую
Свою вамъ взоръ вашъ обратить.

(Съ сѣмъ словомъ показываються на
грудахъ Тугарина, Сребробродовъ и
Силоума огненные надписи, у пер-
ваго: злодѣй; а у прочихъ у каждо-
го: пристрастенъ.)

ВЛАДИМИРЪ.

О, небо справедливо!

ТОРОПЪ.

Ахти! какое диво!

СПОСОБА.

О, если бы у всѣхъ людей
Такія окна въ сердца были!

ТОРОПЪ.

(Въ сторону.)

Такъ мать бы для судей.

ДОБРЫНЯ.

А благо для Царей.

ДОБРАДА.

(Сопедаши съ облака,
которое улетаеъ.)

Въ судѣ вы вашемъ погрѣшили;
Я развяжу вамъ узелъ сей,
И злыхъ разсыплю мракъ страстей:
Тугаринъ варваръ, чародѣй.

По славѣ о красѣ влюбившійся въ Прелѣпу,
Мысль забралъ въ голову нелѣпу,

Чтобъ, какъ то ни было, ее себѣ достать,

А встрѣтася случаемъ среди пустыни,

Похитилъ пѣсню онъ у спящаго Добрыни,

Назвалъ ее письмомъ, и съ онымъ приступать

Онъ сталъ къ Владиміру съ извѣстною грозою,

Прелѣпу требуя себѣ въ жены.

Но и ее прельститъ чтобъ хитростію злою,

Онъ змѣемъ къ ней леталъ, мечталъ ей страшны
сны,

Что будто бы сглотилъ Добрыню онъ живаго,

И жениха въ себѣ представилъ ей другаго.

Потомъ, у воинства чтобъ бодрость всю отнять

И суевѣріемъ бояръ поколебать,

Онъ къ разнымъ прибѣгалъ коварствамъ, чаро-
дѣйствамъ:

На кровлѣ филиномъ въ полуночи стоналъ,

Русалкою въ лугахъ, сорокой щекоталъ,

И сжегъ бы, погубилъ такимъ бѣсовскимъ дѣй-
ствомъ

Во змѣѣ огненномъ Добрыню наконецъ,

Коль данная бѣ ему мной въ талисманѣ сила,

Во шлемѣ скрытая, огня не отвратила.

Когда же не успѣлъ и тѣмъ хитрецъ,

Употребилъ еще обманъ и вѣроломство:
Засадой скрытою отрѣзалъ ваше войско,
И вѣдъму подкупя, перемѣнилъ кольцо.
Я съ кровли сбросила вѣчоръ се въ досадѣ,
Но открываю здѣсь ему и вамъ въ лицо
Всѣ мерзости его, къ достойнѣйшей наградѣ.

(Съ симъ словомъ прикасается жезломъ къ Тугарину, у котораго изъ-за пазухи выпадаетъ кольцо.)

СИЛОУМЪ.

(Поднявъ оное и разсмотривъ немъ надпись, читаетъ.)

Добрынинъ даръ Прелѣпѣ!

ВЛАДИМИРЪ.

(Съ восторгомъ.)

Добрыни даръ?

СИЛОУМЪ.

(Печально.)

Такъ, ахъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Вотъ, честные судьи, вы правду чли въ поклепѣ.
Сколь осторожнымъ быть вамъ надлежитъ въ
судахъ!

СРЕБРОГРАДЫ.

(Протягивая шею.)

Взноси ударъ!

СПОСОБА.

(Торопу.)

И головы бояръ, вотъ видишь, пошатнулись.

ТОРОПЪ.

(Способъ.)

Ну, какъ же быть, мой другъ, всей vareю споткнулись.

ПРЕЛѢПА.

О, чудеса чудесъ!

ДОБРЫНЯ.

Судъ праведенъ Небесъ!

ДОБРАДА.

Родителями мнѣ Прелѣпа и Добрыня
Съ издѣтства ввѣрены: то ихъ покину ль нынѣ?

ДОБРЫНЯ, ПРЕЛѢПА, ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Поютъ.)

О, великая Добрада!

Благъ виновница, чудесъ!

Намъ утѣха и отрада!

Токъ отерла нашихъ слезъ.

Какъ тебѣ мы благодарны!

Но пролей лучъ свѣтлозарный

На влюбленные сердца,

И ущедрь насъ до конца!

СИЛОУМЪ.

Мы чувствуемъ вину и наше преступленье.

СРЕБРОБРАДЫ.

(Кланяясь.)

И просимъ о прощеньѣ.

(Поютъ.)

О, великая Добрада!

Благъ виновница, чудесъ!

Ты невинности награда,

Нашихъ зеркало очесъ!

Смилосердися надъ нами,

И избавь насъ отъ стыда;

Не клейми ты насъ лучами

Наши груди никогда.

ТУГАРИНЪ.

(Съ звѣрскимъ видомъ.)

Я чувствую, огонь мое все сердце жжетъ:
Но скоро, скоро онъ потухнетъ и пройдетъ;
Досада, месть его и злоба задушаетъ.

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Поютъ.)

О, великая Добрада!
Благъ виновница, чудесь!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Но прорѣжь въ грудяхъ окошки
У вельможъ и у судей,
Чтобъ въ ягнячьихъ кожахъ кошки
Близко не жили царей.

ДОБРАДА.

Не отъ волшебницъ, а царей зависитъ
Творить счастливыми людей:
Кто хочетъ благо ихъ возвысить,
Владыка прежде будь тотъ собственныхъ страстей.

ВЛАДИМИРЪ.

Добрада! но и Царь такой же человекъ.

ДОБРАДА.

Великій это Князь Россійскій мнѣ изрекъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! я слабостями себя не извиняю.
Коль сродника подвергъ, невѣсту я подъ судъ:
Нарушить истины законовъ не дерзаю,
И боги отъ меня пускай мой тронъ возьмутъ!
Ужъ не въ моей теперь Прелѣпа больше власти:

Поди ты отъ меня, съ опасной красотой!
Но что я говорю!—Лишусь нѣжнѣйшей страсти?
Она въ душѣ моей:—нѣтъ, нѣтъ, Княжна, стой!
Я плѣнникъ!—Но я кто?—Великій Князь Россій-
скій!

Полсвѣта можетъ ли ужъ мнѣ послушнымъ быть,
Когда владѣютъ мной самимъ желанья низки?
Могущъ лишь только тотъ, себя кто побѣдитъ.
Добрыня и княжна! хотъ вами я страдаю,
Но быть во князѣ вамъ хочу теперь отцомъ:
Подайте мнѣ, я васъ сочетаваю!

(Соединяетъ ихъ руки.)

Царь счастливъ, гдѣ краса и храбрость подъ
вѣнцомъ!

ДОБРЫНЯ И ПРЕЛЪНА.

(Упадая на колѣна и цѣлуя
его руки.)

Великая душа! — Великій Государь!

ВЛАДИМИРЪ.

(Оборотясь къ Торопу и Способъ.)

И вѣрныхъ также слугъ да наградить мой даръ.
(Къ судьямъ.)

Прощаю я и васъ, судьи несправедливы.

(Всѣ они упадаютъ на колѣна.)

(Къ Тугарицу.)

Тугаринычъ! и ты не плѣнникъ больше мой!

ТУГАРИНЪ.

Отъ слабости такой сраженъ мой духъ кичливый:
Скорѣе, адъ, меня отъ милосердья скрой!

(Срываетъ съ головы перевязку и упа-
даетъ на руки поддерживающихъ его
брюча и воиновъ, которые уносятъ
его за кулисы.)

Хоръ всеобщій.

(На колѣнахъ.)

И побѣдитель всей вселенной
Не столь великъ, какъ тотъ герой,
Кто силою своєю душевной
Побѣду снискать надъ собой,
И кто достоинства умѣетъ
Подвластныхъ зрѣть и отличать:
Великодушію довлѣетъ
Себя съ безсмертными равнять.

ВЛАДИМИРЪ.

Возстаньте!—Честь сія Добрынина и слава!
Се воинство ему безсмертну пѣснь поетъ!

(Слышно пѣніе входящихъ въ городъ войскъ.)

Хоръ древній Русскій.

Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный, могучъ богатырь,
Добрыня-то, братцы, Никитьевичъ.
Да ѣдетъ съ нимъ его Торопъ слуга,
И сражается онъ съ Тугаринымъ;
У Тугарина, собаки, крылья бумажныя:
Леталъ онъ, собака, по поднебесью,
И палъ онъ, собака, на сыру землю.

ЯВЛЕНІЕ. Х.

Отрядъ войскъ вноситъ въ храмъ знамена русскія и
бунчуки татарскіе, изъ коихъ первыя ставятъ въ по-
рожнихъ постаментахъ на полукружномъ возвышеніи,
а послѣдніе внизу, вдоль храма, позади сидящихъ на
нихъ орловъ, и помѣстятъ ихъ, уходятъ.

ТОРОПЪ.

Гдѣ есть Добрыня, та пресчастлива держава;

Межъ ними добрый Царь, какъ маковъ цвѣтъ,
цвѣтетъ.

СПОСОБА.

Какъ соты съ молокомъ народъ весь услаждаютъ,
Гдѣ благу общему всѣмъ служатъ животомъ.

ТОРОПЪ.

Чрезъ нихъ поля и города блистаютъ.

ПРЕЛѢПА.

Ихъ должность точно въ томъ...

ДОБРЫНЯ.

Чтобъ жить и умереть съ Царемъ.

ДОБРАДА.

(Сперва важно, а потомъ съ пророческимъ изступленіемъ.)

Въ примѣрномъ для царей твоемъ, князь, дѣла
этомъ

Рѣшенъ двухъ жребій царствъ: Россія возвра-
стаетъ:

Верхъ надъ Измаиломъ со временемъ возметъ.

Великодушіе ея управитъ свѣтомъ.

Я вижу въ будущемъ: Великій вѣкій Богъ

Воздвигъ на Сѣверѣ Свой храмъ, алтарь, чертогъ;

Страна сія Его лучами озарилась,

Нечестья, суевѣрствъ, волшебствъ исчезла тма;

Свѣтъ, истина въ царяхъ и людяхъ водворилась,

Россіянъ славою вселенная полна!

Такъ, вижу я сіе, вѣкъ зрю грядущихъ благъ,

Дрожитъ нашъ сонмъ боговъ: Владиміръ! ты въ
лучахъ!

Что сбудется сіе, то бракъ вы торжествуйте.
И славу вашу вамъ симъ днемъ предзнаменуйте.

(Машетъ жезломъ, спускается облако, на
которомъ она улетаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Владиміръ садится на тронъ; Жрецы становятся по
обѣ стороны алтаря; Сребробрады, Силоумъ, Ге-
рольдъ и Дворъ по обѣ стороны трона на второй сту-
пени, теремныя дѣвицы съ златыми въ рукахъ щит-
рами занимаютъ мѣсто на третьей; на четвертой Бо-
гатыри съ позлащенными на головахъ шлемами, а
на грудяхъ щитами и съ налицами въ рукахъ, на ко-
торыя опираются. Прелѣпа, Добрыня, Торопъ и
Способъ непримѣтно удаляются съ театра, а на мѣ-
сто ихъ, въ лицѣ ихъ и поѣзжанъ, юношей и дѣвъ на-
родныхъ, выходятъ фигуранты въ богатыхъ одеж-
дахъ, и танцуютъ баетъ, въ коротомъ представляется
Добрынина свадьба по древнимъ русскимъ обря-
дамъ, то есть: 1) женихъ и невѣста въ великолѣпномъ
послѣдованіи входятъ во храмъ, идутъ на тронъ и цѣ-
луютъ руку у Великаго Князя; 2) сошедши оттуда, са-
дятся на своихъ мѣстахъ; Конюшій и Наперсница ста-
новятся за ними, и тогда же усыпаютъ путь ихъ
хмелемъ; 3) обмахиваютъ ихъ соболями; 4) чешутъ
волосы гребнемъ; 5) подносятъ имъ на золотыхъ блю-
дахъ и въ золотыхъ кринахъ съ патокой каравай и
кашу: что все совершается подъ особливыми хорами,
или свадебными пѣснями, которыя слѣдуютъ ниже.

Хоръ I.

(Когда Добрыня и Прелѣпа всходятъ ко Владиміру на тронъ
принимать отъ него отеческое благословеніе.)

Катилось зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмицкое,
Прикатилось зерно ко яхонту:

Крупенъ жемчугъ, лхонтъ свѣтитъ.
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Хорошъ Добрыня со Прелѣпою.

Хоръ II.

(Когда женихъ и невѣста сходятъ съ трона, чтобъ сѣсть на своихъ мѣстахъ, и путь ихъ усыпается хмелемъ.)

Вьется, вьется хмель золотой
Около тычинки серебряной;
Идетъ, идетъ князь молодой
Объ руку княгини возлюбленной.
Сыпьте, сыпьте хмель на пути,
Весело бѣ имъ жизнь провести.

Хоръ III.

(Когда ихъ обмахиваютъ соболями.)

Не тихіе вѣтры попархиваютъ,
Не солнечный жаръ и зной холодятъ;
Но черные соболи помахиваютъ,
Нѣгу, богатство, довольство сулятъ.

Ой люли, сулятъ

Князьямъ молодымъ:

Ой люли, сулятъ

Жить счастливо имъ.

Хоръ IV.

(Когда ихъ чешутъ гребнемъ, расплетая у невѣсты косу и падая на нее кичку.)

Гребень бѣлый чешетъ голову,
Кудри златы, косы черныя;
Такъ-то время строить участи,
Разумъ людямъ даетъ почести.

Ой леля! ой ладо! почести,

И дружбу и согласіе,
Во всемъ благопоспѣшіе.

Хоръ V.

(Когда ихъ кормятъ караваемъ и кашею, и поятъ сытою.)

Какъ патока златистая,
Бѣлоярово пшено съ сытой,
Жизнь спокойна ваша чистая
Такъ сладко потечетъ струей:
А мы на пиру здѣсь, на свадебкѣ,
Пожелаемъ всего добраго,
Здоровья вамъ и добрыхъ дней.

Хоръ VI.

(Владиміру.)

И воскликнемъ въ громкой радости:
Слава Царю доброму,
Кроткому, великодушному:
Отличаетъ добродѣтели!
Слава ему, слава, слава!

(¹) Театральное представленіе «Добрыня» сочинено на Званкѣ въ 1804 году; напечатано въ 1808 году. Поэтъ воспользовался здѣсь многими старинными сказочными преданіями.

СЛІІ.

ПОЖАРСКОЙ,

ИЛИ

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ. (1)

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

ВЪ

ЧЕТЫРЕХЪ ДВѢЙСТВІАХЪ,

СЪ

ХОРАМИ И РЕЧИТАТИВАМИ.

ПОЖАРСКОЙ

ИЛИ

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

ЛЕРОНТЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

АЛЕКСАНДР КОСОВИЧ

ЛОДАНН В ПЕРНАТІВІ

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нужнымъ почитаю предувѣдомить, что, желая посредствомъ театра оживить въ памяти любезнаго Отечества моего то знаменитое героическое происшествіе, въ которомъ всѣ состоянія его соучаствовали, и стяжавъ себѣ безсмертную честь и славу, показали истинную великость духа Россіянъ, каковую въ нынѣшнія времена въ подобномъ случаѣ нѣкоторые народы и ихъ вожди напрасно, кажется, себѣ присвояютъ,—взялъ я характеры дѣйствующихъ лицъ (дабы тѣмъ зрѣлище удостовѣрительнѣе казалось) изъ самыхъ дѣяній, бытописаніями и преданіями намъ свидѣтельствуемыхъ. Любопытный благоволитъ прочесть *Ядро Россійской Исторіи* и прочія лѣтописи увидить, правильно ли мною извлечены изъ самыхъ дѣлъ характеры. Поистинѣ, когда *Пожарской*, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принялъ на себя главное предводительство собраннаго войска; не поступилъ по тогдашнимъ обычаямъ жестоко со злодѣями, на убійство его покушавшимися; не прельстился богатствомъ Бояръ, изъ осажденной Москвы имъ выпущенныхъ; не обходился съ плѣнниками сурово, какъ другіе, которые ихъ имѣніе ограбили, а самихъ лишили жизни; не принялъ короны, отъ народа ему поднесенной, какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возло-

жилъ ее на Наслѣдника по крови Царской, учредя Монархическое Правленіе: то не былъ ли онъ герой высшей степени, человекъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало Исторія представляетъ, и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ, никто великимъ почитаться не можетъ? — Когда *Трубецкой* не былъ съ нимъ въ союзѣ, не содержалъ въ должномъ порядкѣ войскъ своихъ, такъ, что запрещено было имъ сообщаться съ его станомъ, не далъ въ нужныхъ случаяхъ *Пожарскому* помощи, не удалплъ отъ себя явнаго злодѣя *Заруцкаго*: то чему приписать сіе, какъ не скрытымъ видамъ самолюбія, зависти и желанія властвовать надъ всѣми; каковымъ страстямъ нерѣдко подвержены бываютъ самые знаменитые, славные, однако не великіе люди, которыхъ довольно Исторія и настоящія времена намъ показываютъ? — Когда *Мининъ*, изъ пламенной ревности къ своему Отечеству, для избавленія его отъ ига иноплемennыхъ, принесъ на жертву все свое имущество, подвигъ примѣромъ своимъ къ тому же народъ, присовѣтовавъ ему и въ вожди себѣ избрать *Пожарскаго*: то какъ его иначе представить, какъ не горячаго, твердаго духа человекомъ, достойнымъ во всѣ времена почтенія и удивленія? — Когда *Аврамій Палицынъ*, употребля себя на увѣщеваніе народа къ ополченію чрезъ многія письма, отважился лично на опасности, уговаривая въ помощь *Пожарскому* взбунтовавшихся *Казаковъ* и не употребилъ во зло сокро-

вищъ, монастырями ему ввѣренныхъ: то какъ не признать въ немъ преподобнаго, святого мужа, достойнаго прославленія въ потомствѣ? — Напротивъ того, когда *Заруцкій*, попускавшій Казакамъ своимъ явные грабежи и разбой, не былъ не токмо усерднымъ содѣйствователемъ ни Трубецкому, ни Пожарскому, но совокупясь тайно съ Мариною и женись потомъ на ней, наносилъ вредъ государству, такъ, что даже сообщники его, и по немъ, въ отмщеніе смерти его, разоряли Низовыя страны: то какъ не описать его самыми мрачными красками, какъ злѣйшаго врага и измѣнника? — Наконецъ, когда *Марина*, послѣ содержанія ея въ Ярославлѣ подъ присмотромъ, бывъ безвредно освобождена, прибѣгала еще къ разнымъ проискамъ, признавая нѣсколькихъ самозванцевъ *Лжедимитріемъ*, мужемъ своимъ, имѣла съ ними любовныя обращенія, и добиваясь всѣми мѣрами престола, переѣзжала изъ мѣста въ мѣсто, переодѣваясь иногда въ мужское воинское платье и сядя на коня, пускалась въ опасности: то какъ не изобразить въ ней предпріимчивую, властолюбивую, хитрую прелестницу и чародѣйку, каковою и преданіе ее называетъ? Словомъ: всѣ сіи характеры и прочихъ лицъ, упоминаемыхъ косвенно въ монологахъ, взялъ я, ничего къ нимъ не прибавляя, точно изъ *Исторіи*; а по свободѣ поэзіи вымыслилъ только нѣкоторыя вводныя происшествія, какъ-то: пожаръ, любовныя увеселенія и прочія для связи и пріятности зрѣлища. Но всѣ однако событія, въ

разныхъ мѣстахъ и временахъ случившіяся, по правиламъ драматическимъ привелъ я въ одну точку зрѣнія; а дабы торжественное сіе дѣяніе, воспричинствовавшее благоденствіе Имперіи и донынѣ существующее, не было зрѣлищемъ скучнымъ и мрачнымъ, подобно трагедіи: то украсилъ я его великолѣпіемъ, свойственнымъ операмъ, придавъ ему разныя декораціи, музыку, танцы и даже виды самаго волшебства. Но чтобъ съ другой стороны оно не потеряло въ семъ блескѣ принадлежащей ему героической важности и силы: то нѣкоторымъ лицамъ далъ я довольно трогательные и пространные монологи, но избавилъ однако ихъ вовсе отъ пѣнія и плясокъ, имъ неприличныхъ, предоставляя то единственно статистамъ только въ балетѣ, хорахъ и речитативахъ. Когда такового рода зрѣлище пріобрѣтетъ благоволеніе публики, то останусь довольнымъ, что трудъ мой не былъ тщетнымъ: впрочемъ не думаю я, чтобы кто изъ соотечественниковъ и потомковъ тѣхъ народовъ и лицъ, которые въ семъ происшествіи соучаствовали, нашелся тѣмъ недовольнымъ, что не въ такомъ свѣтѣ кто либо изъ нихъ представленъ, какъ бы ему желалось. А ежели бы и сіе случилось: то предоставляю всякому судить о томъ, какъ угодно, вѣдая, что эпическія и драматическія поэмы (разумѣется трагедіи) удобнѣе состояются изъ временъ самыхъ отдаленныхъ, героическихъ и баснословныхъ, въ темнотѣ коихъ свободнѣе скрывается ахронизмъ, блистаетъ чудесность и

усыпляется лѣчность. Но когда предметъ взятъ почти изъ новой Исторіи, или близко намъ современной: то хотя первыя и не совсѣмъ инымъ покажутся правдоподобными, но отъ послѣдняго на коимъ образомъ избѣжать не возможно; а потому и не извиняюсь я какими либо пространными разсужденіями, коихъ бы достаточно къ оправданію принести было можно, но довольствуюсь только припомнить слѣдующій стихъ г-на Ломоносова:

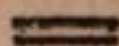
*«Ни злости не боюсь, ни требую добра;
Не ради васъ пою, — для правды. . . .»*

=

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Князь Пожарской,	} вожди Русскіе.	
Князь Трубецкой,		
Мининъ, купецъ Нижегородскій и казначей войска Пожарскаго.		
Марина, жена Лжедмитрія, чародѣйка.		
Заруцкій, Казачій Гетманъ, ссюзникъ войска Трубецкаго.		
Аврамій Палицынъ, келарь Троицкой Лавры, въ видѣ простолюдина.		
Послы Польскіе.		
Дума Бояръ.		
Межаковъ, Ясауль Заруцкаго.		Всѣ безъ рѣчей, а
Жены	} Боярскія.	
Дѣти		составляются
Гражданки.		
Жильцы Московскіе, Дворяне, Гости и Стряпчіе.		только изъ нихъ
Прислужники и Прислужницы Маринины, въ видѣ охотниковъ, амуровъ и проч.		хоры, речитативы и балеты.
Трубачъ.		
Гонецъ.		
Войски, Русскія и Польскія.		
Казакъ.		
Народъ.		

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ
Москвы и въ Кремлѣ.

ПОЖАРСКОЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ, при захожденіи солнца, Москву со стороны Петровскихъ Воротъ; вдали дымъ и изрѣдка слышны пушечные выстрѣлы отъ осады Трубецкаго; вблизи въ дубравѣ станъ Пожарскаго: воины сидятъ кругами и варятъ кашу.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хоръ перваго круга.

Ядры пусть летятъ ревучи,
Воютъ вѣтры, черны тучи,
Молнии блещутъ средь громовъ;
Смѣло идемъ на враговъ.

Всѣ круги вообще.

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество помремъ.

Хоръ втораго круга.

Злобно пусть враги ярятся.
За стѣнами защищаться:

МИНИНЪ.

Различныя препоны:

Хоткевичъ, насъ вчерась объѣхавъ тмою толпъ, }
Пресѣкъ-было пути. } (3)

ПАЛИЦЫНЪ.

Я вѣрю, и законы,
Вамъ Думой данныя, препнули бѣ быстрость }
Стопъ, } (4)
Коль трона бѣ, алтаря, краеугольный камень
Согласенъ съ ними былъ.

МИНИНЪ.

Кто удержать насъ могъ?
Любви къ отечеству безмѣренъ въ Русскихъ
Пламень;
Мы въ жертву жизнь несемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чрезъ Патріарха Богъ.

МИНИНЪ.

Но мы спасти Престолъ и Вѣру устремились:
То Гермогену ли противу насъ возстать?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Но вы бѣ его анаѣемъ устрашились.

МИНИНЪ.

Анаѣемы его!—За что насъ проклинять?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ голодомъ, жаждою и муками терзаемъ,
Былъ нудимъ отъ Бояръ вамъ написать о томъ,
Чтобъ вы не шли къ Москвѣ.

МИНИНЪ.

Но мы Москву спасаемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ нужды, говорятъ, вамъ въ подвигъ такомъ.

МИНИНЪ.

А какъ, и почему?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ужъ Дума къ Владиславу ⁽⁵⁾
Отправила пословъ.— Не знали развѣ вы?

МИНИНЪ.

Зачѣмъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чтобъ взялъ себѣ онъ Русскую Державу.

МИНИНЪ.

Избави, Господи, отъ чуждой насъ Главы!
И на измѣну ту нашъ Пастырь согласился?
И намъ къ Москвѣ нейти?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ даже и поднесъ
Съ отъѣзда моего терпѣлъ, страдалъ, крѣпился.

МИНИНЪ.

О, добрый Пастырь душъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Я въ сей одеждѣ зѣхъ ⁽⁶⁾
Нарочно кроюся давно ужъ потаенно,
Чтобы увѣдомить о всемъ подробно васъ,

И какъ противъ враговъ вамъ вѣсть себя надежно.

Но вождь вашъ — Ты?

МИНИНЪ.

Я?—Нѣтъ!—Пожарской, храбрый князь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Гдѣ жъ онъ?

МИНИНЪ.

Тамъ въ таборѣ, иль такъ я полагаю;
Не озираетъ ли онъ Трубецкаго станъ
И положенье мѣстъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сего не понимаю,
Зачѣмъ бы Трубецкой къ вамъ не явился самъ.

МИНИНЪ.

Что жъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чудный это вождь! Ему быть должно раду
Прибытью вашему, и съ лаской встрѣтить васъ.

МИНИНЪ.

А развѣ чувствуетъ какую онъ досаду?

ПАЛИЦЫНЪ.

Я не скажу того; но нѣкій тайный гласъ
Здѣсь носится, что онъ Пожарскаго не любитъ
Быть можетъ, слухъ пустой, иль зависть иногда—
Ты знаешь, что вождей она нерѣдко губить.

МИНИНЪ.

Великихъ прямо душъ толь низка страсть чужда.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но можно же сказать за тайну между нами,
Что властолюбіе и первенство чиновъ
Вертѣло и вертитъ большими головами.

МИНИНЪ.

Стеречся должно намъ, изъ сихъ я вижу словъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не худо. Да и твой каковъ начальникъ свой-
ствомъ?

Тожъ не подверженъ ли онъ слабостямъ какимъ?

МИНИНЪ.

Наполненъ честностью и истиннымъ геройствомъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Да сила Божія всегда пребудетъ съ нимъ!
Однако говорятъ, что будто онъ женами
Бывается уловленъ, ихъ нѣжностью плѣнясь.
Всего опаснѣе сражаться съ красотами!
Марининыхъ волшебствъ, прелестныхъ силу
глазъ,

Я мню, ты вѣдаешь по всенародну слуху,
Что, обольстя собой Отрепьева она,
Поджогу хитростями коварному вливъ духу,
Взнеслась съ нимъ на престолъ, какъ изъ-за
тучъ луна.

Да и по немъ еще доднесь не унываетъ;
Но многихъ лжецарей, подъ именемъ его,
Назвавшись женой, вновь скиптра достигаетъ.
Тушинскаго на дняхъ, въ Коломнѣ, своего,
Хоть успокоила, но тайными путями

Въѣзжаетъ и въ Москву, всѣхъ ссорить и му-
титъ

Бояръ своей красой. Сегодня съ Поляками,
А завтра съ Русскими вновь брачиться манить;
По рощамъ, по садамъ лѣтъ свой ядъ зловидной.
Заруцкій весь ея, — и словомъ: въ хитростяхъ
Со златосребряной сверкающей ехидной
Віющейся она похожа во цвѣтахъ.

Самъ ею Трубецкой, какъ очарованъ, ходитъ;
Обрывшись въ таборѣ, хотя и стыдъ несетъ,
Но войскъ своихъ на брань нимало не готовитъ;
Стоитъ, не дѣйствуетъ: его какъ будто нѣтъ.
И о твоёмъ вождѣ, тобой толь восхваленномъ,
Злорѣчный до моихъ достигнулъ слухъ ушей:
Что кто-то зрѣлъ его во образѣ смятенномъ,
Отъ взгляда одного Марининыхъ очей.

МИНИНЪ.

Все можетъ быть: но гдѣ ему въ нее влюбиться?
Въ деревнѣ на одрѣ онъ съ годъ лежалъ отъ
ранъ,

И я всегда съ нимъ былъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Мнѣ должно согласиться,
Коль такъ ты говоришь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПОЖАРСКОЙ.

(СЪ НѢСКОЛЬКИМИ НИЖНИМИ
ЧИНОВНИКАМИ.)

ПОЖАРСКОЙ.

(ЧИНОВНИКАМЪ.)

Обвѣсть вокругъ цѣпью станъ,
И безъ меня ни кто бѣ!

(ЧИНОВНИКИ кланяются, и
уходятъ.)

МИНИНЪ.

(Палицыну.)

Вотъ воинствъ предводитель.

(Пожарскому.)

Отецъ Аврамій здѣсь.

ПОЖАРСКОЙ.

Ахъ, преподобный другъ!
Позволь себя обнять.

ПАЛИЦЫНЪ.

Почтенный повелитель!

Безмѣрной радостью объять теперь мой духъ,
Что ты вождемъ у насъ.

ПОЖАРСКОЙ.

А я и не примѣтилъ,
Что на себя ты взялъ простонародный видъ:
Здоровъ ли ты, отецъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нарочно такъ васъ встрѣтилъ,

Что злоба по пятамъ вездѣ меня слѣдитъ:
Но Богъ хранитъ еще.

МИНИНЪ.

Онъ вѣрнымъ щитъ отъ мести.

ПОЖАРСКОЙ.

Что дѣлаютъ въ Москвѣ? и какъ нашъ Гермо-
генъ?

МИНИНЪ.

Не такъ-то, говорятъ, тамъ радостныя вѣсти:
Злѣ пастырь страждетъ сей отъ чадъ своихъ
измѣнъ,

Томится муками, и силятся Бояра,
Чтобы прещенье онъ послалъ свое на насъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чтобъ намъ нейти къ Москвѣ?

МИНИНЪ.

Какъ громы, клятва яра
Ужасна воинству.

ПОЖАРСКОЙ.

Уже ли клятвы гласъ
Отецъ произнесетъ?

МИНИНЪ.

Дай силъ ему, Создатель,
Мученье снести!

ПАЛИЦЫНЪ.

Лишенъ онъ наконецъ жезла,
Взведенъ на лобное, и самъ его терзатель
Не можетъ причинить ему ужъ больше зла.

пожарской.

Но что же дѣлають Бояра Русски тамъ?

палицынъ.

Сквозь пальцы зрять.

пожарской.

Какъ! какъ! Или погасло чувство
Въ нихъ человѣчества, къ отечеству любви?
Быть можно плѣнникомъ, но не сносить распут-
ство.

Зрѣть Россу Россовъ стыдъ! Пожарской, не
живи!

мининъ.

Закрой свой, Мининъ, зракъ!

палицынъ.

Съ неба наказанье!

пожарской.

Знать, обезумѣли! Какая польза въ томъ,
Чтобъ зрѣть отечество въ толикомъ поруганьѣ?
Не лучше ль умереть, чѣмъ подлымъ быть ра-
бомъ?

палицынъ.

Корыстолюбца духъ, собою зараженна,
Народной гордости и благородства чуждъ;
Златая цѣпь, ему тираномъ наложена,
Милъй всего, — и для своихъ онъ чуждъ,
Для низкихъ прихотей какъ червь въ пыли вла-
чится.

Онъ не заботится, въ объятъи нѣги спить:

Вотъ пагубныхъ вельможъ живое описанье

И изъясненъ ихъ къ отечеству любви!
Хотя Россія вся теперь въ тоскѣ, въ стенаньѣ,
Погружена въ слезахъ, обагрена въ крови;
Но дремлетъ сонмъ Бояръ, не зреть на честь и
славу,

А богатѣть на счетъ лишь обща мнитъ вреда.
За вотчинами шлютъ, за златомъ къ Владиславу,
И быютъ ему челомъ безъ всякаго стыда,
Чтобъ имъ награду далъ за бунтъ и за измѣну.

ПОЖАРСКОЙ.

Что жъ онъ?

МИНИНЪ.

Я мню, онъ радъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Измѣна хоть мила,
Измѣнникъ нетерпимъ. Но онъ не казнъ въ за-
мѣну, —
Имъ общаетъ все.

МИНИНЪ.

Москва бѣ его была.

ПОЖАРСКОЙ.

О, подлыя сердца! лъзя ль чтить въ васъ благо-
родство,
Коль пьете своего отечества вы кровь?
Но въ Русскихъ есть еще душъ нѣкихъ превос-
ходство,
Которыхъ къ истинѣ животворить любовь.
(Въ сторону.)
Хотя, къ несчастію, они и рѣдко видны.

ПАЛИЦЫНЪ.

Въ тебѣ подпору, князь, одномъ Россія зреть.

МИНИНЪ.

Надежда ты!

ПОЖАРСКОЙ.

Хвалы излишнія обидны.

Что сдѣлать я могу?—Одинъ скуделенъ щить.
Но властью ваша коль любовь меня почтила,
И продолжите вы ее: готовъ, друзья,
При вашихъ знаменахъ стоять, поколь есть сила.

МИНИНЪ.

Пролью въ виду твоёмъ мою всю кровь и я.

ПОЖАРСКОЙ.

Ступайте! Богъ....

—
ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.

(Съ нѣсколькими войнами.)

МИНИНЪ.

(Тихо Пожарскому.)

Смотри, будь съ нимъ ты остороженъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Хоть медленно, но вы пришли. Безмѣрно радъ.

ПОЖАРСКОЙ.

И мы: скорѣйшій намъ походъ былъ невозмо-
женъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Во ожиданьи васъ, я осадилъ ужъ градъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Препятства многія. . . .

МИНИНЪ.

На жизнь даже ехидны
Дерзали.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чью?

МИНИНЪ.

(Указывая на Пожарскаго.)

Его.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ такъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ толпѣ ножомъ.

МИНИНЪ.

Невидимо его спасъ Промысль непостижный.

ТРУБЕЦКОЙ.

А умысль чей?

ПОЖАРСКОЙ.

Еще не спрошены о томъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ же мѣръ не брать къ спасенью вашей
жизни,
И о сообщникахъ не поспѣшить узнать?

ПОЖАРСКОЙ.

О безопасности долгъ прежде бдѣть отчизны.

МИНИНЪ.

Подъ стражей крѣпкой я велѣлъ ихъ содержать.

ТРУБЕЦКОЙ.
Я очень радъ, и что меня вы подкрѣпили.
ПАЛИЦЫНЪ.

Князь, у тебя своихъ есть силъ
ТРУБЕЦКОЙ.

На обоихъ
Когда бы войскъ полки мы днесъ совокупили,
На приступъ бы пошли.—Надежнѣй мочь въ од-
нѣхъ
Рукахъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Конечно такъ.

МИНИНЪ.

Своихъ ведемъ мы сами.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Смотря на Минина.)

Кто сей простолюдимъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Почтенный Мининъ, тотъ

Нижегородскій гость, что щедрыми руками
Принесъ богатства въ даръ, и возбудилъ народъ
Къ спасенію Москвы.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сокровище небесно
Дабы себѣ обрѣсть.

ПОЖАРСКОЙ.

Безсмертія вѣнцы.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ доблести примѣръ! вотъ дѣло славно, че-
стно,

И благородство чѣмъ должны стяжать купцы!
Отличный гражданинъ! прости, что недовольно
Почтилъ тебя, узря теперь я въ первый разъ.

(Въ сторону.)

Горячая глава!

МИНИНЪ.

Незнаніе не больно.

Я, можетъ быть, тебя самъ огорчилъ чѣмъ,
КНЯЗЬ?

(Слышанъ гласъ трубы.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ПОЛЬСКІЙ ТРУБАЧЪ.

(Держащій въ одной рукѣ трубу, а въ другой письмо, приводитъ съ завязанными глазами воинами Пожарскаго.)

ПОЖАРСКОЙ.

Кто тамъ? Трубачъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

(Принимаетъ письмо, а трубача тотчасъ
воины уводятъ назадъ.)

Съ письмомъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чѣмъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

(Посмотря на надпись.)

Вижу, Гермогена.

ПОЖАРСКОЙ.

О чемъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Прочти, знать, слезъ Москвы не могъ стерпѣть.

МИНИНЪ.

Не ужто намъ претить спасать Москву отъ
плѣна?

ТРУБЕЦКОЙ.

И мужу праведну страшна бываетъ смерть.

ПОЖАРСКОЙ.

(Когда онъ развертываетъ письмо, то выпадаетъ
изъ онаго маленькая записочка. Читаетъ:)

«Растерзанъ, изнуренъ, палачъ надъ головою
Занесъ уже топоръ! Народъ весь вопіетъ,
Налегъ синклитъ бояръ!—Я слабою рукою,
Но гласомъ пастырскимъ прещу: да проклятъ
тотъ,

Кто шагъ къ Москвѣ.»

МИНИНЪ.

Ахти!

ПОЖАРСКОЙ.

Увы!

ТРУБЕЦКОЙ.

Велѣнье слезно!

ПАЛИЦЫНЪ.

Тяжелъ народный стонъ! Такъ добръ былъ, па-
стырь, ты!

Прости теперь уже, отечество любезно!

Но что за письмецо? (Поднимаетъ.) Его же то
черты,

И мелко, мелко такъ, что я не разбираю.

(Отдаетъ Пожарскому.)

ПОЖАРСКОЙ.

(Читаетъ.)

«Благословенъ грядый отечество спасать!
Дерзайте!—Съ нами Богъ!—Спокойно умираю.»

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ голосъ пастырскій! Онъ клятву намъ по-
слать
Былъ долженъ изъ-подъ мукъ.

МИНИНЪ.

Онъ не живъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Славенъ въ роды!

ПОЖАРСКОЙ.

Завиденъ жребій тѣхъ и посреди оковъ,
Кто такъ прекрасно свой долгъ отдаетъ природы!
И казню пролить за Вѣру сладко кровь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Намъ должно лишь теперь о томъ распорядиться,
На приступъ какъ идти.

ПОЖАРСКОЙ.

Сзовемъ къ тому совѣтъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Тутъ дѣло больше въ томъ, чтобъ войскамъ съе-
диниться.

ПОЖАРСКОЙ.

Пусть такъ.

МИНИНЪ.

(Трубецкому.)

Нѣтъ! я сказалъ, что Мининъ не пойдетъ

Безъ общаго на то согласія съ народомъ;
Казна его.

ПАЛИЦЫНЪ.

Постой, подумай, не сердись;
Согласіе вождей на брань передъ походомъ
Порука торжества.—Послушай, и рѣшись
Идти въ совѣтъ. Ты тамъ свои причины скажешь.

МИНИНЪ.

Не медлить бы.

ПОЖАРСКОЙ.

Хотя къ себѣ попросимъ въ станъ.

МИНИНЪ.

(Пожарскому.)

Къ тебѣ идти?—Иду.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Минину.)

Куда, къ кому прикажешь;
Я только воинамъ моимъ приказъ отдамъ.

(Приказываетъ на ухо воинамъ, Пожарской, Палицынъ и Мининъ, а потомъ и воинъ уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Трубецкой, оставшись одинъ, въ размышленіи, по-
смотрѣвъ за ними вслѣдъ.

Породой, саномъ я Пожарскаго знатнѣе
И старѣй лѣтами,—мнѣ ль съ нимъ быть наравнѣ?
Подъ нимъ же службу несть еще того страннѣе;
А Мининъ, да и онъ, не подчиняться мнѣ
И исполнять моихъ намѣреній не станутъ:

Такъ нѣтъ надежды мнѣ достигъ моей мѣты.
А громы общіе хотя на градъ и грянутъ;
Но войскъ я не глава: такъ вздоръ мой мечты.

(Увидя стражу.)

А, стража! — Да, тамъ ждуть.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ ночь. Подъ предводительствомъ сотника выходитъ отрядъ воиновъ, и часовыми занимается притины около лагеря. Изъ остальныхъ учреждается стража, которая оружіе ставитъ въ пирамиду.

СИГНАЛЬ ЧАСОВЫХЪ. (Вдали за пушками.)

Речитативъ.

Внимай,
Смѣхай;
Блудись,
Крѣпись;
Терпи,
Не спи;
Богъ нашъ
Всѣхъ стражъ.

Хоръ стражи.

Тѣни мелькаютъ,
Звѣзды сверкаютъ,
Царствуетъ ночь;
Сонъ, отъ насъ прочь
Бѣги ко врагамъ:

Не нуженъ ты намъ;
Не нуженъ,—не дремлемъ,
Но долгу лишь внемлемъ
И крѣпко стоимъ,
Во браняхъ крѣпимъ
Мы вѣрностью грудь,
И слава нашъ путь.

(Послѣ сего хора слышны на башнѣ городской куранты. Бьетъ часъ ночи, и стража идетъ для смѣны часовыхъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ въ тѣни ночной Москву со стороны Хорошевскихъ Луговъ. Острогъ Трубецкаго, обнесенный валомъ, палисадникомъ и рогатками, окружаетъ часть Бѣлаго Города. На башняхъ сквозь окна мелькаютъ огни. На бойницахъ часовые, пищали, туры и прочія осадныя орудія. Въ сторонѣ роща.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАРУЦКОЙ.

(Одинъ, растворивши рогатку.)

Ужъ время бѣ возвратиться.

Но онъ, мнѣ кажется, и помощи не радъ;
Боярствомъ думаетъ своимъ превозноситься,
И какъ бы только всѣхъ подъ власть свою при-
брать;

А тамъ хотъ и въ Цари.—Но нѣтъ, мой князь
надменный,

Не проведешь меня. На Царской вышинѣ
Я быть хочу и самъ. — Да чьи жъ нѣ ней толь
священны,

Какъ не мои, права?—Марина руку мнѣ
И сердце отдала. По Дмитріи жъ другому
Кому тронъ, какъ не ей?—Угомону бояръ:
Такъ не ломаться ужъ со мною Трубецкому.

ЯВЛЕНІЕ II.

Заруцкой и Трубецкой, съ войнами.

Трубецкой.

Меня ждешь?

Заруцкой.

Ночь!

Трубецкой.

Держалъ военна спора жаръ.

Заруцкой.

Что положили вы?

Трубецкой.

Ты, напримѣръ, что чаешь?

Заруцкой.

Я? — Ничего.

Трубецкой.

Какъ?

Заруцкой.

Такъ.—Союзныхъ войскъ совѣтъ

Всегда ничто.

Трубецкой.

Едва ль не дѣльно разсуждаешь;

Всякъ хочетъ быть большой, своихъ всякъ
ищетъ мѣтъ.

Заруцкой.

И такъ у васъ раздоръ?

Трубецкой.

Да. Казначей, въ упрям-
ствѣ,

Сверкая взорами и бердышемъ тряся,

И слышать о моемъ не хочетъ онъ начальствѣ.

ЗАРУЦКОЙ.

Уговорить бы ктонибудь его взялся.
Что жъ такъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ говоритъ: народъ-де въ управленье
Все воинство свое, сребра и злата тму,
Ради Московскаго и всей Руси спасенья,
Пожарскому во власть повѣрилъ одному:
Такъ кромѣ онъ его. . . .

ЗАРУЦКОЙ.

А тотъ не отрицаетъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Напротивъ, кажется, сему отличью радъ;
Превозношеніе въ очахъ его блистаетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Пядень укоротить. . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

Что ты?—Да не мрачатъ
Такія мысли насъ! И такъ подозрѣваютъ,
На жизнь его открытъ какой-то будто ковъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Кого жъ въ злодѣйствѣ семъ, не насъ ли обви-
няютъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Схватили, говорятъ, твоихъ двухъ казаковъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Напраслина, поклепъ. *(Въ сторону)* Какая не-
удача!

Нѣтъ, князь, далеко такъ не распростру я зла:
Но стыдъ и пагуба! . . . Боязнь полезнѣй плача.
Не худо, какъ бы спесь немного убыла!

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Пусть они одни на городъ наступаютъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но положилъ Совѣтъ двухъ воинствъ приступъ
вдругъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Мы подождемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіе измѣною признаютъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Никакъ: лишь не съ одной страны идти, а съ
двухъ.

Въ примѣръ: съ Петровки онъ, намъ съ Яузы
пуститься.

Его тамъ отобьютъ: ты не видалъ, — назадъ.

Что дѣлать? хоть Литва тѣмъ сильно обод-
рится,

Но подчиниться онъ тебѣ ужъ будетъ радъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И впрямъ, совѣтъ твой здравъ. Для блага общей
цѣли

И хитрость иногда позволена вождямъ.

Тѣмъ паче, мысль сію въ совѣтъ мы имѣли,

Чтобъ войски раздѣлить по разнымъ намъ мѣ-
стамъ.

Пожарской нынѣ же увидится со мною:
Мы съ нимъ поговоримъ; а ты?...

ЗАРУЦКОЙ.

Покоенъ будь.
Какъ нужно, такъ моихъ я приготовлю къ бою.

(Трубецкой уходитъ; а онъ вслѣдъ ему, грозя
булавою.)

Не долго пыжиться такъ барска будетъ грудь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Марина въ польскомъ воинскомъ платьѣ,
крадется близъ палисадника, неся въ рукахъ узелъ и
ракету.

МАРИНА.

(Тихо.)

Тутъ кто-то есть.

ЗАРУЦКОЙ.

(Не видя ея.)

Ужъ часъ, а нѣтъ еще Царицы.

МАРИНА.

(Тихо же.)

Боюсь, чтобы какъ на стражу не найти.

Онъ, что ль?

(Ударяетъ въ огниво кремнемъ.)

ЗАРУЦКОЙ.

Тамъ, кажется, огня блещутъ крупицы:

Такъ это, знать, она.

(Также высѣкаетъ огонь.)

МАРИНА.

(Тихо.)

Заруцкой! это ты?

ЗАРУЦКОЙ.

(Съ отверзтыми объятіями бросается.)

Царица! здѣсь тебя давно я ожидаю.
Но въ пору самую могла бы въ тмѣ такой
Ты съ Трубецкимъ сойтись, по этому случаю,
Что только онъ теперь здѣсь говорилъ со мной.

МАРИНА.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Шель отъ воеводъ, на помощь къ нимъ при-
шедшихъ,
Пожарской съ войскомъ вѣдь. . . .

МАРИНА.

И Мининъ, слышно, тутъ.
Но по анаѣемахъ, отъ Церкви прогремѣвшихъ,
Ужель они еще пойдутъ къ Москвѣ?

ЗАРУЦКОЙ.

Идутъ.

МАРИНА.

Твои жъ посланники нашли ль надежно средство?

ЗАРУЦКОЙ.

Подъ стражей ужъ сидятъ.

МАРИНА.

Что слышу я, мой другъ!
Мы какъ же отвратимъ толь близкое намъ бѣд-
ство?

ЗАРУЦКОЙ.

Не знаю.

МАРИНА.

О, бѣда!

ЗАРУЦКОЙ.

Любоначаластва духъ

Свой пламенникъ возжегъ межъ нашими вождями;
Всякъ хочетъ властвовать: такъ я стрѣлу пу-
стилъ

И Трубецкой ужъ ей. . . .

МАРИНА.

Что ты? — Онъ недругъ съ
нами.

ЗАРУЦКОЙ.

Не такъ, чтобы совсѣмъ. . . .

МАРИНА.

Чтобъ Русскій измѣнилъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ этого сказать о немъ не мо-
жно:

Но мудрость состоитъ людей искусныхъ въ томъ:
Враговъ своихъ завести такъ въ сѣти остро-
жно,

Чтобъ не могли они и мысль имѣть о томъ.

Я въ Трубецкомъ узналъ презлое самовластье,
И вмигъ измѣнить онъ, не думавъ измѣнять.

МАРИНА.

О, мудрый человѣкъ! того ты стоишь счастья,
Чтобъ руку взявъ мою, на тронѣ возсѣдать.

ЗАРУЦКОЙ.

Намъ остается взять теперь такія мѣры,
Чтобы, еще какихъ не встрѣтилось невзгодъ.

МАРИНА.

Я Русскихъ не страшусь ни храбрости, ни вѣры;
А дѣло въ томъ теперь, чтобъ удержать ихъ
ходъ,

Доколѣкъ намъ сюда Желтовскій не приспѣтъ. (?)

ЗАРУЦКОЙ.

Гдѣ жъ онъ?

МАРИНА.

Подъ Вязьмой ужъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Да, труденъ переломъ,
Коль Патріаршій громъ въ нихъ ужаса не сѣтъ,
Тобой исторгнутый.

МАРИНА.

А красота съ умомъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Они всего сильнѣй!

МАРИНА.

Послушай же, вотъ средства:

(Указывая на ракету.)

Коль лучъ ея блеснетъ надъ градомъ въ облакахъ,
Возстанетъ тамъ пожаръ. Съ сего мы будто бѣд-
ства

Съ толпою женъ къ вождямъ прибѣгнемъ во сле-
захъ;

Пожарскаго смягчимъ, и будемъ домогаться,
Чтобъ къ дѣтямъ ихъ и къ нимъ онъ жалость
возьмѣлъ,

И голодомъ, духотой въ осады истребляться
Не допустилъ сихъ жертвъ, а выпустить ве-
лѣлъ.

Намъ, кромѣ жалости, сіе тѣмъ нужно паче,
Чтобъ духа воиновъ ихъ стонъ не отнималъ,
И плѣнный бы народъ, толпой бродящій въ
плачѣ,

Самимъ намъ нужный хлѣбъ, какъ червь, не по-
ѣдалъ.

Къ тому жъ, ты вѣдаешь, что собрано богат-
ство:

Такъ этимъ случаемъ мы вывеземъ сей кладъ,
Покудова разбой, грабежъ и святотатство
Его не растощатъ, какъ городъ будетъ взятъ.
Иль къ Русскимъ не пойдетъ условьемъ онъ на
сдачу?

Главнѣе же всего мнѣ хочется взглянуть
На юнаго вождя.—Ты разрѣшишь задачу.

ЗАРУЦКОЙ.

А! симъ остановишь.—Меня лишь не забудь.

МАРИНА.

Не бойся! На, возьми завязанну личину
И платье женское. Сейчасъ въ нихъ нарядись,
Чтобы не быть ничѣмъ похожу на мужчину,
И въ этомъ образѣ опять ко мнѣ явись.

ЗАРУЦКОЙ.

На что?

МАРИНА.

Одной идти въ чужой мнѣ станъ не можно,
А въ видѣ мужескомъ тебя тамъ знаютъ всѣ.

ЗАРУЦКОЙ.

Царица! женщиной быть воину не должно:
Избавь!

МАРИНА.

Такъ надобно.

ЗАРУЦКОЙ.

Противиться ль красѣ?

(Береть ракету и узелъ.)

МАРИНА.

(Показываетъ на ракету.)

И ты пусти ее съ середины рощи этой.
Московски жители пускай на блескъ глядятъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Сей часъ:

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА.

(Одна.)

Мнѣ прежнею порфирой быть одѣтой,
Я вижу, трудности ужасны предстоятъ:
Но духу бодрому нѣтъ терна для короны,
Нѣтъ невозможности для возвращенья царствъ.
Кто честолюбія хоть разъ позналъ законы,
Открыто поприще тому для всѣхъ коварствъ.
Что нужды? Трубецкой, Желтовскій полномоч-
ной,
Пожарской, Владиславъ, Заруцкой ли какой?
Мужчины всѣ равны для женщины-роскош-
ной.

Кого не озаритъ блескъ солнечный собой?
Лишь цѣли бы достигъ. Но идутъ.... Удаюсь.

(Уходитъ.)

—
ЯВЛЕНІЕ V.

Пожарской, Мининъ, Палицынъ и нѣ-
сколько воиновъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Здѣсь, вѣрные друзья, немного отдохнуть;
Я слово съ Трубецкимъ, и тотчасъ возвращуся.

(Уходитъ съ воинами.)

МИНИНЪ.

(Вслѣдъ.)

Но не замедли же.

ПАЛИЦЫНЪ.

Совѣта не забудь.

—
ЯВЛЕНІЕ VI.

Презніе, кромѣ Пожарскаго.

МИНИНЪ.

Ты жилъ въ Москвѣ, отецъ! Повѣждь, отколь
крамолы
Произошли у насъ, что льютъ такъ нашу кровь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Отъ окружающихъ бояръ Царей престолъ.
Какъ грозный Іоаннъ низшелъ во смертный ровъ,
На тронъ по себѣ оставя скорбна сына,

Коварный Годуновъ, его супруги братъ,
Прельщенный симъ родствомъ и блескомъ знат-
на чина,

Смѣлъ вожжи царскія въ злодѣйски руки взять;
И сладкой упоясь отравой высшей власти,
О скипертѣ мечтать надменной сталъ душой.
Рѣшился, и въ своей пребеззаконной страсти
Царя съ наслѣдникомъ угрызъ, какъ лютый
змѣй:

А послѣ ихъ тотчасъ, сестры черезъ лукавство,
Черезъ казнь вельможъ, дары, войскъ подкупъ,
лестъ вездѣ,

Всеобщимъ яко бы избраньемъ сѣлъ на царство.
Но гнусныя дѣла чтобъ въ мутной скрыть водѣ,
И сдѣлаться Царемъ любезнѣйшимъ народу,
Онъ началъ послаблять господствующу власть,
И черни попустилъ съ земель сбродить свободу;
Ввелъ откупа, мыты, развратъ, ко пьянству
страсть;

Позволилъ грабежи, кощунства на святыню,
Соблазны чуждыхъ странъ въ престольный
внѣдрилъ градъ,

Ихъ стражей окружилъ палатъ своихъ гордыню:
Какъ хищники коронъ, тожъ злы Цари творятъ,
Не зная, что хитрыя и пагубны толь средства
Балуютъ, тлятъ народъ, и сѣмя всѣмъ бѣдамъ.
Такъ здѣсь и сдѣлалось: неправедны наслѣдства,
Невинныхъ слезы, кровь внеслись лишь къ не-
бесамъ,

Всталъ громъ изъ безднъ страстей, стрясъ
предразсудковъ камень;

А ярый, буйный воль, въ тмѣ спящій подъ
ярмомъ,
Вдругъ съ привязи спущенъ. Тотъ бросилъ
всюду пламень,
А тотъ рогами вмигъ все испровергъ вверхъ
дномъ.
Тогда, тиранъ Царемъ лишь новый появился,
Всѣ прочъ отъ стараго; онъ съ сыномъ встрѣ-
тилъ смерть.
Разстрига палъ чрезъ бунтъ. Вслѣдъ Шуй-
скій воцарился:
Бывъ тонкій царедворъ, слабъ царски бармы
несть,
Блистая на низу, на высотѣ затмился. —
И кратко: тма Царей, чрезъ ковъ Поляковъ тотъ,
Сей чрезъ своихъ, какъ волкъ вскочить въ чер-
тогъ стремился;
Рвутъ плоть, лютъ нашу кровь.

м и н и н ъ.

Вотъ властолюбья плодъ!
п а л и ц ы н ъ.
Тамъ Царь уже не Царь, гдѣ разъ прервутъ ихъ
вожжи.

м и н и н ъ.

Вѣка пройдутъ въ войнахъ, тронъ троны по-
гребетъ.

п а л и ц ы н ъ.

Отъ ухищренія единого вельможи!

м и н и н ъ.

О, горе намъ! (Увидя блеснувшую ракету.) Но
что? Звѣзда съ небесъ падетъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Всевышней силою денница въ мракъ валится:
Да нашихъ супостатъ затмится счастье такъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ПОЖАРСКОЙ СЪ ВОИНАМИ.

ПОЖАРСКОЙ.

Съ различныхъ чтобъ сторонъ на городъ устре-
миться

Мы передумали.

МИНИНЪ.

Съ своею силою всякъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Да.

МИНИНЪ.

Нѣтъ ли тутъ какихъ недружескихъ за-
тѣевъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

А развѣ нужно быть по разнымъ вамъ мѣстамъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Мы силы раздѣлимъ чрезъ то своихъ злодѣевъ.

МИНИНЪ.

(Усмотря пожаръ въ Москвѣ.)

Ахъ! что это? — Пожаръ!

ПОЖАРСКОЙ.

Пресильный!

ПАЛЦЫНЪ.

Казнь врагамъ.

(Въ сіе время слышится въ рошѣ
откликъ разныхъ голосовъ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Пойдемъ, пора! (Хочетъ идти.) Но что?

(Останавливается.)

Речитативъ разныхъ голосовъ, слышныхъ въ рошѣ.

Здѣсь лѣсъ.

Мы здѣсь!

Туда!

Сюда!

Чтобъ намъ

Къ врагамъ

Не пасть

Бы въ пасть.

МИНИНЪ.

Будь остороженъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРИНА и ЗАРУЦКОЙ, первая въ мужескомъ платьѣ, какъ была, а второй въ женскомъ и маскѣ, съ нѣсколькими гражданками изъ роши выбѣгаютъ.

Хоръ гражданокъ.

Ай! помогите,
Бѣдныхъ спасите:
Губить пожаръ;
Домы, строенье,
Пищу, имѣнье
Пламень пожралъ.
Ай! помогите,
Бѣдныхъ спасите!

ПОЖАРСКОЙ.

Да что вы за люди?

МИНИНЪ.

Откуда?

ПАЛИЦЫНЪ.

И къ кому?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ такомъ отчаяньѣ! И чѣмъ мы вамъ поможемъ?

МИНИНЪ.

Москва не наша вѣдь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Притомъ въ ночную тму.

ЗАРУЦКОЙ.

Вы можете помочь.

МАРИНА.

Вы добры, милосердны,
И любите спасать.

МИНИНЪ.

Какъ? чѣмъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Скажите намъ.

МАРИНА.

Вы видите пожаръ: анбары наши хлѣбны
Горятъ, сгорѣли ужъ; нѣтъ пищи и дѣтямъ.
Приходимъ подъ покровъ къ мужамъ толь бла-
городнымъ
О милости просить.

ПОЖАРСКОЙ.

Какой?

МАРИНА.

Невинныхъ сихъ
И прочихъ бѣдныхъ спасти, позволивъ быть
свободнымъ,
Изъ града и съ дѣтьми.

ЗАРУЦКОЙ.

Спасть отъ напастей злыхъ.

МАРИНА.

(Указывая на Заруцкаго.)

Вотъ здѣсь моя жена, гражданки вотъ другія:
Ухъ, сжальтесь! (Про себя) Какъ хорошъ! и,
можетъ быть, влюбленъ!

З А Р У Ц К О Й.

Отрите токъ съ очей, отъ сердца скорби злыя!

М И Н И Н Ъ.

Я худо вѣрю вамъ.

П О Ж А Р С К О Й.

(Глядя на плачущихъ гражданокъ.)

Прекрасныхъ слезы женъ
Какъ стрѣлы въ сердце мнѣ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Чего себѣ хотите,
Творите то другимъ.

М И Н И Н Ъ.

Да, такъ въ заповѣдяхъ.

П О Ж А Р С К О Й.

Все сдѣлано для васъ; скорѣе лишь пришлите
Отъ Думы къ намъ Пословъ: я женъ, дѣтей не
врагъ.

Хоръ гражданокъ.

О, какъ великодушны

Россійскія сердца!

Всѣмъ доблестямъ послушны,

Подобіе Творца!

Сколь въ браняхъ храбры, тверды,

Столь къ бѣднымъ милосерды,

Склонны къ добру душой.

Такъ всякъ изъ нихъ Герой!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ на *Трехъ Горахъ* густую еловую рощу. Сквозь просѣки видны: на лѣвой рукѣ вдали Москва, на правой поля съ жатвою и деревня; а посреди Москва рѣка; чрезъ нея прямо къ замку Маринину мостъ. Все это освѣщено луною.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пожарской и Трубецкой ходятъ между деревьями въ задумчивости, не видя другъ друга, и появляются порознь.

ПОЖАРСКОЙ.

Какое сходство! Съ кѣмъ? Придумать не умѣю.
Разительны красы, пріятный, нѣжный взоръ,
Какъ дѣва юная! И коль представить смѣю,
То видѣлъ, видѣлъ я сихъ прелестей соборъ!
Но гдѣ? Не тамъ ли? — Да, какъ въ пышной ко-
лесницѣ

На среброблещущихъ восьми она коняхъ
Невѣстой ѣхала Лжедмитрія къ столицѣ.
Не братъ ли то ея? — Иль не сама ли, ахъ!
Съ тѣхъ поръ живущая въ мечтахъ моихъ
Марина?

Я тѣло излечилъ, но духа раны, — нѣтъ.
Не для меня ее произвела судьбина;
Но царствуя, она въ душѣ моей живетъ.
Хоть съ брани я тогда безъ чувствъ былъ из-
влеченнымъ,

Всесильный взглядъ ея остался во умѣ;
Я помню только то, что ей былъ побѣжденнымъ;
Въ ней божество мое! — Но гдѣ? въ какой я
тмѣ?

(Уходить за деревья.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Трупецкой.

(Выходя съ другой стороны.)

А гдѣ жъ мой Гетманъ? — Ко мнѣ не возвратился.
Мнѣ надобно ему нашъ планъ тотъ сообщить.
Что съ разныхъ мѣстъ идти Пожарской согла-
сился

Для приступа къ Москвѣ: то онъ бы поступить
Готовъ былъ по тому. Уже ль тѣмъ на измѣну
Отчизны посягнемъ? — Нѣтъ, нѣтъ; а только бѣ
намъ

Унизить Минина съ Пожарскимъ рать надменну.
Соревнованіе простительно вождямъ:

Не смѣетъ надъ другимъ искать кто превосход-
ства,

Вѣкъ черепахой ползть тотъ будетъ предъ ор-
ломъ.

Лишь честолюбіе знакъ вѣрный благородства.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и Заруцкой.

Трубецкой.

(Увидя Заруцкаго.)

А! ты, Заруцкой, здѣсь со мной въ лѣсу одномъ!

Заруцкой.
Такъ, здѣсь.

Трубецкой.
Отколь и какъ?

Заруцкой.

Не скрою по знакомству:
Съ Мариною. Пришелъ ей планъ нашъ сообщ-
шить,

Гдѣ бѣ укрѣпить имъ градъ.

Трубецкой.

Какъ! Это къ вѣроломству
Уже толь явный шагъ!

Заруцкой.

Но иначе отбить
Войскъ ревностныхъ приступъ какъ отъ защи-
ты слабой?

Какъ безъ лукавства здѣсь кому поверхность
взять?

Трубецкой.
О! это много ужъ.

Заруцкой.

Мечтательной отрадой,
Безъ вѣрныхъ, сильныхъ мѣръ, смѣшно себя
ласкать.

Какое важное въ томъ будетъ преступленье,
Что ихъ отгоняютъ прочь? — Отечество спасти
Не остаемся ль мы со войскомъ въ подкрѣпле-
ние?

Я бѣ думалъ сверхъ того нарочно завлечь
Противоборника въ такое положенье,
Чтобъ онъ разнѣжился, разслабъ, и отдалъ
власть
Тебѣ свою бы самъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Чрезъ обольщенье.

ТРУБЕЦКОЙ.

Чрезъ что?

ЗАРУЦКОЙ.

Чрезъ страсть любви.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Усмѣхался.)

И впрямъ, коль навязать
На шею изъ цвѣтовъ цѣпь страшному Герою:
Не наша бы тогда, его была вина.

ЗАРУЦКОЙ.

Не безпокойся жъ, князь! Все сдѣлано то мною:
Волшебствъ Царицы здѣсь наполнена страна;
Пожарской заведенъ мечтами въ рошу эту,
И въ разныхъ помыслахъ въ ней бродитъ,
(улыбался), какъ и ты.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Въ смятеніи.)

Какъ я?

З А Р У Ц К О Й.

Не бойся, князь! Хотя бѣ и ты ту жѣ
мѣсту
Имѣлъ, какую я, то стрѣлы красоты
Ужѣ не для нашихъ лѣтъ. Мы въ силахъ осте-
речься;
А пылкій юноша впадетъ какъ въ эту сѣть,
Не скоро отъ любви захочетъ онъ отречься;
Тогда....

Т Р У Б Е Ц К О Й.

О, хитрый мужъ! благодарить силъ нѣтъ.

З А Р У Ц К О Й.

Все знаешь ты теперь: какъ я пойду къ Маринѣ,
Чтобъ прелести своей и чары всѣхъ заразъ,
Какъ тонкіе силки, разставила бы нынѣ.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IV.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

(Одинъ.)

Лукавый челоуѣкъ! Онъ обольщаетъ насъ:
Пожарской хотъ мнѣ врагъ, хотъ мнѣ во всемъ
соперникъ,
Но благороденъ онъ; а этотъ, аспидъ злой,
Подъ видомъ мнѣ услугъ, есть истинный из-
мѣнникъ;
Коварства полонъ онъ, и презираемъ мной!
Не худо бѣ было мнѣ Царицыно посредство;
Замысловать въ ней умъ, ея прелестенъ зракъ.

(Уходитъ за деревья.)

ЯВЛЕНІЕ VI

Пожарской.

(Опять является.)

Дорогу потерялъ. — Или какое бѣдство
Приготовляетъ рокъ? Тѣнь лунна, блѣдный
мракъ,
Трескъ — ходятъ по пятамъ, и дебрей сопле-
тенье
Вокругъ меня вездѣ. Но что со мной ни будь,
Для добродѣтели, Россіи для спасенья,
Нигдѣ сія ничѣмъ не устрашится грудь.
Возстань противъ меня вся тартара утроба,
Подъ вѣры, вѣрности и правоты щитомъ
Иду, не устрашась, и въ самую сѣнь гроба!
Москву освобожу, и вся награда въ томъ!
Да и какого жъ ждать возмездія мнѣ болѣ?
Когда бъ я только могъ отечество спасти,
Природнаго Царя увидѣть на престолѣ,
И Вѣру и законъ и Россю вознести
На прежнюю высоту величія и славы:
О, верхъ желанія, край подвигамъ моимъ!
Отечество! когда твой духъ днесъ слабъ и нравы,
А мнѣ любезенъ прахъ, пріятель твой и дымъ:
То съ чѣмъ сравню я ту радость, восхищенье,
Какъ если вкругъ себя увижу свой народъ
И въ лаврахъ средѣ торжествъ и палымъ во-
стѣненьѣ?

Блажь смертнымъ выше сихъ и Небо не даетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

П О Ж А Р С К О Й И Т Р У Б Е Ц К О Й.

(Встрѣчаются.)

(Встрѣчаются.)

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Какъ, юный Вождь! ты здѣсь?

П О Ж А Р С К О Й.

Чтобъ сну не предаваться,
Одумать жребій нашъ во предстоящій день,
Пришелъ сюда одинъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Вождямъ уединяться
И мыслить надобно.

П О Ж А Р С К О Й.

Сквозь лѣсъ и ночи тѣнь
Луна, своимъ лучемъ поверхъ воды сверкая,
Увеселяла мой вдали сіяньемъ взоръ,
Симъ славу нашихъ дѣлъ въ потомствѣ пред-
ставляя,
Я, такъ задумавшись, сюда зашелъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Сихъ горъ
И бора мрачна тѣнь лежала предо мною,
Какъ съ Хорошевскихъ я пошелъ сюда жъ лу-
говъ.
Храмъ вѣчности вдали, покрытый страшной
тмою,
Представился мнѣ въ нихъ. Ахъ! въ морѣ семъ
гробовъ,

Я рекъ, потонетъ все. — Сей блескъ луча златаго,
Какъ наши всѣ дѣла и слава, — всѣ померемъ,
Лишь наше счатѣе днесъ....

ПОЖАРСКОЙ.

Нѣтъ счастья намъ инаго,
Какъ общее; и сшедъ со славой въ гробъ,
живемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождь юный! ты еще во всемъ не искусился.
Знай: слава съ счастьемъ, царствъ лишь вольныхъ
входитъ въ кругъ:
Рабъ подъ владыкой рабъ, хотя бъ и отличился;
Способность, умъ ничто, и сильный дремлетъ
духъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Свѣтлѣйшихъ предковъ сынъ, Монархами сіявшихъ!
Какая чернота твой разумъ нынѣ тмить?

ТРУБЕЦКОЙ.

Нѣтъ, такъ я говорю. Когда бъ что предпріавшихъ
Насъ ожидалъ успѣхъ. Но какъ уже синклить
На царство пригласилъ изъ Польши Владислава:
То тщетно прилагать Москвы къ свободѣ трудъ;
А напротивъ того и скипетръ и держава
Отъ нашихъ рукъ ему съ покорностью дойдутъ,
И упадемъ предъ нимъ, какъ Дворъ весь раб-
лѣнный;
Щедроты отъ него мы многи поженемъ.

ПОЖАРСКОЙ.
Предъ вихремъ дубъ падеть скорѣе многолѣт-
ный,
Предъ чужероднымъ чѣмъ сей юный Россъ
Царемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.
Кумиръ коль нуженъ, всякъ равенъ для покло-
нения.

ПОЖАРСКОЙ.
Отцевъ моихъ Отцу колѣно лишь склоню.

ТРУБЕЦКОЙ.
Но Карла самъ ты звалъ отъ Готѣовъ для пра-
вления:
То Шведъ, или Полякъ равенъ для Русскихъ,
мню.

ПОЖАРСКОЙ.
Безгрѣшное сіе употребя коварство,
Россію я спасалъ другихъ племенъ враждой,
Не думая отдать нимало Шведу Царство.
Мнѣ всякой тотъ кумиръ, кто не почтенъ душой.

ТРУБЕЦКОЙ.
Кумиръ мой первый — я; отчизна мнѣ, гдѣ
благо.

О, юноша! собирай съ трудовъ и счастья плодъ!
Безпечнымъ о себѣ пространство міра наго,
Раскаянье назадъ дней прошлыхъ не ведетъ.

ПОЖАРСКОЙ.
Гдѣ жъ честность, вѣра, князь! Гдѣ слава, до-
бродѣтель?

ТРУБЕЦКОЙ.

Все въ насъ. Жить для себя.

(Отворачивается.)

ПОЖАРСКОЙ.

Прекрасный образъ думъ!

(Въ сторону.)

Такъ деревомъ гнилымъ бываетъ идолъ свѣтелъ.

(Слышно по лѣсу зовъ рога, лай псовъ и порсканье охотниковъ.)

Речитативъ.

(Въ рошѣ.)

Ступай!

Сзывай

Съ лѣсовъ

Всѣхъ псовъ

На край.

Ай, ай!

ПОЖАРСКОЙ.

Что слышу? — Не рога ль, лай псовъ, охоты шумъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Не время, кажется, охотой забавляться.

ПОЖАРСКОЙ.

Подъ лунный развѣ блескъ, шутя....

ТРУБЕЦКОЙ.

Быть можетъ, впрямъ,

Что царедворцы здѣсь съ Царицей веселятся,

Въ звѣринцѣ, въ домѣ семъ, она своимъ друзь-
ямъ

Веселье, говорятъ, вседневно вымышляетъ;
Въ различныхъ рѣзвостяхъ проводитъ часто
ночь,
И тѣша всѣхъ, сама въ любви и нѣгѣ таетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Показывается по Москвѣ рѣкѣ яхта, разноцвѣтными
фонарями расцвѣтенная, подъ польскимъ маршемъ,
которая пристаётъ къ берегу по той сторонѣ моста; и
Марина, съ факелами, въ свитѣ мужчинъ и женщинъ,
въ охотничьемъ платьѣ, сходитъ съ нея; а Заруц-
кой со стороны къ ней присоединяется.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ видно такъ, она!

ПОЖАРСКОЙ.

Не удалиться ль прочь?

ТРУБЕЦКОЙ.

Почто жъ? — Бояра къ ней Московски пріѣзжа-
ютъ.

Кто что ни говори, а звѣзды средь небесъ,
Которыя хотя минуту поблещаютъ,
Ужъ замѣчательны.

ПОЖАРСКОЙ.

Пусть такъ. (Про себя) Ея ль очесъ
Свирѣпая стрѣла мнѣ сердце поразила?

(Трубецкому, глядя на Заруцкаго.)

Но кто же Русскіи тамъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Товарищъ это мой,
Казачій атаманъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Взглянувъ на подходящую Мари-
ну, про себя.)

Она меня плѣнила!

(Хочетъ уйти.)

МАРИНА.

Куда сей отъ меня бѣжить молодой героѣй?

(Трубецкому.)

Повѣдай, князь, ему ты нашей Польши нравы:
Во храбрости своей сумнѣться тотъ велить,
Кто отъ красотъ себѣ не снискиваетъ славы.
Безспорно, мужество въ сраженіяхъ васъ льститъ;
Не меньше жъ надобно и между женъ героѣство,
Чтобы умѣть своимъ повелѣвать страстямъ.
Притомъ блаженныхъ душъ веселіе есть свой-
ство;

Есть часъ прискорбія, есть часъ отрады намъ;
Потѣшьтеся; — а тамъ Кремля летать на стѣны
Я не препятствую, платите долгу дань.

ТРУБЕЦКОЙ.

Извѣстенъ намъ твой нравъ привѣтливый и
нѣжный;

(Указывая на Пожарскаго.)

Но сей, Царица, вождь за кознь сочтетъ пріязнь.

ПОЖАРСКОЙ.

Я? Нѣтъ.

Соч. Держ. Ч. II.

ЗАРУЧКОЙ.

Порукой въ томъ моею головою.

ТРУБЕЦКОЙ.

Здѣсь не нужна она.

ПОЖАРСКОЙ.

**Царица побѣждать
Гдѣ можетъ всѣхъ сердца умомъ и красотою...**

МАРИНА.

Коль это истина....

ПОЖАРСКОЙ.

**Не можно тамъ ласкать,
Гдѣ обожаютъ всѣ.**

МАРИНА.

Весьма вамъ благодарна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Позвольте жъ съ вами намъ утѣхи раздѣлить.

МАРИНА.

**Со удовольствіемъ. (Громогласно) Будь роща
лучезарна!**

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Съ симъ словомъ роща и зѣмокъ освѣщаются, изъ коихъ послѣдній, подобно транспаранту, сквозь сіяетъ; по-среди́нѣ рощи ели и сосны исчезаютъ, а появляется тутъ въ сторонѣ софа. По оставшимся деревьямъ кругомъ сидятъ амуры съ колчанами. Съ крыльца дома сходятъ Сильфы, Сильфиды, Нимфы, Сатиры и прочіе Духи, которые въ балетѣ представляютъ увеселеніе Армиды съ Ринальдомъ.

Хоръ сильфовъ и прочихъ.

Здѣсь храмъ любви и утѣшенья,
Суесть забвенья и заботъ:
Вкушай, о, смертный! наслажденья,
Доколѣ жизнь твоя цвѣтетъ.
Оглянешься, и нѣтъ ужъ цвѣта;
Довольствуйся твоимъ часамъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Про себя.)

Какихъ красоть соборъ!

ЗАРУЦКІЙ.

(Къ Маринѣ.)

Царица утомить

Могла себя, пробывъ весь вечеръ на охотѣ.

МАРИНА.

Мы сядемъ лучше сей забавы посмотрѣть.

ТРУБЕЦКОЙ.

Когда угодно то....

ПОЖАРСКОЙ.

Богининой щедротѣ.

(Марина, взявъ Пожарскаго и Трубецкаго за руки, садится съ ними на со-

фу, обращаясь къ тому и другому ласками своими; а Заруцкій въ сторону показываетъ ревность.)

ЗАРУЦКОЙ.

(Въ сторону.)

Ужъ слишкомъ ласково, нѣтъ больше силъ терпѣть!

МАРИНА.

(По окончаніи балета, вставъ.)

Вотъ древни витязи, искавшіе то жъ славы
Во браняхъ, какъ и вы, такъ провели ихъ дни:
Но если тѣшили подобны ихъ забавы,
Не забывали, мню, и яствъ притомъ они.

(Взявъ ихъ по прежнему, уводитъ въ замокъ подъ польскимъ маршемъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Роща становится по прежнему. Освѣщеніе и всѣ являвшіяся существа исчезаютъ, а токмо сіяетъ вдали замокъ и слышна музыка. Палицынъ показывается изъ-за деревъ съ трубою въ рукахъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Одинъ.)

И здѣсь его ужъ нѣтъ. Но, чу! гремитъ музыка,
Ликуетъ юность средь забавъ своихъ, пріятствъ;
Полки въ слезахъ, а вождь между прелестницъ
лика:

О, роскошь! о, развратъ! Сколь пало вами царствъ.

(Уходитъ паки въ рощу.)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЗАРУЦКОЙ.

(Выбѣгая съ безпокойствомъ.)

Мнѣ показалось, какъ будто кто здѣсь крался:
Не соглядатай ли какой ужъ насъ слѣдитъ?
Пожарской божествомъ своимъ очаровался,
И Трубецкой въ глаза ей безъ ума глядитъ;
Источница пріятствъ и милаго коварства,
Марина вдругъ на нихъ надѣтъ умѣла цѣпь;
Лежатъ у ногъ ея.—Но что-то блескъ боярства
Ей очень нравится. Прелестница! Я слѣпъ,
Но мнѣ коль предпочтешь своей ты ихъ лю-
бовью:

Свирѣпствомъ, местью желчь всклокочетъ какъ
смола,

По селамъ брошу огонь, улью Москву всю кровью,
Усѣю трупами я степь, и вѣчна мгла

Во слѣдъ измѣнѣ сей, во слѣдъ убійству злomu,
Покроетъ всѣ мѣста. — Но ужъ изъ тмы вос-
шелъ

Свѣтъ солнечный: пора идти мнѣ къ Трубец-
кому,

Взять въ станъ его съ собой.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Театръ перемѣняется и представляетъ, при восходѣ солнечномъ, въ узорочномъ саду каменную пещеру, близъ которой шумить водометъ. На дерновой скамьѣ спитъ Пожарской. Въ головахъ съ цитрою сидитъ Марина; Нимфы подъ деревьями дремлютъ; двѣ же изъ нихъ тонкою бѣлою кисеею, простертою надъ Пожарскимъ, помавая, защищаютъ его отъ яркихъ лучей солнечныхъ.

ДВѢ НИМФЫ.

(Тихо, сопровождая цитрою Марины, поютъ.)

Солнце, лучи
Тихо мечи;
Дуй чуть, Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, Любовь!

ПАЛІЦЫНЪ.

(Глядя на Пожарскаго изъ-за деревъ вдалекъ.)

Виновница всѣхъ золъ!
Бѣсъ въ свѣтломъ ангелъ! Какъ обольститъ столь
можно!
Въ Иродіадинъ садъ его ты скрыла свой.
Вотъ сихъ-то лютыхъ стрѣлъ мужамъ бояться
должно;
Отъ женскихъ прелестей палъ не одинъ герой.
(Трубитъ въ трубу. Пожарской во снѣ вздрагиваетъ.)

НИМФЫ.

(Повторяютъ.)

Солнце, лучи

Тихо мечи;
Дуй чуть, Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, Любовь!

(Палицынъ трубить еще. Пожарской пробуждается, а Нимфы сбѣгаются къ Маринѣ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Я слышу гласъ трубы, и солнце такъ высоко!
Но гдѣ товарищи? — Ахъ, ихъ со мной ужъ
нѣтъ!

МАРИНА.

Тебѣ мечтаетъ слухъ, обманываетъ око;
А день едва насталъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Трубить третій разъ, и выходитъ на сцену.)

Отечество зоветъ!

ПОЖАРСКОЙ.

(Бросаясь къ нему.)

Аврамій! это ты! (Закрывая глаза) Несносная
укора!

(Убѣгаетъ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Вслѣдъ его.)

Такъ пути разорвавъ, летитъ къ звѣздамъ орелъ.

(Уходитъ за Пожарскимъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАРИНА И НИМФЫ.

МАРИНА.

Не могъ снести моего, о, малодушный, взора,
И духу мнѣ сказать: прости!—онъ не имѣлъ.
Увы!

Хоръ Нимфъ.

(Въ слѣдъ Пожарскому.)

Остановися на минуту,
Младой, прекраснѣйшій герой!
Уйми Царицы скорбь ты люту,
Отри токъ слезъ твоей рукой.
Быть можно ль такъ неблагодарнымъ,
Мертвить за нѣжность, за любовь?
О, красота! очамъ печальнымъ
Блескъ возврати скорѣй свой вновы!

==

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ Кремль между Троицкою и Боровицкою башнями снаружности. Изъ Москвы выѣзжаетъ, съ одной стороны, обозъ осажденныхъ русскихъ бояръ и польскихъ вельможъ, съ ихъ женами, дѣтьми, и богатствомъ, подъ предводительствомъ двухъ польскихъ пословъ. Марина, въ числѣ ихъ, покрыта бѣлою кисейною фатою. Съ другой стороны, войско Пожарскаго подъ ружьемъ, подъ командою Минина, съ бердышемъ стоящаго. Въ сторонѣ подъ деревомъ большой камень.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хоръ женъ и дѣтей.

Великодушный мужъ! тронися
Невинныхъ женъ, дѣтей мольбой;
На слезы наши преклонися,
Будь нашъ покровъ, отецъ, герой;
Пусти изъ облежима града;
Отъ смерти насъ спаси и глада.

Мининъ.

Нѣтъ, безъ вождя я васъ пустить не смѣю.

1-й посолъ.

Намъ дозволеніе объявлено его.

Мининъ.

Могло то быть.

2-й посолъ.

Будь благъ, какъ Богъ.

мининъ.

Не разумѣю.

1-й посолъ.

Да слава возблеститъ всѣмъ сердца твоего.

2-й посолъ.

Почтенье воздастъ такимъ вождямъ вселенна,
Чьи нѣжны чувства и мужественъ чей духъ.

1-й посолъ.

И чья душа—къ врагамъ на милость обращенна...

МАРИНА.

Чтить юность и красы.

мининъ.

(Отворачивается.)

Къ такимъ я баснямъ глухъ.

Я не привыкъ, и лесть всегда презрѣнна мной.
Довольно, я сказалъ: безъ вождя не пушу.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ты же, Пожарской и Палицынъ.

мининъ.

(Увидя Пожарскаго.)

Гдѣ сынъ отечества, намъ избранный главою?

пожарской.

Онъ здѣсь? — Сейчасъ его тебѣ я возвращу;
Къ побѣдѣ надъ собой признанье шагъ.

мининъ.

Дай, Боже!

пожарской.

Что надобно тебѣ?

палицынъ.

Единый гласъ трубы,
Духъ пылкій, юну кровь, потрясъ утѣхъ на ложѣ.

мининъ.

(Про себя.)

Но лучше бѣ тамъ не быть.

(Къ Пожарскому.)

Мнѣ что на ихъ мольбы?

пожарской.

Ужъ это рѣшено.

мининъ.

Но градъ симъ защищаться
Получить больше силъ.

палицынъ.

Слабѣтъ духъ отъ женъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Мы не пришли сюда со слабыми сражаться.
Чѣмъ грознѣе враги, тѣмъ намъ славнѣй ихъ
плѣнъ.

МИНИНЪ.

Сокровище везутъ.

ПОСЛЫ.

Мы жертвуемъ казною.

ПОЖАРСКОЙ.

Разбойникамъ, звѣрямъ, добычей лестенъ ловъ.
Я не хочу богатствъ: пускай везутъ съ собою:
Неправедное — прахъ!

МИНИНЪ.

(Къ Палицыну.)

Онъ милуетъ враговъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Великодушіе за зло не признается.

Хоръ тихъ же.

Прямой герой не жаденъ къ злату, —
Его богатство умъ и духъ;
Прійми въ сердцахъ ты нашу плату,
Враговъ великодушный другъ!

МАРИНА.

(Раскрывая фату, тихо.)

Неблагодарнѣйшій! — И, не простясь, ушелъ!
Минуту на себя хоть дай мнѣ наглядѣться.
Вотъ та рука, взойдешь которой на престолъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Увидя ее, содрогается, про себя.)

О, сила прелестей! (Колеблясь) Увы, изнемогаю!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ ЖЕ И ГОНЕЦЪ (съ письмомъ къ Палицыну).

ПАЛИЦЫНЪ.

(Читаетъ.)

«Изъ Вязьмы третій день пошелъ въ Московскій край

«Съ Желтовскимъ Владиславъ.... Я васъ уведомляю.»

Вотъ вѣсть!

МИНИНЪ.

Напасть!

МАРИНА.

(Тихо Пожарскому.)

Они мои друзья.....

ПОЖАРСКОЙ.

(Выхватя мечъ, къ войску.)

Ступай!

(Войски ударяють походъ, и подъ слѣдующимъ маршемъ движутся въ одну, а обозъ въ другую сторону.)

Хоръ войскъ.

Кипи въ сердцахъ Россійскихъ кровь,
Ступайте, Вѣры, чести чада!
Зоветь къ отечеству любовь,
Престольнаго въ защиту града;

Соч. Дѣлж. Ч. II.

Природна ввести Царя въ чертогъ,
Святыню въ храмы, блескъ престолу,
Смирить въ землѣ раздоръ, крамолу. —
Ступайте, Россы: съ вами Богъ!

(Всѣ съ войсками уходятъ, кромѣ Марины и Палицына.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА И ПАЛИЦЫНЪ.

МАРИНА.

Жестокій, варваръ, тигръ, никѣмъ неумолимый!
Нималой страстію ко мнѣ онъ не горѣлъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Къ чему, Царица, гнѣвъ твой толь неукротимый?
Зачѣмъ ты здѣсь? — Желай, чтобъ онъ успѣхъ
имѣлъ,
Когда любимъ тобой.

МАРИНА.

О, старче, мнѣ зловредный!
Такъ ты-то у меня исторгъ его изъ рукъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На правый путь.

МАРИНА.

Но какъ же льститься, дерзновенный!
Чтобъ мой послѣ сего къ нему былъ склоненъ
духъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ты любишь ли его?

МАРИНА.

Пусть такъ.—Но что порфиру
Онъ днесъ надѣнетъ мнѣ, сѣдымъ твоимъ челомъ
Ты мнѣ клянись.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не вѣмъ.

МАРИНА.

Такъ знай: всему я міру
Владычица, и мнѣ послушны молнии, громъ.

(Сдергиваетъ съ себя фату, машетъ
и убѣгаетъ, отъ чего поднимается
вѣтеръ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Въ слѣдъ ея.)

Ахъ, сгинь, треклятая!

ЯВЛЕНІЕ V.

Палицынъ и Мининъ, а за послѣднимъ нѣсколько
воиновъ несутъ желѣзный сундукъ и кису.

МИНИНЪ.

Полкъ вражій опрокинулъ
Пожарской, будто левъ, взбѣжавъ съ мечемъ на
валъ;

Но зря, что градскій вождь въ тылъ конницу
всю двинулъ,

Мнѣ казаками ихъ отрѣзать приказалъ.

Да воръ Заруцкой намъ ихъ въ помощь не пу-
скаетъ,

Сказавъ, что онъ безъ мзды не дастъ своихъ
полковъ;

И Трубецкой чего, не знаю, поджидаетъ,
Стоитъ, не движется.—О, горе! знать, что ковъ
Какой у нихъ на насъ. Провѣдай, преподобный;
Тебя послушаютъ: сходи, уговори;
Вотъ я казну принесъ: Казаки къ злату склонны.

ПАЛИЦЫНЪ.

И мнѣ сокровища свои монастыри
Съ усердьемъ ввѣрили на случаи несчастны:
Коль мало вамъ казны, возьми къ себѣ ты ихъ.

МИНИНЪ.

Коль мы съ тобой душой и сердцемъ такъ со-
гласны,
То ссыплемъ вмѣстѣ кладъ мы и богатствъ
своихъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Сдвигаетъ подъ деревомъ лежащій
камень, и вынимаетъ большую цер-
ковную кружку.)

Корвана церкви здѣсь.

МИНИНЪ.

Угодно ли то Небу?

Когда ее возьмемъ, не согрѣшимъ ли симъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На крайню ежели народную потребу
Ее мы праведно и свято обратимъ:
Пріятнѣй Богу то, чѣмъ оиміамъ курится.

(Мининъ, вынимая мѣшокъ съ червон-
цами, а Палицынъ жемчугъ, ссыпаютъ
въ кассу; остальное же и кружку за-
перши въ сундукъ, уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Заруцкой, съ нѣсколькими казаками, съ поспѣшностію выбѣгаетъ.

Заруцкой.

Тутъ Мининъ казначей и съ нимъ сѣдой старикъ
Съ народною казною навѣрно должны крыться,
Ищите!—И отъ нихъ, платежъ какъ ни великъ,
Кто взять изъ васъ дерзнетъ, умретъ на мѣстѣ
казни.

(Грозя булавою.)

Ищите, и ко мнѣ представьте ихъ сей часъ!

(Казаки уходятъ съ поспѣшностію, а онъ въ ярости.)

О! если бѣ въ святости, въ личинѣ и пріязни
Попался мнѣ ханжа! (*Глядитъ вдаль.*) Когда не
лжетъ мой глазъ,
Казаки врознь бѣгутъ: знать, взять кто ихъ толпою.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Съ другой стороны пробѣгаетъ чрезъ театръ, пред-
водительствуя казачьею дружиною, Межаковъ, изъ
средины которой, въ трепетѣ, задыхаясь, выходитъ
Палицынъ.

Палицынъ.

(Одинъ.)

Отъ ищущаго здѣсь врага души моей
Невидимой покрыть Господней я рукою:
Намъ сила Божія всегда людской вѣрнѣй.
Надежда наша въ Немъ!—Послалъ намъ Межа-
кова;

Онъ скрылъ меня.

(Слышна вдали буря и гроза.)

Но что за бурный слышу ревъ?
Неужель чары то Царицы, духа злова?
Или за бисеры церковны Неба гнѣвъ?

(Становясь на колѣна, вздымаетъ руки къ небу.)

О, Боже силъ! Тебѣ стихіи всѣ покорны,
Простри Свой свыше перстъ, да сей ужасный
громъ

И молнии низпадутъ на вражій сонмъ злотвор-
ный,

И возблеститъ Москва златымъ своимъ челомъ!

(Увидя Трубецкого, встаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тотъ же, Трубецкой и Заруцкой бѣгутъ другъ за
другомъ, сражаясь одинъ мечемъ, а другой була-
вою, въ преслѣдованіи воиновъ и казаковъ, сражаю-
щихся же; изъ нихъ первый, выбивая у второго изъ
рукъ его булаву, схватываетъ за воротъ и повергаетъ
на землю. Казаки разбѣгаются.

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣй! Такъ это ты, изъ столь друзей мнѣ
близкихъ,

Который тайною засадою казаковъ

Смялъ Минина въ распахъ, и мнѣ въ долинахъ
низкихъ

Разставилъ-было свой бездѣльническій ковъ?

Я на тебя давно смотрѣлъ; но Русскимъ Цар-
ствомъ

Съ Пожарскимъ чрезъ вражду тебѣ не завла-
дѣть.

Скажи всю истину: зачѣмъ съ такимъ нахаль-
ствомъ

Меня съ опричными ты вкругъ сталъ объѣз-
жать?

(Замахиваясь съ мечемъ.)

Скажи мнѣ, извергъ! Смерть въ рукѣ моей готова.

ЗАРУЦКОЙ.

(Сбѣвши.)

Что знать желаешь ты? Коль ты того не зналъ,
Спроси то у себя, или у Годунова.

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ замысль свой куда онъ простирать дерзалъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

(Заминая рѣчь.)

Такъ и Пожарскаго заводчикъ ты убійства?

ЗАРУЦКОЙ.

(Потупя глаза въ землю.)

Хотя бѣ....

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣйствомъ симъ готовилъ казнь себѣ.

(Въ сторону.)

Подъ стражу съ плѣнными!

(Воины, поднявъ Заруцкаго, уводятъ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Вслѣдъ ему.)

О, демонъ кровопійства!

(Трубецкому.)

Но живъ ли Мининъ нашъ?

Колеблются стѣны;

Сюда всѣ знамена.

Сюда всѣ! ура!

Ра, ра, ра, ра.....

ПАЛИЦЫНЪ.

О, Боже! дай побѣду.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Сильный ударяетъ громъ, и часть стѣны Кремлевской отъ Троицкихъ воротъ, съ угломъ до Москвы рѣки разваливается. Театръ представляетъ во внутренности Ивановской площади налѣво Красное Крыльцо и Успенскій Соборъ, направо Архангельскій; а посреди прямо колокольню Ивана Великаго. Предъ ней круглый столъ, накрытый червленымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. На немъ на золотыхъ блюдахъ регалии царскія. Вкругъ его сидитъ Дума Бояръ. По стѣнамъ зданій на скамьяхъ сидятъ Жильцы Московскіе, какъ то: Дворяне, Стряпчіе и Гости торговые, на башнѣ и по кровлямъ народъ. Марина въ царской одеждѣ, подъ багрянымъ покрываломъ, скрывается между Вельможъ на Красномъ Крыльцѣ. На сценѣ по обѣ стороны стола Пожарской, Трубецкой, Палицынъ и Мининъ, а Заруцкой въ сторонѣ въ цѣпяхъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Благодарю Творца! Москва освобождена.

ТРУБЕЦКОЙ.

Врагъ прогнанъ изъ Кремля.

МИНИНЪ.

Ужъ нѣтъ его и слѣду.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но безъ главы теперь отечества страна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіяющій синклитъ! Сонмъ царственна совѣта!
Днесъ нужно намъ рѣшить: какой правленья родъ
Удобнѣй можетъ быть для блага полусвѣта?
Примѣры многіе вселенная даетъ.
Римъ славно чрезъ сенатъ владѣлъ надъ всей
вселенной:

Не сблизится ли намъ къ правленію сему?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ ограду отъ толпы мятежной, разъяренной,
И тамо часто власть ввѣрялась одному.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не токмо въ бурну ночь, какъ съ ревомъ страш-
ны волны
Восходятъ до небесъ, и безднѣ падутъ во мглу,
Но плавать по морю въ дни ясны и покойны,
Единъ искусный вождь потребенъ кораблю.

ТРУБЕЦКОЙ.

Такъ изберемъ Царя.

МИНИНЪ.

Съ согласія народа.

ПОЖАРСКОЙ.

И я. . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

(Громогласно къ народу.)

Внемли, народъ! Царя вамъ, или Вельможъ?

НАРОДЪ.

Речитативъ.

Не надобно барь:
Да царствуетъ Царь.

Хоръ.

Да царствуетъ Царь!
Царь, Царь, Царь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Кого же изберемъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Заслуги и порода
Кому на то даютъ все право.

ПОЖАРСКОЙ.

Мышлю то жъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Пожарскому.)

Поистинѣ намъ всѣ и недруги и други
Должны отдать ту честь, что въ рядъ другихъ
нейдутъ

Ни роды наши, князь, ни къ отчеству заслуги;
А паче о себѣ дерзну упомянуть:

Что если бъ дружбой я гетманскіе обманы
Не призналъ, не проникъ всѣхъ тайнъ его пути
И не изрылъ подъ нимъ самымъ глубокой ямы,
Погибнуть бы намъ всѣмъ, Россію не спасти.
Тебя я искушалъ, и градъ держалъ въ осадѣ.

ПОЖАРСКОЙ.

Радъ честь тебѣ воздать.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Пожарскому.)

Тутъ воля не твоя.

МИНИНЪ.

(Палицыну.)

Да нѣтъ. (Трубецкому) Ты спасъ мнѣ жизнь; но
не прійми къ досадѣ,
Ясневельможный князь! не соглашуся я,
Чтобъ быть Царемъ у насъ тебѣ, или другому,
Безъ выбора отъ всѣхъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Съ досадою.)

По слову твоему

Я рекъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Народу.)

Народъ! Царемъ Россіи быть кому
Изъ двухъ, Пожарскому, или Князю Трубец-
кому?

ДУМА И НАРОДЪ.

(За кулисами.)

Речитативъ.

Пожарской намъ любъ,
Пожарской намъ любъ.

Хоръ народа.

(Съ трубами.)

О, любо! всѣмъ любо!
Воскликни гласъ трубъ!
Воскликни сугубо:
Пожарской намъ любъ!

(Мининъ и Палицынъ, взявъ на блюдахъ регалии,
подносятъ Пожарскому.)

ПАЛИЦЫНЪ.

Прійми жъ, избранный мужъ! довлѣючи клей-
ноды

МИНИНЪ.

Достоинствамъ твоимъ, и буди намъ главой.

МАРИНА.

(Вдругъ сшедши съ Краснаго Крыльца и спустя
порфиру на плеча.)

Прійми во власть свою безчисленны народы
И сердце нѣжное ты съ тою красотой,
Тобою что страстна, и ты въ кого влюбился,
И коя ужъ давно Царица сей странѣ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Въ смятеніи, помолчавъ.)

Съ престола для тебя сойти бы я рѣшился;
А на престолъ взойти неправдой—низко мнѣ.

МАРИНА.

(Съ яростію.)

Гордецъ!

ПОЖАРСКОЙ.

(Поклонясь на все стороны.)

Россіяне! за даръ вашъ, толь усердный,
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признательну про-
стерть:

За подвиги мои, вамъ въ жертву принесенны,
Какихъ желалъ я благъ? — Покой въ Россіи
зрѣть.

Взявъ утвари сіи, тѣхъ благъ лишусь и славы;
Узря на мнѣ ихъ блескъ, народъ и ликъ Бо-
яръ,

Имѣющій на то важнѣй, быть можетъ, правы,
Не ощутитъ ли вдругъ въ душѣ своей тотъ
жаръ,

Что зависть въ насъ родить?—Возникнутъ вновь
крамолы;

Я, усмиряя ихъ, могу тираномъ стать:

На что не соглашусь вселенной за престолы.

Съ потачкою жъ страстей тронъ бурный управ-
лять,

Могу ль я сокрушить хищенья длинны руки,
Ввести скорый, правый судъ, покоить шатки
дни?

Законы безъ грозы—безстрашнымъ эха звуки;

Примѣры хоть прошли, но памятны они.—

Лжедмитрій, какъ мячемъ, игралъ въ крови дер-
жавой;

А Шуйской, только взялъ, въ тѣни ея исчезъ.

Не можетъ трона тать владѣть спокойно сла-
вой;

Великъ онъ, или малъ, но все онъ гнѣвъ Не-
бесъ,

Которыя ему, или поздно, или рано,

По правосудію навѣрно отомстятъ;

И въ пасмурной душѣ нѣтъ мира у тирана;

Тревога, злоба, грусть, безперестанный адъ.

Онъ козни новыя всечасно вымышляетъ,

Чтобъ скрыть свой мрачный нравъ иль тѣмъ,
или другимъ:

Сегодня лавровъ онъ, а завтра пальмъ желаетъ,

Курился чтобъ предъ нимъ подлѣйшей лести
дымъ.

Законы жъ Русскіе, обычай, власть ли Бога,
Повергли съ дѣтства насъ владычеству Царей;
Чтимъ Божій въ нихъ законъ, за храмъ ихъ
блескъ чертога:

Коснется ль въ ихъ вѣнцѣ чело мое лучей,
И облекусь ли въ ихъ священну я порфиру;
Нѣтъ! нѣтъ! Наслѣдникъ лишь одинъ по крови
имъ

Спокойство можетъ дать и возвратитъ насъ къ
миру.

Добръ, мудръ, безъ зависти и всѣмъ будетъ
чтимъ;

Бояре ближніе, усердны общу благу,
Единодушіемъ безстрашно подкрѣпятъ,
Представятъ грудь ему въ своихъ совѣтахъ нагу,
И въ самыхъ слабостяхъ великимъ учинятъ.

МИНИНЪ И ПАЛИЦЫНЪ.

(Полагая регалии на столъ.)

Но гдѣ жъ наслѣдникъ есть?

ПОЖАРСКОЙ.

Не можно ль Михаилу
Романову взойти на праотчій престолъ.
По женскому родству?

ТРУБЕЦКОЙ.

Въ дни смутны не подь силу
Ему полсвѣта скиптръ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Жизнь въ страхѣ Божь-
емъ велъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ младъ, неопытенъ.

МИНИНЪ.

Душею чуждъ лукавства,
Благъ сердцемъ, справедливъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Премудръ его отецъ. (²)

ПОЖАРСКОЙ.

Я лучше быть хочу слуга самодержавства,
Чѣмъ съ мрачной совѣстью носить его вѣ-
нецъ.

МАРИНА.

Нелѣпый умъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

Великъ, когда совѣтъ сей можетъ
Тирану быть уздой, а парусомъ Царю.

МИНИНЪ.

На стогнъ къ народу онъ свой взоръ и слухъ
И изъ ковчега взявъ, разсмотритъ самъ }
приложить, }
всѣхъ прю. } (²)

ПАЛИЦЫНЪ.

И истинѣ къ себѣ не воспретитъ приходу,
Хотя бъ и въ рубищѣ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И будетъ образцомъ
Совѣтъ его Боярь всѣхъ доблестей народу.

ПОЖАРСКОЙ.

А онъ ихъ всѣхъ главой, владыкой и отцомъ.

ДУМА И НАРОДЪ.

Речитативъ.

Михайлу вѣнецъ!

Михайлу вѣнецъ!

Хоръ народа.

(Съ трубами.)

Михайлу вѣнецъ!

Онъ будетъ Царь сердецъ,

Владыко и отецъ:

Михайлу вѣнецъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ: себя, родъ праведный, возвы-
ситъ,

Прославится подъ нимъ Россійская страна.

ЗАРУЦКОЙ.

(Маринъ, потрясая цѣпями.)

Не отъ волшебствъ твоихъ, знать, быть царемъ
зависитъ.

МАРИНА.

У ада, у мня, у твоего ума
Еще есть способы,—пойдемъ!

*(Съ Заруцкаго цѣпи спадаютъ, и
они уходятъ.)*

ТРУБЕЦКОЙ.

На казнь!

(Войски бросаются въ слѣдъ за Заруцкимъ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Оставимъ
Избранному Царю сей судъ и долгъ свершить.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ праведнѣй сего, и тѣмъ законъ мы сла-
вимъ,
Когда мы и врагамъ не хотимъ сами мстить.
Пойдемъ теперь во храмъ усерднѣйшей моль-
бою
Хвалу Творцу воздать, что спасъ насъ отъ ко-
варствъ.
Надъ властолюбіемъ, надъ златомъ, надъ кра-
сою,
Побѣда выше есть, чѣмъ покоренье царствъ!

Хоръ общій.

О, слава! возвѣсти вселенной,
На удивленіе вѣкамъ,
Духъ Росса бранной и усердной,
Благоговѣющій къ Царямъ.
Онъ храбростью, умомъ, богатствомъ
И благочестіемъ прямымъ,
Не устрашась всѣхъ золь препятствомъ,
Скиптръ возвратилъ Царямъ своимъ;
И подъ наслѣдственнымъ жезломъ
Всѣ царства счатыемъ превышаетъ,
Какъ кедръ до неба достягаетъ:
Благословенъ Романовъ Домъ!

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1806 году.

(²) Извѣстно, что Келарь Аврамій Палицынъ разсы-

далъ грамоты и созывалъ изъ разныхъ городовъ войска подъ предводительство Пожарскаго; извѣстно и то, что когда Пожарской былъ въ Троицкой Лаврѣ для принятія благословенія, и былъ окропленъ съ войскомъ святою водой, противный вѣтеръ въ тотъ же часъ перемѣнился на попутный, что и истолковано было счастливымъ предвѣщаніемъ успѣховъ Пожарскому.

(³) Ходкевичъ, польскій полководецъ, не допускавшій до Москвы войска Пожарскаго.

(⁴) Дума Бояръ дала-было повелѣніе Пожарскому не ходить къ Москвѣ, но Патріархъ Гермогенъ на то не согласился, и пострадалъ отъ Поляковъ.

(⁵) Владиславъ, сынъ польскаго короля, былъ избранъ на Русскій Престолъ.

(⁶) На русскомъ театрѣ не дозволено представлять иноковъ въ ихъ одѣянїи. Почему Палицынъ и выведенъ здѣсь въ простой одеждѣ.

(⁷) Другой вождь польскій, поспѣшавшій отрѣзать Пожарскаго отъ Москвы.

(⁸) Патріархъ Филаретъ Никитичъ, отецъ Михаила Феодоровича управлялъ царствомъ, присутствовалъ въ совѣтѣ, и въ приговорахъ того времени писали такимъ образомъ: «Патріархъ благословилъ, Бояре приговорили, а Царь указалъ».

(⁹) Извѣстно по исторіи, что Царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ выставлять всякій день подъ окнами Грановитой Палаты запечатанный ящикъ съ прорѣзомъ, въ который всѣ челобитчики могли класть свои прошенія и жалобы. Царь, самъ разсматривая ихъ, допускалъ къ себѣ людей всякаго состоянія, и даже самыхъ бѣднѣйшихъ, и говорилъ съ ними лично, если обстоятельства того требовали. Притомъ установлено было, что когда въ Грановитой Палатѣ у Царя съ Боярами происходила дума или совѣтъ по какому либо важному дѣлу, то положивъ намѣръ, давали знать о томъ чрезъ учрежденныхъ стряпчихъ собраннымъ напло-

щади Дворянамъ, Гостямъ и Жильцамъ Московскимъ. Такимъ образомъ, если дѣло, дошедшее до народнаго свѣдѣнія, признаваемо было полезнымъ, Стряпчіе доводили народную благодарность до свѣдѣнія Думы, и приговоръ Бояръ приводимъ былъ въ исполненіе; если же народъ просилъ какой милости или перемѣны, то боярскій приговоръ подвергается былъ вторичному разсмотрѣнію въ Царской Думѣ.

АВСТРІЙШІЕ

МІЛОСЛАВА, ГОСТЬ, СЕСТРА ХОРАШЕИ.

КОЛУНА, СЕСТРА ВЪ МАСКѢ.

ВАНИКА.

ВАНЬКА.

ПАНИКА.

1 КОНДРАТІЙ, НАМІСНИКЪ.

2 КОНДРАТІЙ, СЛУЖАВЪ.

3 КОНДРАТІЙ, СЛУЖАВЪ.

ГЛАГОЛЪ, СЛУЖАВЪ ВЪ ЛОДѢ.

СЛІШ.

КУТЕРЬМА

ОТЪ

КОНДРАТЬЕВЪ. (1)

ДѢТСКАЯ КОМЕДІЯ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ ХОРАМИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Миловидова, гостья, сестра хозяйки.

Колдунья, старуха въ маскѣ.

Варинька.

Вѣринька.

Пашинька.

} малолѣтныя дочери г-жи Миловидовой.

1 Кондратій, камердинеръ.

2 Кондратій, садовникъ.

3 Кондратій, музыкантъ.

Федосья, служанка въ домѣ.

} служители.

Дѣйствіе въ селѣ Званкѣ.

==

КУТЕРЬМА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гостинную комнату; столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Миловинова въ покоевомъ платьѣ, и волосы у нея нѣсколько смяты. Варинька, Вѣринька и Пашинька, обнявшись между собою, выходятъ за нею.

МИЛОВИНОВА.

(Смотря на часы.)

Почти четыре часа,—позаспались немного. Ну поскорѣе, дѣти, напьемся чаю: мнѣ недосугъ. Сестра бѣдная давеча за столомъ позахворала. У ней мужъ именинникъ: будутъ на вечеръ гости; а коли ей полегче станетъ, то будетъ ужинъ и балъ; и такъ она поручила мнѣ за себя похозяйничать. Надобно кое-что приказать изготовить для праздника.

(Разливаетъ чай.)

ВАРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, маменька!—Какъ же я рада!

ВѢРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, праздникъ! То-то потанцуемъ

ПАШИНЬКА.

Попрыгаемъ, попляшемъ!

ВЪРИНЬКА.

По-цыгански, по-русски.

ВАРИНЬКА.

Казачька, вальсенъ.

ПАШИНЬКА.

(Подбодрившись.)

И Савоярку.

ВСЪ ТРИ ВМѢСТѢ.

Какъ намъ весело!

(Прыгаютъ и бьютъ въ ладоши.)

МИЛОВИДОВА.

Тише, тише! не разбудите тетеньку.

ВСЪ ТРИ.

(Бросаясь къ матери и цѣлуя у ней руку.)

Какъ же быть, милая маменька? Намъ весело,
очень весело!

(Продолжаютъ прыгать.)

МИЛОВИДОВА.

Дурочки! успѣете навеселиться; веселье хорошо во-время. — Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла.

ВЪРИНЬКА.

Какъ рано?

ВАРИНЬКА.

Что за пташечка?

ПАШИНЬКА.

Какая кошечка? — Мы не дадимъ ей съѣсть
птички.

МИЛОВИДОВА.

Глупенькія! Это пословица, и научаетъ насъ ничему прежде времени не радоваться.

ВАРИНЬКА.

Для чего жъ?—Дяденька сегодня именинникъ.

МИЛОВИДОВА.

Но тетенька нездорова.

ВЪРИНЬКА.

Боже, сохрани!

ПАШИНЬКА.

Да мы, слава Богу, здоровы; для чего жъ намъ не веселиться?

МИЛОВИДОВА.

(Крестя ихъ.)

Господь съ вами! Веселитесь, друзья мои: я этого сердечно вамъ желаю; но надобно быть сострадательнымъ: когда кто болѣнъ, то тутъ веселье не у мѣста.

ВАРИНЬКА.

Да вы сказали, что дяденька именинникъ.

ВЪРИНЬКА.

Что гости будутъ.

ПАШИНЬКА.

Что сегодня праздникъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, друзья мои, это все правда; однакожъ я сказала, когда сестрѣ будетъ полегче; и дополнить надо: когда дядя дозволить.

ВАРИНЬКА.

Для чего жъ?

МИЛОВИДОВА.

Онъ также недомогаетъ.

ВАРИНЬКА.

А чѣмъ?

МИЛОВИДОВА.

По большей части неосторожностью.

ПАШИНЬКА.

Да вѣдь онъ былъ за столомъ.

МИЛОВИДОВА.

То-то и худо: тутъ-то и надобно осторожность.—Но я съ вами заговорила. Варинька! вели послать ко мнѣ, мой другъ, поскорѣе Кондратьевъ: камердинера, садовника и музыканта.

ВАРИНЬКА.

Кондратьевъ, маменька?

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛОВИДОВА, ВЪРИНЬКА и ПАШИНЬКА.

ПАШИНЬКА.

Что такое, милая маменька, за неосторожность? И какъ быть отъ того больну? — Я этого не понимаю.

МИЛОВИДОВА.

Ой ты, вострушка! обо всемъ любопытствуешь.

ВЪРИНЬКА.

А особливо за столомъ.

ПАШИНЬКА.

Гдѣ ничего нѣтъ, какъ только блюда, чашки, рюмки, стаканы.

МИЛОВИДОВА.

Они-то и кусаются. Изъ нихъ неосторожно покушаешь, разгорячишься, простудишься....

ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

Ха, ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Что вы, дурочки? Чему смѣетесь?

ВѢРИНЬКА.

Какъ, маменька, не смѣяться? Мочи нѣтъ. Ха, ха, ха!

ПАШИНЬКА.

Блюда не кусаются, — и какъ простужаться, разгорячаться?—Ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Эй тише, рѣзвухи! Дядю и тетку беспокоите.

ВѢРИНЬКА.

Да вы шутите надъ нами.

МИЛОВИДОВА.

Какъ шучу?

ПАШИНЬКА.

Когда насъ кусали блюда?

ВѢРИНЬКА.

Когда мы разгорячались и простужались?

МИЛОВИДОВА.

Для того, что еще ваши лѣта не тѣ, какъ дя-

дины; да за вами пристально смотрятъ, наблюдаютъ, васъ журятъ.

ПАШИНЬКА.

Да развѣ вы съ тетенькой не наблюдаете за дяденькой?

МИЛОВИДОВА.

Такъ, другъ мой; но онъ говоритъ, что вѣкъ свой изжилъ; что подъ опекой ни у кого быть не хочетъ: такъ что съ нимъ дѣлать? А вы еще молоды, и съ вами управиться можно.

ВАРИНЬКА.

Мы, милая маменька, изъ вашей воли не выступаемъ.

МИЛОВИДОВА.

Я очень довольна, сердечные друзья мои, что вы себя хорошо ведете.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ВАРИНЬКА.

ВАРИНЬКА.

Кондратьи пришли.

МИЛОВИДОВА.

Позови ихъ ко мнѣ:—Нѣтъ, стой; неодѣтою принять ихъ дурно: чужіе наемные люди. Подите и прикажите имъ, что я вамъ скажу, и пусть сюда прійдутъ: я послѣ посмотрю, что они сдѣлали.

ВАРИНЬКА.

Извольте, маменька.

ВАРИНЬКА.

Мы все исполнимъ, что вы прикажете,

ПАШИНЬКА.

Точь-въ-точь, ни одинаго словечка не упустимъ.

МИЛОВИДОВА.

Хорошо: станьте рядомъ.

(Становятся.)

ВАРИНЬКА.

(Вытянувшись по-солдатски.)

Вотъ и строй готовъ.

МИЛОВИДОВА.

Ты все проказничаешь; но тутъ шутки не у мѣста, гдѣ приказываютъ; вниманіе первый знакъ повиновенія.

ВСѢ ВДРУГЪ.

Да приказывайте жъ, маменька; мы слушаемъ.

МИЛОВИДОВА.

(Про себя.)

Какъ-бы мнѣ не проступиться. Старикъ любитъ все попышнѣе, пожирнѣе и пошумнѣе, а сестра,—поскромнѣе, попростѣе и почистосердечнѣе. Не угоди имъ: она нахохлится, а онъ тотчасъ на отрѣзъ брякнетъ: «Спасибо, милостивыя государыни, поддобрехотали!» — Этого-то мнѣ слышать и не хочется; я ихъ право обоихъ люблю.—Но хорошо, слушайте. (Приказываетъ дѣтямъ) Ты, Варинька, скажи первому Кондратью, камердинеру, который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухнею: чтобъ приготовилъ между прочимъ куръ съ шампиньонами;

ляденька это блюдо любить. — Ты, Вѣринька, второму Кондратью, садовнику, вели припасти *вязъ съ повелицей*. Дубу и лавра здѣсь нѣтъ; не равно намъ вздумается отставному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственный ему вѣнокъ. — А ты, Пашинька, скажи третьему Кондратью, музыканту, чтобъ онъ приготовилъ для огромности хоровъ *рогъ съ барабаномъ*. Смотрите же, не забудьте, а я пойду одѣваться.

(Уходитъ, и тогда же два служителя выносятъ чайный приборъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ противныя двери входитъ Кондратій, камердинеръ.

ВАРИНЬКА.

Ты, Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Кондратій.

ВАРИНЬКА.

Кондратій первый?

КОНДРАТІЙ.

Какъ нѣтъ здѣсь другого, такъ первый.

ВАРИНЬКА.

Маменька тебѣ приказала, чтобъ ты между прочими блюдами велѣлъ изготовить куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Хорошо, сударыня.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотчасъ за нимъ входитъ Кондратій музыкантъ.

ВѢРИНЬКА.

Ты, второй Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Послѣ вышедшаго отсюда второй.

ВѢРИНЬКА.

(Принявъ его за садовника.)

Приготовь для праздника вязъ съ повелицей.

КОНДРАТІЙ.

Вязъ съ повелицей! — На что это?

ВѢРИНЬКА.

Не твое это дѣло.

КОНДРАТІЙ.

Слушаю.

(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

За нимъ тотчасъ входитъ Кондратій садовникъ.

ПАШИНЬКА.

Ты, третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

(Садовникъ.)

Послѣ двоихъ я третій.

ПАШИНЬКА.

(Принявъ его за музыканта.)

Чтобъ былъ готовъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Ахти! кротовъ что ли отпуживать? Но у насъ ихъ нѣтъ.

ПАШИНЬКА.

Что велятъ, то и дѣлай.

КОНДРАТІЙ.

Быть такъ, когда господа приказываютъ.

(Уходитъ.)

ВАРИНЬКА И ВСѢ.

(Вслѣдъ ему кричатъ.)

Постой, стой, Кондратій. Когда изготовите, то приходите всѣ сюда, и покажите маменькѣ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И МИЛОВИДОВА.

МИЛОВИДОВА.

Вы все-таки не унимаетесь шумѣть, что вамъ ни говори. (Осматривается въ зеркало) Вотъ я и принарядилась. — Хорошо ли?

ВСѢ.

(Около ея прыгая, бьютъ въ ладоши.)

Хорошо, маменька, очень хорошо. Кабы мы большія были такія!

МИЛОВИДОВА.

Не тужите, вырастете; будьте только умны.

Но пора и вамъ одѣваться: вечеръ на дворѣ, того и смотри, что гости нагрянутъ.

(Дѣти уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОВИДОВА.

(Одна.)

Умненькія, миленькія дѣвочки! Хоть свое рожденъе, но] какъ не похвалить? — Да здѣсь, полно, никого нѣтъ; я бы при людяхъ этого не сказала; а то насмѣшники тотчасъ разнесутъ, просвищутъ, что я ихъ балую.

ЯВЛЕНІЕ IX.

МИЛОВИДОВА И ФЕДОСЬЯ.

МИЛОВИДОВА.

Что, ты, Феша?

ФЕДОСЬЯ.

Кондратьи пришли, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

Пусть ихъ войдутъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ X.

Три Кондратя, держащіе въ рукахъ: 1-й туръ (или парекъ) и свернутое бѣлье; 2-й, горшокъ тюльпановъ, окладенный мохомъ; 3-й, басъ со скрипкою.

МИЛОВИДОВА.

Приготовили ль, друзья мои, что вамъ приказывали дѣти?

КОНДРАТІИ.

(Все трое вдругъ.)

Все готово, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

(Къ Кондратію, камердинеру.)

Гдѣ жъ?

КОНДРАТІЙ.

Вотъ здѣсь.

МИЛОВИДОВА.

Да что это?

КОНДРАТІЙ.

Туръ съ панталонами.

(Кладетъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Какъ? Тебѣ приказывали куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Мнѣ такъ слышалось.

МИЛОВИДОВА.

Какой вздоръ! (Къ Кондратію садовнику)
У тебя что?

КОНДРАТІЙ.

Мохъ съ тюльпаномъ.

(Ставитъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Какая чепуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Я не музыкантъ.

МИЛОВИДОВА.

(Къ Кондратью, музыканту.)

У тебя что? — Вязъ съ повелицей?

КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ! — Басъ со скрыпцей,

(Кладетъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Ха, ха, ха, ха! Сумасшедшіе! Откуда вамъ въ голову вошла такая нелѣпица?

КОНДРАТЬИ ВСѢ ТРОЕ.

Намъ барышни такъ приказали.

МИЛОВИДОВА.

Не можетъ быть. Позови сюда, Федосьюшка, барышень.

(Федосья уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ѲЕДОСЬИ.

МИЛОВИДОВА.

Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ барышни вамъ такой сумбуръ приказали. И имъ на носъ нарубила, кому что приказать.

КОНДРАТІЙ 1-й.

Я крѣпокъ на ухо, и приготовилъ по своей должности, что баринъ всякій день носить.

КОНДРАТІЙ 2-й и 3-й.

А мы точка въ точку то сдѣлали, что намъ велѣно.

МИЛОВИДОВА.

(Сердито.)

Что за безтолковщина?—Вотъ каково тамъ, гдѣ много Кондратьевъ! Смѣхъ отъ нихъ и горе! Тому прикажи, того спроси, и увидишь хоть Кондратя, да не Кондратя? Ѳедотъ, да не тотъ; одинъ на другаго сваливаетъ. Тфу какая пропасть! Да вѣдь барышни васъ видѣли?

КОНТРАТЪИ ВСѢ.

Видѣли.

МИЛОВИДОВА.

И сами съ вами говорили?

КОНДРАТЪИ ВСѢ.

Говорили.

МИЛОВИДОВА.

И такъ онѣ чтонибудь вамъ приказывали?

КОНДРАТЪИ ВСѢ.

Приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Для чего жъ вы не то сдѣлали, что вамъ приказывали?

КОНДРАТІЙ 1-й.

Отъ того, какъ я ужъ сказалъ. . . .

КОНДРАТІЙ 2-й.

Мы позамялись-было.

МИЛОВИДОВА.

Да что жъ?

КОНДРАТІЙ 3-й.

Но господамъ мало ли какія нескладицы въ голову приходятъ: то мы и исполнили.

МИЛОВИДОВА.

Да вотъ и дѣти идутъ: посмотримъ, кто изъ васъ правъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, ВАРИНЬКА, ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА
въ нарядныхъ платьяхъ, и Ѳедосья.

ВАРИНЬКА.

Чего изволите, маменька?

МИЛОВИДОВА.

Что вы, проказницы, начудесили? Верту-
шки, вѣтреницы!—А я васъ еще хвалила.

ВѢРИНЬКА.

Мы ничего не сдѣлали дурного.

ПАШИНЬКА.

Кромѣ того, что вы приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Какъ ничего? Спросите ихъ сами, что они
надѣлали. То ли вы приказывали?

ВАРИНЬКА.

(Къ Кондратію, камердинеру.)

Я тебѣ приказала приготовить куръ съ
шампиньонами.

1-й КОНДРАТІЙ.

Мнѣ слышалось: туръ съ панталонами.

ВѢРИНЬКА.

(Къ Кондратію, садовнику.)

Тебѣ я велѣла вязъ съ повелицей.

2-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, басъ со скрыпцей.

НАШИНЬКА.

(Къ Кондратію, музыканту.)

Тебѣ рогъ съ барабаномъ.

3-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, мохъ съ тюльпаномъ.

МИЛОВИДОВА.

(Кондратьямъ.)

Какая чертовщина! — Да кто изъ васъ первый, кто второй и кто третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

(Каммердинеръ.)

Я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ.

(Садовникъ.)

Нѣтъ: ты первый Кондратій по дому, а по мастерству я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ.

(Музыкантъ.)

Нѣтъ: ты второй Кондратій по дому, а я первый былъ у барышень.

МИЛОВИДОВА.

Смотри, пожалуй, разбери между ими: кто у нихъ первый и кто послѣдній, и кто кому приказывалъ; найди виноватаго, найди тутъ толкъ! Но истину сказать, я сама не права. По склонности къ дѣтямъ, по лѣности моей, приказала имъ сдѣлать распоряженіе: вотъ и вышелъ болтунъ. Ахъ! да я ли первая, я ли послѣдняя? — У насъ на Руси въ дворянскихъ домахъ, по безчислен-

ной сволочи людей, по барской изнѣженности господъ, нерѣдко случаются такія суматохи; а особливо, гдѣ много Кондратьевъ. Но какъ же быть? Свое все мило. — Что жъ вы молчите? Дайте мнѣ виноватаго.

(Дѣти и Кондратьи спорятъ, сердятся, толкаютъ другъ друга, гоняютъ, бѣгая по комнатѣ; мужчины же шляпами замахиваются и поютъ.)

Хоръ.

КОНДРАТІЙ.

(Камердинеръ.)

**Я первый Кондратій,
Мой туръ съ панталоны.**

ВАРИНЬКА.

**Не могъ ты понять, —
Твой куръ съ шампильоны.**

КОНДРАТІЙ.

(Садовникъ.)

**Второй я Кондратій,
Мой вязъ съ повелицей.**

ВЪРИНЬКА.

**Нѣтъ очень не кстати, —
Твой басъ со скрипицей.**

КОНДРАТІЙ.

(Музыкантъ.)

**Я третій Кондратій,
Мой рогъ съ барабаномъ.**

НАШИНЬКА.

Не долженъ ты лгати, —

Твой мохъ со тюльпаномъ.

БАРЫШНИ И КОНДРАТЬИ.

(Всѣ вообще.)

Мой туръ съ панталоны,

Туръ, туръ, туръ.

Нѣтъ! куръ съ шампиньоны,

Куръ, куръ, куръ.

Мой вязъ съ повелицей,

Вязъ, вязъ, вязъ.

Нѣтъ! басъ со скрипичей,

Басъ, басъ, басъ.

Мой рогъ съ барабаномъ,

Рогъ, рогъ, рогъ.

Нѣтъ! мохъ со тюльпаномъ,

Мохъ, мохъ, мохъ.

МИЛОВИДОВА.

Да долго ль вамъ орать и спорить! Сума-
шедшіе! бѣшеные! Перестаньте, перестаньте,
а не то я васъ всѣхъ уйму.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Колдунья. Старуха въ черномъ платѣ, сгорбившись, подъ маскою, съ посохомъ въ рукахъ. Увидя ее, всѣ умолкаютъ.

КОЛДУНЬЯ.

Что за кутерьма? Что за жидовская школа? И слыхомъ не слыхано, видомъ не видано этого содому. Господа наши живутъ тихо и смирно, ни колыхнутъ, ни шелохнутъ; а вы заварили такую кашу!

МИЛОВИДОВА.

Добро пожаловать, старушка! Ты, конечно, ворожеюшка? Угадай-ка, милая моя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ? — Однѣ говорили, а другіе слушали: но не то надѣлали. Ужъ никакъ, право, не спроста! — Перепутались такъ, что голова, право, вкругъ идетъ.

КОЛДУНЬЯ.

(Оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ.)

О, милыя мои! не безъ лихихъ людей. Похимостили, проклятые; завязали глазоньки, отняли красное солнышко. Правда, нынѣ много такихъ причинъ. Видно напущено. Всякой приказывать гораздъ, а исполнять никто. Но можно пособить этому. Я помаракую. Подите ко мнѣ, Кондратьюшки, и вы, любезныя дѣтушки, поближе. Я уже слѣпа, *(надѣвая очки)* худо вижу. *(Шепчетъ въ платокъ.)* Вотъ на! Безпорядица, безпорядица, мать моя! По дѣтскимъ приказамъ

не въ очередь, не кстати, не благословясь, не свои, а чужія дѣла, по пересказамъ, по перего-
ворамъ, нѣсколько Кондратьевъ, не зная, кто
первый, кто послѣдній, въ угожденіе прихотей
вашей милости, должны были исполнить; а ты,
мой свѣтъ! сама за ними не посмотрѣла: то чего
тутъ добра ждать? Всталъ дымъ коромысломъ,
и вся эта кутерьма отъ Кондратьевъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, бабушка, ты правду говоришь: я ви-
новата. Какъ же быть? Но досаднѣе всего, что
праздникъ не въ праздникъ. Хозяинъ разгоря-
чится, хозяйка перетрусится; вмѣсто удоволь-
ствія, выйдетъ непріятность.

КОЛДУНЬЯ.

(Сбрасывая съ себя черное платье и
маску, открывается хозяйкою дома.)

Нѣтъ, любезная сестрица и милыя мои дѣ-
вушки! (*всѣхъ ихъ цѣлуя*) Вы непріятности мнѣ
ни какой не сдѣлали. Все къ празднику готово.
Я иногда слыхала, что вы роптали на непре-
станные мои хлопоты по хозяйству, и винили
меня за то, что я очень заботлива: то чтобъ до-
казать вамъ того необходимость и оправдать
себя предъ вами, я вымыслила эту шутку, и при-
творясь больною, сыграла комедію, чтобы вы
сами видѣли: что не свой глазъ, не любой кусъ. —
Кутерьма отъ Кондратьевъ!

Общій хоръ.

Дома въ устройствѣ,

Духа въ спокойствѣ
Все счастье лежитъ.
Милы прохлады,
Гости гдѣ рады
Поѣсть и попить;
Оставя дѣлъ вздоры,
Попрыгать подѣ хоры,
Въ деревнѣ пожить.

(¹) Сочинено, на Званкѣ, въ 1806 году. Эта домашняя шутка сочинена была для дѣтей, племянницъ автора, Львовыхъ, которыя пріѣхали погостить къ автору на его именины. Поводомъ къ сочиненію ея было частное столкновеніе трехъ Кондратьевъ, бывшихъ въ услугахъ у автора: одинъ изъ нихъ былъ камердинеръ, другой садовникъ, а третій музыкантъ, и когда одному давалось порученіе, нерѣдко каждый изъ нихъ исполненіе присваивалъ себѣ.

Дѣла въ спонсоровѣ
Всѣмъ свѣдѣнъ лежатъ.

Милыя прощай!
Гости тѣмъ дамы
Нѣтъ и нѣтъ.

Оставь тѣмъ нѣтъ
Починавъ подъ хоры.
Въ дѣлѣ нѣтъ нѣтъ.

CLIV.

ИРОДЪ и МАРИАМНА,

ТРАГЕДІЯ

Въ пяти дѣйствіяхъ.

CLIV.

ПРОДЪ И МАРИАНА,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ НАШЕ АНСТРИИ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Угодно было сему почтенному Сословію предложить въ Вѣдомостяхъ о сочиненіи Трагедіи. Многія были представлены, изъ коихъ одна и увѣнчана награжденіемъ. Но я не съ тѣмъ, чтобъ состязаться съ изящными талантами, или получить награду, а единственно, чтобъ исполнить волю Академіи, рѣшившись испытать силъ своихъ въ семъ родѣ стихотворства, которымъ я никогда не занимался, сочинилъ Трагедію, при семъ прилагаемую, подъ названіемъ *Иродъ и Маріамна*, посвящая оную Россійскому Парнассу.

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желая показать опытъ ничтожныхъ моихъ способностей въ драмматическомъ искусствѣ, избралъ я, по мнѣнію моему, удобнѣйшій къ тому отрывокъ изъ Древней Исторіи, оставленной намъ Іосифомъ Флавіемъ, писателемъ о войнѣ Іудейской, въ которомъ описываетъ онъ жизнь царя Ирода и его сунруги такимъ образомъ, что могутъ они въ самыхъ твердыхъ душахъ произвести сожалѣніе и ужасъ. Волтеръ сіе самое событіе обработывалъ въ трагедіи своей, названной имъ *Маріамною*. Онъ представилъ Ирода, кажется мнѣ, со стороны только ревности къ его сунругѣ, а Маріамну со стороны привязанности къ ея дѣтямъ. Первая, по возвращеніи сунруга изъ Рима, боясь суроваго его нрава, соглашается отъ него уѣхать подъ покровительство Августа съ княземъ Согемомъ, любовникомъ Соломіи, сестры Ирода. Сія жестокая душа, мстя за то, оклеветываетъ ее въ любви къ Согему предъ Иродомъ. Онъ изъ ревности приказываетъ умертвить свою сунругу; но послѣ узнавъ ея невинность, рас-

каивается и сходитъ съ ума. Самый сей знаменитый писатель при первомъ изданіи помянутой своей трагедіи въ предисловіи говорить, что содержаніе сіе, дабы представить его болѣе трагическимъ, требуетъ обширнѣйшаго поля, чѣмъ описанныя имъ только ревность мужа и сварливость жены по домашнимъ ихъ ссорамъ. Онъ объясняетъ, что съ одной стороны государь, названный народомъ своимъ великимъ, влюбленный страстно въ прекраснѣйшую жену въ свѣтѣ, терзаемый къ ней ревностію, борющійся между добродѣтелями и злодѣяніями, мучимый по минувшимъ и настоящимъ жестокостямъ своею совѣстію, преходящій быстро и безпрестанно отъ любви къ ненависти, а отъ ненависти къ любви, подстрекаемый честолюбіемъ сестры и хитростію министровъ; а съ другой стороны царица, его супруга, находящаяся въ жестокомъ положеніи, что при всей добродѣтели, красотѣ и славѣ, видитъ супруга своего безпрестанно къ ней ревнующаго, самыхъ ближайшихъ ея родственниковъ преданныхъ имъ смерти, и при всемъ томъ долженствующая любить его, образуютъ въ себѣ важнѣйшіе предметы къ трагическому представленію и къ большому писателей подвигу. Я таковое славнаго сего трагика примѣчаніе взявъ въ

соображеніе, покусился, слѣдуя его совѣту, распространить мое поприще, сколько силъ моихъ и способностей достало; но не изъ однихъ моихъ вымысловъ, а большею частію изъ самой Исторіи, которую читатели ежели благоволятъ прочесть, то увидятъ, что не токмо дѣйствующія лица (кромѣ Кады), но и мимоходомъ упоминаемыя также происшествія и даже нѣкоторыя мысли, взяты оттуда. Впрочемъ, жестокія, кровожаждущія выраженія, а также и восточный слогъ употребилъ я нарочно, дабы сколько возможно ближе и изобразительнѣе представить характеръ Еврейскаго народа, изъ коего суть всѣ почти дѣйствующія лица. Погрѣшилъ бы, кажется, и былъ бы подверженъ справедливому осужденію художниковъ благоразумныхъ, ежели бы Палестинцевъ заставилъ я изъясняться чувствами и оборотами Французовъ. Главное правило писателей — слѣдовать природѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Иродъ, Царь Іудейскій, простого Идумейскаго происхожденія.

Маріамна, его супруга, изъ царскаго поколѣнія Іудина или Асмонѣевъ.

Соломія, сестра его, названная Антипатру мать.

Антипатръ, сынъ его отъ первой жены Дорисы; намѣстникъ Іерусалима.

Александръ } дѣти его малолѣтныя отъ Маріамны,
Аристовуль } 12 и 14 лѣтъ.

Архелай, внукъ его, воспитанный въ Римѣ.

Совернъ, сродникъ Маріамны, наперсникъ Иродовъ, приставъ у нея и у дѣтей.

Варръ, Проконсулъ Римскій.

Када, наперсница Маріамны.

Юда, виночерпій.

Юноши и дѣвы, составляющіе хоры.

Сендаринъ или Сангедринъ, Сенатъ Іудейскій

Придворные

Воины Римскіе и Еврейскіе.

} безъ рѣчей.

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимъ, во дворцѣ Ирода.

=

ИРОДЪ И МАРІАМНА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Притворъ чертоговъ царскихъ, изъ аркъ коего видѣнъ городъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломія и Антипатръ.

СОЛОМІЯ.

Какъ, Антипатръ, ты здѣсь? Вы прибыли изъ
Рима?
А гдѣ же царь, мой братъ?

АНТИПАТРЪ.

Толпа необозрима

Гражданъ, стѣснивъ его среди градскихъ воротъ,
Препятствуетъ идти. Онъ радостный народъ
Зря вокругъ себя стоитъ, внимаетъ плесковъ грому.
Я о прибытіи его свѣтлѣйшу дому
Далъ Маріамнѣ вѣсть, устроилъ въѣзда чинъ,
И се пришелъ къ тебѣ.

СОЛОМІЯ.

Народа плескъ! — О, сынъ!
И Маріамнѣ вѣсть! Такое изрѣченье
Кинжалъ во сердце мнѣ. Ахъ! преждебъ порученье
Какъ совершилъ мое, спѣшилъ ты мнѣ сказать,
Увеселяютъ ли такъ дѣти нѣжну мать?

Знавъ Соломію ты презрѣнну Маріамной,
Дерзнулъ ее ласкать мнѣ вѣстью нежеланной.
Но по внушеніямъ что сдѣлалъ ты моимъ,
И письмамъ, посланнымъ къ тебѣ недавно въ
Римъ?

АНТИПАТРЪ.

Что можно было,—все.

СОЛОМІЯ.

Но какъ же могъ явиться
Тиранъ обратно здѣсь? Сему не можно бѣ сбытъ-
ся,

Когда бѣ ты въ дѣйствіе совѣтъ мой произвелъ
И хитростью къ метѣ назначенной дошелъ.
Ужели подтверждать должна тебѣ я снова?
Что онъ, хотя мой братъ, но изверга столь злова
Не можетъ болѣе сносить уже народъ;
Что долгъ твой истребить весь Асмонѣевъ родъ;
Что быть счастливою не можетъ Палестина,
Поколь отцу его подобна властелина
Дѣлами, именемъ, со мной въ тебѣ не зритъ.
Намъ къ цѣли сей дойти былъ необманчивъ видъ.
Я, управляя здѣсь имъ порученнымъ царствомъ,
Щедротой, милостью и сладкихъ словъ ковар-
ствомъ

Умѣла чернь, вельможъ въ свою вовлечь такъ
сѣть,

Что мнила всѣхъ сердца въ рукѣ своей имѣть;
А доведя всѣ тѣ злодѣйствія до Рима,
Какими отъ него страна сія томима,
Въ тѣ дни, какъ ужъ его, Антоній, другъ и богъ,
Низпадшій съ высоты, помочь ему не могъ,

Какъ Августъ, всѣмъ друзьямъ Антонія мстя
злобно,
И Ироду былъ врагъ: во время толь удобно
Могла ль я жребія себѣ такого ждать,
Чтобъ Маріамнѣ вновь рабынею мнѣ стать?

АНТИПАТРЪ.

Знать, рокъ такъ положилъ.

СОЛОМІЯ.

Вотще винить судьбину:
Добра и зла въ себѣ содержимъ мы причину.
Нѣтъ, если бѣ болѣе ты ревности имѣлъ,—
Препятства бы самой судьбы преодолѣлъ.
Но ты не чувствуешь къ отечеству любви,
Не тщишься унимать его потоковъ крови,
И дѣда снисканный достоинствомъ вѣнецъ
Не хочешь, чтобъ взложилъ твой на тебя отецъ;
Но младшимъ братіямъ даришь его въ наслѣд-
ство.

Не трогаетъ тебя, знать, и мое ужъ бѣдство,
Что съ Селіемъ меня онъ разлучилъ драгимъ
И Маріамнинымъ насмѣшкамъ предалъ злымъ?
Но какъ же Антипатръ, ахъ! какъ сіе случилось,
Что сердце Августа ко Ироду смягчилось
И наки нашъ онъ царь?

АНТИПАТРЪ.

Зри опытъ въ немъ ума
И духа твердаго,—и удивись сама;
Потомъ скажи ты мнѣ, что дѣлать было можно?
Иной бы размышлять сталъ прежде осторожно,

Тму привезенныхъ въ даръ сокровищей бли-
станья

Онъ въ Капитоліи, какъ бездны звѣздъ открылъ:
Октавія умомъ, Римъ златомъ побѣдилъ.

СОЛОМІЯ.

О, дерзостный хитрецъ! — Но что жъ по пись-
мамъ тайнымъ?

АНТИПАТРЪ.

Развратный Римъ не счелъ то чудомъ чрезвы-
чайнымъ,

Супругу что въ любви супруга невѣрна.

Но чтобъ была въ кого царица влюблена,

Не вѣрилъ я и самъ. Однако же искусно

Въ знатнѣйшихъ я домахъ пересказалъ изустно,

За тайну между женъ разсѣялъ подъ рукой,

Что мой отецъ не такъ счастливъ второй женой;

Что ты ее храня отъ общества дурнова,

Страдалицей сама должна быть права злова.

И въ семъ-то я успѣлъ.—До Ирода сей слухъ

Едва достигъ, смутилъ надменный, скрытый

духъ.

Однажды возвратясь съ любовныхъ игръ позора,

Вздыхалъ и, на меня бросая стрѣлы взора,

Пытливо онъ спросилъ: не знаю ль я чего,

Происходящаго въ семействѣ у него?

Я—какъ бываетъ то съ придворными нерѣдко—

Внималъ его словамъ и молча цѣлилъ мѣтко,

Въ котору сердца часть пустить ему стрѣлу;

Примѣтя жъ взоръ его, какъ огонь блестящъ

сквозь мглу,

Отъ ревности къ своей супругѣ несравненной,
Съ улыбкой, хитрою въ полслова рѣчью темной
Раздулъ пожаръ. Когда жъ твой съ перлами
ковчегъ

Чрезъ Акму къ Юліи принесъ, то средь утѣхъ
Она, однажды съ нимъ занявшись Маріамной,
Рекла, что красоты сей образъ зрѣла славной
Въ вещахъ Антонія у Августа въ рукахъ.

Какъ громъ слова сіи его расшибли въ прахъ;
Какъ разума съ тѣхъ поръ неистово лишенный,
Въ молчаньи Рима онъ спѣшилъ оставить стѣны;
Но на пути открылъ терзанія свои.

Днесъ восшищаютъ въ сердцахъ супруговъ сихъ
змѣн.

СОЛОМІЯ.

Удаченъ подвигъ твой, довольна я тобою—
Здѣсь можемъ довершить. Пускай себя собою
Ревнующій духъ рветъ. (*Слышны трубы*) Я слы-
шу трубный гласъ.

Будь скромень и поди, съ дворомъ соединясь.
Я встрѣчу здѣсь Царя.

(Антипатръ уходитъ.)

—
ЯВЛЕНІЕ II.

СОЛОМІЯ (*одна.*)

Такъ много мнѣ послушенъ!
А я боялася, что онъ равнодушенъ
Къ соперницѣ моей. Но и на сей конецъ
Мой вымысль былъ бы вдругъ ударъ для двухъ
сердецъ:

Царица нѣжная средь трона
Такъ ждетъ царя лобзать красы.

Хоръ царя.

Какъ горликъ съ высоты небесной
На горлицу глядитъ въ тѣни:
Супруги образъ такъ прелестной
Желалъ царь зрѣть разлуки въ дни.

Хоръ общій.

Воскликните, врата Солима!
Плещи руками, Іорданъ:
Пришелъ Четверовластникъ Рима,
Владыка Палестинскихъ странъ;
Пришелъ мужъ равный Соломону—
Играй Эсфирь, ликуй Агарь!
Великолѣпье храму, дому
Привелъ съ собою славы царь.

продъ.

О, какъ я восхищенъ и сердцемъ и душой,
Что вижу здоровыхъ васъ любезнѣйшихъ со мной.

*(Обнимая цалуетъ Маріамну,
Соломію и дѣтей.)*

МАРІАМНА.

Стократно счастлива, утѣшна я, блаженна,
Что предъ собою зрю супруга возвращенна.
Отсутственъ отъ меня и удаленъ ты былъ,
Но изъ души моей на мигъ не исходилъ.

продъ.

Пріятно, мило мнѣ, любезная супруга,
Коль прежняго во мнѣ и ты находишь друга.

МАРІАМНА.

Какъ! друга прежняго?— Когда тобой дышу,
То почему твое сомнѣніе ношу?

ПРОДЪ.

О! вѣрю, вѣрю я; ни въ чемъ не сомнѣваюсь:
На сладость лестныхъ словъ, какъ прежде, по-
лагаюсь.

МАРІАМНА.

Но не слова одни, ты видишь вздохи, взглядъ;
Что я въ тебѣ одномъ моихъ ищу отрадъ;
Что я страданья всѣ разлуки забываю,
И сердцемъ и душой любя тебя встрѣчаю.
Ты видишь.....

СОЛОМІЯ (перебивая рѣчь.)

Видишь ты, любезный братъ, какъ дворъ
Весь на тебя стремить съ восторгомъ жадный
взоръ;
Но наше искренно ль тебя теперь лобзанье,
Узнаешь лично самъ въ твоёмъ здѣсь пребы-
ваньи.

ПРОДЪ (съ пріязнію.)

Я цѣну дружескихъ твоихъ всѣхъ знаю словъ;
Съ тобою въ насъ течетъ одноутробна кровь;
И разлученіе тебя не прохладило;
Но паче опытомъ союзъ нашъ утвердило.

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОВУЛЬ (обнимая у
Ирода ко-
лѣна.)

Какъ счастливы твоихъ лобзаньемъ мы колѣнъ!

АРИСТОВУЛЬ.

Какъ радостны, что къ намъ родитель возвращенъ

МАРІАМНА (съ нѣжностію.)

Блаженство наки намъ!...

ИРОДЪ (посмотри на нее съ подозрѣніемъ, къ прочимъ.)

Великъ Господь въ Сіонѣ!
Въ первосвященничей и царской я коронѣ;
Столицей міра днесь, какъ прежде, отличенъ;
Какъ былъ Антоніемъ, такъ Августомъ по-
чтенъ;
Сенатъ и весь народъ могущественна Рима
Союзника во мнѣ того неколебима
И друга вѣрнаго опять себѣ призналъ,
Который въ браняхъ съ нимъ враговъ его сра-
жалъ,
Кѣмъ Галлъ, и Парѣ, и Грекъ, Аравы, Сиріяны
И Цельты съ Мидяны, съ Египтяны поправны,
И словомъ, Римлянамъ кто столь стяжалъ по-
бѣдъ,
Колико на себѣ сія грудь ранъ несетъ.
Въ награду за сіе свою являя дружбу,
Повѣрили они мнѣ ихъ орловъ на службу,
Которыхъ быстрый громъ поможетъ скоро мнѣ
Іону съ Торіемъ увидѣть въ тишинѣ.
Съ Евфратомъ Іорданъ глаголь мой внявъ со-
трона,
Съ береговъ ихъ смоютъ прахъ оставшій Анти-
гона.
Одинъ я странъ сихъ царь, симъ градомъ овла-
дѣвъ;
И горе, горе тѣмъ, (взглядывая сурово на Ма-
ріамну) кто мой возбудитъ гнѣвъъ.

МАРІАМНА.
Винять одни дѣла.

ПРОДЪ.
И мыслію ополчиться
Кто на меня дерзнетъ, тотъ съ смертію об-
ручится.

Народамъ покажу въ владычествѣ моемъ,
Какъ имъ благоговѣть надлежитъ предъ царемъ;
Какъ слово, взоръ его разить ихъ можетъ гроз-
но,—

Преступнымъ предо мной раскаяніе поздно,
И словомъ, кто мою потрясть предприметъ
власть,

Тѣхъ горестна, бѣдна и смертоносна часть;
Кровавыхъ рѣкъ слѣды за ними псы полижутъ,
И домочадцы устъ своихъ къ нимъ не прибли-
жутъ,

Развѣю самый прахъ!

СОЛОМІЯ.

Гнѣвъ правды царской строгъ.

МАРІАМНА.

Царь мудрый праведенъ и милосердъ, какъ Богъ.

ПРОДЪ.

Потщусь представить я величье Бога въ славѣ.

Судомъ и милостью въ подвластной мнѣ державѣ

Коснется онъ горамъ,—и горы кроетъ дымъ:

Такъ на враговъ сверкну и я мечемъ своимъ.

Посмотритъ онъ на доль,—и доль въ цвѣтахъ

пестрится:

Такъ на моихъ друзьяхъ щедрота просвѣтитъ.

Пребудеть скиптръ, мой жезлъ, неумолимъ для
злыхъ,

А осѣненіемъ смиренныхъ и благихъ.

Исполню я во всемъ законы Моисея

Въ сынахъ Вахидовыхъ, въ сынахъ и Асмонея:

За око, око я, за зубъ исторгну зубъ.

Внемли мнѣ, Антипатръ, завтра съ гласомъ
трубъ

Вели въ украшенномъ изящнѣй Соломона

Мной храмъ огонь возгнестъ, и жертвъ среди
амвона,

Да всесожженіемъ святая во святыхъ

Горѣ, какъ дымъ съ кадилъ, взойдетъ вздохъ
чувствъ моихъ

Къ Отцу моихъ отцовъ, ко Богу Авраама:

Сердечный жаръ Ему пріятнѣй еиміама.

Открой народу всѣхъ сокровищей корванъ,

Разсыпь предъ сонмъ вельможъ и золото ливанъ.

Но праздникъ, чтобъ сей былъ днемъ свѣтлымъ,
днемъ правдивымъ,

Вкругъ стѣнъ градскихъ воздвигнь кресты въ
позоръ кичливымъ,

Да распнутся на нихъ.—Главъ буйныхъ не тер-
плю.

Не пощажу и тѣхъ, которыхъ я люблю.

(Грозно взглянувъ на Маріамну,
уходитъ, а за нимъ и прочіе, кромѣ
Антипатра и Соверна.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Антипатръ и Совернъ.

СОВЕРНЪ.

Царь принялъ холодно привѣтствіе царицы,
И гнѣвно, отходя, къ ней обращалъ зѣницы.

АНТИПАТРЪ.

Услужники двора сквозь сердце могутъ зрѣть.
Улыбка, слово, взглядъ имъ царской — жизнь,
иль смерть.

Такъ, тонкій царедворъ, пловецъ въ морской
пучинѣ,
Близъ берега плыветъ, и волнъ плыветъ въ
срединѣ;

Умѣетъ парусомъ попутный вѣтръ ловить,
Путями разными до пристани дойтить.

Что мнѣ ты возвѣстишь о встрѣчѣ сей холод-
ной?

СОВЕРНЪ.

Какъ знать?

АНТИПАТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! скажи.

СОВЕРНЪ.

Въ душѣ сей честной, скромной,
Открыто все тебѣ. Увѣрить не могу;
А въ томъ, что знаю я, конечно, не солгу.
Единый изъ пѣвцовъ, искусѣйшій въ музы-
кѣ,
Пѣвалъ нерѣдко съ ней духовны пѣсни въ ли-
кѣ.

АНТИПАТРЪ.

И въ Римѣ былъ сей слухъ.—Но царь какъ отъ
тебя

Отчету спросить въ томъ, царицу столь любя,
Что скажешь ты тогда? Иль онъ внушенъ тобою?

СОВЕРНЪ.

Нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Не хочу жъ я быть сей спутанъ новизною;
А дѣлайте, что вамъ вашъ тонкій умъ велитъ;
Но вѣдай, ревностью гнѣвъ яростнѣй кипитъ.
О, дѣти бѣдныя! несчастна Маріамна!
Какъ душу васъ люблю; но ваша жизнь печальна.
Совернъ, брегись сихъ тучъ!

(Уходитъ.)

—
ЯВЛЕНІЕ V.

СОВЕРНЪ (одинъ.)

Что сдѣлалъ я? Напасть!
О, пагубна къ вѣстямъ и пересказамъ страсть!
Но если свѣдалъ царь вселенныя въ столицѣ,
Что я предатель былъ и тайнъ его царицѣ:
Куда сокроюсь я? Чья защититъ пріязнь?
Неизбѣжима мнѣ позорна, люта казнь! (Поду-
мавъ)
Но тонкимъ ли я быть вельможей не умѣю?
О, хитрость! я къ тебѣ днесь обратиться смѣю.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренніе чертеги царицы.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРІАМНА и Када.

МАРІАМНА.

Хоть радуется меня супружескій пріѣздъ,
Но грусть какая-то уныло сердце ѣсть.
Ужъ не еще ли что сплетаетъ Соломія?
Чего ждать отъ жены столь гордыя, столь злыя?
Когда власть царскую должна съ себя сложить:
На мнѣ уронъ вѣнца не думаетъ ли мстить?
Препнувъ съ царемъ мнѣ рѣчь изъ тайныя
досады,
Бросая на меня презрительные взгляды,
Дала мнѣ чувствовать всю ненависть свою:
А мой супругъ ласкалъ презорщицу мою!
Увы! что сдѣлалось?—Не вѣдаешь ли, Када,
Причины ты сему?

КАДА.

По общу слуху града,
До Юліи дошла отселѣ будто вѣсть,
Мрачащая твою предъ нею дружбу, честь.

МАРІАМНА.

Предъ Юлією честь мою?— Не понимаю.

КАДА.

Какой-то образъ твой въ даръ цезарю...

МАРІАМНА.

Не знаю!

КАДА.

И безъ супруга здѣсь въ забавахъ ты жила.

МАРІАМНА.

О! нестрашна сія ужъ для меня хула.

Отъ Соломіи баснь сія, знать, происходитъ.

КАДА.

Не менѣе она царя на гнѣвъ наводитъ.

МАРІАМНА.

Недивно, и легко сіе возможетъ быть:

Крутой, горячій нравъ нетрудно возмутить.

Ты знаешь Иродомъ владѣющія страсти:

Привязанъ женъ къ красѣ и блеску царской
власти,

Кипитъ и рвется въ немъ къ нимъ ревностію
духъ;

Наперсница сама и самый лучшій другъ

Противѣютъ ему, изъ сердца вонъ женутся,

Коль скоро слабостямъ симъ нѣжнымъ прикос-
нутся.

Опасенъ первый гнѣвъ.

КАДА.

Не разъ онъ гроба дверь

Невиннымъ отверзалъ.—И милъ тебѣ сей звѣрь?

МАРІАМНА.

Не сокрушай меня такимъ напоминаньемъ.

КАДА.

Нельзя и не мерзить гнуснѣйшимъ злодѣянствомъ.

МАРІАМНА.

Молчи! не намъ судить дѣянiя царей.

Ихъ участь связана съ блаженствомъ ихъ людей.

Пускай ихъ судить Богъ; а мы, благоговѣя,

Пороки, страсти ихъ оплачемъ сожалѣя.

Ты въ томъ свидѣтель мнѣ, я въ горестяхъ ка-
кихъ

Извѣстѣя лютыя сама печалей злыхъ,

Близъ гроба будучи, не разъ переносила,

Какъ смерть насильственна моихъ родныхъ ко-
сила:

Ирканъ, мой доброй дѣдъ, изъ Парѳовъ возвра-
тись,

Несчастно кончилъ вѣкъ, въ темницѣ глазъ ли-
шась;

Священнаго сего защита бывъ Солима,

Мой дядя, Антигонъ, позорно палъ средь Рима;

Мой братъ, Аристобулъ, цвѣтъ истый, образъ
мой,

Въ купальнѣ задушенъ подкупленной толпой;

О матери моеи, сама ты мнѣ сказала,

Что съ кровію свой духъ отъ яду изліяла.

Но что мнѣ исчислять бѣды минувшихъ лѣтъ,

Когда и днесъ.....

КАДА.

Ужель Совернъ новѣйшій вредъ

Какой тебѣ еще предвозвѣщаетъ нынѣ?

Въ смущеніи его я зрѣла наединѣ.

О тайнѣ, въ робости, какой-то онъ твердитъ.

МАРІАМНА.

А можетъ быть о томъ раскаявшись грустить,
Что имъ открыто мнѣ двукратное велѣнье
Царсво—умертвить меня здѣсь въ заточеньѣ,
Когда бы отъ него Римъ отнялъ царску власть,
Чтобъ мнѣ къ Антонію, иль къ Августу не
впасть.

КАДА.

Въ блестящій плѣнъ?—Страшась....

МАРІАМНА.

Се возблагодаренье
За дружбу, за любовь, за скиптра приношенье.
Какой же впредь судьбы должна себѣ я ждать?

(Плачетъ.)

КАДА.

Такъ что жъ ты думаешь теперь начать?

МАРІАМНА.

Страдать.

КАДА.

Иль средствъ ужъ нѣтъ спастись?

МАРІАМНА.

Ихъ тма, и предъ очами:
На тронѣ, на одрѣ тиранъ межъ палачами;
Но промыслъ Вышняго помазанныхъ блюдетъ,
И царство Онъ кому восхощетъ, тѣмъ даетъ;
Я волю чту Его, законамъ покоряюсь,
И на мою одну невинность полагаюсь.

КАДА.

Скажи ты лучше, что твоя слѣпая страсть
Ревнивцу надъ тобой даетъ такую власть.

МАРІАМНА.

Ахъ! можетъ быть и такъ, любезнѣйшая Када;
Но сердцу нѣжному какая бы отрада
На свѣтѣ быть могла безъ дружбы, безъ любви?
Я ей живу одной,—она въ моей крови.
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ къ великимъ даро-
ваньямъ
Супруга приучась, къ пріятностямъ, къ по-
знаньямъ,
Къ геройскимъ качествамъ, къ побѣдамъ, тор-
жествамъ,
Къ нему,—и страсть сію не предпочту ль стра-
стямъ
Я всѣмъ?—И ревность та, онъ въ гнѣвъ отъ
коей входитъ,
Не отъ любви ль ко мнѣ единой происходитъ?
И самый страшный мечъ, кровь милую что льетъ,
Намъ ненавистенъ ли, коль цѣлость царствъ
блюдетъ?
Благословлю я зло, творимое для правды.

КАДА.

Тиранствамъ Ирода ты дѣлаешь пощады,
И мнится мнѣ, сама участница ты золь.

МАРІАМНА.

Нѣтъ! гнусенъ кровію облитый мнѣ пре-
столь.
Рѣшилась: мѣдное царя я сердце трону,
Иль съ радостью пойду ко Авраамлю лону.
Се слава въ чемъ моя,—и мнѣ помощникъ Богъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРІАМНА, Совернъ, Александръ и Ари-
стобулъ, (изъ коихъ дѣти съ
плачемъ входятъ,
Када удаляется.)

АЛЕКСАНДРЪ.

Любезнѣйшая мать! оставя нашъ чертогъ,
Мы раздѣлить пришли съ тобою огорченье,
Что у родителя ты въ неблаговоленѣ.

АРИСТОБУЛЪ.

Не можемъ мы унять текущихъ слезъ изъ глазъ.

МАРІАМНА.

Не плачьте, милые, Богъ милостивъ до насъ.
Невинности страдать Онъ въ бѣдствѣ не оста-
витъ:
Надѣйтесь на Него, отъ всѣхъ Онъ золь изба-
витъ.

Но кто же вамъ внушилъ, что царь суровъ ко
мнѣ?

Напротивъ, благъ какъ былъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Молва по всей странѣ...

АРИСТОБУЛЪ.

Весь шепчетъ дворъ, весь градъ о той вѣщаетъ
правдѣ,

Что въ крайней на тебя родитель нашъ досадѣ.

МАРІАМНА.

Не вѣрьте. Слышу плескъ прибытію царя.

СОВЕРИЪ (указывая на дѣтей.)

Усердіемъ къ тебѣ и къ симъ птенцамъ горя,
Хощу тебѣ внушить я вѣсти небезважны.

(Въ сторону)

Замкну ей симъ уста—моей не вынести тайны.

МАРІАМНА.

Что хочешь ты сказать?

СОВЕРИЪ (въ полголоса.)

Хоть веселится чернь,
Но скоро радость ту затмитъ печали тѣнь.

Гласъ мудрыхъ книжниковъ не тако разсуждаетъ,
Какъ Иродъ говоритъ, какъ площадь подтвер-
ждаетъ:

Онъ проповѣдуетъ, что милости намъ льетъ;
Но милости ли то?—Послѣдній хлѣбъ беретъ.

Онъ разумомъ своимъ и мужествомъ кичится:
А наша кровь въ войнахъ не престаетъ стру-
иться.

Онъ возвѣщаетъ, что союзникъ съ нами Римъ:
Но купленъ сей союзъ не золотомъ чужимъ.

Онъ хвалится, что другъ Мемфійской былъ ца-
рицѣ:

Но не талантами ль съ Давыдовой гробницы?

Онъ благочестія примѣръ подать мнитъ намъ:

Но Богу онъ боговъ тогда исправилъ храмъ,
Какъ велѣпные воздвигъ ужъ обелиски

Автонью, Августу, и жертвенникъ пиѳійскій,
И Олимпійскихъ игръ возобновляя съѣздъ,

Вкругъ мраморомъ облекъ тмы градовъ чуждъ!
Дыхъ мѣстъ,

Театровъ, пристаней, бань, стогновъ, водоводовъ,
И съ кровью содранныхъ съ отечества доходовъ
Разсыпаль тмами тмы на роскоши дѣла,
Чтобъ лишь въ язычникахъ неслась о немъ хвала:
Боговъ, чудовищъ ихъ, внесъ даже въ домъ свой
нынѣ.

Ахъ! симъ ли славиться владыкой Палестинѣ?

МАРІАМНА.

Рабъ долженъ ли давать царю толь мрачный
видъ?

СОВЕРНЪ (возвыся голосъ и бѣя се-
бя въ грудь.)

Кровь Асмонѣева, усердые говоритъ!

МАРІАМНА.

Но кто же былъ щитомъ ея у Месаиды?
Чье мужество и чьи все прозорливы виды
Отъ плѣна насъ Парѣянъ блистательно спасли,
И самого тебя на санъ сей вознесли?
Неблагодарнѣйшій!

СОВЕРНЪ (съ жаромъ.)

Отечества подпора,
Сей самый санъ велить.

МАРІАМНА.

Отъ моего вмигъ взора
Исчезъ бы клеветникъ; но чту въ тебѣ мой родъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И КАДА.

КАДА.

Царь возвѣститъ велѣлъ къ царицѣ свой приходъ.

МАРІАМНА (къ дѣтямъ.)

Друзья, градскихъ забавъ подите зрѣть къ народу.

Оставьте мнѣ съ отцемъ поговорить свободу.

(Про себя)

О, если бы снискать опять его любовь!

СОВЕРНЪ (отходя съ дѣтьми въ сторону.)

Удержится теперь отъ откровенныхъ словъ.

(Совернъ, Александръ, Аристобуль и Када уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИРОДЪ И МАРІАМНА.

ИРОДЪ (встрѣчаясь съ Соверномъ, указываетъ на комнату.)

Останься здѣсь, Совернъ.

(Оборотясь къ Маріамнѣ)

Не скорбь ли ужъ какая?

Что такъ ты смущена, супруга дорогая?

МАРІАМНА.

Нѣтъ.

ИРОДЪ.

Что жъ?

МАРІАМНА.

Тринадцать лѣтъ, дражайшій мой супругъ,
Какъ страстнымъ пламенемъ къ тебѣ возженъ
мой духъ;

Тринадцать лѣтъ, какъ я съ тобою сопряжена;
И всякій часъ тобой, какъ въ первый разъ, плѣ-
ненна.

Но что мнѣ изъяснять любви сей давность лѣтъ?
Не съ самыхъ ли тѣхъ поръ, какъ я познала
свѣтъ,

Какъ изъ пеленъ моихъ во цвѣтѣ дѣвъ явилась,
Въ супруги я тебѣ судьбы опредѣлилась?

Такъ, вѣрь ты, вѣрь сему: едва я стала жить,

Ужъ мнѣ назначено судьбой тебя любить;

Лишь чувства нѣжныя во мнѣ скрываться стали,

Желанія мои лишь счастья взалкали;

Ужъ нѣкій тайный гласъ въ груди моей вѣщаль,

Любовникомъ тебя, супругомъ называлъ.

Не знала я тебя, но я тебя искала;

Не зрѣла я тебя, но зрѣть тебя желала.

Вообразя красы вселенныя мечтой,

Средь дня подъ тѣною древъ, средь ночи подъ
луной,

Въ чертогахъ, во садахъ, гдѣ воды съ горъ ка-
тятся,

Съ Авессаломомъ духъ летѣлъ мой повстрѣ-
чаться,

Вирсавію ему, Сусанну чтобъ явить

И взоръ твой на меня незапно обратить.

Ахъ! такъ, средь пышности и роскоши азійской,

Египетскихъ искусствъ и нѣги ассирійской,

Въ толпѣ блистающей поклонниковъ отца,
Гдѣ въ плѣнъ брала князей, вождей влекла
сердца,
И цѣпь безчувствіемъ я на царей метала,
Тебя мнѣ одного судьба не представляла;
Не доставало мнѣ лишь въ сердцѣ искры той,
Которая бѣ весь духъ воспламенила мой,
Ни чьи достоинства, къ прельщенію удобны,
Съ предметомъ мысленнымъ мнѣ не казались
сходны:
Но ты предсталъ лишь мнѣ,—и се, какъ нѣкій
Богъ,
Единымъ взглядомъ мнѣ всѣ чувства возжогъ;
Супруга моего, котораго искала,
Въ рѣчахъ твоихъ, въ чертахъ, въ поступкахъ
я узнала,
И сердце трепетомъ вѣщало мнѣ: се онъ!
Не воспротивился ни санъ, ни родъ, ни тронъ,
Ни власть родителей всесильной сей судьбинѣ,
Ты руку взялъ мою,—она твоя понынѣ.
О, какъ я счастлива!

И Р О Д Ѣ (умягченно.)

И я счастливъ тобой.....

МАРІАМНА.

Я мыслю, всѣмъ женамъ завиденъ жребій мой.
Мнѣ кажется, глядитъ вся на меня вселенна,
Что вознеслась я такъ, что такъ тобой бла-
женна!
Въ улыбкѣ, въ радости, въ восторгѣ внѣ себя,
Не насыщая смотрѣньемъ на тебя,

Мечтаю иногда противъ тебя сѣдяща
И взоръ мой на тебя и душу всю стремяща,
Что если бѣ не было положено судьбой
Быть сопряженною на вѣчность мнѣ съ тобой,
Чело бы я твое вѣнцомъ не увѣнчала,
Порфиною моею раменъ не украшала,
И ты на низкой бы степени исчезалъ,
Но личнымъ только бы достоинствомъ бли-
сталъ;

А я бы, зная тебя, твой умъ и сердце знала,
Но страстью не къ тебѣ, къ другому воспы-
лала:

Какихъ бы благъ тогда лишила я себя,
Вообразя, что я живу не для тебя!
Презрѣнною себѣ самой бы я казалась,
Что именемъ твоимъ гордиться отказалась.
Но ты теперь мой царь, мой купно и супругъ,
И все что мило мнѣ, и все что свято вдругъ.
О! соберитесь всѣхъ красотъ лучи блестящи,
Какъ солнце на моряхъ зари золотогорящи,
Но вы предъ мной ничто; а титуло мнѣ, вѣнецъ,
Что ты любовникъ мой, другъ, царь, супругъ,
отецъ....

ПРОДЪ.

О! какъ возносишь ты меня теперь хвалами;
Но обливаешься и горькими слезами.
Ласкаешь и крушишь, — что сдѣлалось тебѣ?
Скажи!

МАРІАМНА (бросаясь къ нему на шею, съ плачемъ.)

Ахъ! возврати меня, мой другъ, себѣ.

ПРОДЪ (обнимая.)

Я, Маріамна, твой! Тебя я лобызаю.

(Цалуетъ.)

Твой! Если ты моя?

МАРІАМНА.

Увы! не довѣряю.

ПРОДЪ.

Откройся, изъяснись.

МАРІАМНА.

Зачѣмъ, ахъ! мнѣ твой взоръ
Въ собраньи днесъ явилъ холодность и презоръ!
Симъ самымъ я тебя ужъ мню быть отлученна.

ПРОДЪ.

Да не мрачитъ тебя такая мысль смущенна,
Когда не изгнанъ я изъ сердца твоего.

МАРІАМНА.

Тебя изъ существа исторгнуть моего,
Которымъ я живу, которымъ я сгараю,
Кто бъ могъ, того себѣ вообразить не знаю.

ПРОДЪ.

Такъ прежняго себѣ могу блаженства ждать?

МАРІАМНА.

Ахъ! нужно ли сіе вновь клятвой подтверж-
дать,
Когда я грудь твою слезами печатлѣю.

ПРОДЪ (обнимая нѣжно.)

Спокойся,—я уже сомнѣнья не имѣю.

МАРІАМНА.

Небесна ангеловъ румяна радость какъ
У Сарры и Агарь осіявала зракъ,
Такъ, нѣжный мой супругъ, тобой я восхи-
щенна;
Днесъ по разлукѣ злой счастлива и блаженна!

ПРОДЪ.

Въ Итали, въ Греціи, въ Ибери красныхъ
женъ
Я пренебрегъ любовь, всегда нося твой плѣнь,
И отъ владыкъ земныхъ столь сильнаго народу
Лишь вольность получилъ, то сердце и свободу
Къ тебѣ опять принесъ.

МАРІАМНА.

По прежнему любить?

ПРОДЪ.

Что жъ можетъ сладостнѣй сего союза быть?

МАРІАМНА.

Но въ блескѣ солнечномъ не видны ль черны
пятны?

ПРОДЪ (въ смущеніи.)

Какой вопросъ?—Есть. Нѣтъ, они невѣроятны.
Ахъ! что ты чрезъ сіе мнѣ мыслила сказать?
Или по нѣжностямъ чѣмъ хочешь упрекать?
Я признаюсь тебѣ, что въ Римѣ слухи злые
Едва не прервали тѣ цѣпи золотыя,
Которы вяжутъ насъ. Я мнилъ, ты невѣрна,
И лютыхъ мукъ съ тѣхъ поръ душа моя полна.

МАРІАМНА.

Какъ быть то возмогло? — Ужель ты не стыдился

Подозрѣвать меня къ кому, и омрачился
До крайности такой? Ахъ! надъ собой коль далъ
Поверхность царь рабу, — раба онъ ниже сталъ.
Но я до низости сойти сей неспособна;
Супруга я царю и — я царю подобна.

ПРОДЪ.

Такъ благородно ты союзъ и честь храня,
Стыдишь твоимъ умомъ и чувствами меня.
Я виненъ предъ тобой.

(Цалуетъ руку.)

МАРІАМНА.

Передо мной? — Ахъ, нѣтъ!

Кто любитъ, тотъ обидъ на сердце не беретъ.
Я даже въ томъ тебя, мой другъ, не упрекаю,
Ва чемъ оправданья нѣтъ. Молчу и забываю.

ПРОДЪ (съ замѣшательствомъ въ сторону.)

Такъ тайна, знать, моя уже извѣстна ей!

(Оправясь бросается на колѣна,
держа ее за руку.)

Не вѣрь ты никому, а вѣрь любви моей.

МАРІАМНА (поднимая его.)

Ахъ! можно ль на твоихъ словахъ не увѣряться?
Супругъ возлюбленный!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И СОЛОМІЯ.

(Съ стремительнымъ бѣшенствомъ.)

СОЛОМІЯ.

Царю такъ унижаться!

Не стыдно ль, государь, что властелинъ изъ
стѣнъ

Пріѣхавъ Рима днесъ, женѣ повергся въ плѣнъ?

Давно Совернъ тамъ ждетъ и прочи власти цар-
ства.

Ты все забылъ!

ИРОДЪ (въ неудовольствіи.)

Вели войти.

СОЛОМІЯ (съ злобною усмѣшкою
взглянувъ на Маріамну.)

Иль есть препятства?

ИРОДЪ (къ Маріамнѣ съ нѣжностію.)

Оставь меня теперь.

МАРІАМНА (обнимаясь съ Иродомъ.)

Взаимная любовь

Хранитель ангелъ нашъ да будетъ мой покровъ.

(Проходя мимо Соломін, въ сторону.)

Ехидна такъ въ цвѣтахъ бываетъ ухищренна.

ИРОДЪ (Соломін.)

Изъидь, сестра, и ты.

СОЛОМІЯ (уходи съ досадою, пре
себя.)

Пожри васъ всѣхъ геенна!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Иродъ и Совернъ.

ИРОДЪ (съ злобою.)

Измѣнникъ царскихъ тайнъ, рабъ гнусный, низ-
кій льстецъ,

Какъ ты осмѣлился отравой быть сердецъ
Супруговъ, нѣжною толь страстью сопряжен-
ныхъ,

И сталъ предатель думъ, тебѣ мной порученныхъ?
Вѣщай и трепещи!

(Замахиваясь кинжаломъ.)

СОВЕРНЪ (открывая грудь съ твердо-
стію.)

Пронзай, о, государь!
Но прежде выслушай твою послѣднюю тварь.

ИРОДЪ.

Что скажешь, не внушилъ моей глубокой тайны
Ты вѣроломностью во уши Маріамны?

СОВЕРНЪ (упадши на колѣна.)

Я думалъ, нѣтъ вины.

ИРОДЪ.

Какъ, нѣтъ?

СОВЕРНЪ.

Чтобъ спасти тебя,
Ласкательно во всемъ я ей открылъ себя,
Дабы чрезъ то извлечь взаимну откровенность.
Сездѣсь прочти.—И зри ея къ себѣ ты вѣрность.

(Подаетъ изъ-за пазухи хартію.)

ИРОДЪ (читаетъ.)

«Я въ царску ложницу введу.» (Съ злобою) Когда? кого?

СОВЕРНЪ (прерывчиво съ трепетомъ.)
Пѣвца, — въ отсутствіе твое

ИРОДЪ (посмотря, бросаетъ хартію съ бѣшенствомъ.)

Что злѣй сего?

Царицына рука! О, стыдъ! о, Маріамна!
Скорпіи можетъ ли болѣзненнѣй быть рана?
Бывалъ ли молніей такъ холмъ свирѣпо сженъ,
Какъ лютой я твоей измѣной пораженъ?

(Отворя дверь.)

Намѣстникъ, Антипатръ! скорѣй войди сюды.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Антипатръ.

(Съ ужасомъ вбѣгаетъ.)

АНТИПАТРЪ.

Какія, государь! грозятъ тебѣ бѣды?

ИРОДЪ.

Ужаснѣй для меня быть можно ль приключенью!

(Указываетъ на хартію.)

Внявъ, сынъ, родительску жестоку оскорбленью,
Скорѣе поспѣши мою обиду мстить,
Лютѣйшей смертію преступника казнить.

(Поднимая, хартію, Антипатръ и Совернъ уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Иродъ (Одинъ.)

Се, сколько рѣчь ея обманчива и злобна,
Что къ низостямъ она постыднымъ неспособна!
Се изъ прекрасныхъ устъ какъ сладкій капаль
ядъ,
Что не примѣтенъ былъ ея мнѣ и развратъ!
Кого же предпочла она мнѣ вѣроломно.
Что и судить того съ собою мнѣ позорно,
Но въ чемъ же виненъ онъ, коль завлеченъ же-
ной?
Ахъ! гдѣ и кто бывалъ не пораженъ красой?
Кто въ случаѣ такомъ не преступалъ границы?
Нѣтъ! мысль злодѣйство ужъ — о прелестяхъ
царицы!
Да совершится казнь, и я узрю потомъ,
Какой и на кого еще мнѣ бросить громъ.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Садъ царскій съ изображеніемъ сфинксовъ, крокодиловъ, львовъ и прочихъ животныхъ, между которыми нѣсколько кумировъ боговъ языческихъ; изъ первыхъ быють водоскаты и водометы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломія и Антипатръ.

АНТИПАТРЪ.

Сейчасъ отъ цезаря съ безвѣстнымъ повелѣн-
емъ

Къ намъ прибылъ Архелай и съ крайнимъ по-
спѣшеніемъ.

СОЛОМІЯ.

Что бѣ значило сіе? Не къ нашимъ ли бѣдамъ?

АНТИПАТРЪ.

Намъ нужно мѣры взять приличны временамъ.

СОЛОМІЯ (подумавъ).

Безбѣденъ скрытъ ударъ, стороннею рукою.....

АНТИПАТРЪ.

Правдиво; то не кознь, кто дѣйствуетъ собою.

СОЛОМІЯ.

Втай должно пагубу царицѣ нанести.

АНТИПАТРЪ.

Чтобы самимъ спастись.

СОЛОМІЯ.

Пусть скажетъ лишь прости;
Мечтая быть къ себѣ супруга страстна, нѣжна,
И съ словомъ симъ однимъ ей смерть ужъ неиз-
бѣжна.

АНТИПАТРЪ.

Я слышу пѣніе.

(Слышится вдали нижеслѣдующій хоръ.)

СОЛОМІЯ.

Къ прохладѣ, знать, идутъ
Царица въ садъ, иль царь. Иди, свершай свой
трудъ.

(Удаляются за деревья въ разныя стороны; но Антипатръ остановясь смотритъ вслѣдъ Соломин.)

АНТИПАТРЪ.

Такъ мною занята, что и глядитъ толь страстно;
Иль матерья любовь?—Нѣтъ! мщенье то ужас-
но

Къ враждебной ей красѣ, котору зря горю.

(Смотря на входящую Маріамну.)

На что жъ рѣшусь? Взять скиптръ — обѣихъ
покорю.

(Скрывается.)

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРІАМНА И КАДА.

Хоръ.

Цвѣты, благоухайте;
Древа, несите плодъ;
Зефиры, повѣвайте;
Блѣстя шуми, скадъ водъ:
Се идетъ голубица,
Прекрасная царица,
Любовію горя
Въ объятія царя.
Да въ виноградъ свой внидетъ
Желанный ею царь,
Лобзанія пріиметъ,
Какъ отъ весеннихъ зарь
Дыханье ароматно.
Да склабятся пріятно,
Какъ съ сладкаго сота
Червленныя уста.

МАРІАМНА.

Уныло пѣніе душѣ моей природно.
Музыка тихая льетъ сладость въ сердце томно.
Въ спокойствіи себя подобномъ вижу я,
Какъ токъ, по бурѣ, спитъ при гласѣ соловья.
Я примирилася. Тоска духъ не тревожитъ.
Супружняя любовь вездѣ мнѣ радость множитъ.

КАДА.

Желаю зрѣть тебя въ блаженствѣ я такомъ,
Когда возможно то при нравѣ толь крутомъ
Супруга и царя.

МАРІАМНА.

Сколь пылокъ онъ, столь нѣженъ;
Въ минуту строгъ и благъ, онъ и врагамъ при-
бѣженъ.

КАДА.

Нравъ сносенъ можетъ быть сей у простыхъ лю-
дей.

Но мысль и дѣйства вдругъ суть часто злы царей;
А паче вокругъ кого совѣтники такіе,
Какъ злѣйшая змѣя, коварна Соломія;
Погрязнувъ, кажется, со Антипатромъ въ страсть,
Пронырствуетъ, себѣ присвоивая власть.
Не тщетно въ ночь сію мнѣ зрѣлся сонъ ужас-
ный:

Что будто съ нимъ она цвѣты тебѣ прекрасны
Разсыпавъ подъ стопы, кровавою рукой
На Ирода хитонъ надѣла золотой,
Въ раздранной бывъ сама одеждѣ, гнусной, чер-
ной,
И будто градъ течетъ къ царю волной смятен-
ной,
А онъ къ нему съ лицомъ смѣющимся идетъ.

МАРІАМНА.

Какъ суевѣрна ты!—Счастливъ владѣтель тотъ,
Котораго толпа народа окружаетъ.

КАДА.

Напротивъ, страшный сонъ меня сей наклоняетъ
Къ предчувствамъ нѣкакимъ печальнѣйшимъ и
злымъ.

И се ужъ къ намъ бѣгутъ.

МАРІАМНА.

Се знакъ: нашъ царь любимъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ.

(Выбѣгая изъ толпы народа, остановившагося за воротами сада.)

АЛЕКСАНДРЪ (трепеща).

О, ужасъ! о, позоръ!

АРИСТОБУЛЪ (тоже).

О, злѣйшее свирѣпство!

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ (оба вдругъ).

Любезнѣйшая мать!

МАРІАМНА (обнимая ихъ).

Что сдѣлалось?—Иль бѣдство
Какое вамъ грозитъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Пѣвецъ, изящный тотъ,
Въ чертогахъ у тебя не рѣдко что поетъ.....

АРИСТОБУЛЪ.

На древѣ пригвожденъ, по волѣ царской власти,
И тмою острыхъ стрѣлъ разсѣченъ въ мелкие
части;

Жизнь съ сердцемъ у него изъ груди извлекли.
Слова и на тебя позорныя рекли.

КАДА.

Какъ?

МАРІАМНА.

Кто?

АЛЕКСАНДРЪ.

Злой Антипатръ

МАРІАМНА.

Онъ?

АРИСТОБУЛЪ.

Такъ звѣроподобно!

МАРІАМНА.

Невинность погубить столь люто, столь безбожно!....

Чудовище! Но какъ случится то могло?
Спокоенъ Иродъ былъ. Но гдѣ же не могло
Коварство съ клеветой къ своей достигнуть метѣ?
О, добродѣтель! какъ страдаешь ты на свѣтѣ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Убійца жертву самъ при казни сожалѣлъ.

АРИСТОБУЛЪ.

И намъ являлъ, что спасти съ тобой и насъ
хотѣлъ.

МАРІАМНА.

А вы враждебныя, таинственны такія
Внушенія внимать осмѣлилися злыя
Противъ державнаго родителя, царя
И матери своей?

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ съ братомъ говоря.....

МАРІАМНА.

Такъ, Антипатръ вамъ братъ; но.....

АЛЕКСАНДРЪ.

Дружбы зримъ въ немъ пламень.

МАРІАМНА.

Коварный, хитрый другъ—подводный, скрытый
камень.

Какой онъ можетъ вамъ благой подать совѣтъ,
А развѣ въ сѣть свою какую васъ ведетъ.

На вашъ престолъ его вся цѣль и ухищренья.

О, дѣти юныя! страшитесь наущенья

Противъ родителей, кто бъ что ни говорилъ.

КАДА (въ сторону.)

Не неусерденъ, мню, рассказъ Соверновъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Иродъ и Архелай.

(Послѣдній при входѣ въ садъ увидя
Маріамну, возвращается; дѣти и
Када удаляются.)

ИРОДЪ (оглянувшись на Архелая.)

Вамъ, Архелай, дастъ знать часъ Антипатръ съ
Соверномъ.....

(Подходя къ Маріамнѣ.)

О уваженіи Октавія отмѣннымъ,
Я мню, ты слышала?

МАРІАМНА.

Благодарю за честь.

ИРОДЪ.

И для меня сія весьма пріятна вѣсть.

Но на лицѣ твоёмъ печаль я обрѣтаю,

И вмѣсто радости, зрю грусть,—не понимаю,
Тревожусь безъ причинъ, тебя смущенну зря.
Не ужто смерть пѣвца?

МАРІАМНА.

Жизнь, смерть,—въ рукѣ царя.
Поставленъ укрощать народа онъ строптивость.
Но, Иродъ! если царь творитъ несправедливость,
Есть надъ царями Царь, сей Царь царей есть
Богъ,
Котораго перунъ крушитъ гордынь ихъ рогъ.
О! если Онъ бросать его на насъ возстанетъ,
За слезы и за кровь Юдеи не достанетъ.
Ахъ, трепещи, мой другъ, прогнѣвать ты Его!

ИРОДЪ.

Какія бы сего укора твоего
Причины важныя мнѣ были, Маріамна?
Ничтожна рабища кровь казнью проліянна
Не стоитъ словъ твоихъ.

МАРІАМНА.

Иль рабъ не человѣкъ?
О, мой любезнѣйшій! еще ль твой славный вѣкъ
Ты тмить не престаешь такимъ поспѣшнымъ
гнѣвомъ?
Еще ли мало былъ за то разимъ ты Небомъ?
Не смѣю защищать; но смѣю говорить:
Царь долженъ миловать; законъ судя казнить.

ИРОДЪ.

Я думалъ, кротостью покрыта наша ссора;
Но ты еще винишь, зачѣмъ безъ приговора

Казненъ мой дерзкій врагъ. Такъ знай: цѣленье
ранъ
Владыкъ принадлежитъ къ числу глубокихъ
тайнъ.

Открытое суда въ семъ случаѣ рѣшенье
Монаршу было бы величью униженье.
Симъ все тебѣ сказалъ, безмолвствуй, понимай,—
И трепещи меня.....

МАРІАМНА.

Когда винна, карай!
Но прежде объяви мое ты преступленье.

ПРОДЪ.

Не обличенна ль ты во царскомъ оскорбленѣ?
Пѣвецъ былъ не вводимъ во ложницу мою?
Сейчасъ велю терзать измѣнницу свою.
Возьми, прочти свою сама ты здѣсь невѣрность,
И казни жди своей. (*Бросаетъ хартію.*)

МАРІАМНА (поднявъ и прочтя равнодушно.)

Какая легковѣрность!

Не Соломона ль пѣснь прибрачная сія,
Которою, твоей невѣстою бывъ я,
Своею для тебя рукой переписала,
И предъ тобой не разъ въ любви своей пѣвала,
Какъ нѣжна горлица съ высотъ во знойный день
Сзываетъ горлика къ себѣ древесъ подъ тѣнь,
Я пѣла пѣснь сію съ тобою и въ разлукѣ
Въ моей тебя всегда воображая сукѣ,
И повторялъ ее подъ арфой часто мнѣ
Пѣвецъ тотъ въ ликѣ дѣвъ. Сіе ли днесъ къ винѣ

Моей передъ тобой причислить ты желаешь,
И безпорочну жизнь въ порочную вмѣняешь?

И Р О Д Ъ (съ удивленіемъ.)

Ты права, можетъ быть. Однако жъ общій
слухъ

Мнѣ вѣроятностью колеблетъ сильно духъ.
Почто бы и сію знать безъ меня забаву
И въ сердце мнѣ вливать толь страшную отраву?
О, Маріамна! мнѣ колико ты мила,
Измѣнницею бы несноснѣе была.
Красы и прелести, безцѣнны сердца узы,
Перемѣнились бы въ страшилища Медузы.

МАРІАМНА.

Льстецы малѣйшихъ чувствъ въ насъ склонно-
сти блюдутъ.

Какихъ они цѣпей твердѣйшихъ не прервутъ?

И Р О Д Ъ.

На что жъ и подавать пронырствамъ ихъ при-
чины

И двигать тайныя души моей пружины?
Ты знаешь, я ревнивъ.

МАРІАМНА.

О, нѣжный мой супругъ!
Прійди, облобызай, сладчайшій сердца другъ!
Открытое твоё признаніе такое
Мнѣ счастьемъ творитъ несчастье даже злое.
Что дѣлать, коль сія тобой владѣетъ страсть!
Но, ахъ, любящихся и въ ней завидна часть!
Не бурѣ коль она, а вѣтерку подобно,

Животворя огонь, не задушаетъ злобно
Въ сгарающихъ сердцахъ.

ПРОДЪ (нѣжно).

Такъ любишь ты меня?

МАРІАМНА.

Дай руку и коснись ей въ сердцѣ семъ огня;
Измѣрь вздыханія, исчисль его біенье,
И, нѣжныхъ чувствъ моихъ вообрази волненье,
Познай, что нѣтъ сильнѣй моей къ тебѣ любви.

ПРОДЪ.

Ты весь мятешь мой умъ, жизнь гасишь во крови.
Не знаю что начать; борюся я съ собою.
Виновна ты. Ахъ, нѣтъ!—я виненъ предъ тобою.
Простишь ли ты меня, коль буду я просить,
Или презрѣніемъ захочешь отомстить?
Рѣши мою судьбу.

(Бросается на шею и обнимаетъ ее со слезами.)

МАРІАМНА.

Желаніе прощенья

Отъ горькихъ слезъ меня возноситъ въ восхи-
щенья.

Природа вокругъ меня беретъ едемскій видъ,
Пресвѣтлый ангелъ мнѣ въ супругъ пред-
стоитъ.

Безсмертными его плѣненна красотами,
Дышу блаженствомъ я, ношуся небесами!
Не будь лишь ты таковъ, какъ передъ симъ
мнѣ рекъ,
Что недостойнъ быть судимымъ человѣкъ,

Подозрѣваемый царя во оскорбленьѣ.
Нѣтъ, другъ мой! гордое такое изрѣченье,
Презрѣнье Высшему, что ты Его судомъ
Не уважая, мнишь собою быть царемъ.
Повѣрь, что сила всѣхъ владыкъ, вельможъ ко-
варства,
Надежда на себя—не берегаютъ царства,
Когда Всевышняя Рука ихъ не хранитъ.

ПРОДЪ.

Святая истина твоя меня разитъ.
Отнынѣ никого не огорчу я гнѣвомъ.

МАРІАМНА (увидя идущаго Анти-
патра.)

Да утвердишься въ томъ ты милосерднымъ Не-
бомъ!

Да будетъ за меня порукою оно,
И непорочность лишь свидѣтельство одно!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРОДЪ (одинъ, не видя Антипат-
ра, стороною вышедшаго.)

Что можетъ говорить святѣе добродѣтель?
Ея невинности я самъ теперь свидѣтель.
Но сердце царское подобно той метѣ,
Блестящей въ очи всѣмъ на горней высотѣ,
Котору тучи стрѣлъ отвсюду поражаютъ:
Такъ доблесть и моей супруги помрачаютъ.
(Оглядывается.)

Какъ, Антипатръ, ты здѣсь.

АНТИПАТРЪ.

Лишь ляжетъ солнце въ понтъ,—
Предстанетъ Архелай.

ИРОДЪ.

Мое на горизонтъ
Взошло ужъ изъ-за тучъ. — О, сынъ, остере-
гайся

И на молву людей отнюдъ не полагайся!
Мнѣ Маріамнина невинность такъ видна,
Какъ на небѣ въ нощи блистающа луна.

АНТИПАТРЪ.

Царь рекъ....

ИРОДЪ.

То истина, и вѣрь.

АНТИПАТРЪ.

Благоговѣю.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ЮДА.

(Держащій въ одной рукѣ
кубокъ, а въ другой мѣшокъ
со златомъ, вышелъ вдругъ
изъ лѣсу, упадаетъ на ко-
лѣна.)

ЮДА.

Живъ Юды Богъ! живъ царь! Ихъ рабъ, пред-
ставитъ смѣю:
Здѣсь злато, а здѣсь ядъ.—Царицыны они,
Чтобы пресѣчь твои ей ненавистны дни.

И Р О Д Ъ.

На жизнь мою тебѣ прислала Маріамна?
Вострепещи, злодѣй!—Ложь, кознь то несканда-
на!

Ю Д А.

Всевышній сердце зритъ!

И Р О Д Ъ (съ ужасомъ отступаетъ.)

Ужели такъ сія
Сирена, сладостный свой гласъ въ мой слухъ лія,
Въ ласкательствахъ своихъ была преухищренна,
Что не проникъ я ихъ? О, хитрость безпри-
мѣрна!

Скорѣе, Антипатръ, сіе мнѣ испытай.
Или теперь тутъ адъ, гдѣ зрѣлъ сей часъ я рай?
Какъ бѣденъ, жалокъ царь въ злодѣйскомъ
здѣшнемъ мірѣ!

Вьютъ гнѣзда у него скорпіи, и въ порфирѣ
Вблизи они, вдали, вездѣ расположены,
Ползутъ, льютъ ядъ. — Ахъ! что лукавой злѣй-
жены?

(Къ Антипатру.)

Иди, пускай весь градъ умретъ во истязаньѣ!

(Антипатръ съ Юдою хотятъ уйти.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СОЛОМІЯ.

(Съ поспѣшностію изъ-за деревьевъ
выбѣгаетъ.)

СОЛОМІЯ.

Твое ль, любезный братъ, толь страшно восклицанье

Я слышала, древесъ сидя въ тѣни густой?

Что сдѣлалось тебѣ? Ахъ! что? вѣщай!

ПРОДЪ (Юдѣ.)

Постой!

Скажи ты ей, отколь, кому и что въ прохладу
Въ семъ кубкѣ приносилъ?....

ЮДА.

Отъ Маріамны яду.
Когда возжаждетъ царь, велѣла мнѣ подать.

СОЛОМІЯ.

О, демонъ злой въ лучахъ! Прости, что такъ
назвать

Супругу я твою, любезный братъ, посмѣла.

Союзъ вашъ святъ; но тѣмъ сказать лишь я хотѣла,

Что ты дороже мнѣ.

ПРОДЪ.

Погибъ весь разумъ мой!

Кто бы повѣрить могъ, что василискъ въ ней
злой?

На чью привязанность и вѣрность полагаться,

Коль должно женъ своихъ мужьямъ остере-
гаться?

О, я несчастнѣйшій! тяжка судьба моя!

(Облакачивается на статую.)

СОЛОМІЯ.

Хвала Всевышнему, спаслася жизнь твоя!
Хоть я оправдывать не смѣю Маріамну,
Но злобу такову отнести къ ней несказанну
Поистиннѣ сомнюсь.— Почтенна и славна
По мужъ лишь жена. Прахъ безъ тебя она.

ИРОДЪ.

Супруга своего измѣнница, убійца!

СОЛОМІЯ.

Не можетъ быть она свирѣпая столь львица.
Поколебаться ей лишь развѣ можно тѣмъ,
Въ благоволеніи коль цезарь бы своимъ
Ей на защиту знакъ явилъ своей десницы.

(Въ полголоса.)

Видъ нѣкій есть тому.....

ИРОДЪ (въ смятеніи.)

Какъ?

СОЛОМІЯ.

Всадники, возницы

Готовы тамъ, и чернь вокругъ собралась туда.
Мнѣ страненъ сталъ сей скопъ; а здравіе всегда
Какъ брата и царя всего мнѣ есть милѣя:
То я сквозь вѣтви древъ, въ виду тебя имѣя,
Все примѣчала здѣсь.

ИРОДЪ (въ смятеніи Антипатру.)

Не ковъ ли ужъ какой
Ты слышишь, Антипатръ, противъ меня то злой?

СОЛОМІЯ.

На возмутителей народнаго спокойства
Давно бы, государь, не кроткія ты свойства,
Но правосудіе и строгость обратилъ.

ИРОДЪ (ободрясь.)

Сотру главы ехиднъ, лишь только бъ ихъ от-
крылъ.

АНТИПАТРЪ.

Коль есть гдѣ заговоръ, то вождь я въ немъ
верховный.

О! нѣтъ, родитель мой! Твой стражъ есть сынъ
твой кровный;

Предъ симъ хотя понесъ я твой упрекъ и гнѣвъ,
Но не воздремлетъ сей тебя хранящій левъ.

Изслѣдую я все и пріиму всѣ мѣры.

Коль есть гдѣ скопища, найду и средь пещеры;

А чтобъ они никакъ укрытся не могли,

Вручи мнѣ только власть и маніемъ вели.

ИРОДЪ.

Се длань моя тебѣ; иди, твори что́ должно;

Но дѣломъ не считай, что́ по себѣ ничтожно;

А впрочемъ не смотри на возрастъ, санъ и полъ,

Имѣя лишь въ виду меня и мой престолъ.

Преслѣдуй всѣхъ, ищи и въ сендаринъ подъ
стражу

Въ оковахъ привлеку. Я тамъ рѣшу, уважу,
Какъ самодержецъ, всѣхъ самъ лица и вины.

(Антипатръ и Юда уходятъ.)

—
ЯВЛЕНІЕ VIII.

Иродъ и Соломія.

СОЛОМІЯ.

Ужель сей точно бунтъ есть ковъ твоей жены?
О, государь и братъ! брегись въ минуту злую,
Будь Идумеянинъ!

(Плачетъ.)

ИРОДЪ.

О, небо!

(Въ смущеніи уходитъ.)

СОЛОМІЯ (съ злобною радостію
поглядѣвъ въ слѣдъ
его, къ зрителямъ.)

Торжествую!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Письмохранилище царское (кабинетъ); столъ, на которомъ множество папировъ въ свиткахъ и просто разметанныхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРОДЪ (одинъ ходя въ задумчивости.)

Не утвержденъ ли я теперь сestroю въ томъ,
Что мнѣ готовится женою скрытый громъ?
Какъ я ни думаю, какъ я ни разсуждаю,
А Маріамну все виновной обрѣтаю.
Положимъ, что пѣвецъ и не былъ ей прельщенъ;
Но вмѣсто быть его не могъ ли самъ Совернъ?
И съ тѣмъ внушилъ мою онъ тайну ей верхов-
ну,
Чтобъ симъ предательствомъ войти къ ней въ
связь любовну;
Но чтобъ сокрыть ему преступну страсть сію,
Вину онъ на пѣвца возвергъ и месть мою.
А чтобъ не вышла въ свѣтъ, то къ общу избав-
ленью,
Чрезъ виночерпія прибѣгли къ отравленью.
Да и царицѣ толь отличнѣйшая честь
Къ письмѣ отъ цезаря, за чѣмъ? Тутъ скрыта
лесть;
Конечно, и лица ея изображенье

Затѣмъ въ Римъ послано въ богатомъ укра-
шеньѣ,

И словомъ, вмѣстѣ все какъ то соображу,

Отъ Соломіи что я слышалъ, нахожу.

Въ смущеніи себя различномъ, непонятномъ,

Въ честолюбивомъ столь и съ подлостью разврат-
номъ

Народъ, Римъ каковъ, чего не можетъ быть?

Когда онъ ни во что супружній ставя стыдъ,

Для сластолюбія владыкъ роскошной власти

Въ сенатъ женъ своихъ опредѣлялъ для страсти:

То не пріѣхалъ ли и Архелай за тѣмъ,

Чтобъ Маріамнѣ быть ко Августу вождемъ?

Ахъ, въ лабиринтѣ я коварствъ и козней тем-
номъ,

Подобенъ страннику въ распутіи подземномъ,

Который предъ собой звѣрей зреть всюды зевъ;

Подземный ржущій огонь, со облакъ грома ревъ,

Бурь страшныхъ со сторонъ внимаетъ завыва-
ванье,

Распростирающихъ смертельно замерзанье;

И онъ какъ каменный, въ тмѣ стоя, смерти
ждетъ:

• Се образъ чувствъ моихъ и вкругъ грозящихъ
бѣдъ!

Причина жъ кто сему!—измѣнница коварна!

Сирена лютая! жена неблагодарна!....

Но я рѣшусь, пождемъ что скажетъ Архелай,

Что Юда подтвердитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Иродъ и Архелай.

А Р Х Е Л А Й .

Монархъ! повелѣвай.

Я въ часъ къ тебѣ пришелъ, тобой опредѣлен-
ный.

И Р О Д Ъ .

Благодарю народъ, сенатъ, главу вселенны
За уваженіе присылкою тебя.

О, Архелай! въ тебѣ я сродника любя,
Доволенъ искренно твоимъ межъ насъ посред-
ствомъ.

Симъ Августъ мнѣ явилъ отличну честь при-
вѣтствомъ,

И далъ народамъ знать, что онъ мнѣ вѣрный
другъ.

Но удивляюсь, любезнѣйшій мой внукъ,
Теперь лишь я тому, что ты имъ былъ отправ-
ленъ

Въ тотъ самый день, когда и мною Тиберъ остав-
ленъ.

Съ тобою присланно, письмо сіе гласитъ.

(Показываетъ письмо.)

А Р Х Е Л А Й .

Тебѣ я посланъ вслѣдъ.

И Р О Д Ъ .

Но какъ же не открыть
Самимъ мнѣ Августомъ тотъ вихрь, для утишенья
Ты посланъ коего?

АРХЕЛАЙ.

Отъ Юльи извѣщенья

О томъ онъ получилъ въ тотъ самый только
часть,

Какъ ты оставилъ Римъ; то, чтобъ народный
гласъ

Не предварилъ тебя, не ввергъ бы въ безпокой-
ство,

Знавъ къ Маріамнѣ страсть твою и пылко свой-
ство,

Велѣлъ мнѣ за тобою сколь можно поспѣшать,

И васъ съ супругою всемирно примирять,

Поколь онъ не сберетъ отсель всѣхъ въ Римъ
писаній,

На домъ подавшихъ твой вину оклеветаній;

Собравши же, тотчасъ съ нарочнымъ ихъ при-
шлетъ,

Дабы тебѣ открыть въ злоумышленьяхъ свѣтъ.

ПРОДЪ.

О, дружба рѣдкая! почти невѣроятна,

И много бѣ мнѣ она была въ сей день пріятна,

Коль не открылся бы еще важнѣйшій вредъ

И умыслъ на меня. Внимай!

(Указывая на вошедшаго Антипатра).

Я В Л Е Н І Е III.

ТѢ ЖЕ И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ.

Доносчикъ твердъ:

По страшнымъ мной ему чинимымъ истязаньямъ,

Послѣдуетъ своимъ онъ прежнимъ показаньямъ.

АРХЕЛАЙ.

Что сдѣлалось?

И Р О Д Ѣ.

Языкъ не можетъ мой изрѣчь.

(Антипатру).

Повѣдай Антипатръ.

АНТИПАТРЪ

Жизнь царскую пресѣчь

Прислужника, жена коварна подкупила.

Терзающа его то совѣсть всѣмъ открыла.

АРХЕЛАЙ.

Не можетъ быть того.

И Р О Д Ѣ.

Дивись, о, юный другъ!

Какой и чрезъ кого ударъ разить мой духъ.

АНТИПАТРЪ.

Великая душа ничѣмъ неколебима,

И истина вездѣ въ своемъ ей блескъ зрима.

АРХЕЛАЙ.

Но люди съ слабостями.

АНТИПАТРЪ.

Себя кто не премогъ,
Не можетъ быть судья. Судья тѣлесный—
Богъ:
Въ Его десницѣ мечъ.

ИРОДЪ (уныло.)

Ты грудь разишь печальну.
Не строгость звать теперь мнѣ въ помощь.....

АНТИПАТРЪ (въ полголоса съ ко-
варною улыбкой.)

Маріамну.

ИРОДЪ (съ гнѣвомъ).

Коль такъ,—иди, зови.

АРХЕЛАЙ.

И какъ же обвинять
Возможно вамъ ее, когда предъ судъ не звать.

(Антипатръ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИРОДЪ И АРХЕЛАЙ.

ИРОДЪ.

Между любовію и живота спасеньемъ
Обуреваюсь я ужаснѣйшимъ волненьемъ.
За Маріамну мнѣ здѣсь сердце говоритъ;
Мнѣ жизнь мою беречь отечество велитъ;
Но помощи ни въ комъ, ты зришь, не обрѣтаю.
Какъ быліе въ рѣкѣ ношуся съ краю къ краю.

АРХЕЛАЙ.

Пристрастенъ, государь! кто въ дѣлѣ самъ чему
Необходимъ совѣтъ и мудрому уму.

ИРОДЪ.

Гдѣ жъ тотъ совѣтъ?

АРХЕЛАЙ.

Я младъ еще сего къ рѣшенью.
Но по великаго сената разсужденью,
Царя есть первый долгъ, чтобы умѣть избрать
Совѣтниковъ себѣ и должности имъ дать.

ИРОДЪ.

Что на словахъ легко, не все на дѣлѣ можно:
Юлій былъ мой врагъ; но Брута хвалятъ ложно.

АРХЕЛАЙ.

Довѣренность владыкъ родству не подлежитъ,
Ни сходству нравовъ, лѣтъ, никто умомъ бле-
ститъ;

Но въ благочестіи воспитанному духу
И многимъ опытамъ по всенародну слуху
Октавій ищущимъ не раздаетъ честей.
По пользамъ зрить дѣла, а по дѣламъ людей.
Агриппа у него зачѣмъ въ чести толикой?
Агриппу Иродомъ, чтить Ирода Агриппой.

ИРОДЪ.

Но гдѣ же таковыхъ царямъ Агрипповъ взять?

АРХЕЛАЙ.

Со славой царствъ безъ нихъ не можно управ-
лять.

Кто сколько бѣ ни имѣлъ познаній, дарованій,
Противу тысящей стремящихся желаній,—
Безуменъ мыслящій одинъ всѣмъ угодить.
Межъ неба и земли посредникъ долженъ быть.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, МАРІАМНА, СОВЕРНЪ, АНТИПАТРЪ
и СОЛОМІЯ.

МАРІАМНА (важно.)

Я слышу, новому внимаешь ты навѣту,
О, Иродъ! что хочу тебя лишить я свѣту:
Страшна сія мнѣ кознь; но то еще страшнѣй,
Что съ разумомъ твоимъ ты могъ повѣрить ей.
За истину сего столь низкаго коварства
Я отреклась бы въ даръ принять всѣ міра цар-
ства.

Но не намѣрена я оправдать себя
И ни о чемъ теперь я не прошу тебя.
Въ обидѣ таковой, пощадь, твоей пріязни
Я ужаснулась бы лютѣйшей паче казни.
Но если бѣ льстилася какихъ себѣ отрадъ,
То чтобъ на жизнь мою одинъ ты бросилъ
взглядъ,

И съ ней сравнивъ свою, не клеветою злобой,
А по дѣламъ самимъ нашелъ меня виновной.
Мой родъ и твой временъ еще не скрыла мгла:
Во прахѣ позвалъ ты,—царевна я была.
Когда Солимъ сей былъ Сосіемъ осажденнымъ,

Извѣстенъ ты мнѣ сталъ по подвигамъ воен-
нымъ;

Но взяли какъ его, спасти плѣнныхъ ты при-
текъ,

И мечъ свой отвратя, Римлянамъ злобнымъ рекъ:

Что капли крови ты пролить единоемной

За обладаніе не хочешь всей вселенной:

Тѣ сердце ты мое толико тѣмъ возжогъ,

Что путь себѣ отверзъ въ него и въ мой чер-
тогъ.

Достоинствамъ твоимъ я сдѣлала отлику;

Рукой сей сопричла тебя Монарховъ лику.

Забылъ въ тебѣ народъ мой Идумейску кровь,

Но какъ природному—явилъ свою любовь;

Извѣстенъ чрезъ него ты сдѣлался вселенной

И дружбой цезаря украсился почтенной.

Но какъ узрѣлъ себя на высотѣ честей,

Ты Богомъ избранныхъ презрѣлъ моихъ людей,

Совѣты позабылъ супружеской пріязни,

Безъ винъ и безъ суда сколь многихъ предалъ
казни,

Разграбилъ, разорилъ мнѣ ближнихъ и родныхъ,

Презлобно уморилъ въ изгнаньяхъ, въ мукахъ

злыхъ.

Но варварства ль счислять?—Они извѣстны свѣ-
ту.

Колѣна моего князей ужъ больше нѣту.

При всемъ томъ думала тебя я извинять,

Что цѣлость царства ты былъ долженъ поддер-
жать.

И даже, какъ меня два раза въ заключеньѣ

Ты оставлялъ на смерть, пребывъ тверда въ тер-
пѣннѣ,

Приписывала все я ревности одной,

Что дорожилъ любя моею ты красотой....

Но нынѣ, ахъ! за всѣ мои ты уваженьи,

За дружбу, за любовь, за опыты въ терпѣннѣ

Считаешь ты меня когда убійцей злой:

Стократно я умру, чѣмъ царствовать съ тобой;

Сто разъ мнѣ лучше смерть, чѣмъ стонъ. — О, и
несчастлива!

Почто казалася сперва ему прекрасна?

Почто любовь къ себѣ я въ немъ могла воз-
жечь?

Безжалостно моимъ даетъ слезамъ онъ течъ!

И Р О Д Ѣ (съ принужденною холо-
дностію.)

Царей жизнь — жизнь есть царствъ, душа въ
нихъ правосудья.

А Н Т И П А Т Р Ѣ (въ полголоса.)

Царица! повинись.

М А Р І А М Н А (съ гнѣвомъ.)

Въ чемъ? въ чемъ?—Иль что орудья
Вы съ Соломією всему? О, хитрый льстецъ!

Давно дѣтей моихъ манитъ тебя вѣнецъ,

И злобная душа (*указывая на Соломію*) съ то-
бой сія сдружилась,

Чтобъ рода моего и память истребилась.

Отъ васъ мои текутъ всѣ скорби и бѣды.

Защита цезарь мнѣ!

АНТИПАТРЪ (пожавъ плечами.)

Гдѣ царствованы броды?

ИРОДЪ (вспыльчиво.)

Ты цезаремъ грозить?

СОЛОМІЯ (упадая къ ногамъ со
слезами.)

Избавь меня отъ злова
Ругательства и грозъ, мой братъ! — Мнѣ нѣтъ
покрова.

У ней.....

(Указавъ на Соверна.)

СОВЕРНЪ.

Она ни въ чемъ.....

ИРОДЪ (Соверну съ яростію.)

И ты ползуща тварь,
Сталъ другъ днесъ ей, кому тобой твой преданъ
царь!

О, вижу я твое все ухищренье нынѣ;
Такъ оправдайтесь вы всѣ вмѣстѣ въ сандаринѣ.

(Антипатру.)

Сбери его сей часъ.

СОЛОМІЯ (вставъ съ плачемъ.)

Довольно ты терпѣль.

ИРОДЪ (съ крикомъ.)

Судъ! Судъ!

МАРІАМНА (съ твердостію.)

Зерцало душъ—судъ злыхъ и добрыхъ дѣлъ.
Я не боюсь его. Столь лютымъ восклицаньемъ

Льстецамъ бы ты грозилъ, чтобъ ихъ оклеветаньемъ
Невинность горькихъ слезъ на тронъ твой не
лила:
Рѣчь гнѣва царскаго убійственна стрѣла.

ПРОДЪ.

Довольно читаны ужъ мнѣ тобой уроки,
И обольстительныхъ видалъ я слезъ потоки,
Довольно, — и теперь не вѣрю ничему.

МАРІАМНА.

Не мнѣ, мучитель, вѣрь, — народу вѣрь всему.

ПРОДЪ.

Обманчивъ гласъ его для мудра властелина.
По видамъ всякъ своимъ, тотъ хочетъ сердца
львина,
Тотъ агнчей кротости. Но царь зритъ на дѣла.

МАРІАМНА.

Какого жъ, гдѣ, скажи, виновница я зла?

ПРОДЪ.

На жизнь мою, на тронъ съ дѣтьми ты поку-
шалась.

МАРІАМНА.

Такъ хочешь ли, чтобъ я дѣтьми и оправдалась?

(Соверну.)

Поди, ихъ призови.

(Совернъ уходитъ.)

—

Не возвратишь своей ни воплемъ, ни слезами
Надъ мною власти ты. Судъ, судъ и надъ дѣ-
тями!

(Уходитъ въ бѣшенствѣ съ Антипатромъ и Архелаемъ.)

—
Я В Л Е Н І Е VII.

МАРІАМНА, Совернъ, Александръ, Аристо-
булъ и Када.

МАРІАМНА (къ дѣтямъ.)

Какихъ взаимныхъ чувствъ пріязни и любви
Не охлаждаетъ лесть и клевета.—Увы!
Я мнила вами здѣсь духъ умирить супруга,
И васъ къ стопамъ его, себя же къ сердцу друга,
А не царя, прижать; но онъ ушелъ отъ насъ.

(Обнимая, цалуетъ.)

Я не хочу стирать теперь слезъ съ вашихъ глазъ;
Нѣтъ! плачьте по отцѣ, что полюбилъ онъ злобу,
И плачьте вы по мнѣ, что я гонима къ гробу.
Ахъ! плачьте сироты, что въ юность вашихъ лѣтъ
Рукою хищною вашъ померкаетъ свѣтъ;
Что вы лишаетесь наследственнаго трона
И въ васъ мой гибнетъ родъ!

АЛЕКСАНДРЪ (обнимая Маріамну.)

Ахъ, твоего мы стона,
Любезнѣйшая мать, не можемъ перенести.

АРИСТОБУЛЪ (тоже обнимая.)

На что и царская безъ матери намъ честь?
Кто въ ней насъ ободрить, совѣты дастъ благіе.

АЛЕКСАНДРЪ.

Кто—кромѣ матери столь нѣжныя, драгія?
Что жизнь намъ безъ тебя?

АРИСТОБУЛЪ.

Умремъ съ тобой и мы.

МАРІАМНА (плачетъ.)

Не лейте болѣе печальной въ сердце тмы,
О, чада милыя! надѣйтесь на Бога.
Предъ волею Его судьбина строга.
Онъ можетъ прекратить жестокость нашихъ
бѣдъ,
Вознестъ отъ смерти въ жизнь, создать изъ
мрака свѣтъ.
Пожду супруга здѣсь,—подите вы къ покою,
Облобызайте мать. Ахъ! можетъ быть, со мною
Вы не увидите.

(Обнимая ихъ, целуетъ и плачетъ.)

АЛЕКСАНДРЪ.

Увы!

АРИСТОБУЛЪ.

Какъ рокъ нашъ строгъ!

МАРІАМНА (Соверну и Кадъ.)

Послѣдуйте и вы за ними въ ихъ чертогъ.

(Уходятъ, а на горизонтѣ видна луна сквозь окошекъ.)

—

Я В Л Е Н І Е VIII.

МАРІАМНА (одна глядя на вслѣдъ.)

Подобно ангеламъ въ нѣжнѣйшемъ юность дѣт-
ствѣ,

Дремотой сладкою покоится и въ бѣдствѣ;
Но въ зрѣломъ возрастѣ весь вѣкъ нашъ, будто
чолнъ,

По безднамъ носится житейскихъ бурныхъ волнъ.
И къ дѣтямъ днесъ любовь, къ супругу, столь
святая,

Меня на части рветъ, какъ-бы тигрица злая.
Къ однимъ влекусь какъ мать, другому какъ
жена.

Въ потокѣ Келрскомъ такъ луна раздроблена,
Подъ осѣненіемъ вокругъ кипарисовъ темныхъ
Колеблется отъ бурь средь тѣней страшныхъ,
блѣдныхъ.

О, Иродъ! сколько ты навлекъ на мнѣ въ жизни
золъ!

Не можетъ быть съ тобой пріятель и престолъ,
Не лестны мнѣ вѣнца и скиптра камни честны,
Лишь сердца твоего мнѣ вздохи были лестны.

Они мнѣ царство все, весь замѣняли свѣтъ;
Но, ахъ! ужъ для меня теперь ихъ больше нѣтъ.

Уже предчувствіе мятетъ меня сердечно,
Что скоро кончу жизнь тобой безчеловѣчно;
Но я тебя люблю.—О, гробы праотцевъ!

Мой воспріймите прахъ, а духъ уже готовъ.
Такъ въ бездну вѣчности, какъ въ влагу Силоам-
лю,

Низвергну брѣнну плотъ, съ ней скорѣи всѣ
оставлю,

Чтобъ жить невинности въ лучахъ.

(Увидя вошедшаго Антипатра.)

Мой врагъ пришелъ!

Я В Л Е Н І Е IX.

МАРІАМНА и АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ (подходя тихо.)

Удивленную царицу здѣсь нашелъ

Въ безмолвной темнотѣ, задумчиву, печальну!

Ахъ! смѣю ль спросить прекрасну Маріамну,

Услужой не могу ль какой?....

МАРІАМНА.

Мнѣ нужды нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Для отвращенія какихъ незапныхъ бѣдъ

Начальникъ града могъ тебѣ быть и полезенъ.

МАРІАМНА.

Отъ гнѣва царскаго хоть вѣкъ теперь мой сме-
зенъ,

Но въ распрю между насъ входить не можетъ
сынъ.

АНТИПАТРЪ.

Не оскорбляючи родительскихъ сѣдинъ,

Почтенная жена! я за тебя страдаю.

МАРІАМНА.

Стонъ для меня твой чуждъ.

АНТИПАТРЪ.

Невинность защищаю.

Не ты одна, а все отечество стенеть.

Доколѣ намъ?....

МАРІАМНА.

Терпѣть, мой лучшій есть совѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Иль мужества въ женахъ не видѣла вселенна?

Юдиѣина рука сразила Олоферна.

МАРІАМНА (съ презрѣніемъ.)

Не позабылъ ли ты продерзостный себя?

АНТИПАТРЪ.

Я, нѣтъ.

МАРІАМНА (грозно.)

Умолкни, тигръ!

АНТИПАТРЪ (съ ласкою.)

Давно тебя любя,

На вѣчно мщенье, иль нѣжность посвящаю.

МАРІАМНА (отходя къ двери Ирода.)

Прочь, извергъ, прочь!... Злодѣевъ презираю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Соломія и Антипатръ.

СОЛОМІЯ (встрѣтись въ дверяхъ
съ Маріамною.)

Братъ не велѣлъ тебя къ себѣ мнѣ допускать.
Покою хочетъ онъ.

(Маріамна, взглянувъ съ презрѣніемъ,
уходитъ въ другую сторону.)

АНТИПАТРЪ (съ торопливостію.)

Пришелъ тебѣ сказать:
Проконсулъ римскій, Варръ, пріѣхалъ съ полной
мочью
Въ насъ распри разсудить. Прещу ему я ночью,
Отверсть врата во градъ.

СОЛОМІЯ.

Спѣшить должно, спѣшить,
Чтобы грозящія напасти отвратить.
И я тебѣ скажу опасную намъ новость:
Сколь ни старалась я продлить въ душѣ суро-
вость
Царя противъ жены; но онъ какъ тѣнь молчитъ,
И тихо слезы лья, показывается видъ,
Что онъ во всѣхъ ее винахъ уже прощаетъ,
Зоветъ къ себѣ, иль ждетъ, иль къ ней идти
мечтаетъ;
Иль чрезъ письмо себя ей хочетъ извинить.
На мигъ я отъ него не смѣла отходить,
Чтобъ какъ увидѣться не могъ онъ тайно съ нею,
Я двери заперла, приставя кустодею,
И навлекла ему на вѣжды тяжкій сонъ.

Онъ въ содроганьяхъ спитъ, пуская страшный
стонъ.

Боюсь, чтобъ не вспрынулъ, не позвалъ Марі-
амну!

Бѣда, коль жертву мы оставимъ не закланну!

АНТИПАТРЪ.

Ужасныя теперь минуты предстоятъ.

Отважны мѣры вдругъ и быстры должно брать;

Повѣрься не страшась во всемъ ты сыну, другу.

СОЛОМІЯ (въ полголоса.)

Мнѣ мало ихъ однихъ.

АНТИПАТРЪ.

Кому жъ еще?

СОЛОМІЯ (важно.)

Супругу!

АНТИПАТРЪ (съ удивленіемъ.)

Какъ?

СОЛОМІЯ.

Да, супруга зрѣть въ тебѣ я днесъ желаю:

Въ порфирѣ, иль гробу съ тобой себя вѣнчаю.

АНТИПАТРЪ.

Возможно ль то? Моя ты Соломія мать!

СОЛОМІЯ.

Оставь теперь свое притворство продолжать.

Не могъ не вѣдать ты кто я, не знать той стра-
сти,

Котора сжеть меня и сердце рветъ на части.

Ахъ! что я изрекла? несчастная жена!

Но тайна изъ души уже извлечена.
Такъ, Антипатръ! познай, давно тобой я стра-
стна,
И только лишь тобой счастлива и несчастна;
Прошу тебя, молю, не мучь, не погуби,
Какъ я тебя люблю, такъ ты меня люби.
И сопрягаючись своей со мной душою,
Умремъ, иль царствовать здѣсь будемъ мы съ
тобою.

АНТИПАТРЪ.

Ужасный, страшный гласъ!

СОЛОМІЯ.

А для чего же я
Пеклася о тебѣ, и въ замыслахъ твоя
Помощница была, и скиптра домогалась?
Безъ соучастья бы я царствомъ не ссужалась.

АНТИПАТРЪ.

Но столь сородная съ тобой, столь близка кровь
Въ насъ душъ не соединить.

СОЛОМІЯ.

Соединить любовь.

Примѣры многіе въ народѣ нашемъ были.

АНТИПАТРЪ.

И лѣта ужъ меня съ тобою не сравнили.

СОЛОМІЯ.

Пять лѣтъ межъ насъ ничто. — Со мной ты
вмѣстѣ взрѣлъ.

Я только матери, ты имя сына нёсъ;

Но нѣжности мои вездѣ тебя искали,
Желанія твои вездѣ предупреждали.

АНТИПАТРЪ.

Что скажетъ весь народъ? — Гласъ предразсуд-
ковъ что?

СОЛОМІЯ.

Нѣтъ, Антипатръ! ты мнѣ скажи теперь не то;
А исповѣдай всю твою сердечну тайну,
Что страстенъ ты другой, что любишь Маріамну.
Не даромъ ночью зашли сюда съ ней вы,
Не даромъ ты обрекъъ себя ея любви.
Поди же къ ней, поди, и обними прекрасну,
А я вамъ докажу любовь мою несчастну
Приличной жертвою:—всѣ брату рассказавъ,
Умру въ крови моей, васъ прежде растерзавъ.

(Уходитъ.)

АНТИПАТРЪ (догнавъ.)

Постой, жестокая—или мать, или супруга!
Что пользы погубить тебѣ толь вѣрна друга?
Постой! (*Выхватя мечъ съ намѣреніемъ ее пора-
зить, но вдругъ удерживается.*) И какъ сей мечъ
блистая вознесись
Межъ всѣхъ на свѣтѣ женъ, моею ставъ.

СОЛОМІЯ (грозно.)

Клянись!

АНТИПАТРЪ.

Клянусь сей сталию и громомъ Аввадона,
Что все я сдѣлаю (*въ сторону*) для достиженья
трона.

(Обнявшись, уходятъ.)

==

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ сендаринъ, изъ коего въ арки, или большія окна, видѣнъ городъ, храмъ и кипарисная роща; тронъ подъ балдахиномъ о шести ступеняхъ, на седьмой кресла, столъ и на немъ регалии царскія; на фронтонѣ трона скрижали; по сторонамъ его двѣнадцать львовъ, по числу двѣнадцати колѣнъ Израильскихъ, т. е. на каждой по одному.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иродъ въ послѣдованіи раввиновъ и Двора своего, покрытый печальнымъ вретischemъ и посыпанный по главѣ пепломъ, предшествуемый унылымъ хоромъ Левитовъ, въ продолженіе котораго слышенъ иногда громъ.

АНТИПАТРЪ (съ обнаженнымъ мечемъ впереди.)

Хоръ Левитовъ.

Грядетъ Господь и мщенье,
Какъ ночь средь черныхъ тучъ,
Какъ молнии—быстро зрѣнье,
Какъ громъ—въ десницѣ лучъ.

Онъ обращаясь къ граду
Багрѣющимъ лицомъ,
Народамъ судить въ правду,
Какъ воскъ, Имъ таетъ холмъ.

Прахъ ногъ Его полижутъ
Нелюбящи Его;

На казнь себя приблизуть
Зло мнящи на Него.

Блаженъ, кого накажетъ
По милости Своей;
Блаженнѣе, кто скажетъ,
Что правъ предъ Нимъ душой.

ПРОДЪ (сѣдши на тронѣ.)

Соборъ Израиля двѣнадцати колѣнъ,
Надъ коимъ царствовать я Небомъ возведенъ,
О, кровь Іаковля! народъ избранный Богомъ,
Имѣющій Его щедротъ себѣ залогомъ
Скрижали, скинію, сей градъ святой и храмъ,
Ліющій всюду свѣтъ, законы всѣмъ странамъ,
Изъ чреслъ чьихъ нѣкогда изыдетъ вождь ве-
ликій,

Предъ кѣмъ поклонятся подсолнечной лзыки,
О, Равви мудрости, маститыхъ старцевъ ликъ!
Доколѣ не пришелъ къ намъ оный день великъ,
О коемъ говорятъ Пророковъ древнихъ сѣни,
Что будемъ царствъ земныхъ на первой мы сте-
пени,

Вы знаете, какихъ не пренесли мы золь
Отъ виѣшнихъ супостатъ, отъ внутреннихъ
крамоль,

Десятословіе когда небесъ забыли
И Бога вышняго въ себѣ, въ кумирахъ чтили;
Первосвященники князей на санъ не зря,
Князья на нихъ, и всякъ мечталъ въ себѣ царя,
Гордыней, завистью, стяжаньемъ надымаясь,
Хотѣли властвовать, властямъ не покоряясь,

Народное добро изъ сердца истребя,
Оружье подняли противъ самихъ себя,
Пошли на брата братъ, семейство на семейство,
Отличьемъ славилось отличное злодѣйство.
Отъ жертвъ невинныхъ паръ Синаякрылъ верхи,
Долины кровь влекли, холмилися грѣхи
И изнуренны такъ отъ собственныя злобы,
Просили рыть себѣ своихъ сосѣдей гробы.
Тотъ въ Антиохахъ щить, сей въ Птоломеяхъ
зрѣлъ.

Пошли,—и предали отечество въ раздѣлъ.
На Ханаанъ тогда звуча легли желѣзы.
Сей въ Вавилонѣ лиль, тотъ въ Македоньи слезы,
Покуда Антипатръ, великій мой отецъ,
Хоть Идумеянинъ, не пріобрѣлъ сердецъ
Въ довѣренность свою Иркана и супруги,
И бодро не предсталъ имъ въ бѣдствѣ на услу-
ги.

Онъ съ Римомъ свелъ союзъ, вождямъ его сталъ
другъ

И къ браннымъ подвигамъ пріобучилъ мой духъ.
Тогда (по правдѣ мнѣ сказать предъ вами мож-
но),

Еврейское лице блеснуло, бывъ ничтожно.
Я Макавѣевъ духъ имъ влилъ, Квиритъ ввелъ
строй

И агнецъ противъ льва пошелъ неробко въ бой.
Со Антигономъ къ намъ роі варваръ устремлен-
ный,

Какъ волны отъ скалы, отбѣгли съ шумомъ
блѣдны.

Я спасъ сей градъ, сей храмъ неправиль и воз-
несъ,
Изъ пепла жертвы огонь на алтарѣ воскресъ.
А чтобъ упрочить вамъ сей даръ, мнѣ свыше
данной,
Дорису отлуча, сопрягся съ Маріамной,
И симъ мою слія со Асмонѣмъ кровь,
Народа я всего снискалъ къ себѣ любовь;
Взаимныхъ чувствъ моихъ явя ему отплату,
Хотѣлъ сей скиптръ вручить моей супруги брату;
Но Римъ для пользы своихъ иной давъ дѣлу
сгибъ,
Царемъ нарекъ меня,—Аристобуль погибъ.
Подобныя съ тѣхъ поръ вражды и непріязни
Межъ сродниковъ моихъ заслуживали казни.
Но я союзъ любви царицы чтя совѣтъ,
Счастливецъ меня на свѣтѣ думалъ нѣтъ;
Блаженство все мое дѣля съ моимъ народомъ,
Усовершенъ его я выше каждымъ годомъ;
Далъ въ безопасность всѣмъ судъ правый, ти-
шину,
На лонѣ мирныхъ дней приготавлиалъ войну.
Что зря сосѣдственны цари простерли длани,
И въ дружбѣ съ трепетомъ мнѣ предложили дани;
Вопль жалобъ на меня, достигшій предъ сенатъ,
Мой въ Седмихолмѣи единъ покоилъ взглядъ;
Край Галилейскъ, Перей, Кесарю, Идумею,
Единственной почли всѣ областью моею;
Ельфира быстрый токъ живымъ сталъ рубе-
жомъ,
Въ Ерусалимѣ мой усредоточенъ домъ.

Чрезъ Тиръ, Родосъ, Сидонъ, степь Фивъ и
понтъ Офира,
Верблюды, корабли везутъ труды мнѣ міра;
Вкругъ трона моего виссонъ, жемчугъ, сма-
рагдъ.

Съ сей свѣтлой высоты мой видитъ блящій
взглядъ,

Какъ скатистый Ермонъ и доль Іоасафата,
Отъ стадъ пестрясь, садовъ струятся въ нивахъ
злата,

Внимаю зодчества въ градахъ, ваянья стукъ,
По селамъ, по домамъ музъ Аѳинейскихъ
звукъ.

И словомъ, обо мнѣ громка повсюду слава:
Великъ я, говорятъ. Но свѣтлая держава,
Столь блещущи дѣла спокойства не дарятъ!
Ехидны скрытыя грызетъ мнѣ сердце ядъ.
Взоръ вретischemъ моимъ печальнымъ закрываю
И сильнымъ бывъ царемъ, какъ человекъ
страдаю.

Жену, царицу вамъ.....

(Плачетъ, облокотясь на кресла,
и закрывается вретischemъ.)

АНТИПАТРЪ.

Не ты, законъ велитъ.

и родъ.

Увы! — я рабъ его. Вели, да предстоить.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Антипатръ даетъ знакъ мечемъ, слышится печальный звукъ трубы. — Маріамна, Александръ и Аристовулъ съ растрепанными власами, окованные въ цѣпяхъ, вступаютъ въ сендаринъ, послѣдуемые молчащимъ хоромъ дѣвъ, Соверномъ, Кадю и Виночерпиемъ, изъ коихъ послѣдній изъясняетъ страдальческій видъ, неся кубокъ въ рукахъ. За ними стража еврейскихъ воиновъ.

ПРОДЪ (Антипатру томнымъ голосомъ, облокотясь на кресла.)

Вѣщай вины.

АНТИПАТРЪ.

Едва минувшей полунощи
Изъ кипарисной сей луна вставъ черной рощи,
Бросала рдяный свѣтъ, сонмъ вспорхнулъ съ
крикомъ птицъ,

Я вставъ съ одра, узрѣлъ коней и колесницъ,
Въ безмолвьи тѣни шли ко стогну римска стана
Вдоль берега по водамъ блестяща Іордана.

Когорта римская ихъ прикрывала тылъ.

Я подозрѣнье взялъ, что нѣкій тайный былъ
Тутъ умысль можетъ быть и на главу вѣнчанну,

Пошелъ. Что жъ зрю? — дѣтей, Соверна, Маріамну

Въ одеждѣ спальной сей, какъ здѣсь они стоятъ,
Молили вратника, чтобъ выпустилъ за градъ.

Я ихъ подъ стражу взялъ. Сообщники подроб-
но

Открыли все мнѣ ихъ намѣреніе злобно,

Что къ вождю цесаря стремилися подъ кровъ.
Измѣной я то счелъ; ввергъ въ тягость ихъ
оковъ,
Тиронъ и Юкодомъ въ распросахъ показали,
Что свергнувши тебя съ престола, замышляли
Въ Себастру заключить.

МАРІАМНА.

Ужель мнѣ отвѣчать
На гнусную столь ложь?

АЛЕКСАНДРЪ (съ плачемъ.)

Хотѣли.....

АРИСТОБУЛЬ (тоже.)

Мы бѣжать?

МАРІАМНА.

Молчи! Гдѣ гнѣвъ царь, тамъ правда злу под-
гнета,
Невинность нашихъ душъ дойдетъ до поздня
свѣта,
И что намъ говорить, когда ужъ въ токахъ слезъ
Подъ бременъ страждемъ мы звучащихъ сихъ
желѣзъ.

АНТИПАТРЪ.

Но не въ прикрытѣ ль вы воинскомъ, въ ко-
лесницѣ
Привезены сюда?

ИРОДЪ (къ Маріамнѣ.)

Судьба твоя въ десницѣ
Старѣйшинъ сихъ. О! даждь мнѣ небо смѣ
терпѣть!

(Сендарину.)

Вѣщайте рокъ ея.

(Члены сендарина на дощечкахъ, воскомъ натертыхъ, пишутъ спицами приговоръ, и каждый принося кладетъ предъ регалии на столъ, становясь по прежнему въ порядокъ подъ нижеслѣдующимъ хоромъ.)

(Хоръ двѣхъ.)

Суди, о Боже! прю,
И отъ клеветъ избави,
Премудрость даждь царю
И судъ его прослави,
Чтобъ хитрый человѣкъ,
Лукавый, злобный, льстивый,
Дѣла его правдивы
Не помрачилъ навѣкъ.
Ты твердь моя и щитъ,
Почто меня отринулъ?
Когда мнѣ врагъ грозитъ,
Почто меня покинулъ?
Услышь мой скорбный вздохъ,
Къ Тебѣ я прибѣгаю,
Зри плачу какъ, страдаю....
Спаси меня, мой Богъ!

ПРОДЪ (Антипатру.)

Прочти.

АНТИПАТРЪ (пересмотрѣвъ дощечки.)

Судъ рекъ.....

ПРОДЪ.

Что?

АНТИПАТРЪ (громогласно.)

Смерть!

(Маріамна съ словомъ симъ упадаетъ на колѣна.)

ИРОДЪ.

Увы!

КАДА (воздѣвъ руки на небо.)

О, ужасъ!

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ (упадая
на колѣна и простирая
руки къ Ироду.)

Ахъ, родитель!

СОВЕРНЪ.

Родъ несчастный!

МАРІАМНА (стоя на колѣнахъ и
воздѣвая руки къ скри-
жалямъ.)

Великій Господи! судьбы Твои всевластны,
Что хочешь, то твори съ работою твоею;
Но въ сердцѣ зри моемъ, что я заповѣдей
Ни на черту Твоихъ святыхъ не преступила.
Виновна, что дѣтей, супруга я любила
Всѣхъ смертныхъ болѣе, и въ томъ Тебѣ винюсь.
Прости ту слабость мнѣ; но если разлучусь
Я съ ними, то исполнь меня Своей Ты силой,
Чтобъ бывъ невинною, я не была унылой,
И мой пригробный стонъ чтобъ твоихъ не вско-
лебалъ,
Кто только на Тебя, о Боже! уповалъ.
Прости враговъ моихъ, да гнѣвъ Твой ихъ не
срящетъ;

И царь отъ ихъ коварствъ золь большихъ не
обрящетъ.

(Вставъ, къ дѣтямъ.)

Простите, сироты!—Ахъ! обнимите мать
Благословеніе себѣ отъ ней принять,
И знайте: счастливы ль, несчастны ль вы судь-
бою,

Но да возлюбите вы Бога всей душою!

АЛЕКСАНДРЪ.

Какого безъ тебя намъ счастья въ свѣтѣ ждать?

АРИСТОБУЛЬ.

Съ тобой готовы мы и жить и умирать.

МАРІАМНА.

Въ родителѣ, въ царѣ, вы мать свою найдете.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И АРХЕЛАЙ.

(Съ поспѣшностію входитъ.)

АРХЕЛАЙ.

Не будь, о государь! предъ цесаремъ въ отвѣтъ,
Что съ Варромъ не дождавъ уликъ къ развязкѣ
ссоръ,

Въ семьѣ твоей изрекъ ты скоро приговоръ.

Варръ прибылъ въ ночь сію, но слышно предъ
вратами

Удержанъ и теперь; чрезъ что между полками,
Которые внутри и за стѣной стоятъ,
Произошелъ мятежъ.

ИРОДЪ (Антипатру.)

Зачѣмъ былъ запертъ градъ
Проконсулу?—Поди! нѣтъ, стой,—ключъ Архе-
лаю

Отдай. (*Къ Архелаю*) Ты объяви вождю, что
ожидаю.

(Антипатръ отдастъ ключъ
Архелаю, а сей уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, КРОМЪ АРХЕЛАЯ.

ИРОДЪ.

Да принесетъ онъ къ намъ пріятнѣйшую вѣсть,
Чтобъ я соблюлъ престолъ, законъ, любовь и
честь.

АНТИПАТРЪ.

Царицѣ средства нѣтъ въ проступкѣ оправдать-
ся,
Прощенья лишь просить.

АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЬ И КАДА (*бро-
саясь предъ Маріамною на колѣна.*)

Проси!

МАРІАМНА (*колеблясь и помолчавъ
нѣсколько.*)

Уничижаться.
И безпорочной бывъ, покрыться ввѣкъ сты-
домъ?
Се не совѣтъ друзей; по ярый неба громъ
Сильнѣе поразить меня ужъ не возможетъ;

Не страшны казни тѣмъ, пороку чьихъ душъ не
гложетъ.

Презрѣннѣй мнѣ блистать въ прощеньи при ца-
рѣ,

ЧѢМЪ БЫТЬ НЕВИННОЮ НА НИЩЕНСКОМЪ ОДРѢ.

Ахъ! не сіяніе священной діадимы;

Но добродѣтели въ лицѣ вѣнчанномъ чтимы.

АНТИПАТРЪ (притворно съ прекло-
неніемъ главы.)

О, царь! гордыню ей оставь сію,—прости!

(За нимъ и сендаринъ преклоняется.)

МАРІАМНА.

Нѣтъ, Иродъ! не могу сей милости снести.

(При семъ словѣ встають Када и дѣти.)

Когда виновна я, да казнь меня караетъ;

Когда невинна, судъ меня да оправдаетъ.

Прощенье безъ суда лишь слабый царь дарить;

Прощеньемъ по судѣ, какъ Богъ, животворитъ.

Но отъ тебя сего не жду, не умоляю.

Порокъ пусть ползаетъ; а я предоставляю

Всеви́дцу въ слабостяхъ моихъ меня простить.

А сей твой судъ есть сонмъ тирану только
льстить.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И СОЛОМІЯ (вбѣгаетъ съ отчаяніемъ.)

СОЛОМІЯ.

Ужасная, мой братъ, грозитъ тебѣ судьбина;
Колеблется твой тронъ, мятется Палестина.
Съ тобой и съ Варромъ днесъ пришедшій ле-
гіонъ
Смѣшавшись съ чернію, какъ сонмы бурныхъ
волнъ,
Во ярости своей врата повергли града,
И волчьи какъ стада, остервенясь отъ глада,
Бѣгутъ по улицамъ, всѣхъ ловятъ, рвутъ, мерт-
вятъ,
И Маріамну взвестъ на тронъ съ дѣтьми хо-
тятъ,
Глася, что будто бы по цесарску велѣнію
Проконсулъ присланъ къ намъ сего ко исполне-
нію.
Уже твоя никѣмъ не чтится больше власть,
Разграблена твоихъ сокровищъ знатна часть,
Кумиры божески, ваянія звѣрины
И позлащенные подобія орлины
На храмъ, на дому взнесенны Риму въ честь,
Низверженны съ высотъ и сокрушенны въ
персть.
Едва сюда могла пройти я сквозь народа.
Се Асмонеянъ какъ вѣрна тебѣ порода?
Весь дворъ твой окруженъ, во взорахъ пылъ
сердецъ.

ПРОДЪ (въ бѣшенствѣ вскакивая
съ трона къ Маріамнѣ.)

Не льстись, измѣнница, похитить мой вѣнецъ.
Нѣтъ! прежде укажу дорогу къ мрачну аду.
Поди! и встрѣть меня твоихъ злодѣйствъ въ
награду;

Тамъ торжествуй надъ мной побѣду ты свою.

(Антипатру, указывая на дѣтей и Маріамну.)

Въ Себастру ихъ; а ей мой кубокъ яду.

(Виночерпій подноситъ кубокъ.)

МАРІАМНА.

Пью!

Невинность никакой не вострешетъ казни;

(Тутъ вдругъ, оборотясь, объемлетъ дѣтей.)

Но умертви и ихъ въ знакъ прежней мнѣ пріязни.

ПРОДЪ (топая ногами.)

Нѣтъ, прочь!

МАРІАМНА.

Жестокій!

ПРОДЪ.

Прочь!

(Антипатръ даетъ знакъ воинамъ, которые разлучаютъ Маріамну отъ дѣтей.)

АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЪ и КАДА (съ воплемъ.)

Не разлучайте насъ!

МАРІАМНА.

Ахъ! дайте вдругъ намъ смерть. Увы! (оглядываясь на дѣтей) лишаясь васъ!

(Воины уводятъ ихъ въ разныя стороны. Виночерпій съ кубкомъ уходитъ за Маріамною.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Презніе, Архелай и Варрѣ.

(Сопровождаемые Римскими воинами, а Соломія, при чтеніи свитка, тихо удаляется.)

ВАРРѢ.

Народѣ, сенатѣ и вождемъ верховный мощна Римѣ,

Котораго рукой подсолнечна держима,

Царю Израиля желаетъ всякихъ благъ,

И споспѣшенія во всѣхъ его дѣлахъ!

По дружбѣ съ нимъ твоей пріемля онъ участие

Въ враждѣ твоихъ родныхъ, прислалъ меня, согласье

И миръ въ васъ водворить.

ПРОДЪ.

Благодарю за трудъ
Тебя и цесаря. Въ моемъ народѣ чтутъ
За особливую честь сіе благоволеніе;
Но мышлю, что мое семейное смятеніе
Не стоило того, чтобъ онъ на насъ воззрѣлъ,
Вселенной брань, иль миръ—есть цесаря удѣлъ.

ВАРРѢ.

Ты правъ; но и въ одной странѣ гражданъ раз-
стройство

Бываетъ всѣхъ державъ на свѣтѣ безпокойство.

ПРОДЪ.

Опасности мнѣ нѣтъ.

ВАРРЪ.

Однакожъ никогда
Остереженіе не дѣлаетъ вреда.

ПРОДЪ (принимая отъ Варра свитокъ.)

Отъ Августа?

ВАРРЪ.

Такъ. Сей, мнѣ отъ него врученный,
Откроетъ свитокъ ковъ противъ тебя враж-
дебный.

Къ рабѣ Іюліи во свиткѣ семъ прочти
Ты сына своего, сестры своей черты,
И зри въ нихъ умыслы, и злость на Маріамну,
На юныхъ чадъ твоихъ, на власть твою держав-
ну;

И какъ чрезъ образъ сей (*показывая портретъ
Маріамны*) хотѣли развратить
Іюлью съ Августомъ. Но онъ велѣлъ казнить
Уже сію рабу, вошедшу въ связь столь злостну.

ПРОДЪ.

Какую тайну мнѣ толь люту, толь поносну
Ты открываешь, Варръ? — Но чтобъ прельстить
собою,
Ликъ Маріамна въ Римъ препровождала свой.

ВАРРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! — прочти.

ПРОДЪ (прочтя свитокъ, съ торо-
пливостію Архелаю.)

Бѣги, спѣши скорѣе,
Спасай, о, Архелай! чего мнѣ нѣтъ милѣе

Отъ смерти ты мою супругу и дѣтей,
Невинность ихъ признай, часъ дорогъ, страшенъ
сей.

АРХЕЛАЙ.

Въ минуту, государь!

(Уходитъ.)

—
ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ АРХЕЛАЯ.

ИРОДЪ (въ ужасѣ и удивленіи.)

Такъ ты, коварна Соломія!
Жестокая душа, чрезъ происки столь злыя
Супруга и дѣтей клалась меня лишить?

(Къ Антипатру.)

И ты, искидокъ злой, съ ней могъ согласенъ
быть,

О, Антипатръ! на то, чтобъ зрѣть мое сверженье
Чрезъ Маріамнино со Августомъ сдруженье?
И чтобы въ столбъ меня Стратоновъ запереть,
Невинныхъ чадъ моихъ предать на тайну смерть,
И съ злой моей сестрой сѣсть на моемъ здѣсь
тронѣ?

О, адскій умыселъ, рожденный мрака въ лонѣ!
Внутрь бездны тартара, преступныхъ тайнъ въ
тиши.

Что жъ медлю казнями? Змія моей души,
Гдѣ Соломія ты? (*ищетъ глазами Соломію*) Сюда
ее влеките,

И съ злобнымъ аспидомъ (*указывая на Анти-
патра*) цѣпями ее свяжите.

Да пестрый ящеръ сей со черной жабой той
Въ единъ согбенны клубъ, повергнутся предъ
мною,

И мерзкая чета мученьемъ разорванна
Ослабитъ смерть мою, мертва коль Маріамна!

ВАРРЪ (римскимъ воинамъ.)

За Соломіею?

ИРОДЪ (смотря на Антипатра и Со-
верна.)

О, подлыя сердца!

Туманы смрадные вкругъ царскаго вѣнца!
Какой умъ бдительный, какая прозорливость
Отъ васъ остережетъ гонимую невинность?
Когда коварство сѣтъ гдѣ на кого плететь,
Безсильна мощь царя,—онъ жертвы не спасетъ;
Часъ къ пагубѣ найдутъ.

Я В Л Е Н І Е VІІІ.

ТѢ ЖЕ И КАДА (Расплаканная, а нѣ-
сколько погодя съ дру-
гой стороны Архелай
и Юда въ печальномъ
видѣ.)

КАДА.

Почти ужъ бездыханна
Услыша твой указъ, о, Иродъ! Маріамна,
Что о невинности ея ты все узналъ,
Что жизнь ея спасти врачамъ ты приказалъ,
Рѣшилась вмигъ принять противна зелья яду,
И отъ терзанья лишь почувствовавъ отраду,

Веселый вкругъ себя на всѣхъ кидая взглядъ,
Вставала, силилась идти тебя обнять;
Но вдругъ свирѣпая вступаетъ Соломія,
Кинжалъ въ рукѣ держа, какъ угли, взоры злые
На Маріамнинъ одръ бросаючи бѣжитъ,
Завоситъ остріе и ужъ почти разить;
Но я, ударъ сдержавъ ее, такъ отразила,
Что ста очами змѣй мнѣ взоры озарила
И пала предо мной, вонзя себѣ сталь въ грудь.
«Пусть такъ,» рекла: «умру, но ты не позабудь,
«О, Маріамна! коль останешься живою,
«Что я тебя съ пѣвцомъ покрыла клеветою;
«Что образъ твой къ вождямъ въ Римъ посыла-
ла съ тѣмъ,
«Да распалю къ тебѣ любовнымъ ихъ огнемъ;
«Оговорить тебя и Юдѣ я велѣла,
«И брата умертвя.....» сказавъ то, заскрыпѣла
Зубами на меня,—и въ смѣхъ рану зломъ
Руками разорвавъ, разсталась съ животомъ.
Багрова кровь текла изъ чреслъ ея рѣкою.
Царица въ слабости сей фуріею злою
Такъ устрашилася, что бывъ едва жива
Безчувственна, блѣдна лежала, какъ мертва;
Но лишь опомнилась, то о тебѣ мечтала,
Съ тобой какъ речъ вела, тебя какъ призы-
вала,
Желая зрѣть дѣтей.

АРХЕЛАЙ (впадая въ рѣчь.)

Увы! исчезъ ихъ слѣдъ.
Коринѣ съ сообщники мнѣ подали извѣтъ,

Что Антипатрово свершая повелѣнье,
Едва ль ужъ ихъ живыхъ послали въ заточенье.

СОВЕРНЪ (повергшись на колѣна.)

Я, я къ прогулкѣ ихъ въ полнощъ съ царицей
въ садъ

Уговоря, хотѣлъ оставить съ ними градъ,
Чтобъ тѣмъ спасти себя отъ предстоящей казни.

Но какъ они, моей не слѣдуя пріязни,
Не захотѣли въ бѣгъ отважиться со мной,
То града сей глава (*указывая на Антипатра*),
военной вдругъ рукой

Схвата и посадя ихъ всѣхъ на колесницу,
Хотѣлъ усиленно везть предмѣстья на границу
Проконсула во станъ; но вдругъ то отмѣня,
Не знаю почему, крамолой ихъ виня,
Привезъ предъ сандаринъ.

(Антипатръ и Юда, повергшись на
землю и стуча объ одну лбами.)

АНТИПАТРЪ.

Я виненъ!—Мысли злыя
На смерть ихъ мнѣ дала.....

ЮДА.

И злато, Соломія.

АНТИПАТРЪ И ЮДА (вмѣстѣ.)

Мы винны злу всему.

ИРОДЪ (съ страшнымъ крикомъ.)

Во узы въ Ерихонъ!

Разсѣкши въ части ихъ, сжечь мелкимъ въ
прахъ огнёмъ,
Да черный вранъ не зря на кости ихъ не вскря-
четъ

И лишь по мнѣ о нихъ Юдея вся восплачетъ.
Гробъ будетъ ихъ и мой за Маріамны смерть.

ВАРРЪ (къ римскимъ воинамъ.)

Исполните приказъ.

(Антипатръ, Совернь и Юда схваты-
ваются воинами и отягощаясь цѣпъ-
ми, уводятся вдаль театра.)

КАДА.

Еще надежда есть.

ИРОДЪ (воздѣвъ руки на небо.)

Будь милосердъ, мой Богъ!

ВАРРЪ.

Октавья повелѣнье:

Чтобъ у нее просить торжественно прощенье;
Когда жъ не такъ: престолъ оставить долженъ
ты.

(Када уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ КАДЫ.

ИРОДЪ.

Оставить даже свѣтъ я чту ужъ за мечты.
Что мнѣ величество, порфира и корона,
Коль буду жизнь влачить средь плача и средь сто-
на?

Сознавъ мою вину внутри совѣсти моей,
Спокойства получить я не могу безъ ней;
Я не могу дышать, зрѣть свѣтъ безъ Маріамны.
Всѣ жилы, мышцы всѣ я чувствую раздранны,
Сляченъ мой весь составъ, хладѣетъ, мерзнетъ
кровь.

О! коль ты жестока несчастная любовь!
Всевышній! посылаѣ къ Давыду Ты Нафана
Изобличить въ грѣхѣ, — пошли..... Нѣтъ! нѣтъ!
тирана

И безъ уликъ я зрю въ самомъ уже себѣ.
Въ терзаніи моемъ мнѣ помощь лишь въ Тебѣ.
О, помоги, Творецъ! Сокровище безцѣнно
Отъ самого меня, самымъ мной похищенно,
Мнѣ въ нѣдро возврати; (*указывая на сердце*)
хранилось тутъ оно!...

—

ЯВЛЕНІЕ Х.

МАРІАМНА приносится, лежащая въ креслахъ, сопровождаемая К а д о ю и прочими придворными.

ПРОДЪ (увидя издали.)

Что за мечтаніе, недвижимо, блѣдно?

Чья тѣнь безчувственна, безгласна, бездыханна?

Се мертвая жена? Увы! се Маріамна!

Ты представляешься, о, ангелъ во плоти!

Мнѣ въ образѣ такомъ? (*упади на колѣна, обнимаетъ*) Прости меня, прости!

МАРІАМНА (тихо).

Чей гласъ?—Супругъ мой ты? облобызай,—про-
щаю.

Но дѣти гдѣ?

КАДА (поддерживая, тихо.)

Ихъ нѣтъ.

МАРІАМНА.

О, Боже! у—ми—ра—ю.

(Кончается.)

КАДА (поддерживая Маріамну
сзади креселъ.)

Ахъ!

ПРОДЪ (обнимая Маріамну.)

Маріамна! ты безъ чувства, безъ огня,
Ты охладѣла вся, оставила меня!

Супруга нѣжная! злосчастлива Маріамна!

Взгляни, услышь меня! О, горестъ несказанна!

Геенна внутрь палитъ, вкругъ всюду страшна
мгла,—

Ужасная змѣя на грудь мою легла,

Рветъ лютый сердце звѣрь. Нѣтъ силъ—осла-
бѣваю.

(Упадаетъ на кресла и очуствовавшись въ сумасшествіи.)

Гдѣ, Маріамна, гдѣ тебя я обрѣтаю?

Межъ чистыхъ свѣтлыхъ водъ, въ лугахъ между
цвѣтовъ,

Межъ ангеловъ, въ тѣни Маврійскихъ рощъ ду-
бовъ

Поешь съ пѣвцомъ, съ дѣтьми; эдемски слышу
пѣсни,

Манишь меня къ себѣ. Но путь претитъ мнѣ
тѣсный!

(Вскакиваетъ въ бѣшенствѣ).

Нѣтъ! мрачныхъ предъ собой я вижу море волнъ,

На колесницѣ въ нихъ погрязнулъ Фараонъ;

Разверстая земля пожрала Аввирона,

Гулъ слышу жалобна изъ преисподней стона;

Младенцевъ тысящи плывутъ ко мнѣ въ крови;

На блюдѣ голова въ неистовой любви

Творитъ упреки мнѣ и льетъ потоки кровны;

Несчетны остоны, толпы тѣней безмолвны

Съ окостенѣлыми очами вокругъ идутъ,

И кровь свою мнѣ пить пригорщами подаютъ;

Побѣдъ моихъ трубы ревутъ мнѣ въ слухъ от-
всюды,

Передо мной лежатъ и позади тѣлъ груды.....

Раскаяніе рветъ, воображеніе жжетъ...

Ужасный полкъ духовъ отрады не даетъ!...

Змѣистыхъ молніевъ стрѣлъ туча вокругъ багрова
Летитъ, разитъ!

(Закрываетъ голову руками)

Ахъ! гдѣ укроюсь? Нѣтъ покрова!

(Бѣжитъ и упадаетъ къ Маріамнинымъ ногамъ.)

АРХЕЛАЙ (и всѣ вдругъ съ ужасомъ.)

О, Боже! Ахъ! онъ мертвъ!

ВАРРЪ.

Се блескъ великихъ дѣлъ!
Какъ трудно царствовать! (Къ Архелаю, подавая скиптръ) Пріими наслѣдный жезлъ.

АРХЕЛАЙ.

Я не возьму его безъ гласа ихъ (показывая на сендаринъ), безъ Рима.
По зрѣлищъ такомъ ужасна діадима!

РАЗСУЖДЕНИЕ

О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ,

или

ОБЪ ОДѢ.

—

Хотя еще въ 1752 году покойный профессоръ Тредьяковскій писалъ о семъ предметѣ, но весьма кратко, показавъ только слегка свойство, назначеніе и главныя черты Оды; а о красотахъ ея, или о прямомъ достоинствѣ, равно и о противномъ тому, не изъяснилъ въ подробности. Здѣсь сочинитель, почерпнувъ изъ лучшихъ писателей и изъ собственныхъ своихъ долговременныхъ въ семъ родѣ поэзіи опытовъ, показываетъ всѣ принадлежности изящной лиры. Но чтобы представить съ одной стороны обиліе и силу, а съ другой гибкость и способность Россійскаго Языка къ изображенію ясно и сладкозвучно всѣхъ чувствъ сердца человѣческаго, привелъ въ примѣры нѣсколько въ переводахъ изъ древнихъ, а болѣе изъ подлинныхъ произведеній отечественныхъ лириковъ, избѣгая притомъ елико возможно собственныхъ. Въ необходимыхъ же только случаяхъ, когда не зналъ въ чужеземныхъ и не находилъ въ Русскихъ, или думалъ, что они вполнѣ не объясняютъ его мыслей, употребилъ свои. Слово *одѣ*, по-Гречески пою, происходитъ отъ

мѣста, называемаго *οδευον*, гдѣ въ Аѳѣнахъ пѣвали рапсодіи или отрывки Гомеровоѣ Иліады и Одиссеи.

Ода, слово Греческое, равно какъ и псалмъ, знаменуетъ на нашемъ языкѣ пѣснь. По нѣкоторымъ отличіямъ въ древности носила на себѣ имя Гимна, Пеана, Диѳирамба, Сколіи, а въ новѣйшихъ временахъ иногда она то же, что Кантата, Ораторія, Романсъ, Баллада, Стансъ и даже простая пѣсня. Составляется строфами, или куплетами, мѣрнымъ слогомъ разнаго рода, и числомъ стиховъ; но въ глубокомъ отдаленіи вѣковъ единообразныхъ въ ней строфъ не примѣчается. Въ древнѣйшія времена препровождаема была простою мелодіею; пѣвалась съ лирою, съ псалтирюю, съ гуслями, съ арфою, съ цитрою, а въ новѣйшія и съ прочими инструментами, но болѣе, кажется, со струнными. По лирѣ, или по составу, къ музыкѣ способному, называется Ода лирическою поэзіею.

Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ пеленъ міра. Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ растроганныхъ чувствъ; упоеніе, или изліяніе восторженнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами міроздація, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести лирическимъ восклицаніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки, напояли живымъ чувствомъ и истор-

гали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ Оды; а потому она не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и отличается отъ прочей поэзіи. Она не наука, но огонь, жаръ, чувство.

Кто первый ввелъ ее въ употребленіе, опредѣлить трудно. Нѣкоторые по Священному Писанію присвояютъ то Іувалу сыну Ламехову, показателю гуслей и пѣвницы (*). Язычники Аполлону, научившему пастырей играть на свирѣли и сочинившему, послѣ пораженія Тифона, хоръ, называемый Номось. Иные же Меркурію, сдѣлавшему изъ черепахи лиру. Новѣйшіе писатели полагаютъ корень вообще поэзіи въ совокупномъ составѣ человѣка духовнаго и тѣлеснаго, снабженнаго творческою силою воображенія и гармоніи. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, а особливо ума пылкаго, наполненный мыслями, будучи въ уединеніи и въ полной свободѣ, обыкновенно въ задумчивости своей предавшись мечтанію, говоритъ съ собою, насвистываетъ, или напѣваетъ что нибудь. Самые грубые народы, во всѣхъ временахъ и во всѣхъ странахъ свѣта, даже не знавшіе употребленія огня, въ Мексикѣ, въ Перу, въ Бразиліи, въ Канадѣ, въ Камчаткѣ, въ Якутскѣ и въ другихъ почти необитаемыхъ мѣстахъ, носили и носятъ на себѣ сіе отраженіе лучей Премудраго Создателя. Они самую дикость свою оставили и начали собираться въ общества не чрезъ что другое,

(*) Въ книгѣ Бытія глава 4, стихъ 21.

какъ чрезъ пѣніе и лиру, подъ которою разумѣю всякое музыкальное орудіе. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но поелику не знаемъ мы старѣе лирической поэзіи еврейской, видимой нами въ боговдохновенныхъ пѣсняхъ Пророковъ, то и должно отдать въ изобрѣтеніи Оды преимущество сему народу, не токмо по древности его сочиненія, но и по высокому образу мыслей, каковыхъ въ самыхъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ языческихъ лирикахъ не встрѣчаемъ. Но положимъ, что всякаго другаго низшаго рода пѣснопѣнія могутъ источникомъ своимъ имѣть страсти, обстоятельства, природу; однако высокіе, священные псалмы (*) не что иное суть, какъ вдохновеніе Божіе.

Таковая первостепенная, священная Ода есть самое выпреннее, пламенное твореніе. Она быстрою, блескомъ и силою своею, подобно молніи объемля въ единый мигъ вселенную, образуетъ величіе Творца. Когда сверкаетъ въ небесахъ, тогда же низвергается и въ преисподнюю; извивается, чтобы скорѣе цѣли своей достигнуть; скрывается, чтобы ярчѣе облистать; прерывается и умолкаетъ, дабы вновь незапно и съвящимъ явившись устремленіемъ, болѣе звукомъ и свѣтомъ своимъ удивить, ужаснуть, поразить земнородныхъ. Вотъ примѣръ:

(*) Псалмъ происходитъ отъ глагола Греческаго *ψαλλο* «бряцаю, слегка ударяю по струнамъ,» по-Еврейски «Небелъ.»

«Освѣтиша молнія Твоя вселенную, подвижеся
«и трепетна бысть земля.»

Псаломъ 76, стихъ 19.

или:

«Тогда во всѣ предѣлы свѣта
«Какъ молнія достигнулъ слухъ,
«Что царствуетъ Елисавета,
«Петровъ въ себѣ имѣя духъ.»

Ломоносовъ.

Гимнъ пареніемъ своимъ нѣсколько ниже
Оды. Хотя и можно бы сей послѣдней предо-
ставить въ отличительное свойство ужасъ и уди-
вленіе могуществу, а первому благодарность и
славословіе за благодѣяніе и покровительство;
но по всегдашнему ихъ смѣшенію опредѣлить
прямую черту между ними трудно. Гимнами Евреи
въ разныхъ случаяхъ воспѣвали истиннаго Бога
и чудеса Его, а язычники—поклоняемыхъ ими
боговъ и человѣковъ, прославившихся знаме-
нитыми подвигами. Возносили ихъ при жизни,
славословили и по смерти. Гробы ихъ, когда
умолкала зависть, дѣлались у язычниковъ алта-
рями, а пѣсни гимнами. Сіе находимъ у всѣхъ
народовъ и во всѣхъ вѣкахъ. Гимны содержали
въ себѣ часть религіи и правоученія. Они пѣва-
лись при Богослуженіи, ими объясняемы были
оракулы, возвѣщаемы законоположенія, препода-
ваемы, до изобрѣтенія письменъ, славныя дѣла
потомству и проч.

Лира, или псалтирь, согласовалась ихъ предметамъ. Пѣли Гимны привосхожденіи солнца, при наступленіи ночи, при новомѣсячїи и ущербѣ луны, при собираніи жатвы и винограда, при заключеніи мира и при наслажденіи всякаго рода благополучіемъ, а равно и при появленіи войны, мороваго повѣтрія и какого либо иного бѣдствія, не отъ одного, или нѣсколькихъ молебщиковъ, но отъ лица всего народа. Чрезъ Гимны возносились благодаренія, славословія, моленія и жалобы божествамъ. Гласы ихъ были гласы благоговѣнія, наставленія, торжественности, радости, великолѣпія; или вопли негодованія, сѣтованія, мщенія, унынія, плача и печали. Вотъ что были въ глубокой древности Оды и Гимны, и что въ храмахъ, на театрахъ, въ чертогахъ и на стогнахъ народныхъ ими воспѣвалось. Онѣ были иногда подсказываемы конархистомъ (декламаторомъ), какъ у насъ стихиры, или провозглашаемы самимъ поэтомъ при звукѣ струнномъ. Видно сіе изъ многихъ псалмовъ Давида:

«Исповѣдайтесь Господеви въ гуслехъ: въ псалтири десятиструннѣмъ пойте Ему.»

Псал. 32, стр. 2.

ИЗЪ ОДЪ ПИНДАРА:

«Златая арфа Аполлона,
«Подруга чернокудыхъ Музъ!
«Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
«Монархъ веселья—пляска, ликъ.
«Когда же хоромъ управляя,

«Дашь къ совосклищанью знакъ:

«Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій

«Ты можешь молнии потушить!»

Изъ пѣсни Игоря:

«Едва Баянъ вѣщіе персты на струны вклада-
ше, и абіе они сами славу Кнезей рокоташу.»

Наконецъ при распространившемся общежитіи, изъ собраній народныхъ перешло пѣсно-пѣніе и въ круги семействъ. Тамъ воспѣвалось имъ все житейское: любовь, ненависть, дружба, вражда, всякая охота, сельскія упражненія, жизнь пастушья и тому подобное, изъ коихъ послѣдняя по нѣкоторымъ писателямъ беретъ у всѣхъ первенство. Сочинители ихъ, и купно пѣвцы, были у Египтянъ, Финикіянъ, Индійцевъ, Грековъ, Римлянъ, Аравитянъ и прочихъ народовъ, которые въ Южной Европѣ назывались Бардами (*), а на Сѣверѣ Скальдами. Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ и Друидовъ; но другіе называютъ ихъ только провѣщателями при жертвоприношеніяхъ (**).—То же ли, по дару вдохновенія, были у Евреевъ Пророки, а у Славяноросовъ, по глаголу баю, Баяны?—оставляю на разсужденіе искуснѣйшихъ въ древности; но скажу только, что всѣ ихъ пѣсни, по содержанію сво-

(*) Бардъ, пѣвецъ, собственно Галламъ и Британцамъ принадлежашій.

(**) И неугрюмые Друиды

Даютъ глухимъ вытьемъ отвѣтъ.

Соч. Держ. Ч. II.

ему, были почти у всѣхъ одинаковы; а по свойству (характеру) ихъ или выраженіямъ чувствъ, совсѣмъ различны. Климатъ, мѣстоположеніе, вѣтра, обычай, степень просвѣщенія и даже темпераменты имѣли надъ всякимъ свое вліяніе. Но вообще примѣчается, что чѣмъ народъ былъ дичѣе, тѣмъ пламеннѣе было его воображеніе, отрывистѣе и короче слогъ, менѣе связи распространенія и послѣдствій въ идеяхъ, но болѣе живописной природы въ картинахъ и болѣе вдохновенія. Напротивъ того, у образованныхъ обществъ болѣе разнообразія, распространенія, пріятности, блеску въ мысляхъ и мягкости въ языкѣ. Израильскій Пророкъ, проповѣдуя единство Божіе, движетъ силою Его холмы, обращаетъ рѣки къ вершинамъ, касается горамъ и дымятся. Греческій Бардъ, восхищенный славою своихъ витязей, гремитъ на ипподромѣ съ бѣгомъ колесницъ, мчится съ преспѣліемъ коней, увеличивая или украшая о нихъ свои понятія блескомъ двусоставныхъ словъ, называя Юпитера громовержцемъ, Нептуна землепрепосателемъ, Венеру голубоокою, Діану быстроногою и проч. Скальдъ Шкотовъ видитъ на облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную безмолвную природу и кровавыя брани. Славяно-россійскій Баянъ изображаетъ ратное восштаніе и ревность свою къ службѣ князя, что на концѣ копья онъ взлелѣялъ, dospѣхами повитъ и вычерпаетъ шлемомъ своимъ быстрыя рѣки.

Словомъ, всякій древній народъ, а особливо сѣверные, воспѣвая свои подвиги и свои упражненія, изъяснялись, относительно чувствъ своихъ, въ ихъ Гимнахъ и Одахъ своимъ образомъ; ставили славу свою въ героическихъ своихъ пѣсняхъ, гордились ими, и не имѣя ихъ, почитали себя несчастливými.

Но Ода, или Гимнъ, изображаютъ только чувства сердца въ разсужденіи какого либо предмета, а не дѣйствіе его. Гдѣ же останавливаются на дѣйствіи, тутъ уже сближаются къ Эпопее. Слогъ имѣютъ твердый, громкій, возвышенный, благородный, однако сходственный всегда съ предметомъ; въ противномъ случаѣ теряютъ свою изящность. Доказывается сіе Одою: «На счастіе» Жанъ-Баптиста Руссо, переведенною Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Послѣдняго слогъ не соотвѣтствуетъ высокому содержанію подлинника. И такъ Гимнъ и Ода заимствуютъ свое нарѣчіе, свои краски, свою силу отъ воспѣваемого ими предмета; но никогда площадныхъ, или простонародныхъ словъ себѣ не дозволяютъ, развѣ въ такомъ родѣ будутъ писаны; но здѣсь таковыя не имѣютъ мѣста. Впрочемъ качество или достоинство высокихъ Одъ и Гимновъ составляютъ: вдохновеніе, смѣлый приступъ, высота, безпорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новостъ чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, перескоки, обороты, околичности, сомнѣнія и вопрошенія,

W

противоположности, заимословія, иносказанія, сравненія и уподобленія, усугубленія или усилія и прочія витійственныя украшенія, не рѣдко правоученіе, но всегда сладкогласіе и вкусъ.

Хотя изъ вышепомянутыхъ украшеній, многія въ особенности принадлежатъ Риторикѣ и объяснены тамъ подъ именами разныхъ троповъ и фигуръ, но покажемъ, что такое они у лирика и какъ онъ ихъ употребляютъ:

✓ *Вдохновеніе*: не что иное есть, какъ живое ощущеніе, даръ Неба, лучъ Божества. Поэтъ въ полномъ упоеніи чувствъ своихъ разгорается высшимъ онымъ пламенемъ, или простѣе сказать, воображеніемъ, приходитъ въ восторгъ, схватываетъ лиру и поетъ, что ему велитъ его сердце. Не разгораясь и не чувствуя себя восхищеннымъ, и приниматься онъ за лиру не долженъ. Вдохновеніе раждается прикосновеніемъ случая къ страсти поэта, какъ искра въ пепѣ, оживляясь дуновеніемъ вѣтра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободреніемъ, поддерживается окружными видами, согласными съ страстью, которая его трогаетъ, и обнаруживается впечатлѣніемъ, или изліяніемъ мыслей о той страсти, или ея предметахъ, которые воспѣваются. Въ прямомъ вдохновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высококомъ пареніи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представленій. Отъ того-то въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая

мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющее. Но вдохновеніе можетъ быть не всегда высокое, а чаще между порывнымъ и громкимъ посредственное, заемлемое отъ воспѣваемаго предмета, обстоятельствъ или собственного состава и расположенія поэта; а потому и можетъ быть у всякаго свое и по временамъ отличное вдохновеніе по настроенію лиры, или по наитію генія. Исчислять всѣ его виды, было бы весьма пространно. Но вотъ нѣкоторые примѣры:

Грознаго:

« Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
« Что море въ ярости своей
« Съ предѣлами небесъ сражалось,
« Земля стенала отъ зыбей;
« Что вихри въ вихри ударялись,
« И тучи съ тучами спирались,
« И устремлялся громъ на громъ,
« И что надуты волнъ громады
« Текли покрыть пространны грады,
« Сравнять хребты горъ съ влажнымъ
дномъ.»

Ломоносовъ.

Гнѣвнаго:

« О, ты, что въ горести напрасно
« На Бога ропщешь, человѣкъ!
« Внимай, коль въ ревности ужасно
« Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!

«Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ
блистая

«И гласомъ грома прерывая,

«Словами небо колебалъ,

«И такъ его на распрю звалъ.

«Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною:

«Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ

«Моей возженныхъ вдругъ рукою

«Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,

«Мое величество вѣщали?» — и проч.

Ломоносовъ.

или:

«Претящимъ окомъ Вседержитель,

«Возрѣвъ на полкъ вечерній рекъ:

«О, дерзкій мира нарушитель,

«Ты мечъ противъ Меня извлекъ!

«Я правлю, солнце, землю, море,

«Кто можетъ стать со Мною въ спорѣ?»

Ломоносовъ.

Торжественнаго:

«Уже со многими народы

«Гласить эфиръ, земля и воды,

«И камни вопіють теперь!

«Къ намъ щедро Небо преклонилось,

«И счастье наше обновилось:

«На тронъ взошла Петрова Дщерь»

Ломоносовъ.

или:

«Тогда отъ радостной Полтавы

«Побѣды Росской звукъ гремѣлъ;

«Тогда не могъ Петровой славы
«Вмѣстить вселенныя предѣлы;
«Тогда вандалы побѣжденны
«Главы имѣли преклоненны,
«Еще при пеленахъ Твоихъ;
«Тогда предъявлено судьбою,
«Что съ трепетомъ передъ Тобою
«Падутъ полки потомковъ ихъ.»

Ломоносовъ.

РАДОСТНАГО:

«Коликой славой днесъ блистаетъ
«Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
«Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
«Въ пространномъ зданіи своемъ:
«Но воздухъ наполняетъ плескомъ.
«И нощи тму отъемлетъ блескомъ.
«Ахъ, если бѣ нынѣ Россовъ всѣхъ
«Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
«То бѣ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
«На вѣчный день перемѣнилась!»

Ломоносовъ.

или:

«Геройскихъ подвиговъ хранитель
«И проповѣдатель Парнассъ,
«Временъ и рока побѣдитель,
«Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ;
«Приближи къ небесамъ вершины,
«И для похвалъ Екатерины,
«Какъ наша радость, расцвѣтай,
«Шуми ручьями съ гласомъ лиры,

«Бореи преврати въ Зефиры,
«Представь зимой въ полнощи рай.»

Ломоносовъ.

Спокойнаго:

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
«Возлюбленная тишина!
«Блаженство селъ, градовъ ограда,
«Коль ты полезна и красна!
«Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
«И класы на поляхъ желтѣютъ;
«Сокровищъ полны корабли
«Дерзаютъ въ море за тобою;
«Ты сыплешь щедрою рукою
«Свое богатство по земли,» и проч.

Ломоносовъ.

или:

«Въ долину онъ стоитъ обширной,
«Гдѣ вѣчная цвѣтетъ весна:
«Стада гуляютъ въ паствѣ жирной,
«Всегдашня тамо тишина:
«Ни слезъ, ни стона тамъ не знаютъ;
«Другъ друга жители лобзаютъ;
«Щитъ Марсовъ, шлемъ и копье
«Лежатъ увитые цвѣтами;
«Возлегши миръ на нихъ локтями,
«Стрежетъ оружіе сіе.»

Херасковъ.

или:

«Сонъ сладостный не призираетъ
«Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,

«Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
«Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
«На коихъ по колосьямъ нивы
«Подъ тѣнью облаковъ игривый
«Перебирается Зефиръ,
«Гдѣ царствуетъ покой и миръ.»

Изъ Горация.

Тихаго:

«Россійско солнце на восходѣ
«Въ сей обще вождельный день
«Прогнало въ ревностномъ народѣ
«И ночи и печали тѣнь.
«Вспомняувъ часы веселы,
«Красуйтесь, счастливы предѣлы,
«Въ сердцахъ усугубляйте жаръ!»

Ломоносовъ.

или:

«Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
«Иль лучше льешь на насъ щедроты;
«Монархиня! коль благъ совѣтъ
«Для Россовъ вышнія доброты!»

Ломоносовъ.

или:

«Такъ вскрикнувъ, я повергся долу:
«Заглохнулъ стонъ болота дна,
«Замолкла лѣса бушеванье,
«Затихла тише тишина.
«Лежалъ простертымъ, чуть дыхая,
«Въ цвѣтахъ на берегу ручья,

«Надъ коимъ мѣсяцъ серпозлатый

«Блисталъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ,—исчезъ.»

Изъ Козегартена.

СТРАСТНАГО:

«Увижу ль съ нимъ тебя,—и вмигъ

«Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,

«Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ

«И молнія по мнѣ стремится;

«По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,

«По жиламъ хладъ я ощущаю;

«Дрожу, блѣднѣю,—и какъ злокъ

«Упадши, вяну,—умираю.»

Изъ Сафы.

или:

«Жизнь во мнѣ тобой хранится,

«Казнь и благо дней моихъ;

«Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,

«Буду живъ безъ связи ихъ.

«Тѣнь моя всегда съ тобою

«Неразлучно будетъ жить;

«Окружать тебя собою,

«Взглядъ твой, вздохъ и мысль ловить.»

Нелединскій.

или:

«Небеса, цари, вселенна,

«Все мнѣ милая моя.

«Лишь взглянула—я любовникъ;

«Пожелала—я поэтъ.»

Князь Горчаковъ.

НѢЖНАГО:

«Какъ мать стенаньемъ и слезами
«Крушится о сынѣ своемъ,
«Что онъ противными вѣтрами
«Отгнанъ, живетъ въ краю чужемъ,—
«Она минуты всѣ считаетъ,
«На брегъ во всякій часъ взираетъ,
«И проситъ щедры Небеса.»

Ломоносовъ.

или:

«Не видя пламенной Беллоны,
«Въ Едемскихъ жили бы садахъ,
«Имѣли бы свои законы
«Написанны въ твоихъ очахъ.»

Херасковъ.

или:

«Въ бесѣдѣ ли съ тобой бываю,
«Тебя одну въ ней вижу я,
«Шаги твои все замѣчаю;
«Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя,
«И съ кѣмъ ни молвила бѣ ты слово,
«Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,
«Тебѣ отвѣтствовать готово
«Мое все сердце на устахъ.»

Нелединскій.

или:

«Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ.
«Лавры, васъ я не ищу:

«Я и мирточкой доволенъ,
«Коль отъ милой получу.»

Дмитріевъ.

ПРІЯТНАГО:

«Млеко́мъ и медомъ напоенны,
«Тучнѣютъ влажны берега,
«И яснымъ солнцемъ освѣщенны,
«Смѣются злачные луга.»

Ломоносовъ.

или:

«Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
«Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
«Межъ бисерными облаками
«Сіяетъ злато и лазурь.»

Ломоносовъ.

или:

«Я слышу нимфъ поющихъ гласы,
«Носящихъ сладкіе плоды;
«Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны классы;
«Шумятъ огромныя скирды;
«Среди охотничей тревоги
«Лѣсами раздаются роги,
«Въ покоѣ представляя брань.
«Сіе богинѣ несравненной
«Въ избытокъ принесутъ осенной
«Земля, вода, лѣсъ, воздухъ въ дань.»

Ломоносовъ.

или:

«Какіе радостные плески,
«Огней торжественные блески,

«Куренія отъ алтарей?—
«Мольбы!—се лира для царей!»

Херасковъ.

Умилительнаго:

«Ты судъ и милость сопрягаешь,
«Повинныхъ съ кротостью казнишь,
«Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
«Ты осужденныхъ кровь щадишь:
«Такъ Нилъ смиренно протекаетъ,
«Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
«Но пользой выше прочихъ рѣкъ,
«Своею сладкою водою,
«Въ лугахъ зеленыхъ проливаю,
«Златой даетъ Египту вѣкъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Иль мало смертны мы родились,
«И должны удвоить свой тлѣнь?
«Еще ль мы мало утомились
«Житейскихъ тягостью бременъ?
«Воззри на плачъ осиротѣвшихъ,
«Воззри на слезы престарѣвшихъ,
«Воззри на кровь рабовъ твоихъ.
«Къ тебѣ любовь и радость свѣта,
«Въ сей день зоветъ Елисавета:
«Низвергни брань съ концовъ земныхъ.»

Ломоносовъ.

или:

«А Ты, Который обладаешь
«Единъ подсолнечною всей,

« На милость души преклоняешь
« Возлюбленныхъ Тобой царей,
« Хранишь отъ злого ихъ навѣта!
« Содѣлай, да владыки свѣта
« Внушать мою нелестну рѣчь;
« Да гласу правды кротко внемлютъ,
« И на злодѣевъ лишь поднимаютъ
« Тобою имъ врученный мечъ! »

Капнистъ.

Унылаго:

« Но, ахъ, жестокая судьбина!
« Безсмертія достойный мужъ,
« Блаженства нашего причина,
« Къ несносной скорби нашихъ душъ,
« Завистливымъ отторженъ рокомъ,
« Насъ въ плачъ погрузилъ глубококомъ,
« Внушивъ рыданій нашихъ слухъ;
« Верхи Парнаски возстенали,
« И музы воплемъ провождали
« Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ. »

Ломоносовъ.

или:

« Что такъ смущаешься, волнуешь,
« Безсмертная душа моя?
« Отколѣ пламенны желанья?
« Отколѣ тоска и грусть твоя?
« Се холмы синіе мерцаньемъ,
« Лугъ запахомъ спокойство льетъ;
« Но, ахъ! ничто не утоляетъ
« Унынья томна твоего! »

Изъ Козегартена.

или:

«Лѣса, влекущіе къ покою,
«Чертогъ любви и тихихъ дней!
«Куда вы съ прежней красотою
«Сокрылись отъ моихъ очей?
«Васъ та же зелень украшаетъ;
«Но мнѣ того ужъ не являетъ,
«Чѣмъ духъ бывалъ прельщаемъ мой:
«Вездѣ меня тягчатъ печали,—
«Вездѣ, гдѣ прежде восхищали
«Утѣхи, счастье и покой.»

Капнистъ.

или:

«Безъ друга и безъ милой
«Брожу я по лугамъ;
«Брожу съ душой унылой
«Одинъ по берегамъ.
«Тамъ тѣ же все встрѣчаю
«Кусточки и цвѣтки:
«Но, ахъ! не облегчаю
«Ничѣмъ моей тоски!»

Дмитріевъ.

или:

«Гдѣ найду я выраженья
«Все, что чувствую, сказать?
«Не достанетъ воображенья
«Чувствъ души моей обнять.
«Только два ихъ понимаю:
«Время на двое дѣлю,

« При тебѣ — все забываю,
« Иль безъ тебя — терплю. »

Нелединскій.

ПЕЧАЛЬНАГО:

« Безгласна видя на одрѣ
« Защитника, отца, героя,
« Рыдали Россы о Петрѣ;
« Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
« И сѣтовали всѣ мѣста:
« Земля казалася пуста:
« Взглянуть на небо — не сіяетъ,
« Взглянуть на рѣки — не текутъ,
« И горъ высокость осѣдаетъ;
« Натуры всей пресѣкся трудъ.

Ломоносовъ.

или:

« Россы! се Елисавета,
« Се Она во гробѣ здѣсь,
« И лучей лишена свѣта,
« Предается тлѣну днесъ;
« Се конецъ Ея судьбинѣ.
« Плачьте, Россы! плачьте нынѣ
« О Монархинѣ своей. »

Сумароковъ.

или:

« Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
« Ходитъ милаго вокругъ;
« Но, увы, прелестна Хлоя!
« Ужъ не встанетъ милый другъ! »

Дмитріевъ.

«Когда проходитъ все какъ прахъ,
«Когда для насъ и горестъ люта
«И часъ и каждая минута
«Къ блаженству будущему шагъ.»

Капнистъ.

или:

«Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
«Мы не знатны, ни велики;
«Но въ объятіяхъ твоихъ
«Меньше ль счастливъ я владыки?

Дмитріевъ.

Забавнаго:

«Зевесъ быкамъ далъ роги,
«Копыты лошадямъ,
«Проворны зайцамъ ноги,
«Зубасты зѣвы львамъ,
«Способность плавать рыбамъ,
«Пареніе орламъ,
«Безстрашный духъ мужчинамъ;
«Но что жъ онъ далъ женамъ?
«Чѣмъ все то замѣнить? —
«Красой ихъ надѣляетъ:
«Огонь и мечъ и щитъ
«Красавица сражаетъ.»

Изъ Анакреона.

или:

«Други! время скоротечно
«И не видишь какъ летитъ;
«Молодыми быть не вѣчно;
«Старость вмигъ насъ посѣтитъ.

«Что же дѣлать?—такъ и быть!

«Въ ожиданьи будемъ пить.

Дмитріевъ.

или:

«Ребята, намъ въ полѣ

«Отъ соднца сгорѣть,

«Дня жарка мнѣ болѣ

«Нѣтъ мочи терпѣть.

«Мы можемъ собраться

«Въ другой разъ сюда,

«Купаться, купаться

«Теперь череда!

Шишковъ.

Шутливаго:

П. Европѣ ужъ извѣстно,

Что силъ Донскихъ ты страшный вождь.

Въ расплохъ, какъ-бы колдунъ всемѣстно

Ты съ тучъ падешь, какъ снѣгъ, какъ
дождь.

По черныхъ вороновъ полету,

По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,

По рыску волчью, видя мѣту,

Подходишь къ вражьи́мъ вдругъ носамъ,

И зря на тускъ, на блескъ червонца,

По солнцу, иль противу солнца

Свой учреждаешь ертауль,

И тайный ставишь карауль.

Въ травѣ идешь—съ травою равенъ;

Въ лѣсу—и равенъ лѣсъ съ главой;

На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,

Но вихремъ мчится подъ тобой.

По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь,—и слѣду нѣтъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной,—
Стрѣлу сѣчешь ей вслѣдъ пущенной,
И бросаешь петли вокругъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей.

Смѣлый приступъ, или громкое вступленіе, бываетъ отъ накопленія мыслей, которыя, подобно водѣ, стѣснившейся при плотинѣ, или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шумомъ начинается свое стремленіе. Едва ли можно воспарять выше таковаго начала! Имѣющій вкусъ тотчасъ остановится тутъ, гдѣ примѣтитъ себя упдающимъ. Но находятся однако Оды, которыя начинаются тихо и отчасу выше восходятъ своимъ пареніемъ. Бываютъ и такія, которыя имѣютъ ровное и прямое направленіе; а другія мѣстами порывны и извивисты, каковы всѣ Ломоносова, смотря по предметамъ, какіе они описываютъ. Вотъ примѣры громкаго, тихаго и вдругъ возвышающагося вступленія.

Громкаго:

«Вонми, о, Небо! что реку.

«Земля! услышь мои глаголы:

«Какъ дождь на нивы потеку

«И какъ роса на злачны доли,

«Прольюсь и въ бездны преисподни

«Цѣть имя, чудеса Господни.»

Второзаконія глава 32.

или:

«Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,

«И вѣдайте, что можетъ Богъ!

«Воскресла намъ Елисавета:

«Ликуеть Церковь и чертогъ!

Ломоносовъ.

Тихаго:

«Заря багряною рукою

«Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ

«Выводить съ солнцемъ за собою

«Твоей державы новый годъ.

«Благословенное начало

«Тебѣ, Богиня, возсіяло.

«И нашихъ искренность сердецъ

«Предъ трономъ Вышняго пылаеть,

«Да счастьемъ Твоимъ вѣнчаетъ

«Его средину и конецъ!»

Ломоносовъ.

Тихаго и вдругъ возвышающагося:

«Сквозь тучи вокругъ лежащи черны,

«Твой горній кроючи полеть,

«Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,

«Ты грянулъ наконецъ!—и свѣтъ

«Отъ молніи Твоей горящей,

«Сердца Альпійскихъ горъ потрясшей,

«Струей вселенну пролетѣлъ;

«Чрезъ неприступны переправы

«На высотѣ Ты новой славы

«Явился, сѣверный Орелъ!»

Изъ оды: » На переходъ Альпійскихъ горъ».

Высокость, или *выспренность* лирическая, есть не что иное, какъ полетъ пылкаго, высокаго воображенія, которое возноситъ поэта выше понятія обыкновенныхъ людей, и заставляетъ ихъ сильными выраженіями своими то живо чувствовать, чего они не знали, и что имъ прежде на мысль не приходило. Но *высокость* бываетъ двоякаго рода: одна, *чувственная*, и состоитъ въ живомъ представленіи веществъ; другая, *умственная*, и состоитъ въ показаніи дѣйствія высокаго духа. Первая принадлежитъ къ Лирѣ, а другая къ Драмѣ. Посему-то иногда живое чувственное не можетъ быть высокимъ умственнымъ; ни самое высокое умное не можетъ быть живымъ чувствомъ. Словомъ, что живо, то не есть еще высоко; а что высоко, то не есть еще живо. Итакъ по сему понятію, лирическое высокое заключается въ быстромъ паженіи мыслей, въ непрерывномъ представленіи множества картинъ и чувствъ блестящихъ, громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтущимъ слогомъ выраженное, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе. Высокое же драматическое содержится въ тихомъ и спокойномъ дѣйствіи души великой, которая, бывъ выше другихъ, и въ слабостяхъ человѣка, твердостію и мужествомъ его, а не блескомъ однимъ воображенія и громомъ словъ, показываетъ въ немъ высокое существо и заставляетъ разумъ почитать его, или благоговѣть предъ нимъ. Кратко, прямая *Высокость* состоитъ въ силѣ духа, или въ истинѣ,

обитающей въ Богѣ. Одно справедливо изящное въ томъ и другомъ случаѣ есть только высоко. Въ Одѣ, которая изображаетъ, какъ пѣснь лирическая, превосходныя чувства, и тутъ же, какъ Эпопея, или Драма, описываетъ дѣйствіе великодушія, могутъ быть помѣщаемы и та и другая Высокость, но только поэтомъ, вкусъ имѣющимъ, чтобы не распространить дѣйствія, и тѣмъ не охладить чувствъ. Вотъ примѣры и той и другой Высокости и вообще ихъ обѣихъ.

Чувственной:

«Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
«Въ пространствѣ заблуждаетъ око.»

Ломоносовъ.

или:

«Лице любви толь прекрасно,
«Въ ночи горятъ колы звѣзды ясно
«И проникаютъ тихій понтъ;
«Подобно сей царицы взгляды
«Сквозь души и сердца идутъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Люди съ солнцемъ—людямъ ясно,
«А со мною—все туманъ.»

Московский Журналъ.

Умственной:

«Онъ тигровъ челюсти терзаетъ,
«Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,

«Велить лунѣ и солнцу стать.»

Ломоносовъ.

или:

«Взглянувъ въ Россію кроткимъ окомъ,

«И видя въ мракѣ ту глубокомъ,

«Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ,—

«И бысть!.....»

Ломоносовъ.

или: (въ нѣжномъ слогѣ.)

«О, души моей веселье,

«Для кого мнѣ жизнь мила!

«Я послѣдне ожерелье

«За тебя бы отдала!»

Московскій Журналъ.

Вообще чувственной и умственной:

«О, вы, не дремлющія очи,

«Стрегущія небесный градъ!

«Вы, бодрствуя во время ночи,

«Когда, покоясь, смертны спятъ,

«Взираете сквозь тѣнь густую

«На цѣлу широту земную.

«Но чаю, что вы въ оный часъ,

«Впротивъ естественному чину,

«Петрову зрѣли Дщерь едину,

«Когда пошла избавить насъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Умреть иль побѣдить здѣсь должно:

«Умремъ!—кликъ вторить по горамъ.»

Безпорядокъ Лирическій; значитъ то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстро текущихъ мыслей расположить логически. Поэтому Ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь, какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи. Лирикъ въ пространномъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, чрезъ которыя и при которыхъ достигъ ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ, или такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокупность, чтобъ скорѣе до него долетѣть. При всемъ томъ, если не предводитъ его разумъ, то хотя препровождать долженъ. Иначе, сей мнимый безпорядокъ будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ. Вотъ примѣръ Лирическаго Безпорядка, въ которомъ поэтъ, какъ изступленный, мечется отъ одной мысли къ другой, кажется безъ всякой связи, но сколько тутъ ума и сколько красотъ!

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,

«Ведетъ на верхъ горы высокой,

«Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,

«Въ долину тишина глубокой.

«Внимая нѣчто ключъ, молчитъ,

«Который завсегда журчитъ,

«И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;

Соч. Держ. Ч. II.

«Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
«Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
«Далече дымъ въ поляхъ курится.»

Ломоносовъ.

Единство Страсти, или одно главное чувство, въ лирической пѣснѣ, какъ въ Эпосѣ и Драмѣ единство дѣйствія господствовать долженствуетъ; ибо разсѣяніе за многими предметами отнимаетъ силу и быстроту у лиры. А для того, посвящая ее радости, можно теряться въ восхищеніяхъ и даже дерзать почти на сумасбродство, но отнюдѣ не переходить къ печали. Начиная ненавистью, не надлежитъ оканчивать любовью. Иначе любовь не будетъ уже противницею ненависти, или останется тою же самою страстію, какою и была, но только подъ сокрытіемъ. Сіе противострастіе видно въ нижеслѣдующей строкѣ:

«Такъ ты, такъ ты, таковъ-то лютъ!—
«Но, ахъ! средь самыхъ тѣхъ минутъ,
«Когда тебя я ненавижу,
«Когда тобой я грусть терплю,
«Съ тобой я твой порокъ люблю,
«Въ тебѣ еще все прелесть вижу.»

Впрочемъ Единствомъ называется и то, когда поэтъ предмета своего ни на мигъ не упускаетъ изъ виду. Примѣры сему: у Анакреона почти во всѣхъ Одахъ; у Горація въ книгѣ 1, въ Одѣ 10 *Къ Меркурію*, и между моими многія, изъ коихъ та Ода и Гимнъ *Кротости* ниже сего помѣщаются:

Къ Меркурію:

«Краснорѣчивый внукъ Атланта,
«Меркурій! дикій нравъ смягчившій гру-
быхъ смертныхъ
И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ кра-
сивый»

По правиламъ Палестры,

«Тебя, боговъ и Діа вѣстникъ,
«Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
«Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ
шуткахъ»

«Похитить, скрыть что хочешь.

«Обманомъ нѣкогда изъ стада,
«Бывъ юнъ еще, воловъ ты свелъ у Апол-
лона,

«И онъ, коль не отдашь, грозилъ; но стрѣлъ
вмигъ въ тулѣ»

«Не взвидѣвъ,—разсмѣялся.

«Ты щедраго въ пути Пріама
«Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ
и сквозь стана

«Прошедъ враговъ Троянъ, избѣгнулъ лю-
тыхъ стражей

«Фесальскихъ и Атридовъ.

«Вчиняя души благочестны
«Въ селеньяхъ радости, и легкія ихъ стаи
«Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ прія-
тенъ»

«Богамъ небесъ и ада.»

Гимнъ Кротости:

«Сіянье радужныхъ небесъ,
«Души чистѣйшее спокойство,
«Блескъ тихихъ водъ, Эдемъ очесъ,
«О, кротость! ангельское свойство!
«Отливъ отъ Бога Самого!
«Тебѣ, тобою восхищенный,
«Настроиваю, вдохновенный,
«Я струны сердца моего.

«Когда среди усердна жара
«Другихъ пѣтовъ лирный звукъ
«Царя земного полушара
«Гремитъ, — и Онъ изъ щедрыхъ рукъ
«Имъ сыплетъ бисеръ многоцѣнный —
«Его наградъ я не прошу;
«Но послѣ всѣхъ лептъ чувствій бранный
«Тебѣ я, кротость, приношу;

«Тебѣ! и ты того достойна.
«Ты ожерелье красоты,
«Ты сану мудрости пристойна,
«Все лучшимъ сотворяешь ты,
«И добродѣтели святыя
«Усовершенствуются тобой,
«У зависти и стрѣлы злыя
«Отъемлетъ милый образъ твой.

«Подруга ль гдѣ, ты дѣвъ прекрас-
ныхъ, —
«Ихъ скромный взглядъ—магнитъ сер-
дечъ.

«Наперсница ль въ любви женъ страст-
ныхъ,—

«Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ.

«Идутъ ли за твоей рукою

«Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ? —

«Плѣняють и враговъ тобою

«Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

«А если царская порфира

«И скиптръ украсятся тобой,—

«Монархъ тотъ, благодѣтель міра,

«Не солнцу ль равенъ онъ красой;

«На высотѣ блистая трона,

«Онъ освѣщаетъ и живитъ;

«Въ предѣлахъ своего закона

«Течетъ и всѣмъ благодѣлитъ.

«Не совмѣщаяся съ звѣздами,

«Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;

«Но равными для всѣхъ лучами

«Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.

«Проходитъ взоръ его сквозь бездны —

«И чела узниковъ златитъ;

«Чертоги наполняя звѣзды,

«Сіяньемъ въ хижины летитъ.

«Куда свой путь ни обращаетъ,

«Въ село, въ обитель, или градъ:

«Народъ его волной встрѣчаетъ,

«И дѣти на него такъ зрятъ,

«Какъ-бы на Бога лучезарна,

«Преклоншись старцы на клюкахъ,

«Движеньемъ сердца благодарна
«Сверкаютъ радостью въ очахъ.

«Такъ, кротость! такъ, ты привлекаешь
«Народныя къ себѣ сердца;
«Всѣхъ паче качествъ составляешь
«Въ царѣ отечества отца.
«Ты милосерда и снисходишь
«Въ людскія страсти, суеты;
«Надломленные не преломишь
«Былинки, по неправдѣ, ты.

«Сквозь вратъ проходитъ сокровенныхъ
«Всеобщая къ тебѣ любовь,
«Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
«Пролитую слезу и кровь;
«И какъ елень въ жаръ къ току водну
«Стремится жажду утолять,
«Такъ человѣчества ты къ стону
«Спѣшишь, чтобъ скорбь скорѣй унять.

«Ты не тщеславна, не спѣсива,
«Пріятельница тихихъ музъ;
«Привѣтлива и молчалива,
«Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
«Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
«Нигдѣ, никакъ и никого;
«О, если бы тебя не видѣлъ,
«Не написалъ бы я сего!»

Разнообразіе бываетъ троякое: одно въ картинахъ и чувствахъ, другое въ слогѣ и украшеніяхъ, третіе въ механизмѣ стиховъ, словоударе-

ніи или риѣмѣ. Въ первомъ, поэтъ, имѣющій вкусъ, старается выставить разныя картины, одну послѣ другой противоположныя, какъ то: ужасныя и пріятныя и проч. Во второмъ, согласуетъ слогъ свой съ описаніемъ предметовъ, или природы, понижая, или возвышая оный, громкими или тихими выраженіями. Въ третьемъ, перемѣняетъ стопосложеніе, мѣры и паденія, созвучно дѣйствию описываемому, медленнымъ или быстрымъ теченіемъ стиха. Все сіе весьма поражаетъ и удивляетъ слушателей. Но таковое Разнообразіе должно всегда усиливать единство, дѣлать главный предметъ привлекательнѣйшимъ, богатѣйшимъ, блистательнѣйшимъ тѣмъ самымъ, когда разные лучи его, какъ отраженія солнечныя, видомъ или качествомъ своимъ подобные ему, отъ всѣхъ его окружающихъ картинъ, дѣйствиій, звуковъ, побочныхъ чувствъ и извитій обращаются на лицо единства, и въ немъ одномъ сливаясь, распространяютъ, украшаютъ и усугубляютъ его великолѣпіе. Но тутъ надобно великое искусство, чтобъ всѣ сіи разнообразія постепенно сами по себѣ возвышались; картины становились блистательнѣе, чувства живѣе, звуки поразительнѣе, извитія перепутанностію своею болѣе любопытства возбуждали, и наконецъ всѣ бы они какою неожиданною нечаянностію, приводящею въ восторгъ и удивленіе, съ громомъ и блескомъ, или пріятнымъ чувствомъ вдругъ разрѣшались. Надобно однако, чтобъ при всѣхъ тѣхъ разнообразіяхъ не

было ничего натянутого, темнаго, замѣшаннаго, непостепеннаго, излишняго, или—какъ Пиндаръ говоритъ—такой несоразмѣрной нагрузки, которая отягощаетъ воображеніе; но все бѣ было ясно, все дѣльно, все естественно и необходимо такъ, чтобы, перешагнувъ рѣку, не говорить уже о переходѣ ручья. Впрочемъ, всякая другая неприличная разнообразность будетъ пестрый шутовской нарядъ, смѣхъ въ благоразумномъ читателѣ произвести могущій. Образцы Разнообразія относительно картинъ можно видѣть въ Одахъ Пиндара и Горація. Ломоносовъ имъ наполненъ. Прочіе наши поэты, а особливо Петровъ, показываютъ его довольно. Касательно же другихъ разнообразій, какъ то: возвышенія и пониженія слога, переменны звуковъ, отъ стопосложенія; то незнающему чужеземныхъ языковъ, а особливо греческаго и латынскаго, ни изъяснить, ни понять того не можно; но чтобъ читающіе только по-русски могли имѣть о нихъ нѣкоторое понятіе, смѣю предложить въ моихъ сочиненіяхъ Оды: *Къ любителю Художествъ, На взятіе Варшавы, Персея и Андромеду*. Наконецъ, Разнообразіе бываетъ и въ планѣ. Иныя при самомъ началѣ объявляютъ цѣль свою, другіе скрываютъ ту до конца, третьи такъ утаиваютъ, что и угадать трудно. Примѣръ перваго: у Ломоносова въ одѣ 19, *На новый 1764 годъ*; второго: у меня въ Одѣ *Павлинъ*; третьяго: у Горація во II книгѣ въ Одѣ IV, къ *Калліопѣ*, которой переводъ здѣсь слѣдуетъ и о коей понынѣ толкователи не соглас-

ны, съ какимъ намѣреніемъ она писана. Для показанія же разнообразія въ картинахъ, приведемъ въ примѣръ отрывки изъ *Пиндара*, *Ломоносова* и цѣлою небольшою мою Оду *На шествіе триты*.

Изъ Горація.

Къ Калліопѣ.

«Сойди ко мнѣ съ небесъ, царица Калліона!

«И громкою трубой, — иль нѣжнымъ зво-
номъ струнъ

«Отъ цитры Феба, иль когда предпочи-
таешь

«Ты голосъ свой всему, — воспой безсмерт-
ну пѣснь.

«Уже мнѣ слышится! — иль обаялся

«Прелестною мечтой, брожу въ густой чащѣ

«Священныхъ рощъ, и шумъ прохладнаго
Зефира

«И тихій внемлю токъ журчащаго ручья.

«Такъ, на горѣ Велькуръ еще въ мла-
денствѣ сущій,

«За рубежомъ родной Апуліи моей,

«Игрою утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣнен-
ный

«Таинственно вѣтвями я былъ отъ голубей.

«Всѣмъ населяющимъ вершины Ахеро-
ній,

«Навѣсисты скалы лѣсныхъ Бантискихъ
лебрь

«И тучны пажити долинъ Нискоферей-
скихъ,

«Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ,
что

«Неуязвляемый ни отъ медвѣдей лю-
тыхъ,

«Ни черноядныхъ змѣй, подъ злачнымъ
лавромъ я

«И миртовой въ тѣни почилъ священной
рощи.—

«Не безъ покрова, зная, Боговъ, былъ от-
рокъ смѣлъ!

«Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,

«Ни съ Филиппинскихъ рать бѣжавшая по-
лей,

«Ни древо Адское, ни волны Полинура

«Не погубили морь сицильскихъ въ хля-
бяхъ ихъ.

«Я вашъ, Камены, вашъ! — На холмы ли
Сабински,

«Въ прохладный ли Принестъ, въ пологій
ли Тибуръ,

«Или въ приморскіе вхожу вертепы Байски,

«Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не стра-
шусь.

«Доколѣ вы со мной, пловцемъ пушусь
охотно

«Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливій-
ски пѣтъ;

«Британовъ къ странникамъ и Коноканъ
свирѣпыхъ,

«Піющихъ конску кровь, Донъ скиѣскій
посѣщу.

«Вы, подвигъ Цезаря Великаго окончить,
«Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Піе-
ридъ,

«И воинство свое шлетъ въ браняхъ утом-
ленно

«Во грады на покой, — прохладой щед-
рите,

«И днесъ блаженные ему совѣты, крот-
ки

«Вдохнувъ, ликуете. — Мы знаемъ страш-
ный громъ

«Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и мо-
ремъ бурнымъ

«Кто править царствами и смертныхъ и
боговъ.

«Немалымъ ужасомъ Юпитера смутила

«Самонадѣйная та буйна, юна рать,

«Что слясь, мышцами подъявъ брато со-
дружно,

«Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Пе-
ліонъ.

«Но что возмогъ Пяеей? что Мимъ
ужасномочный?

«Что Ретъ и Энцеладъ, надменно съ корней
рвавши

«И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

«Противъ эгида что гремящаго Паллады?

«И пламенный вулканъ, царица и небесъ

«Стояла, Хера (*) гдѣ, и не слагающій

«Съ рамень своихъ стрѣлогремящій свѣт-
лый тулъ,

«И моющій власы разсыпанны златые,

«Струящися въ ключахъ Кастальскихъ ча-
стыхъ водъ,

«И въ отчихъ родшихся витающій дубра-
вахъ

Ликійскихъ, Патернскій и Дельскій Апол-
лонъ!

«Лишенна падаетъ благоразумья сила

«Подъ бременемъ своимъ. Благоразумьемъ
мощь

«Соразмѣряему возводятъ боги выше.

«Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

«Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ
сторукій

«И непорочныя Діаны Орионъ,

«Помнившій на соблазнъ. — Онъ скоро
укрошеннымъ

«Сталъ въ дерзости своей дѣвической стрѣ-
лой.

(*) Юнона.

« На собственныхъ своихъ низверженна ч
« Земля стена скорбитъ о чадахъ тѣхъ с
« Что сдхнуты молніей во мрачны бездныа
« И Этна брошена на нихъ—еще горить.

« Нечестіе стрещи опредѣленна птица
« Рвать невоздержнаго не престаеть доднес
« Титія печени, и влюбчива связуютъ
« Пиритоя еще трехсотны склепы узъ. »

Изъ Пиндара:

« Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
« Орелъ, пернатыхъ царь, и внизъ
« Спустия высокопарны крылья,
« Во сладостномъ забвеньи спить.
« Пріятна мгла, смежая вѣжди,
« Главу его на перси гнетъ;
« Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
« Чуть зыблется хребетъ его.

« Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
« Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсней музъ;
« Трепещетъ на землѣ и морѣ
« Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
« Трепещетъ и Тивою стоглавый,
« Воитель бывый на боговъ;
« Низверженъ страшною горою,
« Онъ въ мрачномъ тартарѣ лежитъ.

« Изъ челюстей своихъ извержетъ
« Потокѣми всежрущій огнь,
« Который днемъ сквозь тучи дыма

«Сверкаетъ искрами въ Аэръ:
«А ночью, вихрями крутяся,
«Горящимъ, каменнымъ дождемъ,
«Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
«Въ морскую глубину падеть.»

Изъ Ломоносова:

«Тамъ тмою острововъ посѣянъ,
«Рѣкъ подобенъ Океанъ,
«Небесной синевою одѣянъ,
«Павлина посрамляетъ вранъ.
«Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
«Что пестротою превышаютъ
«Одежду нѣжныя весны;
«Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
«И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
«Не знаютъ строгія зимы.

«И се Минерва ударяетъ
«Въ верхи Риѳейски копіемъ:
«Сребро и золото истекаетъ
«Во всемъ наслѣдіи твоёмъ.
«Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
«Что Россамъ въ руки предается
«Драгой его металлъ изъ горъ,
«Который тамъ натура скрываетъ;
«Отъ блеску дневнаго свѣтила
«Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.»

Шествіе по Волхову

Россійской Амфитриты:

«Что сіяетъ отъ заката

«Въ полнощъ полудневный свѣтъ?
«Средь багряна стклянна злата
«Кто по Волхову плыветъ?
«Полкъ Тритоновъ трубить въ трубы;
«Рыбъ на днѣ сребрится бѣгъ;
«Пляшутъ холмы, скачутъ дубы,
«Съ плескомъ рукъ бѣжитъ въ слѣдъ берегъ,
«И шумятъ струи жемчужны!

«Посидонъ ли съ Амфитритой
«Озираетъ ходъ то рѣкъ,
«Чтобъ судами ставъ покрытой
«Онъ довольство всюду влекъ?
«Иль Прекраса перевозитъ
«Въ Выбудцкѣ Игоря въ ладьѣ,
«Огнь къ себѣ любви въ немъ множитъ,
«Жжетъ и сердце имъ свое?
«Красота съ геройствомъ дружны!

«Нѣтъ—не древнихъ дивъ картина
«Удивляетъ смертныхъ взглядъ;
«Шествуетъ Екатерина
«Со Георгомъ въ Петроградъ!
«Ладогана зрю сурова—
«Снѣго блещущи власы
«Онъ взбугря чела сѣдова,
«Изъ-подъ длани на красы
«Взоръ стремится звѣзды полночной.

«Какъ—гласить—Екатерина!
«Вновь мнѣ блещетъ Божество?
«Имя вѣсть о Ней едина

«Мнѣ восторгъ и торжество!
«Рекъ — и взоръ къ прекрасной дщери
«Осклабляя — подавъ знакъ,
«Чтобъ Ее вестъ Понта въ двери...
«И Нева, преклонши зракъ,
«Въ градъ ведетъ преузорочный.

«Петрополь встаетъ на встрѣчу,
«Башни всходятъ изъ-подъ волнъ.
«Не Славенска внемлю вѣчу,
«Слышу музъ аѳинскихъ звонъ.
«Вижу мраморы, граниты
«Богу вносятся на храмъ;
«За заслуги знамениты
«Въ память вождамъ и царямъ
«Зрю кумиры изваянны.

«Вижу, — Сѣвера Столица
«Какъ цвѣтникъ межъ рѣкъ цвѣтетъ,
«Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ царица
«И ее прекраснѣй нѣтъ!
«Бельтъ въ безмолвіи зеркало
«Держитъ предъ ея лицомъ,
«Чтобы прелестями блистало
«И вдали народамъ всѣмъ,
«Какъ румяный отблескъ зарьный.

«Вижу лентѣи летучи
«Разноцвѣтны по судамъ;
«Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
«Къ камнетесаннымъ брегамъ.
«Вижу пристаней, цѣпь зданій,

«Торжищъ, стогновъ чистоту,
«Злачныхъ рощъ, путей, гуляній
«Блескъ, богатство, красоту, —
«Красотѣ Царя подобну!

«Межъ народа тамъ Онъ зрится,
«Какъ Отецъ между дѣтей;
«Но здѣсь молнія стремится
«Отъ Его въ строяхъ мечей—
«И отзывъ Его перуна
«Ужъ трясетъ среду земну.
«Онъ, избравъ днесъ вождя юна,
«На рогатую луну
«Повелѣлъ вести брань злобну.

«Фениксъ сей изъ праха отча
«Вставъ паритъ во звѣздный кругъ;
«Гордость, зависть, злоба, молча
«Въ немъ признавъ воинскій духъ,
«Защищать Стамбуль престанутъ,
«Въ Азію Магметъ уйдетъ;
«Вновь Элады лиры грянутъ
«И почтять тогда весь свѣтъ
«Александра алтарями.

«Но доколѣ совершится
«Древній сей пророчій гласъ,
«Норда Царь тѣмъ веселится,
«Что межъ льдовъ растетъ Парнассъ,
«Что художества, науки
«Расцвѣтавъ въ Его тѣни,
«На Него простерши руки

«Славословятъ щедры дни
«И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

«Но всѣхъ лучше украшеній
«Милосердья алтари;
«Духъ мой полнъ тамъ восхищеній;
«Гдѣ равны богамъ цари.—
«Вижу вдовъ, сиротъ притворы,
«Рукодѣльи юношъ, дѣвъ,
«За болящими призоры,
«И всѣхъ нивъ благихъ посѣвъ
«Зрю Маріиною рукою!

«Вижу домъ весь благодатный,
«Братьевъ, Сестръ,—Божествъ соборъ,—
«Тихій нравъ и какъ пріятный
«Лучъ—Елисаветинъ взоръ!
«Поспѣшай къ намъ, Амфитрита!
«Россовъ всѣхъ утѣшь сердца;
«Да душой Орла повита
«Будетъ юнаго птенца
«Намъ рожденнаго Тобою!»

Краткость. Извѣстно, что пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно. Поелику высокая Ода наполняется горячимъ, сильнымъ чувствомъ; то и разумѣется, что Ода должна быть кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновеннымъ чувствомъ какого либо предмета; а потому и не можетъ то чувство долго продолжаться въ равной силѣ. Если жъ кому пре-

восходное вдохновеніе, или даръ, позволить рас-пространяться, то надобно, чтобы онъ пламени своему умѣлъ придавать непрестанно новую пищу; чтобы все продолженіе было такъ напитано душею, какъ цѣпь электрическою силою, которая, при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи ока, или слуха, издавала бы отъ каждаго звена своего блескъ и трескъ. Повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей, одѣтыхъ только другими словами безъ чувствъ, не токмо бываетъ не нужно, но и непріятно. Въ томъ великая тайна, чтобъ проникательную, быструю душу умѣть занимать всегда новымъ любопытствомъ. По сей-то причинѣ всѣ лучшіе лирики предметъ свой показывали только съ той стороны, которая болѣе поражаетъ, и едва сдѣлавъ ею впечатлѣніе, столь же стремительно оставляли, какъ за нее принимались. Впрочемъ, краткость не въ томъ одномъ состоитъ, чтобъ сочиненіе было не длинно, но въ тѣсномъ совмѣщеніи мыслей, чтобы въ немногомъ сказано было много, и пустыхъ словъ не было. Вотъ примѣры Краткости въ цѣломъ твореніи и въ слогѣ возвышенномъ и простомъ.

Въ цѣломъ возвышенномъ:

«Коль зрѣлище красно, пріятно,

«Гдѣ вкупѣ братія живетъ!

«Благоуханье ароматно

«Какъ на браду съ главы течетъ,

«Браду священну Аарона,

«Струящусь на ометы ризъ;
«Или Синая и Ермона,
«Когда верхи, преклоншись внизъ,
«Багрянымъ серебромъ сверкаютъ,
«И каплетъ на цвѣты роса:
«Такъ ввѣкъ на домъ ихъ изливаютъ
«Благословенъе Небеса.»

Псалм. 132.

Въ цѣломъ простомъ:

«Сабинскаго вина, простова,
«Немного изъ большихъ кувшиновъ
«Днесъ выпьетъ у меня Меценъ!
«Что самъ на греческихъ винъ гнѣзда
«Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день —

«Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
«Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
«Со плескомъ рукъ—и громъ отъ хвалъ
«Твоихъ съ береговъ родимыхъ Тибра
«Звучалъ сверхъ Ватиканскихъ горъ.

«Ты у себя вино Секубско
«И сладки пьешь Калески соки;
✓ «Но у меня ихъ нѣтъ — и гроздь
«Ни Форміанскій, ни Фалернскій
«Моихъ не благовонитъ чашъ.»

Изъ Горациа.

Въ слогъ возвышенномъ:

«Идетъ ли къ трону—всѣмъ любима!
«Зажглась война—непобѣдима!

«Желаешь мира—миръ цвѣтетъ!»

Херасковъ.

или:

«Ты дхнешь—дубовъ столбній лѣсъ

«Косматымъ корнемъ вверхъ ложится;

«Гремишь—и каменный утесъ

«..... падетъ, крушится.»

Бобровъ.

Въ слогъ простомъ:

«Простое сердца чувство

«Для свѣта ничего;

«Тамъ надобно искусство,

«А я—не зналъ его.»

Моск. Журн.

Правдоподобіе; во всякомъ сочиненіи, а болѣе въ Одѣ, или Гимнѣ, нужно, потому что лира издревле посвящена на сохраненіе дѣлъ народа или лучше на расширеніе славы его. Поелику же истина одна даетъ вымысламъ вѣроятіе, а вымыслы истину только украшаютъ, то и надобно, чтобъ лирическая пѣснь содержала въ себѣ нѣкоторую правду, или быль, а безъ того она не достигнетъ своего значенія. Правдоподобіе состоитъ въ томъ, чтобъ собраны были всѣ приличія и принадлежности къ воспѣваемому предмету въ пособіе, дабы ему чрезъ нихъ казаться болѣе вѣроятнымъ. Безъ сего не возбудитъ онъ вниманія, не затвердится въ памяти у современниковъ и не перейдетъ чрезъ преданіе къ потом-

ству. Напримѣръ: ежели лирикъ говоритъ, что *тотъ велльз волнамъ*, — и волны отступили, то должно, чтобы *тотъ* былъ Богъ, или по крайней мѣрѣ человѣкъ, снабженный Божескою силою, дабы возмогъ творить такія чудеса; чтобы былъ Юпитеръ, когда двумя шагами претекъ вселенную; чтобы былъ Россъ, обладатель полсвѣта, когда полсвѣта очертилъ блестящій его мечъ. Безъ сей осторожности всякое подобное кичливое изреченіе предъ прямымъ знатокомъ будетъ не золото, а шумиха, могущая забавлять только дѣтей. Вотъ примѣры правдоподобія:

«Но если гордость ослѣпленна

• «Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;

«Тебѣ, въ женахъ благословенна,

«Противъ ея помощникъ Богъ.

«Онъ верхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,

«И тучи страшныя нагонитъ

✓ «Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.

«Лишь только ополчишься къ бою, —

«Предъидетъ ужасъ предъ Тобою,

«И слѣдомъ воскурится дымъ.»

Домоносовъ.

или:

«Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?

«Кто ходъ Его остановитъ?

«Какъ океанскихъ водъ разливу

«На встрѣчу кто поставитъ щитъ?»

Домоносовъ.

или:

«Колоссъ Россійскій! свой смири прегордый
видъ,

«И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ

«Престаньте болѣе считаться чудесами!

«Вы смертныхъ бранными содѣланы ру-
ками:

«Нерукотворная здѣсь Росская гора,

«Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,

«Пришла во Градъ Петровъ чрезъ Невскія
пучины

«И пала подъ стопы Великаго Петра.»

Рубанъ.

Новость, или необыкновенность чувствъ и выражений, заключается въ томъ, что когда поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченіями, подобіями, чувствами, или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ, или переносномъ смыслѣ, такъ, чтобы онѣ по сходству съ употребительными, извѣстными картинами, или самою природою, по тѣмъ или другимъ качествамъ, не взирая на свою новость, тотчасъ ясны становились и плѣняли разумъ. Витійственныя сѣти сіи не потому нравятся знатокамъ, что онѣ остро выдумань; но что ласкаютъ ихъ самолюбію, когда настоящій оныхъ разумъ скорѣе, чѣмъ простой народъ, понимаютъ. Напримѣръ: они гордятся тѣмъ, что въ стрѣлахъ Пиндара слышатъ поразительные звуки арфы, сердца ихъ услаждаю-

щіе; а въ стрѣлахъ Гомера видятъ лучи Аполлона, или солнца, смертельную язву Грекамъ наносящіе, чего другіе не видятъ и не слышатъ. Вотъ примѣры новыхъ чувствъ и выраженій:

У «Не мѣдъ ли въ чревѣ Этны ржетъ,
«И съ сѣрою кипя клокочетъ?
«Не адъ ли тяжки узы рветъ
«И челюсти разинуть хочетъ?»

Ломоносовъ.

или:

«Цѣлуйтесь громы съ тишиною,
«Упейся молнія роскою;
«Стань рядъ планетъ въ счастливый
знакъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Я зрю плывущихъ Этнѣ побѣдоносный
строй.
«Ихъ парусы — крылѣ; ихъ мачты — лѣсъ
дремучій!

Петровъ.

или:

• «Хорошо въ тѣремахъ изукрашено:
«На небѣ солнце — въ тѣремѣ солнце,
«На небѣ мѣсяцъ — въ тѣремѣ мѣсяцъ,
«На небѣ звѣзды — въ тѣремѣ звѣзды,
«На небѣ заря — въ тѣремѣ заря
«И вся красота поднебесная.

Изъ древ. Русск. стихотвореній.

или:

«Онъ жажда твоихъ всѣхъ утоленье,
«Онъ чуденъ вменемъ Своимъ,
«Любовь и свѣтъ — Его есть сущность;
«Его — *когда* — всегда есть съ нимъ;
«Его — *идь* — здѣсь и повсемѣстно;
«Его подобіе — есть ты;
«Его отсвѣтъ — въ тебѣ блистаетъ.
«Гордись, мой братъ, величьемъ симъ!»

Изъ Козегартена.

Олицетвореніе и оживленіе, суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, не имѣющія образа, а равно вещественныя, лишенныя видимыхъ нами чувствъ, гласа и движенія, олицетворяетъ и оживляетъ, дабы понятнѣе представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ сказать, новый волшебный, очаровательный міръ, и имъ удобнѣе удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирическій поэтъ къ возвышенію своего предмета не рѣдко пользуется таковыми вымыслами. Вотъ примѣры олицетворенія и оживленія.

Олицетворенія:

«Европа утомленна въ брани,
«Изъ пламени поднявъ главу,
«Къ тебѣ свои простерла длани
«Сквозь дымъ, куреніе и мглу.»

Ломоносовъ.

или:

«Москва едина, на колѣна

«Упавъ, передъ Тобой стоитъ,
«Власы сѣдые простираетъ,
«Тебя, Богиня, ожидаетъ.»

Ломоносовъ.

О живленія:

«Тамъ холмы и древа взываютъ
«И громкимъ гласомъ возвышаютъ
«До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Встаютъ верхи Риѳейски выше:
«Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
«Желая Твой увидѣть свѣтъ.»

Ломоносовъ.

Блестящія живыя картины, то есть, съ природою сходственные виды, которые мгновенно мягкихъ или чувствительныхъ людей поражаютъ воображеніе, и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства. Картины сіи въ лирической поэзіи (не говоря о эпической) должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно, или пріятно начертаны. Излишнее распространеніе у нихъ отнимаетъ цѣну. Здѣсь болѣе всего идутъ иперболы (или увеличиванія). Одного, или нѣсколькихъ членовъ довольно, чтобы представить страшнаго великана, остальное дополнить воображеніе. Вотъ примѣры величественныхъ, ужасныхъ и пріятныхъ картинъ:

Величественныхъ:

«Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
«Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
«Своими чистыми струями
«Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
«Сѣдитъ и ноги простираетъ
«На степь гдѣ Хину отдѣляетъ
«Пространная стѣна отъ насъ;
«Веселый взоръ свой обращаетъ,
«И вдругъ довольства исчисляетъ,
«Возлеги локтемъ на Кавказъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Уже изъ свѣтлыхъ вратъ санфирныхъ
«Направилъ коней ты эфирныхъ,
«Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшатъ летѣть.»

Ломоносовъ.

или:

«Втапоры вынималъ Казарянинъ
«Вонъ изъ налушна свой тугой лукъ,
«Изъ калчана калену стрѣлу,
«Хочетъ застрѣлить черна ворона—
«А и тугой лукъ свой потягиваетъ;
«Калену стрѣлу поправливаетъ;
«И натянулъ свой тугой лукъ за ухо,
«Калену стрѣлу—семи четвертей—
«И завыли рога у туга лука,
«Заскрыпѣли полосы булатныя.»

Изъ древн. Русск. стихотвореній.

УЖАСНЫХЪ:

«Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
«По холмамъ грозный исполинъ,
«Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
«Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
«Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
«Подъ сильною его пятою
«Кремнистые бугры трещать
«И слѣдомъ дерева лежать.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Тамъ кони бурными ногами
«Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
«Тамъ смерть межъ Готѣскими полками,
«Бѣжитъ ярясь изъ строя въ строй.
«И алчну челюсть отверзаетъ
«И хладны руки простираетъ,
«Ихъ гордый исторгая духъ,
«Тамъ тысячи валятся вдругъ.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Червь кровоглавый точитъ умершихъ;
«Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Зміи въ крапивѣ шипятъ.»

Карамзинъ.

ПРІЯТНЫХЪ:

«Блѣйшей мрамора рукою
«Любовь несетъ передъ собою
«Младыхъ Супруговъ свѣтлый ликъ.
«Сама смотря на Нихъ дивится

«И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится,
«И къ онымъ тщательно приникъ.
«Кругомъ ея умильны смѣхи
«Взирающихъ плѣняютъ грудь,
«Пріятности и всѣ утѣхи
«Цвѣтами устилаютъ путь.»

Ломоносовъ.

или:

«Зелену ризу по лугамъ
«И по долинамъ расширяя,
«Изъ устъ зефирами дыхая,
«Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Какъ сводъ небесъ яснѣетъ синей,
«По немъ звѣздъ бездна разстлана;
«Древа блестящъ кудрявитъ иней,
«И свѣтитъ полная луна;
«Далече выстрѣлъ раздается,
«И дымъ, какъ облакъ, къ верху вьется.

Петровъ.

Отступленіе, или уклоненіе отъ главнаго предмета дѣлается съ умысломъ, чтобъ сперва болѣе возбудить вниманіе, по какой причинѣ онъ оставленъ, а потомъ, представя его съ вѣщимъ громомъ, или блескомъ, увеличить чье либо мужество, добродѣтель, премудрость, невинность и проч., а тѣмъ привести въ восторгъ и удивленіе слушателей. Вотъ примѣры Отступленія:

«Позволь,—мнѣ жаръ велитъ сердечный,
«Монархія, въ сей свѣтлый день,
«Какъ въ имени Твоемъ Предвѣчный
«Поставилъ намъ покоя сѣнь,
«Безмолвно предвѣщая царство,
«Чтобъ миромъ свергла Ты коварство,—
«Позволь мнѣ духа взоръ простерть
«На брань и сродство милосердо,
«Гдѣ кротости жилище твердо,
«Жалка и сопостатовъ смерть.

«О, коль мечтанія противны!
«Объемлютъ совокупно умъ!
«Доброты вижу здѣсь предивны!
«Тамъ пламень, звукъ, и вопль, и шумъ!
«Здѣсь полдень милости и лѣто,
«Щедротой общество нагрѣто;
«Тамъ смертну хлябь разинулъ адъ!
«Но Промыслъ мракъ сей разгоняетъ,
«И волны въ мысляхъ укрощаетъ,
«Отверзся въ славѣ Божій градъ.

«Еѳиръ, земля и преисподня
«Зиждителя со страхомъ ждутъ!
«Я вижу Отрока Господня
«Пріемлюща небесный судъ.
«Всесильный властію Своею
«Вѣщаетъ свыше къ Моисею:
«— Я въ ярости ожесточу
«Египту сердце вознесенно;
«Израиля неодоѣнно
«Пресвѣтлой силой ополчу. —

«Сіе жъ явилъ Богъ въ наши лѣта,

«Неистову воздвигнувъ рать,

«Дабы Тебѣ, Елисавета,

«Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дать.»

Ломоносовъ.

или:

«Се внемлю новой славы звуки!

«Меня видѣнія влекутъ;—

«Младенцы, простирая руки,

«Раждаются и такъ рекутъ.....»

Херасковъ.

или:

«Не драгоцѣнностей алканье,

«Не слава, не хвала людей

«И не предметъ тобою избранный

«Волнують во груди твоей;

«Но тотъ,—прочь отъ очесъ повязка!

«Запона и отъ слуха прочь!»

Изъ Козегартена.

Перескокомъ называется то, что показываетъ выпускъ, или промежутокъ между понятіями, когда не видно между ими надлежащаго сопряженія. Духъ нашъ самъ по себѣ быстръ; но когда еще разгоряченъ какою страстію, то стремительнѣе бываетъ. Въ жару мысли тѣсняются, летятъ, и какъ всѣхъ ихъ вдругъ высказать не можно, то нѣкоторыя изъ нихъ не договариваются, или пропускаются; а важнѣйшія токмо какъ-бы выпорхиваютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ нахо-

дились въ кругу нашего воображенія, оставляя прочія безъ примѣчанія, кои бы могли служить имъ связью. Отъ того-то мысли иногда кажутся оторванными, неполными, но какъ онѣ, хотя отдаленно, однако другъ за другомъ слѣдуютъ, то сіе отдаленіе и кажется промежуткомъ или выпускомъ, которое читатель, имѣющій проницательный умъ и могущій слѣдовать за полетомъ піита, легко самъ своею догадкою дополнить можетъ. Сіе положеніе лирика прекрасно изображаетъ наша древняя русская прибаутка:

«Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ.
«Конь его поднимается
«Выше дерева стоячаго,
«Ниже облака ходячаго;
«Горы и доли между ногъ пускаетъ,
«Быстрыя рѣки хвостомъ покрываетъ.»

Но примѣтитъ должно, что таковыя перескоки пристойны только въ чрезвычайно важныхъ стремительныхъ ощущеніяхъ страстей. Вотъ примѣры:

«Азъ рекъ,—(во гнѣвъ ко врагамъ моимъ,
«Вы свидѣтели), и гдѣ они?»

Бытія книга.

или:

«Сокровищъ полны корабли
«Дерзаютъ, (плыть) въ море за Тобою.»

Ломоносовъ.

или:

«Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ Тебѣ всѣхъ трудъ» (обращены).

Ломоносовъ.

или:

«Нечестіемъ законъ поправъ,

«Порокомъ долгъ и судъ изгнанъ;

«Моря и острова въ неволѣ:

«И Ты, о Господи, доколѣ?—»(терпишь).

Петровъ.

Оборотъ или обращеніе. Когда поэтъ средь выпренняго своего полета, будто задумавшись, опомнивается вдругъ и обращается къ чему либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету. Или, неожиданно перервавъ свою матерію, начинаетъ другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержаніе; или вызы-ваетъ когонибудь себѣ въ помощь, въ свидѣтели, и проч. Это мастерская уловка, чтобы тако-вымъ образомъ владѣть, или лучше, на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. На-добенъ тутъ сильный, искусный ѣздокъ, или, просто сказать, необыкновенный восторгъ. Чѣмъ круче и быстрѣе будетъ оборотъ, тѣмъ болѣе заслужить удивленія. Но при всемъ томъ, чтобъ оборотъ былъ, какъ выше сказано, къ чему либо важнѣйшему, или превосходнѣйшему; а иначе исчезнетъ его блескъ. По сему самому

требуется въ семь извѣтїи большаго дарованїя. Кажется, принадлежит онъ въ особенности Ломоносову. Онъ таковыми великолѣпными оборотами наполненъ, и никто изъ нашихъ пїитовъ съ нимъ въ таковыхъ не сравняется. Вотъ примѣры:

«Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,

«И отъ Меня вліянны духъ;

«Въ безчисленны промчится роды

«Добротъ твоихъ не ложны слухъ.

«Тобой поставлю судъ правдивый,

«Тобой сорту сердца кичливы,

«Тобой Я буду злость казнить,

«Тобой заслугамъ мзду дарить;

«Господствуй утвержденна Мною,

«Я буду завсегда съ тобою.

«Но что страны вечерни тмятся

«И дождь кровавыхъ капель льютъ?

«Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,

«И долы съ влагой пламень льютъ?

«Тамъ видя выше горизонта

«Входяща Готеска Фаетонта

«Противъ теченїя небесъ,

«И вкругъ себя горящій лѣсъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Какая бодрая дремота

«Открыла мысли явный сонъ?

«Еще горитъ во мнѣ охота

«Торжественный возвыситъ тонъ.
«Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
«И купно ясный день сіяетъ!»

Ломоносовъ.

или:

«Но кая странна рѣчь приходитъ
«Въ мой полный трубныхъ гласовъ слухъ?
«Къ любезной кротости преводитъ
«Въ сурову брань вперенный духъ?
«Вы, яры волны, укротитесь;
«Вы, бури, въ тихость превратитесь;
«Внимай со страхомъ смертныхъ умъ;
«Умолкни лютой брани шумъ;
«Престаньте смерть родящи звуки;
«Почійте, копья, мечъ и луки!»

Петровъ.

или: (когда вызываетъ.)

«О, вы, которыхъ ожидаютъ
«Отечество изъ нѣдръ своихъ,
«И видѣть таковыхъ желаетъ,
«Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
«О, ваши дни благословенны! —
«Дерзайте, нынѣ ободренны,
«Раченьемъ вашимъ показать,
«Что можетъ собственныхъ Платоновъ
«И быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ
«Россійская земля раждать.»

Ломоносовъ.

или:

«О, Тѣнь великая, покойся!

«Мы помнимъ тмы Твоихъ заслугъ;
«Безмолвна въ вѣчности устройся —
«Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.

Ломоносовъ.

или:

«Возстань, Платонъ, и посмотри,
«У насъ Минерва на престолѣ.»

Петровъ.

Околичности, вмѣщенія, или переходы къ какой либо другой матеріи, сходственной качествомъ своимъ воспѣваемому предмету. Они употребляются въ такомъ случаѣ, когда изящность побочнаго содержанія вдругъ встрѣчая, увлекаетъ поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждаетъ его искать въ другомъ мѣстѣ обогащенія ему. *Околичностей*, или вводовъ такихъ эстетики полагаютъ два рода: первый въ текстахъ Священнаго Писанія, или какихъ либо премудрыхъ изреченіяхъ людей великихъ (апофегмахъ), или общихъ истинахъ (аксіомахъ); другой историческій, или басенный. Можно бы, кажется, прибавить астрономическій, или астрологическій, заимствуя оный изъ небесныхъ знаковъ, или явленій, которыми поэтъ мнѣніе свое подкрѣпляетъ. Послѣднія приличествуютъ болѣе лирику потому, что поэзія вѣще украшается вымыслами. *Околичностями* болѣе всѣхъ изобилуетъ Пиндаръ. Вотъ примѣры:

Премудрыхъ изреченій:

«Цвѣтутъ во славѣ Мною царства,
«И пишутъ правый судъ Цари.»

Ломоносовъ.

или:

«Отецъ духовъ не есть Богъ мертвыхъ;
«Онъ Богъ,—но Богъ есть вѣчной жизни.»

Бобровъ.

или:

«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.»

Исторической:

«Супружню, Ольга, смерть отмщая,
«Казнить искусствомъ Искорестъ;
«И тмы невѣрства избѣгая,
«Спѣшитъ до просвѣщенныхъ мѣстъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Въ своихъ увидишь въ предкахъ явны
«Дѣла велики и преславны,
«Что могутъ духъ природѣ дать.
«Уже молодого Михаила
«Была къ тому довольна сила
«Упадшую Москву поднять.»

Ломоносовъ.

или:

«Се новый Александръ родился
«И берегъ Невскій возгордился,

«Что Росскія Минервы внукъ,
«Умножить древней славы звукъ.»

Херасковъ.

БАСЕННОЙ:

«Что дымъ и пепель отрыгая,
«Мрачилъ вселенну Энцеладъ;
«Реветь подъ Этною рыдая,
«И тѣломъ наполняетъ адъ;
«Зевесовымъ пронзенъ ударомъ
«Въ отчаяньи трясется яромъ,
«Безсиленъ тяготу поднять.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Тамъ Мемель въ видѣ Фаетонта
«Стремглавъ летя, Нимфъ прослезилъ,
«Въ янтарнаго заливахъ понта
«Мечтанье въ правду превратилъ»

Ломоносовъ.

Астрономической, или Астрологической:

«Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
«Рукою Отрока держащу.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Тамъ мужъ, звѣздами испещренный,
«Свой свѣтлый натягаетъ лукъ,
«Діана стрѣлы позлащенны
«Съ нимъ мечеть изъ прекрасныхъ рукъ.
«Се небо показываетъ ясно,
«Коль то съ добротами согласно

«Рожденные въ признакахъ сихъ:
«Отъ ней геройство съ красотою
«Повсюду миромъ и войною
«Лучи пускаютъ дней златыхъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Что се! — средь дня въ эфиръ блещетъ
«Сложенный изъ созвѣздій Крестъ,
«И очи кроя, Туркъ трепещетъ.
«Ты, муза! чтуща книгу звѣздъ,
«Мнѣ знаменія рцы причину. —
«Тезоименный Исполину,
«Максентій коимъ побѣжденъ,
«Защитникъ вѣры, славы Россовъ,
«Гроза и ужасъ чалмоносцовъ,
«Великій Константинъ рожденъ.»

Петровъ.

или:

«На темный вижу шаръ подлунный
«Съ равнинъ небесныхъ горныхъ мѣстъ
«Овенъ молодой, золоторунный
«Незапно вшелъ, и всталъ средь звѣздъ.
«Не кротости ль символъ въ немъ зрится?»

Сомнѣнія и вопрошенія. Когда поэтъ, въ упоеніи своего восторга, представляетъ себѣ, будто въ чемъ сомнѣвается, и дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту, или силу своего предмета, или страсти. Разрѣшенія таковыхъ сомнѣній чрезъ

вычайно поражаютъ слушателей. Вотъ примѣры:

Вопрошеній:

«Что такъ тѣснить боязнь мой духъ?
«Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ.
«Что бьетъ за страшный шумъ въ мой слухъ?
«Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ.
«Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
«Небесная отверзлась дверь;
«Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
«Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ,
«Умытымъ кровію мечемъ
«Гоня враговъ, Герой открылся.»

Ломоносовъ.

или:

«Но что за громы ударяютъ?
«Се гласъ мой звучно повторяютъ
«Земля и вѣтры и валы!»

Ломоносовъ.

или:

«Кто въ громъ радостные клики
«И огонь отъ многихъ водъ даетъ?
«И кто ведетъ въ перунахъ лики? —
«Великая Елисаветъ!»

Ломоносовъ.

Сомнѣній:

«Не сей ли при Донскихъ струяхъ
«Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
«И Персы въ жаждущихъ степяхъ
«Не симъ ли пали пораженны?»

Ломоносовъ.

или:

«Что жъ се? — Діянъ я прекрасной
«Уже послѣдую въ лѣсахъ,
«Отъ коей хитростью напрасной
«Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!»

Ломоносовъ.

Противуположности весьма усиливаютъ и украшаютъ предметы, когда поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ. Вотъ примѣры:

«Тамъ степи, кровью напоенны,
«Взрастили лавры намъ зелены.»

Ломоносовъ.

или:

«Въ войну кипитъ съ землею кровь,
«И суша съ моремъ негодуетъ;
«Владѣетъ въ мирны дни любовь,
«И вся натура торжествуетъ.
«Тамъ заглушаетъ мысли шумъ;
«Здѣсь краситъ всѣ довольства умъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Ты внѣ гроза, ты внутри покровъ.
«Полки сражая, внѣ воюешь;
«Но внутри безъ крови торжествуешь.
«Ты буря тамъ, здѣсь тишина.»

Ломоносовъ.

или:

«Съ Бореемъ вшелъ въ союзъ Зефиръ.»

Херасковъ.

или:

«Я ласкалась, ты чуждался;

«Утѣшала, ты скучалъ;

«Я стенала, ты смѣялся:

«Я лобзала, ты терзалъ;

«Я сердилась и рвалась,

«Что въ обманъ тебѣ далася,

«И хотѣла цѣпь прервать;

«Но лишь только что смягчалась,

«Пуще я въ тебя влюблялась

«И гналась тебя искать.»

Поповъ.

Займословіе, или рѣчь займообразно, такъ сказать, какому либо существу одушевленному, или неодушевленному поэтомъ данная, должна быть въ лирическомъ твореніи весьма краткою; иначе длинный посторонній рассказъ сообщаетъ лирѣ нѣкоторую холодность и сухость, дѣлая сочиненіе не токмо драматическимъ, но вялымъ, скучнымъ и непріятнымъ. Вотъ примѣръ *Займословія*:

«Благословенна вѣчно буди,

«Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней,

«И всѣ твои съ тобою люди,

«Что ввѣрилъ власти Я твоей.»

Ломоносовъ.

или:

«Исполненъ я веселья нынѣ,
«Что вновь дѣла Мои растутъ:
«Вѣщаетъ Петръ Екатеринѣ;
«Твои совѣты всѣ цвѣтутъ. —
«Блаженны Дщерью Мы Своею
«Рука Господня буди съ нею.»

Ломоносовъ.

или:

«Тогда Божественны науки
«Чрезъ горы, рѣки и моря,
«Въ Россію простирали руки
«Къ сему Монарху, говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
«Подать въ Россійскомъ родѣ новы
«Чистѣйшаго ума плоды.»

Ломоносовъ.

или:

«Сіяющъ звѣздными очами,
«Странѣ Россійской говоритъ:
«Ликуй!... дошли въ предѣлы вѣчны
«Твои желанія сердечны,
«И милующій Россовъ Богъ
«Младенца далъ Тебѣ въ залогъ.»

Херасковъ.

Иносказаніе (*), *инорѣченіе*, (*аллегорія*) или *остроумное прикрытіе прямого смысла*, когда

(*) Въ простонарѣчій — отверница.

поэтъ, не хотя назвать вещь по какой либо известной ему причинѣ прямымъ ея именемъ, называетъ въ переносномъ или настоящемъ смыслѣ другою вещію, и чрезъ то придаетъ возвышеніе или пониженіе своему предмету; или когда, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностями его, какъ-бы подъ рукою, истинныя его доброты, или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему либо самолюбію, или издѣваясь надъ онымъ, изъ коихъ послѣдній случай называется Иронією, или насмѣшкою. Вотъ примѣры важной и насмѣшливой аллегоріи:

Важной:

«Тамъ вдругъ облегъ драконъ ужасный
«Мѣста святы, мѣста прекрасны,
«И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
«Весь свѣтъ чудовища страшится,
«Единъ лишь смѣло устремиться
«Россійскій можетъ Геркулесъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Парящій слышу шумъ орлицы,
«Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ!»

Ломоносовъ.

Насмѣшливой:

«Орлы на тое не взираютъ,
«Что львовы челюсти зіяютъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
«Политика и правосудье,
«Умъ, совѣсть и законъ святой
«И логика пиры пируютъ;
«На карты ставятъ вѣкъ златой —
«Судьбами смертныхъ пунктируютъ.
«Вселенну въ трантелево гнутъ:
«Какъ полюсы, меридіаны,
«Науки, музы, боги — пьяны,
«Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ.»

Сравненія и уподобленія суть іероглифы, или нѣмой языкъ поэзіи. Поелику она по подражательной своей способности не что иное есть, какъ говорящая живопись: то и сравниваетъ два предмета чувственнымъ образомъ между собою, или вдругъ рѣшительно ихъ другъ другу уподобляетъ, дабы чрезъ то, не говоря много, изобразить о нихъ яснѣе свои понятія, или лучше сказать, чтобы неизвѣстный или невидимый предметъ представить чрезъ видимый въявь, или налицо; и тому изъ нихъ, которому поэтъ желаетъ придать болѣе совершенствъ, занявъ ихъ отъ другого. Въ сихъ украшеніяхъ нужно: въ первомъ быстрый и пронизательный умъ, чтобъ скоро умѣть схватить и вѣрно сличить разность и сходство; а въ другомъ, живое, сильное воображеніе, чтобъ спечаткомъ, или спискомъ замѣнить подлинникъ. Таковыя сравненія и уподобленія чрезвычайно оживляютъ и украшаютъ лиру. Вотъ примѣры:

СРАВНЕНІЙ:

«Какъ лютый мразъ весна прогнавши
«Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
«Туманы, бури, свѣгъ поправши,
«Являетъ ясны дни странамъ,
«Вселенну паки воскрешаетъ,
«Натуру намъ возобновляетъ,
«Поля цвѣтами красить вновь:
«Такъ нынѣ милость и любовь,
«И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
«Насъ жизнью оживляетъ новой.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Да возрастетъ Ея Держава, ;
«Богатство, счастье и шолки,
«И купно дѣлъ геройскихъ слава.
«Какъ токъ великія рѣки
«Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
«Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
«И множество градовъ поить,
«Разлившись на поля восходитъ;
«Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
«И жатвы щедро богатить.»

Ломоносовъ.

ИЛИ:

«Прекрасно солнце на восходѣ
«Приноситъ нову жизнь природѣ:
«Аврора тако вашихъ дней,
«Любовь и качества душевны

«Сулятъ намъ радости полдневны
«И вѣкъ златой Россіи всей.»

Херасковъ.

или:

«Увивается тутъ родная матушка:
«Она плачетъ такъ, какъ рѣка льется:
«А родна сестра плачетъ, какъ ручей те-
четъ;
«Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ;
«Красно солнышко взойдетъ росу высу-
шить.»

Изъ русской пѣсни.

Упомянутый:

«Въ луга усыпаны цвѣтами
«Царица трудолюбныхъ пчелъ,
«Блестящими шумя крылами,
«Летитъ между прохладныхъ селъ;
«Стекается, оставивъ розы
«И сотомъ напоенны лозы,
«Со тщаніемъ отъсюду рой,
«Свою царицу окружаетъ!
«И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
«Усердіемъ вперенный строй.

«Подобнымъ жаромъ воспаленный,
«Стекался здѣсь Россійскій родъ,
«И радостію восхищенный
«Тѣснясь, взиралъ на Твой приходъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Подобно граду онъ густому
«Летяще воинство тѣснилъ,
«Искалъ со стороны пролому
«И рвался въ сердце нашихъ силъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Едемскому подобна саду,
«Россія въ наши дни цвѣтетъ;
«Всеобщую сердецъ отраду
«Мой стихъ усердно воспоетъ.»

Херасковъ.

Усугубленія, или и усилія, могутъ быть употреблены съ успѣхомъ, когда поэтъ, желая съ одной стороны распространиться, а съ другой, опасаясь быть растянутымъ, единообразнымъ, или такъ сказать одноцвѣтнымъ, а потому самому и скучнымъ, напрягаетъ, или усиливаетъ предвѣдущія свои мысли и чувства повтореніемъ какого либо одного слова, усугубляя тѣмъ быстроту своего паренія, и дая себѣ тѣмъ способъ къ перемѣнѣ и къ накопленію другими картинами и чувствами своего содержанія, главный предметъ его обогащающими. Вотъ примѣры:

«Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены,
«Видѣнія Ея лишены,
«Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за Ней.—
«Сердцами пойдутъ, и устами
«Въ восторгъ сладкомъ возгласятъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Ея и бодрость и восходъ

«Златой наукамъ вѣкъ доставить,

«И отъ призрѣнія избавить

«Возлюбленный *Россійскій* родъ.

«*Россійскій* родъ! коль ты ужасенъ

«Въ поляхъ противъ своихъ враговъ,

«Толь домъ твой въ пѣдрахъ безопасенъ.

«Ты внѣ гроза, ты внутри покровъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Глаголь временъ! металла звонъ!

«Твой страшный гласъ меня смущаетъ,

«Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,

«Зоветъ, — и къ гробу приближаетъ.

«А тамъ — израненный герой,

«Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій;....

«А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ;....

«А тамъ — на лѣстничный восходъ

«Прибрелъ на костыляхъ согбенный,

«Безстрашный, старый воинъ тотъ

«Тремя медальми украшенный,

«Котораго въ бою рука

«Избавила тебя отъ смерти, —

«Онъ хочетъ руку ту простерти

«Для хлѣба отъ тебя куска.

«А тамъ.....

Нравоученіе. — По той ли причинѣ, что поэзія
языкъ боговъ, голосъ истины, проліявшей,

свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вож-
ди и законодатели, какъ то: Божественный Мой-
сей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридъ, Зоро-
астръ, Брамго, Солонъ, Одень, наконецъ Маго-
метъ и многіе другіе были поэты, и законы свои
изрекали стихами, или по чему другому; но только
извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣ-
кахъ принято было за правило, которое и понынѣ
между прямо просвѣщенными мужами сохраняет-
ся, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго
рода проповѣдывать благочестіе—или науки пра-
вовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способною
лирическую поэзію, въ разсужденіи ея краткости
и союза съ музыкаю, чѣмъ удобнѣе она затвер-
живается въ памяти, и забавляя, такъ сказать,
просвѣщаетъ царства. Китайцы и нѣкоторые
другіе народы начинаютъ тѣмъ воспитаніе дѣ-
тей, что заставляютъ ихъ затверживать наизу-
стъ стихотворные отрывки, или краткія на-
ставительныя пѣсни. Индѣйцы, Браминской
секты, до того довели сіе употребленіе, что знат-
наго поколѣнія беременнымъ женщинамъ напѣ-
ваютъ набожные, или правоучительные стихи,
увѣряя, что яко бы души младенцевъ, въ утробѣ
еще сущихъ, напояются благочестіемъ посред-
ствомъ душъ материнскихъ. Подлинно ли это
такъ, не утверждаю; но вижу и въ Сколіяхъ (о
коихъ ниже объяснится) древнихъ Грековъ, что
и при самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ пир-
шествахъ наставленія изъ виду выпускаемы не
были. Первобытныя славныя лирики, до насъ

дошедшіе, то свидѣтельствуютъ. Дикіе даже, бѣдность и угнетеніе терпѣвшіе Скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладателямъ разительныя, но полезныя истины. Ихъ иногда гнали, потому ли, что правды міръ не терпитъ, или непріятенъ пророкъ въ отечествѣ? — Эдуардъ I, король англійскій, даже истреблялъ ихъ. Но, напротивъ того, добрые государи, отцы отечества, любившіе доблесть и благочестіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. Цѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. Они ободряли ихъ самихъ и воинство къ мужественнымъ подвигамъ и къ презрѣнію смерти. Словомъ, древній вдохновенный сѣверный Скальдъ былъ изступленникъ вѣры, законовъ, вольности, славы, чести, любви къ отечеству и вѣрности своему государю. Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни, метался онъ между ужасами и опасностями, какъ полуумный, проповѣдывая добродѣтель. Полуденный Бардъ былъ то же. Псалтирь наполненна благочестіемъ. Самый первый псалмъ не что иное, какъ правоученіе. Пророкъ вдохновенный (Vates), или древній лирикъ былъ одно и то же. Онъ былъ Герольдъ Неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ, славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ вѣки! Посему-то, думаю я болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ

Оды Пиндара и Горація, что въ первомъ блещутъ искры Богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Въ разсужденіи чего правоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но даже ихъ и украшаетъ. Вотъ примѣры:

Изъ Пиндара:

«Такъ милостью боговъ единыхъ

«И въ добродѣтеляхъ своихъ

«Всѣ процвѣтають человеки!

«Блаженства лишь они дождятъ:

«Чрезъ нихъ премудрые—премудрость;

«Краснорѣчивы — сладость устъ;

«Могущіе — ихъ силу стяжутъ,

«И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

«Межъ тѣмъ раждать пріятнѣй зависть,

«Чѣмъ сожалѣнье намъ. И ты

«Не преставай идти въ слѣдъ славѣ:

«Рулемъ довѣрья правь народъ,

«Судъ искушай въ горнилѣ правды,

«Малѣйшу искру отъ царя

«Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ:

«Тмы вокругъ свидѣтелей тебя.

«Ревнуешь ли потомства къ чести?—

«Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ,

«И щедрымъ быть не отрекайся;

«Но паче вѣтромъ парусъ твой

«Вздувай подобно мореходцамъ;

« Лишь никогда, любезный мой,
« Не обольщайся царедворцевъ
« Лукавой сладостью словесъ.»

Изъ Горація:

« Кто хочетъ только, что лишь нужно,
« Тотъ не заботится никакъ,
« Что море взволновалось бурно,
« Что огненный вращая зракъ,
« Медвѣдица низходитъ въ бездны.

Изъ Ломоносова:

« Услышьте, судіи земные,
« И всѣ державныя главы,
« Законы нарушать святыя
« Отъ буйности блюдитесь вы,
« И подданныхъ не презирайте,
« Но ихъ пороки исправляйте,
« Ученьемъ, милостью, трудомъ.
« Вмѣстите съ правдою щедроту,
« Народну наблюдайте льготу;
« То Богъ благословитъ вашъ домъ.

или:

« О, коль Монархъ благополученъ,
« Кто знаетъ Россами владѣть!
« Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
« И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.»

Изъ Хераскова:

« О, смертные! не истребляйте
« Своей надежды на Творца;

«И гордостью не отравляйте
«Во благоденствіи сердца.
«Хотя земные суть владыки
«Предъ смертными у насъ велики,
«Но Богъ и надъ царями Царь.
«Какъ хочетъ, всѣми управляетъ,
«Престолы рушить, возставляетъ,
«Однимъ всю движетъ перстомъ тварь.»

Изъ Петрова:

«Ты обществу своимъ примѣромъ показалъ,
«Что истинный герой безъ зависти родится,
«И качествомъ своимъ во другѣ веселится.»

Сладкогласіе или сладкозвучіе. Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что поэзія и музыка есть разговоръ сердца; что ищутъ онѣ побѣдъ единственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда нѣжныя струны ихъ созвучностію своею въ нихъ отзываются. Греки, достигая до сего, такъ обработали и одоброгласили свой языкъ, что, при слышаніи Гимновъ, препровождаемыхъ лирою, почитали ухо своею душою и дополняли имъ недостатокъ ихъ разума. У сѣверныхъ Скальдовъ столь утонченъ былъ слухъ, что признавался отливомъ картинъ живущаго свѣта, до чего ни древніе, ни нынѣшніе полуденные народы не достигли. Я подъ симъ понимаю, что они были совершенные мастера звукоподражательнаго стихотворенія. Знатоки въ томъ

и другомъ искусствѣ тотчасъ примѣтитъ, согласна ли поэзія съ музыкою въ своихъ понятіяхъ, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ картинахъ и, наконецъ, въ подражаніи природѣ. Напримѣръ: свиститъ ли выговоръ стиха и тонъ музыки при изображеніи свистящаго, или шипящаго змѣя, подобно ему; грохочетъ ли громъ, журчитъ ли источникъ, бушуетъ ли лѣсъ, смѣется ли роща — при описаніи раздающагося гула перваго, тихобормочущаго теченія второго, мрачноунылаго завыванія третьяго и веселыхъ отголосковъ четвертой; словомъ: одѣта ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово имъ приличнымъ тономъ; поражается ли ими сердце; узнается ли въ нихъ дѣйствіе или образъ естества. Въ разсужденіи чего, сколь нужно поэту пещися о чистомъ и гладко текущемъ слогѣ, чтобъ онъ легокъ былъ къ выговору, удобенъ къ положенію на музыку и къ изображенію всѣхъ вышеписанныхъ прелестей. Малая шероховатость, малая темнота, досаждаютъ вниманію и расцѣпаютъ мысли. Знаю я, сколь трудно до сего достигнуть, чтобъ соединить плавность Хераскова съ силою стиховъ Петрова. Но до чего не доможется истинный даръ и неутомимое прилѣжаніе? — Вотъ примѣры сладкогласія и звукоподражанія (onomatopée):

Сладкогласія:

«Поля, лѣса густые,

«Спокойствія удѣлъ,

«Гдѣ дни мои златые,
«Гдѣ я Лизету пѣлъ (*)!»

Капнистъ.

Звукоподражанія:

«И устремлялся громъ на громъ.»

Ломоносовъ.

или:

«Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,

«Ядро жужжа сшибается съ ядромъ.»

Петровъ.

или:

«Стуча съ крыльца ступень съ ступени,

«И скатится въ древесны тѣни.»

Вкусъ; есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель въ разсужденіи чувствъ красоты, а въ разсужденіи разума, истины. О немъ, какъ о счастіи (фортунаѣ), какъ о сострастіи (симпатіи), какъ о высшемъ умѣ (геніи), говорить много можно, а опредѣлить его съ ясностію, для всѣхъ понятною, едва ли кто возмется. Но безъ его печати, какъ безъ клейма

(*) Подобнаго сладкогласія исполнены всѣ сочиненія Хераскова, Богдановича, Нелединскаго, Дмитріева, Карабанова и проч., превосходиже же Ломоносова, въ разсужденіи его великолѣпія и громкаго слога. Но дабы яснѣе мысль мою сказать, въ чемъ состоитъ *сладкогласіе*: если въ искусномъ наборѣ словъ, къ выговору удобнѣйшихъ, слуху пріятнѣйшихъ и приличнѣйшихъ описываемому предмету и обстоятельствамъ, то въ вышеприведенномъ въ примѣръ четверостишіи, изображающемъ тишину, осмѣлился я отмѣнить рѣзкую букву (Р), дѣлающую нѣкоторую громкость, помѣстя, вмѣсто *предъль*, — *удъль*.

досмотрщика, никакія искусственныя произведе-
нія безсмертія не достигаютъ. Онъ ничего не
терпитъ несвойственнаго природѣ: отъ разврат-
наго бѣжитъ, отъ гнуснаго отвращается, но бы-
ваетъ иногда такимъ волшебникомъ, который
страннымъ и дикимъ существамъ придаетъ не-
изъяснимую прелесть, и ведетъ великана паути-
ною въ свой плѣнъ. Иногда у современниковъ
въ туманѣ, но въ потомствѣ, просвѣтляясь, за-
служиваетъ статуи и алтари. Гомеръ и Миль-
тонъ сіе доказываютъ. Безъ него ни громоглас-
ная арфа, ни тихозвонящая свирѣль, власти
надъ сердцами не сыщутъ. Онъ знаетъ всему
мѣру, гдѣ тонъ возвыситъ, гдѣ понизитъ, гдѣ
остановиться и гдѣ продолжать. На вѣсахъ его
лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до
человѣка касающихся, времени, обычаевъ, ре-
лигій и проч. Онъ умѣетъ распредѣлять тѣни
красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія
творить согласіе. Онъ, какъ говорятъ нѣко-
торые эстетики, есть сосредоточенный свѣтъ и
жаръ, то есть умъ и чувство, между холодною
геометріею и пылкою музыкаю. Я оставляю сію
высокую метафизику ихъ учености, но говорю
просто, что безъ вдохновенія на струнахъ ли-
ры нѣтъ жизни, а безъ вкуса — пріятности.
Словомъ, какъ въ области прочихъ искусствъ,
такъ и въ лирическомъ стихотворствѣ, по при-
личію единственно обстоятельствъ, предметовъ
и свойствъ ихъ, когда они естественно, ясно и
сладкозвучно выражены, вкусъ познаваемъ быть

можетъ. Приведемъ въ примѣры на нашемъ языкѣ нѣчто въ великолѣпномъ и нѣчто въ простомъ слогѣ, а потомъ въ переводѣ изъ Греческой Антологіи, Анакреона, Горація, какъ образцовъ изящнаго вкуса, подражательно и у насъ написанное:

Въ великолѣпномъ:

«Щедротъ источникъ, ангелъ мира,
«Богиня радостныхъ сердецъ,
«На коей какъ заря порфира,
«Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ:
«О, мыслей нашихъ Рай прекрасный,
«Небесъ безмрачныхъ, образъ ясный,
«Гдѣ видимъ кроткую весну,
«Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
«Возможно ль при Твоей державѣ
«Въ Европѣ страшну зрѣть войну?»

Ломоносовъ.

Въ простомъ:

«Ахъ! когда бъ я предузнала
«Страсти бѣдственны плоды,
«Я бъ съ восторгомъ не встрѣчала
«Полуночныя звѣзды!
«Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
«Золотого я кольца;
«Не была бъ въ надеждѣ сладкой
«Видѣть милаго льстеца.
«Къ отвращенію удара
«Въ горестной моей судьбѣ,
«Я слила бъ изъ воска яра

« Легки крылышки себѣ,
« И на родину вспорхнула
« Мила друга моего;
« Нѣжно, нѣжно бы взглянула
« Хоть однажды на него!
« А потомъ бы улетѣла
« Со слезами и тоской;
« Подгорюнившись бы сѣла
« Среди площади какой;
« Возрыдала бѣ, возопила:
« Добры люди! какъ мнѣ быть?
« Я невѣрнаго любила:
« Научите — не любить.»

Московск. Журн.

или:

« Какъ прійти къ ней смѣетъ скука? —
« На часахъ у ней любовь.»

Н. Львовъ.

въ переводахъ.

Изъ Греческой Антологіи:

« Лиза голову чесала
« Скромно гребнемъ золотымъ;
« Взявши волосъ, привязала
« Къ красотамъ меня своимъ.
« Бывъ окованъ цѣпью нѣжной,
« Я шутилъ — прервать хотѣлъ;
« Попытался — и желѣзной
« Тверже цѣпь сію нашелъ.
« Съ той поры я самой въ сукѣ,

«Въ тяжкомъ плѣнѣ пахожусь;
«Не могу ужъ быть въ разлукѣ,
«Волоскомъ за ней влекусь.
«И лишь тѣмъ я облегчаюсь,
«Успокоиваю грусть,
«Что къ ней ближе прививаюсь
«И касаюсь сладкихъ устъ.»

Изъ Анакреона:

«Опутавъ Леля музы
«Въ цвѣточномъ тенетѣ,
«Стеречь, повергши въ узы,
«Вручили красотѣ.
«Ужъ Лада ходитъ, проситъ,
«Чтобъ ей сыскать его,
«И выкупъ знатный носить
«Съ собою за него.
«Но цѣнникову долю
«Пусть выкупъ перерветъ:
«Онъ сладкою неволю
«Свободѣ предпочтетъ.»

Изъ Горация:

«О, ты, Бландузскій ключъ кипящій,
«Въ блистаньѣ спорящій съ стекломъ,
«Струи цѣлебныя точащій,
«Достойный смѣшанъ быть съ виномъ!
«Ты будешь славенъ, ключъ счастливый!
«Въ числѣ естественныхъ чудесъ,
«Какъ воспою тѣнистыя ивы,
«Обросши тотъ пустой утесъ,

«Отколь твои струи прозрачны,
«Склонясь серебряной дугой,
«Отважно скачутъ въ доли зланы,
«И говорятъ между собой.»

Бобровъ.

Наконецъ, любители Словесности не будутъ ли довольными, относительно вкуса, нѣкоторыми изъ моихъ Одъ, въ духѣ сихъ лириковъ: *Къ Сосѣду, Хариты*, и проч.

Засимъ, когда показалъ и объяснилъ я принадлежности лирической поэзіи, не подумалъ бы кто, что я совѣтую ихъ всѣ вдругъ помѣщать во всякомъ Гимнѣ или Одѣ. Нѣтъ, это бы было то же, что, вмѣсто посѣва, бросать кучею сѣмена на одномъ мѣстѣ, какъ сказала Коринна Пиндару. Но что надобно ихъ при случаѣ и пристойно употреблять, то необходимо. Они отнимаютъ сухость и одноцвѣтность; дѣлаютъ предметъ разнообразнымъ, обильнымъ, сильнымъ; въ нихъ познается богатство мыслей и превосходство таланта; они составляютъ изящество и существо прямой Оды, ежели истекаютъ только отъ истиннаго вдохновенія. Напротивъ, безъ вышняго сего дара не красотами они бывають, а раскрашенными, неоживленными призраками. Всякой наборъ пустыхъ гремучихъ словъ, скропанный по школьнымъ однимъ правиламъ, или навязанность надутыхъ неодушевленныхъ подобій, всякой, говорю, длинный рассказъ,

холодное поученіе, газетныя подробности, неточная оболочка реченіями мыслей, принужденное, безстрастное восклицаніе, нагроможденная высокость, или тяжело ползущее пареніе, никому непонятное глубокомысліе, или лучше сказать бессмыслица и слухъ раздирающая музыка, стыдять и унижаютъ лиру. Звуки ея тогда какъ стрѣлы тупыя отъ стѣнъ отскакиваютъ, и какъ стукъ въ свинцовый тимпанъ до сердца не доходятъ. Поистинѣ, вдохновеніе есть одинъ источникъ всѣхъ вышеписанныхъ лирическихъ принадлежностей, душа всѣхъ ея красотъ и достоинствъ: все, все, и самое сладкогласіе отъ него происходитъ, — даже вкусъ, хотя даетъ ему дружескіе свои совѣты, и онъ отъ него принимаетъ ихъ, но не прежде, какъ тогда уже, когда успокоится; а во время пылкаго его паренія едва только издали смѣетъ приближаться къ нему и надзирать за нимъ. Если поэтъ за первымъ безъ всякаго разсужденія быстро послѣдуетъ, а за вторымъ не торопясь, съ благоразуміемъ, и за справою уже сего послѣдняго, а не прежде, выдаетъ въ свѣтъ свои сочиненія: то безъ всякаго сомнѣнія, рано или поздно получаетъ плески; чувствуѣй, и будутъ чувствовать; проливай слезы, и будутъ плакать. Отъ восклицанія токмо сердца раздаются громы. Вдохновеніе, вдохновеніе, повторяю, а не что иное, наполняетъ душу лирика огнемъ небеснымъ. Оно напрягаетъ всѣ ея силы, окриляетъ, возноситъ и исторгаетъ, такъ сказать, ея бытіе изъ пеленъ

плоти, или изъ всѣхъ земныхъ предѣловъ, дабы лучше выразить и изъяснить изступленное ея положеніе. Отъ вдохновенія происходятъ бурные порывы, пламенные восторги, высокія Божественныя мысли, выпреннія паренія, много-содержащія изреченія, таинственныя предвѣщанія, живыя лицеподобія, отважные переносы и прочія риторскія украшенія, о коихъ было уже говорено. Отъ него, или приличнѣе здѣсь сказать, отъ Духа Божія, подъ струнами вѣнценоснаго іудейскаго лирика и царя скакали холмы, двигалась земля, преклонялось небо предъ лицомъ Вседержителя; солнце престоломъ, а луна подножіемъ ногъ Его становились. Отъ него, смѣю сказать, но лишь по подражанію токмо святымъ Пророкамъ, Орфей водилъ лѣса и рѣки за собою; Гомеръ, помаваніемъ Юпитеровой главы, колебалъ вселенную. Не знавъ истиннаго Бога, языческіе поэты не могли воспарять до такой высоты, чтобы славословить Невидимаго, Непостижимаго; ибо ихъ понятія болѣе были тѣлесныя, нежели духовныя, и раздѣлялись на многія божества. Но о семъ буду говорить ниже, а теперь довольно о Гимнахъ и Одахъ, которыхъ множество примѣровъ можно видѣть въ Псалтири. Изъ языческихъ всѣхъ ближе подходитъ къ нимъ, по очищеннымъ мыслямъ отъ идолопоклонства и по высокому своему содержанію, Гимнъ греческаго стоическаго философа *Клеанта*, напечатанный въ моихъ сочиненіяхъ. Въ Христіанской Церкви, не говоря о новыхъ,

славнѣйшіе въ древности Гимны суть: «Тебе Бога хвалимъ,» «Свѣте тихій Святая славы». Впрочемъ, для примѣра помѣщаю здѣсь одинъ переведенный Гимнъ изъ Гомера, и приступаю къ объясненію другихъ низшихъ степеней древнихъ лирическихъ пѣсней.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ.

Минерва.

«Пою великую, безсмертную Аѳину,
«Голубоокую, божественную дѣву,
«Богиню мудрости, богиню грозныхъ силъ,
«Необоримую защитницу градовъ,
«Эгидоносную, всемогущу Тритогену,
«Которую родилъ самъ Діи многосовѣтній,
«Покрытую златой сіяющей броней.
«Оцѣпенѣніе объяло всѣхъ боговъ,
«Когда изъ Зевсовой главы она священной
«Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
«Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ
«Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
ихъ

«Стонъ тяжкій издала, весь понтъ поколебался,

«Смятенъ до черныхъ безднъ, на брегъ побѣгли воды.

«Гипперіоновъ сынъ средь дня остановилъ

«Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своихъ

«Оружье совлекла божественная дѣва.

«Аѳинъ владычица, Паллада!
«Храни сей градъ, гражданъ его
«Отъ бѣдъ, крамоль и ранней смерти,
«И ты, отецъ сея богини!

«Коль днесъ побѣдой увѣнчаный
«Хочу тебя, о мать! воспѣть
«Плутона и Цереру пѣснюю.
«Благословенна будь и ты,
«О, дщедрь великаго Зевеса,
«Богиня мрака, Прозерпина!
«И обѣ сей блюдите градъ.

«Въ Делосѣ нѣкогда Латона
«Двухъ чадъ произвела на свѣтъ:
«Еленегонную Діану
«И златовласа свѣтла Эива.

«О, ты, Аркады покровитель,
«Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ.
«Хохочущихъ, гонецъ бѣгущихъ
«Вслѣдъ Нимфъ, и обрѣтатель ихъ
«Въ сокрытии отъ тебя — являйся,
«О, Панъ! средь нашихъ здѣсь ты пѣсней
«И бодръ всегда будь, свѣтль лицомъ.

«Враговъ своихъ мы побѣдили,
«И по желанью торжество
«Намъ нынѣ даровали боги.
«Такъ, такъ, Аѳины боги вамъ
«Отечество днесъ Пандроzensы
«Приобрѣли въ безцѣнный даръ.»

Диѳирамбъ, пѣснь, посвященная Бахусу. Она есть высокое пареніе искусства, произшедшаго въ Греціи отъ празднествъ, въ честь Бахусу учрежденныхъ, подавшихъ поводъ къ сочиненію оныхъ. Диѳирамбъ занимаетъ мѣсто между Одою и Гимномъ. Диѳирамбъ содержитъ въ себѣ пламенныя чувства, въ которыя входитъ поэтъ упоеніемъ вина, или удивленіемъ первоначальному насадителю винограда. Въ Диѳирамбахъ господствуетъ во всемъ пространствѣ лирической безпорядокъ, смѣлыя картины, новостъ изреченій. Чтобъ сочинять Диѳирамбы, надобно имѣть чрезмѣрно живое чувство, необузданное воображеніе, или родъ изступленія, для того, что выраженія его должны возбуждать къ неистовымъ движеніямъ и круговымъ пляскамъ. Въ Диѳирамбѣ позволяется, для живѣйшаго представленія предметовъ, присовокуплять нѣсколько словъ къ одному какому либо часто хоромъ повторяемому слову, дабы чрезъ то сила чувствъ отчасу болѣе возрастала и продолжалась до того, пока шумомъ вниманіе не оглушится и не воспламенится воображеніе. Наипаче свойство Диѳирамба состоитъ въ томъ, чтобъ картины, которыя, кажется, никакого сношенія между собою не имѣютъ, толпами тѣснились, но не слѣдовали другъ за другомъ. Чтобъ сочинитель, дѣлая непрестанно скачки, хотя бы и зналъ связь своихъ мыслей, но ни какъ бы того не обнаруживалъ. Будучи разрѣшенъ отъ всѣхъ правилъ искусства, употреблялъ бы разныя мѣры и роды

стиховъ, но только бы удобныя для музыки. Имѣя средствомъ всю свободу, обладая истиннымъ поэтическимъ духомъ и богатствомъ мыслей, умѣлъ бы все сіе такъ скрывать, чтобъ по-дражатели его, не имѣя подобнаго огня и такового, какъ онъ, буйнаго восторга, думая быть глубокомысленными и таинственными, высокопарною надутостію своею показывали бы только на обыкновенныхъ чувствахъ обыкновенныя краски. Вотъ въ чемъ изящество Дионисамбровъ. И для того мелкіе въ Греціи писатели, желая въ семъ родѣ отличиться, начинали ихъ пышными картинами, заимствованными отъ небесныхъ знаковъ и воздушныхъ явленій: но славнымъ комикомъ Аристофаномъ были осмѣяны. Онъ въ одной изъ своихъ комедій представилъ человека, сшедшаго съ небесъ: его спрашиваютъ, что тамъ видѣлъ? — Отвѣтствуетъ: сочинителей Дионисамбровъ, которые бѣгаютъ межъ облаковъ и вѣтровъ, хватая туманы и пары, дабы сдѣлать изъ нихъ великолѣпныя вступленія; а на другомъ мѣстѣ сравнивалъ онъ ихъ съ воздушными пузырями, едва до земли доткнувшись и исчезающими. Отсюда-то у поэтовъ принято было въ общесъ обыкновеніе, что хотѣвшій воспѣвать Аполлона приводилъ себя въ спокойное положеніе; но онъ же самый, приступая къ славословію Бахуса, возъярялся, обращаясь во всѣ стороны; когда же и тѣмъ воображеніе его не одушевлялось, то возбуждалъ его чрезмѣрнымъ употребленіемъ вина.

Воспламененный молніей напитокъ, выступаю
я на ристалище,—говорилъ Архилогъ. Не знаю
я Дюирамбовъ, сочиненныхъ нашими знамени-
тыми лириками; но въ нѣкоторыхъ народныхъ,
такъ называемыхъ цыганскихъ пѣсняхъ, гдѣ
припѣвается: *жги говори!* вижу имъ подобіе.
Эстетики находятъ двѣ сходственныя съ Дюи-
рамбами Оды у Горація въ книгѣ второй XIX, въ
третьей XXV, изъ коихъ первую въ переводѣ
прилагаю:

«Вакха вдали, вѣрь мнѣ потомство, я ви-
дѣлъ:

«Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть
училъ пѣсни

«Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ
его, и вверхъ

«Завостренныхъ ушми козлоногихъ Сати-
ровъ.

«Эвоа! дрожитъ еще сердце отъ страха,

«Ужасомъ Бога исполнено скачетъ оно

«Съ радости дикой.—Эванъ! о, щади, щади!

«Отъ грознаго Тирса я трясусь цѣпенѣя.

«Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ,

«О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ пото-
кахъ,

«И медъ какъ изъ утлыхъ древесныхъ,
дуплястыхъ

«Пней каплетъ на землю, извиваясь струями.

«Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ
вѣнцѣ,

«Блестящемъ межъ звѣздъ твоей блажен-
ной супруги,

«О страшномъ паденьѣ жилища Пентея

«И о Фракійска Ликурга пагубѣ лютый.

«Ты волны далекихъ кротишь Океановъ

«И шумный вокругъ холмовъ обтекая пу-
стыннымъ,

«Женъ Бостонскихъ переплетше безвредно,

«Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

«Ты, буйна гигантовъ крамола когда

«Верхъ на верхъ по горамъ взгроможден-
нымъ взмостяся,

«Къ отчему царству взнеслась, съ зѣвомъ
ужаснымъ

«И съ львиными Рета когтями вспять низ-
повергъ.

«Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный пляса-
вецъ,

«Въ шуткахъ и играхъ любви, способнымъ
былъ признанъ;

«Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ
далъ собой,

«И великъ ты равно какъ въ бояхъ, такъ и
въ мѣрѣ.

«Церберъ, въ рогахъ золотыхъ зрѣлъ
тебя тихо

«И пичуть не взревѣлъ, лишь хвостомъ
обвивая,

«Съ кротостію ластясь, трехъ языками
зѣвовъ

«Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и
бедры.»

Сколія; Греки, не упоминая здѣсь о ихъ Эподахъ, Пріомахъ, Номахъ, Просодіяхъ, Пеанахъ, Диѳирамбахъ, Партеніяхъ, Гимнопедіяхъ, Эндимиціяхъ, Гипорхемахъ, Ортическихъ и другихъ пѣсняхъ, имѣли многія на разные случаи (*); но пѣвали болѣе и чаще всѣхъ въ дружескихъ своихъ пиршествахъ за столомъ, а нѣкоторые, говорятъ, и въ мистеріяхъ съ разными обрядами, изобрѣтенныя Терпандромъ при Карнейскихъ праздникахъ во время XXXVI Олимпіады, введенныя же въ Аѳины Аѳинеемъ, такъ названныя Аристотелемъ *Сколіи*, или застольныя пѣсни. Сіи Сколіи раздѣлялись на мифологическія, историческія и на общественныя, изъ коихъ мифологическія были почти то же, что Пеаны, да и самыя Пеаны пѣвались за столомъ между прочими Сколіями. Обычай былъ у Грековъ, возсѣвши за трапезу, прежде всего единогласно возглашать похвалы богамъ. Потомъ пѣли на разные случаи съ разными обрядами, по приличію содержанія, сказанныя Сколіи, — иные съ миртовыми,

(*) *Эподъ*, или хоръ, слѣдующій въ Одѣ послѣ антистрофы. У Горация вся пятая книга составлена изъ эподовъ. *Пріомъ*: предпѣніе, или прелюдія. *Номъ*: настоящая пѣснь. *Просодія*: созвучное повтореніе. *Пеанъ*: пѣснь Аполлону. *Диѳирамбъ*: пѣснь Бахусу. *Партенія*: пѣснь одною дѣвою воспѣваемая, изобрѣтенная Партеніемъ. *Гимнопедія*: пѣснь во время игра-нія мячомъ и битвы на мечахъ поющая. *Эндимиція*: пѣснь спать идущаго. *Гипорхема*: пѣснь плясовая. — *Арти-ческая* пѣснь, поющая возвышеннымъ голосомъ.

иные съ лавровыми вѣтвями, а иные съ кубкомъ вина, держа ихъ въ рукахъ и передавая изъ рукъ въ руки по сосѣдству, или наискось другъ другу, поя поочередно. Когда же усовершенствовалась музыка и начали въ бесѣдахъ употреблять арфу: то неискусные въ пѣснопѣніи, по пришедшей къ нимъ очереди, должны были просить пѣть за себя славныхъ пѣвцовъ, давая имъ за то подарки. Итакъ было у Грековъ въ разсужденіи пѣнія застольныхъ пѣсень три обряда: первый, пѣть единогогласно боговъ; второй, по очереди съ вѣтвями; третій, чрезъ пѣвца съ препровожденіемъ арфы. Сей послѣдній, будучи хорошо превосходнымъ пѣвцомъ исполняемъ, сильно трогалъ души пирующихъ, когда прославлялись добродѣтели и подвиги народа, предковъ и ихъ самихъ. Но было также у Грековъ безчисленное множество пародныхъ, или площадныхъ пѣсень. У всякаго состоянія людей свои, какъ то: у воиновъ, пастуховъ, земледѣльцовъ, молотильщиковъ, мельниковъ, водоносовъ и прочихъ разнаго состоянія жителей; а равно и на всякіе случаи: свадебные, погребательные, забавные, издѣвочные и другіе. Для примѣра, нѣсколько древнихъ Сколій здѣсь прилагаю. Отъ нихъ, мнѣ кажется, произошли застольныя и масонскія пѣсни.

На богатство:

«Ты, богатство, смертныхъ горе!

«Ни земля твоихъ, ни море

«Троновъ не должны сносить.

«Удалися въ мрачны бездны.

«Адскія тебя желѣзны

«Двери должны заключить.»

На дружбу:

«Схватывай змию рукою—

«Храбрымъ страха нѣтъ сердцамъ.

«Съ хитростью коварство злою

«Чуждо истиннымъ друзьямъ.»

или:

«Прошу тебя, стрегись, мой другъ:

«Подъ каждымъ мшистымъ камнемъ тайно

«Здѣсь ползають змии вокругъ,

«И часто, гдѣ необычайно

«Бывается тихо и темно,

«Тамъ кроется лишь зло одно.»

или:

«Когда бъ намъ можно умудриться

«И знать, кто подлинно каковъ,

«Въ грудяхъ душами раскрываться,

«Читать сердца на мѣсто словъ;

«То безъ ошибки бъ избирали

«Мы истинныхъ себѣ друзей.»

На здравіе:

«О, здравіе! псящный даръ,

«Ты мило смертнымъ и желанно.

«Правдиво предсѣдишь ты всѣмъ,

«И красота съ тобой пусть сядетъ;

«Но третье мѣсто я даю

«Богатству, честностью стяжану;

«Четвертое жъ — кому отдать?

«Извѣстно, — дамъ его я счастью:

«Быть младу у молодой подруги.»

Гармодіону:

«Ты долженъ миртъ вѣтвями

«Украшенъ быть, мой мечъ,

«Какъ и Гармодіона

«И Аристогена былъ,

«Что имъ тиранъ низверженъ

«И равенство законовъ

«Отечеству дано.

«Нѣтъ! ты еще никакъ не умеръ,

«Дражайшій нашъ Гармодіонъ;

«Но живъ на островахъ блаженныхъ,

«Гдѣ быстроногій Ахиллесъ

«И сынъ прехрабрый гдѣ Ѡетиды

«Ликуеть свѣтло Діомидъ, —

«И ты, какъ говорятъ, днесъ тамъ.»

Вотъ четыре главныя, въ глубокой древности бывшія и намъ извѣстныя лирическія произведенія, которыя съ приличностію уподобить можно, первую Оду, или Гимнъ, быстрой рѣкѣ, все съ собою увлекающей, выходящей иногда изъ береговъ своихъ, иногда между лѣсовъ и горъ чрезъ пороги съ шумомъ скачущей и разными кривизнами стремящейся, иногда прямымъ направленіемъ тихо между полей и рощъ по долинамъ и лугамъ ліющей, иногда принимающей въ себя побочные источники, иногда уединенно,

глубоко одною стезею текущей, по которой плаватель видитъ мгновенно предъ собою мелькающіе разные виды, то въ ужасъ, то въ уныніе, то въ радость, то въ восторгъ его приводящіе. Второй, Пеанъ: тихопрозрачному потоку, сквозь которой чистыя воды и въ самой глубинѣ самомалѣйшіе цвѣтные камни и песокъ видны. Третій, Диопрамбъ: ужасному, яростному водопаду, который въ бурномъ бѣшенѣмъ стремленіи своемъ ломаетъ скалы и деревья, мететъ вокругъ себя бугры пѣны, брызги, какъ дымъ, столпомъ высоко подымаетъ, и на далекое разстояніе заставляетъ внимать страшные грохочущіе гулы, такъ, что у путника, вблизи стоящаго, голова кружится, а вдали обымаетъ его трепеть. Четвертое, Сколіи: небольшому источнику безъ всякихъ кривизнъ, прямою чертою къ одному предмету своему текущему, не принимающему въ себя никакихъ побочныхъ ручьевъ; иногда мрачностію и тихостію, а иногда веселостію своею мимоходящихъ слухъ и взоръ занимающему.

Но перейдемъ теперь отъ древней лирической поэзіи къ новѣйшей.

Въ Римѣ мало было изящныхъ лириковъ. Квинтиліанъ (*) говоритъ, что Гораціи изъ нихъ одинъ достоинъ чтенія; но онъ и самъ, по скромности можетъ быть своей, признаетъ (**) себя не болѣе,

(*) Глава X, книга 1.

(**) Ода II, книга 4.

какъ только слабымъ отголоскомъ древнихъ Грековъ. Если жъ пройти мимоходомъ современно и послѣ него жившихъ, не столько знаменитыхъ: Цезія, Басса, Стація и Катулла (*), то можно сказать, что по смерти сего любимца Августова лира умолкла. По нашествіи на Италію варварскихъ полчищъ, гласа ея долгое время вовсе слышно не было. Она, казалось, возвратилась паки на Геликонъ и нѣсколько вѣковъ не восхвещала смертныхъ. На Сѣверѣ, только у Скальдовъ раздавались ея звуки. Но когда изъ сей суровой страны свѣта наводнили Западъ дикіе народы, отъ коихъ древній Римъ палъ, то науки и художества ушли на востокъ и на полдень, въ Азію и Африку, къ Арабамъ и Сарацинамъ, которыхъ особливо покровительствовали Калифы. Наконецъ, въ IX столѣтіи, хотя нѣсколько поддерживалъ просвѣщеніе Карлъ Великій, собравъ пѣсни Цельтовъ и заведя при Дворѣ своемъ училища; но и послѣ его, съ нашествіемъ Норманновъ, покрылась Европа сугубымъ мракомъ невѣжества. Если гдѣ и проблескивали слабыя искры словесности, то не иной, какъ варварской, составленной изъ грубыхъ нарѣчій побѣдителей, вліаніемъ своимъ испортившихъ языкъ побѣжденных Римлянъ. Стихотворство тогда, безъ вдохновенія и вкуса, ежели можно его таковымъ называть, было суровое сотканіе словъ силлабическою просодією, которое по вторженіи Готовъ *руннымъ*

(*) Лирики, при Августѣ, Неронѣ и Домиціанѣ жившіе.

называлось. Если справедливо недавнее открытіе одного славенно-руннаго стихотворнаго свѣтка I вѣка и нѣсколькихъ произреченій V столѣтія новгородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю присемъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряють о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ (*).

ЧТЕНІЕ ПОДЛИННИКА.

Гмъ послуhsi Бояна.

Умочи Боянъ сновъ удычъ
А комъ плъ блгъ тому
Суди Велеси не убѣгти
Слвы Словенси не умлети
Мчи Бояни на языци оста
Памети Злгоръ Волхви глоти
Одину памяти Скифу гамъ
Злымъ пески тризны сыши.

ПЕРЕВОДЪ.

Не умолчи, Боянъ, — снова воспой;
О комъ пѣль, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать:
Славы Славяновъ не умалить,

(*) Они оказались поддѣльные, почему здѣсь и не помѣщаются; подлинникъ ихъ — вѣрные крючки позднѣйшаго всудачнаго изобрѣтенія.

Мечи Бояновы на языкѣ остались;
Память Злогора Волхвы поглотили
Одину воспоминаіе, Скиѳу пѣснь.
Златымъ пескомъ тризны посыплемъ.

Изреченія, или отвѣты новгородскихъ жрецовъ.

Ули.

Жрцу говоръ Еролку.

Пакоща свада
Дюжу убой
Тяжа нагата
Тошь перелой.

Переводъ.

По злобѣ свара—
Сильному смерть:
Тяжба съ богатствомъ—
Худъ передѣль.

Въ продолженіе тѣхъ среднихъ вѣковъ западные ученые, кои едва ли не были одни только духовные, писали важныя сочиненія на вульгарномъ, или простонародномъ языкѣ (*lingua vulgare*), придерживаясь, до VII столѣтія, древняго римскаго, а послѣ латинскаго со смѣсью иноплеменныхъ словъ. Но свѣтскіе, ежели гдѣ и упражнялись въ письменахъ, то въ провинціаль-ныхъ только нарѣчіяхъ: басскомъ, галиканскомъ, провансальномъ, португальскомъ, лимоническомъ, или смѣшанномъ съ испанскимъ, италіянскимъ и французскимъ, который вообще

именовался *lingua rustica Romana*) или римское деревенское нарѣчіе. Правда, въ IV столѣтіи, какъ говоритъ Бровнъ, по изгнаніи на Западѣ Бардовъ, а на Востокѣ по истребленіи Θεодосіемъ Великимъ идольскихъ жертвенниковъ, сочиняли еще въ монастыряхъ монахи (*), по древнимъ образцамъ, Оды и Трагедіи, поединственно для провожденія времени чтеніемъ ихъ въ кельяхъ, а не для пѣнія въ храмахъ, или игры на театрахъ; и съ тѣхъ уже темныхъ и неблагопріятныхъ для художествъ и наукъ временъ общественная свѣтская поэзія отъ музыки отдѣлилась. Древнее достоинство ихъ пало потому, что не токмо въ народныхъ собраніяхъ, но и нигдѣ почти въ обществахъ онѣ вовсе не употреблялись. Тогда ничего уже изящнаго не являлось. Важность, чистота, сладкозвучіе и пріятность древнихъ языковъ греческаго и латинскаго исчезли.

Однако жъ съ другой стороны возникъ новый родъ пѣснословной поэзіи въ Христіанской Церкви. Первыя Христіанскія тайныя общества отправляли сначала свое богослуженіе въ подземельяхъ и на гробахъ мучениковъ еврейскимъ псалмопѣніемъ, въ подраженіе тому, что и Самъ основатель священной вѣры, Христосъ Спаситель, послѣднюю Свою вечерю съ учениками Сво-

(*) Бровнъ: «О раздѣленіи музыки съ поэзією».

ими окончилъ пѣніемъ (*). Просвѣщеннѣйшіе Христіане сочиняли потѣмъ и приносили въ свои собранія для пѣнія собственныя свои *Оды* и *Имны*, въ честь Христу и мученикамъ. О семъ свидѣтельствуется Апостолъ Павелъ (**) и самъ увѣщаетъ вѣрныхъ воспѣвать Псалмы, Имны и Оды духовныя въ своихъ собраніяхъ (***). Плиній, въ письмѣ своемъ къ Траяну о Христіанахъ, упоминаетъ также о *Пѣсняхъ*, у нихъ воспѣваемыхъ Христу, яко Богу (****). Игнатій Богоносецъ во II вѣкѣ изобрѣлъ новый родъ перекличнаго по клиросамъ пѣнія, именуемаго *Антифонами*. Амвросій Медиоланскій (*****) въ IV столѣтіи, на

(*) Матѳея главы XXVII стихъ 30. *Воспѣвше изыдоша въ гору Елеонску.*

(**) Апостолъ Павелъ въ 1 Посланіи къ Коринѳяномъ гл. XIV, стихъ 26, говоритъ: *Что убо есть, братіе, егда сходитесь, кійждо васъ псаломъ имать?*

(***) Въ Посланіи къ Ефесеемъ гл. V, стихъ 19: *Глаголюще себѣ во псалмехъ и пѣніихъ* (на Греческомъ Имнахъ) *и пѣсняхъ* (на Греч. Одахъ) *духовныхъ*. — Къ Колоссаемъ гл. III, ст. 16: *Во псалмехъ* (Имнахъ), *и пѣсняхъ* (Одахъ) *духовныхъ*. Слово *Пѣнь* и въ Апокалипсисѣ, гл. V, ст. 9. и гл. XIV ст. 3, на Греческомъ именуется *Одою*; и въ главѣ XV, ст. 3 пѣнь Моисея названа также *Одою Моисеевою*.

(****) Плиній въ письмахъ, кн. X, письмо 97.

(*****) Бровпъ, въ сочиненіи своемъ: «О раздѣленіи поэзіи и музыки въ XII отдѣленіи» говоритъ: Во II столѣтіи употребляема еще была въ христіанскихъ церковныхъ пѣсняхъ музыка язычниковъ съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ ихъ своевольтва и непристойностей; но какъ и та сладострастными женскими голосами своими приводила слушателей въ соблазнъ, то въ Константинопольской Церкви Константиномъ Великимъ, а въ Александріи епископомъ Аѳанасіемъ сдѣлано о ней новое учрежденіе. Августинъ намѣренъ былъ совсѣмъ изгнать ее изъ западнаго Христіанскаго богослуженія, но Амвросій Медиоланскій ввелъ особаго рода голосовую чрезвычайной важности.

мѣсто витіеватаго, или фигурнаго, заимствованнаго отъ греческаго языческаго и еврейскаго (*) пѣснопѣнія, ввелъ столповое, или степенное пѣніе по примѣру первыхъ Апостольскихъ временъ, въ кои оно было еще просто, безъ всякаго искусства и украшенія. Въ стихотвореніяхъ первыхъ Христіанъ не видно ни отдѣльныхъ одинакихъ строфъ, ни паденія слоговъ греческой и римской поэзіи, ни сочитанія созвучныхъ риемъ среднихъ и новыхъ вѣковъ стихотворства; не истекали они изъ восторговъ какой либо страсти, или витійства поэта, ожидавшаго себѣ отъ кого либо награжденія, или ограниченной, земной и тѣмной, человѣческой славы: но главное ихъ содержаніе и свойство было духовное, пламенное воспареніе чистой, живой вѣры, основанной на надеждѣ воскресенія и чаянія небесныхъ наградъ, или вѣнцевъ безсмертія за мученическія страданія, или подвиги благочестія. Въ V вѣкѣ Пруденцій и Нилъ писали уже мѣрными стихами. Въ VII и VIII появились многіе знаменитые церковные пѣснописцы и въ Восточной Церкви, между которыми знаменитѣе всѣхъ Іоаннъ Дамаскинъ, коего Ирмологіи и Октоихъ, или Осмигласникъ ежедневно поются и въ нашей Славено - Россійской

(*) Древняя еврейская торжественная инструментальная музыка описана въ 1 книгѣ Паралипоменонъ гл. 13 и 15 и во 2 кн. Царствъ гл. 6. У Давида было учреждено въ храмъ 288 пѣвцовъ, которые между собою очередовались чрезъ каждый часъ въ сутки по 24 человека, для безпрестаннаго пѣснопѣнія.

Церкви съ душевнымъ умиленіемъ. Но въ напѣвахъ сихъ пѣсней видно уже возвратившееся подражаніе витіеватымъ греческимъ восьми тонамъ, извѣстнымъ подъ названіями Дорическаго, Фригическаго, Лидійскаго, Іонійскаго, Іолійскаго и другихъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ писаны на греческомъ стихами, по большей части ямбами и равномѣрными строфами. Хотя сего въ славянскомъ переводѣ и непремѣтно, однако жъ разстановки напѣва дѣлають для насъ нѣсколько ощутительнымъ и мѣрность подлинника. Другія изъ сихъ пѣсней сочинены и въ подлинникѣ прозою, но почти равномѣрнымъ числомъ слоговъ въ каждомъ гласѣ, или напѣвѣ, дабы по распѣвѣ перваго подлежащаго стиха пѣть и нижеслѣдующіе. Въ славенскихъ нашихъ переводахъ сіе нѣсколько затруднительно по несоотвѣтствію числа слоговъ съ подлинникомъ; и потому-то въ нашей Церкви, на примѣръ въ канонахъ, только ирмосъ поется, а прочіе подъ нимъ лежащіе стихи, назначенные также для пѣнія, читаются. Съ таковымъ новымъ Христіанскимъ стихотвореніемъ родились новые роды и названія пѣсней, которыя неизвѣстны были древнимъ, какъ на примѣръ: Октѡихъ, Тріодъ, Ирмосъ, Канонъ, Антифонъ, Стихира, Тропарь, Кондакъ, Икосъ, Акаѳистъ и другіе (*). Пѣснописцы Церковные на

(*) Они значать на нашемъ языкѣ: *Октоихъ*, осмигласникъ; *Тріодъ*, трипѣснецъ; *Ирмосъ*, связь, или звено пѣни, на коемъ висятъ другія звенья; *Антифонъ*, переключка двухъ клиросовъ; *Стихира*, длинносложный стихъ; *Тропарь*, оборотъ напѣва; *Кондакъ*, перечень похвалъ; *Икосъ*, исчислительное славосло-

изобрѣтеніе сихъ родовъ и на названіе оныхъ вышесказанными именами имѣли такое же право, какое новѣйшіе италіянскіе и французскіе стихотворцы на Кантаты, Сонеты, Стансы, Ронды, Романсы, Баллады и другіе, которые также неизвѣстны были въ древней поэзіи. Впрочемъ напрасно нѣкоторые иностранные новѣйшіе словесники винятъ первыхъ Христіанъ въ упадкѣ сей послѣдней. Упадокъ ея должно приписать переворотамъ государствъ и измѣненію языковъ отъ варварскихъ нашествій, а не Христіанамъ. Первые Отцы Церкви не пренебрегали чтеніемъ и древнихъ языческихъ стихотворцевъ. Видны и въ святомъ Апостолѣ Павлѣ Аратъ и Епитетидъ (*), на коихъ онъ ссыался. Оригенъ, Климентъ Александрійскій, Минуцій Феликсъ, Василій Великій и многіе Отцы часто приводили во свидѣтельство Омира, Гезіода и прочихъ стихотворцевъ. Въ Христіанскихъ монастыряхъ переписывали всѣхъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, и тѣмъ сохранили ихъ отъ потери. Правда, что Христіане первыхъ вѣковъ не имѣли Поэмъ подобныхъ Омировой и Виргиліевой, и Одъ равныхъ Пиндаровымъ и Гораціевымъ; но образцы оныхъ чрезъ благочестивыхъ

віе добродѣтелей; *Акаѳистъ*, пѣснопѣніе, въ продолженіе котораго сидѣть возбраняется; *Трисагіонъ-имносъ*, трисвята, пѣснь (Святый Боже). *Еоѳиносъ-имносъ*, утренняя пѣснь (Слава въ вышнихъ Богу), *Еспираносъ-имносъ* вечерняя пѣснь (Свѣте тихій), и такъ далѣе.

(*) Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, и въ Посланіи къ Титу.

пѣснопѣвцевъ остались не недосязаемы и для нашихъ временъ. Что же касается до высокихъ и величественныхъ изображеній Божества и духовныхъ отвлеченныхъ ощущеній, то ни Орфеевы, ни Омировы, ни Пиндаровы, ни Гораціевы Имны не могутъ сравняться съ Христіанскими; и потому ихъ краткость, животворную выразительность, высокость мыслей, нельзя не признать образцами лирическими. Напримѣръ:

«Его же воинства небесная славятъ и трепещутъ Херувимы и Серафимы, всякое дыханіе
«и тварь, пойте, благословите и превозносите во
«вся вѣки!»

или

«Тебѣ на водахъ повѣсившаго всю землю не-
«одержимо, тварь видѣвши на лобнемъ висима,
«ужасомъ многимъ содрогашеся: нѣсть святъ па-
«че тебе, Господи, взывающіи!»

Какая, въ первомъ Ирмосѣ въ начальныхъ словахъ, таинственная и заманчивая загадка, возбуждающая вниманіе слушателя, а въ послѣднихъ разрѣшеніе величественною картиною богопочтанія всей твари!

Во второмъ: какой поэтъ могъ толь кратко и сильно совмѣстить выразительность неизмѣримыхъ противоположностей всемогущества и ничтожества, поношенія и благоговѣнія?

Но исчислять подобныя красоты въ церковныхъ нашихъ пѣсняхъ было бы безконечное по-

кушеніе. Довольно, что мы ими восхищаемся съ X вѣка, то есть, со временъ великой княгини Ольги, или паче съ крещенія всей Россіи внукомъ ея, великимъ княземъ Владиміромъ.

Но обратимся къ свѣтской поэзіи. Она, такъ, какъ и прочія науки, съ X уже столѣтія по Рождествѣ Христовѣ начала возражаться въ Европѣ. Ежели и не признать за справедливое вышеупомянутое руническое стихотвореніе и за ничтожною счесть народныя пѣсни о богатырскихъ подвигахъ временъ Владиміровыхъ, то достигшая до насъ и одна въ цѣлости древняя пѣснь о походѣ Игоревѣ, въ которой видѣнъ духъ Оссіановъ и выраженія, подобныя въ извѣстныхъ Гаральдовой (*) и Скандинавской, показывающая сколокъ болѣе сѣверныхъ Скальдовъ, нежели западныхъ Бардовъ, едва ли не оспаривала бы предвареніе наше въ Словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ходъ ея бѣдственное нашествіе съ Востока на Россію Кипчакскихъ ордъ въ XII вѣкѣ, то есть въ то самое время, когда въ Парижѣ учрежденъ университетъ. Съ тѣхъ только поръ на Западѣ занялась истинная заря просвѣщенія. Науки и художества съ разныхъ странъ свѣта начали собираться въ прежнее ихъ жилище, Италію. Крестовые рыцари, бывшіе въ Палестинѣ, при возвращеніи ихъ восвояси, принесли съ со-

(*) Напечатана въ Шведской Исторіи Маллета; по - русски переведена Тайнымъ Совѣтникомъ Львовымъ.

бою поэзію, заимствованную отъ восточныхъ Арабовъ, владѣвшихъ Испанією; оттуда же перешла она въ Италію, Францію, Германію (*) и другія сосмежныя имъ области. Трубадуры (**), Прованскіе стихотворцы, распространили оную. Стихи свои писали они на вышеупомянутомъ Провансальномъ, или Романскомъ языкѣ, воспѣвая въ нихъ свои рыцарскіе романическіе подвиги, волокитства, и всякую общежительную смѣсь. Главные характеры содержанія ихъ пѣсень были набожность, храбрость и любовь. Для усмотрѣнія сего прилагаю пѣснь XIII столѣтія, сочиненія Трубадура Годье де Коанси (***).

COUPLET I.

«Qui que fasse Rotruenge nouvelle pastorelle
Son sonnet ne chonçon, je chanterai de la Sainte
Pucelle. Es cui Sains flancs lifix Dieu devint hom.
Il m'est avis certes quand je la nom Gotès de miel

(*) Во время поколѣнія Швабскихъ государей перешли въ Нѣмецкую землю пѣсни трубадуровъ. Гердеръ въ 87 отдѣленіи книги: «О подкрѣпленіи просвѣщенія,» стран. 1 09.

(**) Названіе трубадуровъ производятъ одни отъ *тромба*, итальянскаго слова; другіе отъ русскаго *труба*; потому что якобы при Генрихѣ I великая княжна Анна Ярославовна, вступивъ съ симъ королемъ въ бракъ, принесла съ собою во Францію кievскія увеселенія и пѣсни съ риемами, наигрываемыя на семь инструментъ, и что будто съ тѣхъ только поръ появились во Франціи трубадуры и риемы. Дубровскій доказываетъ то привезеннымъ имъ рисункомъ, яко бы того времени, находящимся въ Императорской Библіотекѣ, на коемъ изображенъ трубадуръ, сопровождаемый игрою на трубахъ.

(***) Взята изъ библіотеки Дубровскаго.

dégoutent de son Nom. Je ne veuil mais chanter
le de li nom d'autre Dame ne d'autre Demoiselle
ne ferai mais Se Dieu plait dit ne Son.»

То есть:

«Хотя Ротрюенжъ, молодая пастушка,
«Сонеты сочиняетъ и пишетъ пѣсенки;
«Я буду воспѣвать святую Богоматерь,
«Во чревѣ Коея сынъ Божій воплотился.
«Мнѣ кажется, Ее когда я именую,
«То съ имени Ея въ уста мнѣ каплетъ медъ;
«А для того не буду именъ пѣть недостой-
ныхъ
«Впредь женщинъ я другихъ, а также и дѣ-
вицъ
«Грѣшно бы было то и негодно Богу (*).»

Трубадуры первые зачали употреблять риѣмы,
хотя нѣкоторые въ томъ и несогласны (**). Въ

(*) Последній стихъ очень теменъ, а потому переведенъ на-
угадъ по связи смысла.

(**) Одни говорятъ, что Греки и Римляне въ лучшія времена
ихъ поэзіи избѣгали сколько можно риѣмъ, стараясь только
объ одномъ безостановочномъ стопопаденіи. Другіе, напро-
тивъ, приводятъ въ доказательство Анакреона и Овидія, что и
у нихъ, какъ будто бы ненарочно прибранныя встрѣчаются
риѣмы. Сіе-де можно видѣть у перваго, въ изданіи Львова
на страж. 6, 12, 58, 98, 108, и проч. — У втораго въ книгахъ
Печалей, наримѣръ: элег. 31, кн. II, стихъ 4, 6, 8, 12, 18, 20, 28,
42, 44, 60 и далѣе. Впрочемъ, иные ищутъ вачала риѣмъ у Ара-
бовъ, другіе на Сѣверѣ, какъ выше сказано. Гердеръ же въ
книгѣ своей «О подкрѣпленіи просвѣщенія» въ VII части, на
стран. 74 говоритъ, что риѣма не что иное есть, какъ игра

ихъ время стихотворство получило въ Италіи названіе веселой науки (*gaia sciencia*) отъ вопросовъ и отвѣтовъ любовнаго, или пріятнаго содержанія. Князья, графы и всякаго состоянія знаменитые люди за честь себѣ поставляли въ сей наукѣ упражняться. Благородныя женщины принимали участіе не токмо въ слушаніи и чтеніи стиховъ, но въ разсужденіяхъ объ оныхъ и даже въ самомъ ихъ сочиненіи. Рѣшительно сказать, что въ сіе время поэзія трубадуровъ, въ отношеніи разнообразія мыслей и изъясненія страстей, сдѣлалась душой наилучшихъ обществъ, какъ въ обхожденіи, разговорахъ, такъ и въ перепискѣ. Въ теченіе XII столѣтія, при дворѣ Барселлонскомъ, Аквитанскій графъ Пойтонъ ознаменовалъ себя главою трубадуровъ. Въ 1324 году, въ Тулузѣ, учредились такъ называемыя *Цвѣточныя Игры*, на которыхъ отличившіеся стихотворцы вознаграждались золотою фіялкою или розою, или поготками. Первое награжденіе фіялки получилъ Кастельнодарскій гражданинъ Арнольдъ Видадь, за поэму въ честь Пресвятой Дѣвы. Покровительница сихъ игръ была графиня Клеменція Изаура, отказавшая въ пользу сего общества знатное имѣніе и велико-

словъ, которая видна издревле у всѣхъ народовъ: у Евреевъ, Арабовъ, Нѣмцевъ и прочихъ. — Трубадуры не могли послѣдовать внутреннему составу высокой поэзіи Мавровъ; они послѣдовали духу своего времени, языку и образцамъ вышесказанной простонародной поэзіи монаховъ, которые писали на испорченномъ латинскомъ съ римами.

лѣпный домъ. Съ сего времени разлился свѣтъ новѣйшей поэзіи, появившейся сначала отъ Арабскихъ, Испанскихъ и Сицилійскихъ границъ, и часъ отъ часу потомъ болѣе распространившейся и процвѣтавшей. Въ исходъ того же столѣтія, въ Италіи возстали славные поэты: *Дантъ*, *Петраркъ* и *Бокацій*. Они, подражая древнимъ, образовали свои лирическія произведенія по ихъ примѣрамъ и могутъ безпрекословно назваться возродителями древней и отцами новой поэзіи въ такъ ими названныхъ: Канціонахъ, Сонетахъ, Балладахъ, Стансахъ, Мадригалахъ и другихъ пѣсняхъ, извѣстныхъ въ Европѣ.

Хотя сіи славные поэты, въ отношеніи вкуса, благородства, высокости мыслей и прочихъ украшеній, съ успѣхомъ подражали древнимъ; но будучи, можетъ быть, увлечены господствовавшими тогда примѣрами трубадуровъ, или потому, что при краткости словъ и множествѣ буквъ согласныхъ, въ итальянскомъ языкѣ употребляемыхъ, легче было имъ писать съ риѣмами, нежели безъ риѣмъ, подобно какъ импровизаторамъ ихъ, не думая тотчасъ находить риѣмы. Не могли они рѣшительно послѣдовать тоическому стопосложенію Грековъ и Римлянъ, а писали болѣе съ риѣмами силлабическою просодією, однако же и подъ иго риѣмы не вовсе подверглись, ибо есть у нихъ стихи и безъ оныхъ. Подобно сему и у насъ приняли риѣму отъ Нѣмцовъ и

Французовъ Ломоносовъ и Сумароковъ. Хотя и прокладывалъ путь къ древнему тоническому стихосложенію Тредіакоскій, но ему не удалось превозмочь ихъ и никто ему въ томъ до нынѣшняго времени не послѣдовалъ, не смотря на то, что народныя наши пѣсни подражательны древнимъ греческимъ, какъ ниже о томъ усмотрится, и что Славено-Россійскій языкъ, по свидѣтельству самихъ иностранныхъ эстетиковъ (*), не уступаетъ ни въ мужествѣ латинскому, ни въ плавности греческому, превосходя всѣ европейскіе: италіянскій, французскій и испанскій, коими паче нѣмецкій, хотя нѣкоторые изъ новѣйшихъ ихъ писателей и въ сладкозвучіи нарочитые успѣхи показали. Гердеръ (**) сравниваетъ древнюю и новую поэзію такимъ образомъ: первая, говоритъ онъ, подобна шуму большаго лѣса, который бушеваніемъ наитончайшихъ своихъ лѣтораслей, самъ собою вдохновенъ и священъ. Вторая: волшебному Гесперійскому саду, въ которомъ искусствомъ всѣ дерева поютъ и каждая вѣтвь звонитъ колокольчикомъ. Я прилагаю, для сравненія той и другой, небольшой отрывокъ стиховъ, мною сочиненныхъ. Знайки разсудятъ, которая изъ нихъ способнѣе для нашего языка.

(*) Гердеръ въ книгѣ «О подкрѣпленіи просвѣщенія» въ VII части, стран. 115.

(**) У него же въ VII части «О подкрѣпленіи просвѣщенія» стран. 111.

Новый.

«Отливъ отъ творческаго духа,
«Спечатокъ съ мудрости лучей,
«Ума согласье, ока, слуха,
«Эмпирной сладости ручей,
«Поэзія, глаголъ небесный!
«Коль плоти бы органы тѣсны
«Могли издать твой полный строй,—
«Я бѣ создалъ новый міръ тобой.»

Древній.

«Духа отливъ, иль спечатлѣнье,
«Творческой мудрости, свѣта,
«Ока, ума, слуха согласье,
«Сладости райской источникъ,
«Неба глаголъ, о Стихотворство!
«Если бы плоти тѣсный органъ
«Полный твой строй могъ изліять,—
«Новый бы міръ создалъ тобой.»

Кажется мнѣ, если я не ошибаюсь, онѣ обѣ хороши, всякая въ своемъ родѣ, по различнымъ вкусамъ; но думаю, что въ послѣдней больше свободы, больше изліянія жара, когда гармонія, на рѣмахъ не запинаясь, течетъ непрерывно, подобно быстрой рѣкѣ, струя за струею. Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искусства. Наконецъ, приступимъ къ объясненію всѣхъ вышеупомянутыхъ новѣйшихъ лирическихъ пѣсней.

Почтенные посѣтителѣ благоволили слышать разсужденія мои о древней и среднихъ вѣковъ Лирической поэзіи. По порядку теперь должно бы говорить о новѣйшей, то есть, *Кантатъ, Ора- торіи, Сонетъ, Мадригалъ, Триолетъ, Рондо, Се- ренадъ, Оперъ, Балладъ, Стансъ, Романсъ, и простой Пьсни*, въ чемъ они различествуютъ между собою и что въ нихъ сочинители наблю- дать должны; но какъ это болѣе относится къ классическому наставленію учениковъ и навело бы, можетъ быть, скуку: то предоставляя себѣ та- кое разсужденіе напечатать вообще въ особой книжкѣ, здѣсь скажется только объ *Оперъ*, а паче Героической, каковыхъ природныхъ еще почти у насъ нѣтъ, и также о самомъ послѣднемъ сте- пени лиры, т. е. о *простой Пьсни*, въ чемъ она разнится съ Одою; ибо о сихъ обоихъ родахъ нигдѣ и ничего не случилось мнѣ читать на отечественномъ языкѣ.

ОБЪ ОПЕРѢ.

Опера не есть изобрѣтеніе одной Италіи, какъ многіе думаютъ; но она въ нѣкоторыхъ отноше- ніяхъ есть не что иное, какъ подражаніе древ- ней Греческой Трагедіи. Тамъ также разго- воры препровождались музыкою, какъ и въ ней речитативы, только извѣстными тонами (*); рав- но лирическіе стихи пѣлись хорами, но тоже

(*) У Грековъ были уставные или узаконенные тоны, какъ выше явствуетъ, Фригическій и прочіе.

уставными. Съ другой стороны извѣстно, что въ новѣйшія времена у разныхъ народовъ къ увеселенію государей и знатныхъ особъ изобрѣтены и введены въ нее новыя перемѣны, которыя соединены и смѣшаны съ разнотонною музыкою, различными представленіями, чего прежде не было. Долгое время опера была забавою только дворовъ, и то единственно при торжественныхъ случаяхъ; но какъ бы то ни было, нынѣ уже стала народною. Поелику же въ ней большая часть есть лирическая, или лучше прямая важная Опера, по образцамъ Метастазія, должна быть вся писана краткими лирическими стихами, или, по крайней мѣрѣ, скандированною прозою, чтобъ удобно было ее сопровождать музыкою; а потому и скажемъ нѣчто объ ней.

Нѣмецкіе Эстетики (*) Италіянскую Оперу и хвалятъ и хулятъ. Они говорятъ: «Въ семъ «чрезвычайномъ зрѣлищѣ господствуетъ удиви- «тельная смѣсь великаго и малаго, прекраснаго «и нелѣпаго.—Въ лучшихъ-де Операхъ видишь «и слышишь такія вещи, которыя или по ничтож- «ности или по несообразности своей, подумаешь, «для того только припутаны, дабы подурочить «зрителелей, поужать дѣтей и легкомысленную «чернь. Между тѣмъ, среди сихъ бездѣлицъ, «мелочей и даже обидныхъ для хорошаго вкуса «представленій, встрѣчаешь такія дѣйствія, кото-

(*) Зюльцеръ въ Словарѣ «О словесныхъ наукахъ» подъ словомъ Опера.

«рыя глубоко проникають сердце, наполняют
 «душу восхищеніемъ, нѣжнѣйшимъ сострадані-
 «емъ, сладостнымъ удовольствіемъ, или ужасомъ
 «и содроганіемъ. Въ одной сценѣ негодуешь на
 «дурачество, въ другой, позабывая себя, берешь
 «участіе въ дѣйствующихъ, и не вѣришь, ка-
 «кимъ образомъ случилось, что тѣ же, которые
 «удивляли великодушіемъ, благородною осан-
 «кою, вѣжливымъ обхожденіемъ вдругъ, какъ
 «шуты или сумасброды, смѣшною надутостію,
 «уродливымъ кривляньемъ и всякими непристой-
 «ностями морятъ со смѣху дѣтей и народъ, до-
 «саждая благомыслящимъ, которые для того ино-
 «гда отъ нихъ отвращаются. Кромѣ сихъ противо-
 «положностей, несоотвѣтственностей и несвяз-
 «ностей въ игрѣ ихъ, благоразумію и хорошему
 «вкусу противныхъ, усматриваются неудобства
 «и почти невозможности имѣть совершенную
 «Оперу по самымъ ея правиламъ. Въ ней тре-
 «буется разнообразности, чудесности, безпре-
 «станныхъ перемѣнъ, и самой чрезъестествен-
 «ности въ отношеніи природы. Для сего необ-
 «ходимы не токмо всѣ художества, но и многія
 «науки: Поэзія, Зодчество, Музыка, Живопись,
 «Перспектива, Механика, Химія, Оптика, Гимна-
 «стика и самая Философія, для познанія и изъ-
 «ясненія всѣхъ страстей и тайныхъ изгибовъ
 «сердца человѣческаго, какими средствами удоб-
 «нѣе его растрогать и привести въ желаемое по-
 «ложеніе. Сего же безъ превосходныхъ даро-
 «ваній виртуозовъ сдѣлать не можно. Таланты

«рѣдки, а ежели и найдутся, то наивеличайшая
«въ томъ состоитъ трудность, чтобъ по само-
«любію, по самонравію и по неисчислимымъ ихъ
«прихотямъ привести ихъ къ искреннему едино-
«душію, дабы всѣ дѣйствовали согласно и къ
«единой цѣли. Всякій изъ нихъ своимъ искус-
«ствомъ хочетъ отличатся, не смотря на то,
«хотя бы на счетъ другаго, а иногда и на свой
«собственный, лишь бы, напримѣръ, поэту испо-
«линскимъ воображеніемъ, пѣвцу чрезмѣрною
«вытяжкою голоса, музыканту непонятными
«прыжками перстовъ, при громкомъ рукоплеска-
«ніи заставить выпучить глаза и протянуть уши
«такого же вкуса людей, каковы они сами. Отъ
«того-то бываетъ, что они въ таковыхъ случаяхъ
«уподобляются тѣмъ канатнымъ прыгунамъ,
«которые руки свои принуждаютъ ходить, а ноги
«вкладывать въ ножны шпагу, думая, что это
«чрезвычайно хорошо. Отъ таковыхъ-то усилій
«и несообразностей съ прямымъ вкусомъ вы-
«ходить въ Италіянскихъ Операхъ нелѣпица.
«Вмѣсто пріятнаго зрѣлища — игрище, вмѣсто
«восхитительной гармоніи — козлоглашеніе. На-
«конецъ, г-да Нѣмецкіе Эстетики говорятъ, что
«великолѣпное сіе представленіе со всѣмъ пре-
«восходствомъ его изобрѣтенія, наилучшимъ
«изъ всѣхъ представленій быть долженствующее,
«вымышлено больше по легкомыслію, нежели
«благоразумію, потому что оно, съ одной сто-
«роны, совершеннымъ почти быть не можетъ, а
«съ другой, въ странныхъ его и шутовскихъ

«явленіяхъ унижаетъ самыя превосходныя даро-
«ванія и дѣласть изящныя художества презри-
«тельными. Самые Италіянцы признаются, что
«наивеликолѣпнѣйшая Опера нерѣдко бываетъ
«скучною, даже и несносною, оттого что укло-
«нилась отъ природы и не удерживаетъ въ себѣ
«даже и тѣни вѣроятія. Если же и доставляетъ
«нѣкоторое удовольствіе, то только минутное для
«того, что увеселяя зрѣніе и слухъ, не питаетъ
«души. Здравомысліе рѣдко въ Операхъ проска-
«киваетъ. Въ разсужденіи чего, по великимъ на
«нее издержкамъ, по безчисленнымъ въ ней тру-
«дамъ и по многообразнымъ сцѣпленіямъ вещей,
«она подобна той многосложной машинѣ, кото-
«рая безпрестанно портится. Это, по изрѣченію
«Августа (*), есть *та рыба, которая не стоитъ*
«*золотой уди, или игра свѣчи.*—Если жъ что и
«имѣетъ въ себѣ хорошаго, могущаго принести
«нѣкоторую пользу, то единственно то, что по-
«дала случай соединить поэзію съ музыкою, какъ
«водилось то у древнихъ.»—По всѣмъ таковымъ
причинамъ, эстетики желаютъ ея исправле-
нія, дабы возвыситъ къ той благородной цѣли,
какова была Греческая Трагедія, отъ которой
она происходитъ.

Я не вовсе намѣренъ соглашаться съ таковымъ
строгимъ судомъ, ниже смѣю защищать Оперу.
Любимецъ Музъ, имѣющій доступъ къ Государю,

(*) Светоній, римскій историкъ, въ жизни сего Императора
при случаѣ разсужденія о войнѣ.

уваженіе отъ своихъ подчиненныхъ и благорасположеніе къ себѣ публики, которому бы поручено было въ управленіе сіе важное зрѣлище, и посредственностію онаго можетъ заслужить благодарность. Тонкихъ знатоковъ мало, вкусы различны, и мигъ удовольствія — шагъ къ блаженству. А сего уже и много, когда доставится случай нѣкоторымъ и нѣсколько часовъ провести съ пріятностію. Какое же другое зрѣлище къ сему способнѣе, какъ Опера? — Она, мнѣ кажется, перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. Скажу болѣе: она есть живое царство поэзіи; образчикъ (идеаль), или тѣнь того удовольствія, которое ни оку не видится, ни уху не слышится, ни на сердцѣ не восходитъ, по крайней мѣрѣ простолюдину. Въ ней представляются сраженія, побѣды, торжества, великолѣпныя зданія, хижины, пещеры, бури, молніи, громы, волнующіяся моря, кораблекрушенія, бездны, пламень изрыгающія. Или въ противоположность тому: пріятныя рощи, долины, журчащіе источники, цвѣтущіе луга, класы зефиромъ колеблемые, зари, радуги, дожди, луна въ нощи блистающая, сіяющее полуденное солнце; въ ней снизходятъ на землю облака, сидятъ на нихъ боги, летаютъ геніи, являются привидѣнія, чудовища, звѣри, рыкаютъ львы, ходятъ деревья, возвышаются и исчезаютъ холмы, поютъ птицы, раздаются эхо. Словомъ, видитъ передъ собою волшебный, очаровательный міръ, въ которомъ взоръ объемлется блескомъ, слухъ гармоніею, умъ не-

понятностію, и всю сію чудесность видишь искусствомъ сотворенну, а притомъ въ уменьшительномъ видѣ, и человѣкъ познаетъ тутъ все свое величіе и владычество надъ вселенной. Подлинно, послѣ великолѣпной Оперы находишься въ нѣкоемъ сладкомъ упоеніи, какъ-бы послѣ пріятнаго сна, забываешь всякую непріятность въ жизни. Чего же желать? Касательно же моральной ея цѣли, то что препятствуетъ возвести ее на ту же степень достоинства и уваженія, въ коемъ была Греческая Трагедія?—Извѣстно, что въ Аѣинахъ театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддерживала долгое время великодушныя чувствованія своего народа, превосходство ея надъ варварами доказывающія. Много говорено и писано, что слава есть страсть душъ благородныхъ; что ничѣмъ другимъ героевъ раждать и сердцами ихъ располагать не можно, какъ ею одною. Великій Суворовъ развѣдывалъ, что о немъ говорятъ ямщики на подставахъ, крестьяне на сходкахъ. Отъ гражданъ они получаютъ извѣстіе о городскихъ потѣхахъ, если въ нихъ сами не случатся. Ничѣмъ такъ не поражается умъ народа и не направляется къ одной мѣтѣ правительства своего, какъ таковыми приманчивыми зрѣлищами. Вотъ тонкость политики Ареопага и истинное поприще Оперы. Нигдѣ не можно лучше и пристойнѣе воспѣвать высокія сильныя оды, препровожденныя арфою, въ безсмертную память героевъ отечества и въ славу добрыхъ государей, какъ въ Оперѣ на те-

атрѣ. Екатерина Великая знала это совершенно. Мы видѣли и слышали, какое дѣйствіе имѣло героическое музыкальное представленіе, сочиненное Ею въ военное время подъ названіемъ *Олежъ*, въ которомъ одна строфа изъ 16-й Оды Ломоносова была воспѣваема:

«Необходимая судьба

«Во всѣ народы положила,

«Дабы военная труба

«Унылыхъ къ бодрости будила.»

Одинъ стихъ въ такомъ представленіи можетъ произвести слѣдствія, подобныя извѣстному слову, сказанному Александромъ Великимъ (*) Кассандру.

Но оставимъ политику; сообщимъ нужныя замѣчанія для желающихъ сочинять Оперы.

По принятому издревле обыкновенію, ради своей чудесности, Опера—разумѣется трагическая — почерпаетъ свое содержаніе изъ языческой мифологіи, древней и средней исторіи. Лица ея боги, герои, рыцари, богатыри, феи, волшебники и волшебницы.

У насъ изъ Славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсень, древнихъ и народныхъ, писанныхъ и

(*) Плутархъ въ жизни Александра Великаго говоритъ Кассандру: «Ты со временемъ почувствуешь, ежели угнетенъ народъ.» Сей выговоръ во всю жизнь пребывалъ въ его памяти, такъ, что онъ по смерти его, увидя въ первый разъ статую сего монарха, вострепеталъ отъ ужаса.

собранныхъ господами Поповымъ, Чулковымъ, Ключаревымъ и прочими въ такъ названныхъ книгахъ: Досугахъ, Славянскихъ сказкахъ и Пѣсенникахъ, много заимствовать можно чудесныхъ происшествій. Сочинитель Оперъ и трагикъ могутъ одно и то же содержаніе обрабатывать, представляя знаменитыя дѣйствія, запутанныя противоборующимися страстями, которыя оканчиваются какими либо поразительными развязками торжественныхъ или плачевныхъ приключеній. Сочинитель Оперы отличается тѣмъ только отъ трагика, что смѣло уклоняется отъ естественнаго пути и даже совсѣмъ его выпускаетъ изъ виду; ослѣпляетъ зрителей частыми перемѣнами, разнообразіемъ, великолѣпіемъ и чудесностію приводитъ въ удивленіе, не смотря на то, естественно ли то, или не естественно, вѣроятно или не вѣроятно. Въ трагическомъ родѣ предпочитаетъ всѣмъ другимъ высокое трогательное, и изъясняется сильнымъ чувствомъ, а не словами одними; въ планѣ и въ дѣйствіяхъ избѣгаетъ умничества, держится простоты, въ ходѣ не спѣшитъ чрезъ мѣру, зная, что противно то свойству пѣнія, еще того болѣе бережется отъ продолжительной и трудной развязки, почитая, что это дѣло ума, и нужно въ Трагедіи, а не въ Оперѣ, гдѣ надобно болѣе чувства, въ продолженіе котораго, что говорить, что дѣлаетъ, то и выражаетъ языкомъ краткимъ, чистымъ. Пѣсни, или самыя оды для хоровъ, когда бы пристойность и случай позволили пѣть

ихъ, должны быть ненадуты, просты, сильны, живымъ наполнены чувствованіемъ. Самой первой степени поэтъ, ежели онъ въ слогъ своемъ нечистъ, тяжелъ, единообразенъ, единозвученъ, не умѣетъ изгибаться по страстямъ и облекать ихъ въ сердечныя чувствованія, — къ сочиненію оперы не годится. Не позаимствуютъ отъ него ни выразительности, ни пріятности лицедѣй и уставщикъ музыки. Сочинитель Оперъ непременно долженъ знать ихъ дарованія и примѣняться къ нимъ, или они къ нему, дабы во всѣхъ частяхъ Оперы соблюдена была гармонія. Комическій оперистъ, примѣняясь къ сему, заимствуетъ содержанія свои изъ романовъ, изъ общежитія, шутитъ благородно, болѣе мыслями нежели словами, избѣгая площадныхъ, а паче перековеркиванія ихъ по выговору иностранцевъ. Италіянцы обильны и тѣми и другими, а Французы болѣе комическими Операми, особливо маленькими, называемыми у нихъ Оперетками. У насъ важныхъ Оперъ, сколько я знаю, только двѣ, сочиненныя Сумароковымъ: *Цефалъ и Прокрисъ*, *Пирамъ и Тизбе*. Есть переведенныя изъ Метастазія и другихъ иностранныхъ; но онѣ играны на тѣхъ языкахъ, а не на русскомъ. Находятся нѣсколько забавныхъ, сочиненія двухъ Княжнинныхъ, Хераскова, Князя Горчакова, Князя Шаховскаго, Попова и прочихъ; но всѣмъ предпочитается Аблесимова *Мельникъ*, по естественному его плану, завязкѣ и языку, простому. Выше

видно, что покойная Императрица удостоивала сей родъ поэзіи Своимъ занятіемъ. Она любила Русскій Народъ, и желала приучить его и на театрѣ къ собственной его идіомѣ (*).

О ПѢСНѢ.

Пѣсня родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ прежде нежели лепеталъ, издавалъ онъ гласъ. О семъ уже сказано въ самомъ началѣ сего лирическаго разсужденія. Россійскія старинныя Пѣсни раздѣляются на три статьи: на протяжныя, плясовыя и среднія. О характерѣ, мелодіи и сходствѣ ихъ съ древними греческими видно въ предисловіи покойнаго Тайнаго Совѣтника и кавалера Львова, при книгѣ, изданной имъ въ 1790 году «О народномъ Русскомъ пѣніи», гдѣ всякаго содержанія пѣсни, собранныя стараніемъ его, положены на ноты придворнымъ капельмейстеромъ Прачемъ (**).—Здѣсь скажемъ нѣчто о ихъ стихотвореніи; оно просто, ближе къ природѣ, нежели къ искусству; отличается большею частію въ началахъ пѣсень, едва ли не отъ всѣхъ иностранныхъ, отрицательными сравненіями и сокращен-

(*) Черта характера, нрава, или обыкновенія частнаго человека, или цѣлаго народа.

(**) Нѣкто Матвій Гутри, заимствуя отъ Львова, написалъ и напечаталъ на французскомъ языкѣ разсужденіе о русскихъ пѣсняхъ, сказавъ, что взялъ оное отъ Прача; а какъ Прачъ всеѣмъ не зналъ русскаго языка и не могъ разумѣть ни характера, ни красотъ тѣхъ пѣсень, а клалъ только слова на ноты, по объявленію Львова, то изъ сего только то можетъ намъ служить къ замѣчанію какъ иностранцы въ самыхъ бездѣлицахъ затмеваютъ вездѣ способности и славу Русскихъ.

ными прилагательными именами, какъ-то: *неясенъ соколъ по поднебесью, чернъ воронъ*, вмѣсто *черный*, что придаетъ ему нѣкоторую особенную загадку, важность и силу; не во всѣхъ есть связь; большая часть безъ рѣмъ; разнаго рода и мѣръ стиховъ; а не такъ, какъ нынѣ пишутся съ рѣмами, однѣми почти трехъ-стопными ямбами и хорейми. Вотъ ихъ спечатокъ, или подобіе древнимъ: цыганскія, по быстротѣ слога и по приговоркѣ какой нибудь одной рѣчи точно суть диѳирамбы; подблюдныя по гаданіямъ, ихъ клиноды; святошныя, по игрѣ (*), какъ нашъ: *живъ, живъ курилко*, и такъ далѣе. Нельзя сказать, чтобъ въ нихъ и поэзіи не было, хотя не во всѣхъ. Находятся такія, въ которыхъ видно не только живое воображеніе дикой природы, точное означеніе времени, трогательныя, нѣжныя чувства, но и философическое познаніе сердца человѣческаго. Такова есть пѣсня въ сказанной книгѣ подъ № 3. Находятся такія, кои веселую фантазію въ веселыхъ видахъ изъясляютъ, на примѣръ, подъ № 15. Есть показывающія естественное вѣрное подобіе, какъ подъ № 34. Наконецъ не недостаетъ и такихъ, въ которыхъ показывается сравненіями нѣжнѣйшая въ своемъ родѣ высококость мыслей, проницающая душу; также и такихъ, которыя мрачными карти-

(*) Игра древняя греческая, учрежденная въ память похищенія Прозерпины Плутонѣмъ, гдѣ съ зажженными лучинами или головнями бѣгали и искали похищенной.

нами и мужествомъ во вкусѣ Оссіана возбуждаютъ къ героизму. Первая изъ сихъ двухъ послѣднихъ подъ № 29. Скажемъ вкратцѣ ея содержаніе: Любовникъ проситъ позволенія у прежней своей любовницы жениться, увѣряя ее, что онъ ее будетъ любить по прежнему. Она ему отвѣтствуетъ:

«Ахъ, не грѣтъ солнцу жарче лѣтняго,
«Не лсбить другу больше прежняго.»

Вторую прилагаю подлинникомъ:

«Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
«А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
«Не сходить туману съ синя моря,
«Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.
«Не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ полѣ,
«Курится огонечикъ малешенекъ;
«У огонечка разостланъ шелковый коверъ,
«На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ;
«Прижимаетъ бѣлымъ платомъ рану смертную,
«Унимаетъ молодецкую кровь горячую.
«Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь.
«И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
«Будто слово хочетъ вымолвить хозяйну:
«Ты вставай, вставай, удалой добрый молодецъ!

выше при описаніи Романса упомянуто, то въ нихъ нѣтъ почти поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ весьма немногихъ. Онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантскъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольтвѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъясняющее. А какъ рассказы таковыхъ побѣдъ почти всегда оканчиваются надъ Татарами, то и должно заключить изъ сего, что по освобожденіи уже отъ ига ихъ, онѣ сочинены какимъ нибудь однимъ человѣкомъ, а не многими, чѣмъ и доказывается невкусъ цѣлаго народа. Примѣчанія жъ въ нихъ только то достойно, что видны при нѣкоторыхъ случаяхъ повтореніе, какъ въ Гомеровыхъ Пѣсняхъ, того же самаго и тѣми же точными словами, что уже выше было сказано. Но теперь станемъ говорить о нынѣшнихъ Пѣсняхъ: онѣ заимствованы отъ Европейцевъ. Ежели не взять появленія ихъ со времени Тредьяковскаго, когда онъ перевелъ нѣсколько французскихъ и небольшую поэму, называемую: *Взда въ островъ любви*, также сочинилъ нѣсколько своихъ Пѣсень, будучи еще въ Гамбургѣ 1730 года, какова напримѣръ:

«Весна катить,

«Зиму валить,

«Поютъ птички
«Со синички,
«Хвостомъ машутъ и лисички,

то и нельзя, кажется, происхожденіе новыхъ нашихъ Пѣсень отнести далѣе времени Петра Великаго, когда сблизилъ Онъ насъ съ Европою. Царствованіе Императрицы Елисаветы вѣкъ былъ Пѣсень. Она сама благоволила снисходить на сію забаву. Для показанія тогдашняго вкуса, прилагаю ниже сего Пѣсню, сколько по преданію извѣстно, сочиненную собственною Ея Особою. Таковыя вообще Пѣсни, разумѣется изящныя, или лучшаго разбора людей, по разсужденію эстетиковъ, не что иное, какъ мгновенный взглядъ на природу пріятную, нѣжную, веселую, игривую, въ которой наслаждается человѣкъ блаженствомъ жизни; или вопреки тому, въ несчастныхъ случаяхъ сокрушается горестію, уныніемъ, тоскою, печалію и далѣе. Предлогъ Пѣсни, выраженіе и ходъ ея, приличенъ ея содержанію. Онъ легокъ, естественъ, простъ. Въ Пѣсни господствуетъ полное, живое чувство, какъ и въ Одѣ; но только гораздо тише, не съ такимъ возвышеніемъ и распространеніемъ. Пѣсня назначена природою для пѣнія; то и должна она быть сладкозвучною, способною къ музыкѣ и къ повторенію какимъ либо инструментомъ. Въ Пѣсни ни радостное, ни горестное, ни забавное, ни издѣвочное ощущеніе не претупаетъ правилъ благопристойности и границъ общежитія. Знатоки говорятъ, что меж-

ду Пѣснею и Одою трудно положить черту различія. Но если оно и существуетъ, то основывается не на чемъ другомъ, какъ на постепенности. Для разбора же подобныхъ степеней въ сочиненіяхъ надобенъ весьма проницательный умъ и крайне тонкое чувство, чтобъ опредѣлить ихъ рѣшительную разность. Въ Одѣ и Пѣснѣ столь много общаго, что та и другая имѣютъ право на присвоеніе себѣ обоюднаго названія; однако же не невозможно указать и между ими нѣкоторыхъ оттѣнокъ, какъ по внутреннему, такъ и по виѣшнему ихъ расположенію. По внутреннему: Пѣсня держится всегда одного прямого направленія, а Ода извивчиво удаляется къ окolicнымъ и побочнымъ идеямъ. Пѣсня изъясняетъ одну какую либо страсть, а Ода перелетаетъ и къ другимъ. Пѣсня имѣетъ слогъ простой, тонкій, тихій, сладкій, легкій, чистый, а Ода смѣлый, громкій, возвышенный, цвѣтушій, блестящій и не столько иногда обработанный. Пѣсня долгое время иногда удерживаетъ одно ощущеніе, дабы продолженіемъ онаго болѣе напечатлѣться въ памяти; а Ода разнообразіемъ своимъ приводитъ умъ въ восторгъ и скоро забывается. Пѣсня сколько возможно удаляетъ отъ себя картины и витійство, а Ода, напротивъ того, украшается ими. Пѣсня чувство, а Ода жаръ. По виѣшнему составу: Пѣсня имѣетъ сходные съ первымъ, одинакіе и ровные куплеты; а Ода иногда разномѣрныя и неравнострочныя строфы. Пѣсня во всякомъ куплетѣ содер-

жить полный смыслъ, и окончательные періоды; а въ Одѣ нерѣдко летитъ мысль не токмо въ сосѣдственныя, но и въ послѣдующія строфы. Пѣсни у насъ пишутся по большей части хорейми, или другими метрами, но только трехъ-стопными, или двухъ-стопными стихами, удобными полагаться на музыку; а Оды для чтенія, наиболѣе четырехъ-стопными ямбами, гласные звуки издающими, по крайней мѣрѣ такъ почти всегда писали Ломоносовъ и Сумароковъ, послѣдуя Нѣмцамъ и Французамъ. Пѣсня имѣетъ одинъ напѣвъ, или мелодію, въ разсужденіи единообразнаго ея куплетовъ расположенія и мѣры стиховъ, которые легко могутъ затверживаться наизусть, и вновь возражаться въ памяти своимъ голосомъ; а Ода, по неравнымъ своимъ строфамъ и разносилнымъ выраженіямъ, въ разсужденіи разныхъ своихъ предметовъ, разною гармоніею препровождаться долженствуетъ и не легко затверживается въ памяти. Пѣсня должна украшаться неискusstvenною простотою, гладко-текущими стихами и богатыми приемами; а Ода довольствуется однимъ механическимъ движеніемъ и просодіею, не брежа слишкомъ о звонкихъ приемахъ, или вовсе пишется безъ оныхъ; но печется только о богатствѣ, высокости мысли и яркой выразительности. Въ Пѣсни царствуетъ пріятность, а въ Одѣ пареніе. Пѣсня никакой шероховатости, никакой погрѣшности не терпитъ; а въ Одѣ иногда, какъ въ солнцѣ, небольшія пятна извиняются. Пѣсня

вообще убѣгаетъ важныхъ, славянскихъ словъ, смѣлыхъ оборотовъ и всякихъ лирическихъ украшеній, довольствуясь одною только ясностію и искусственною простотою; а Ода безъ славянскаго языка, извитій и глубокомыслія почти обойтись не можетъ. Наконецъ, въ Пѣсни все должно быть естественно, легко, кратко, трогательно, страстно, игриво и ясно, безъ всякаго умничества и натяжекъ. Превосходный лирикъ долженъ иногда уступить въ сочиненіи Пѣсни, вѣтренной, веселонравной дамѣ. Французы въ семъ родѣ поэзіи признаются во всей Европѣ лучшими искусниками. Особенно ихъ любовныя, забавныя, застольныя Пѣсни, по вкусу пріятности своей, едва ли не достигли совершенства. Множество и у насъ подобныхъ, иныя можетъ быть и не хуже, что можно видѣть во всѣхъ нашихъ пѣсенникахъ, гдѣ находятся Пѣсни на всякіе случаи. Лучшіе Пѣсней сочинители у насъ почитаются: Нелединскій, Дмитріевъ, Поповъ, Богдановичъ, Капнистъ, Карамзинъ, князь Горчаковъ и другіе, которыхъ имена предоставляю себѣ показать, а особенно отличныхъ лириковъ, въ номенклатурѣ. Въ заключеніе вотъ та пасторальная Пѣсня, которая относится преданіемъ къ помянутой Высочайшей Сочинительницѣ:

«Чистый источникъ всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,

«Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,

«Ты и рошъ всѣхъ, ахъ! и меня счастливей,

«Горъ, долинокъ и кустовъ;

« Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются

« По сыпучему песку,

« И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются

« По зеленому лѣску.

« Нѣтъ, не тѣмъ; но прекрасно умывала

« Нимфа что лице тобой,

« Съ брегу бѣлыя ноги опускала

« И токъ украшала твой.

« Тутъ и алыя розы устыдились,

« Зря латины и уста,

« И лилей къ ней на грудь преклонились,

« Что бѣлѣй ихъ красота.

« О, коль счастливы желтыя песчинки,

« Тронуты ея стопой!

« О, коль пріятны легкія травинки,

« Смятыя ея красой!

« Тише же нынѣ, тише протекайте

« Чисты струйки по песку,

« И слѣдовъ съ моихъ глазъ вы не смы-
вайте,—

« Смойте лишь мою тоску.

CLVI.

ОДЫ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ И СОЧИНЕННЫЯ

ПРИ

ГОРЪ ЧИТАЛАГАРЪ,

1774 года.

—

ОДА НА ЛАСКАТЕЛЬСТВО.

Какое священное пореваніе, кое божество меня одушевляетъ, и коль сильнѣйшій огонь разжигаетъ мои мысли? Приди ко мнѣ, о Муза! да паки тобой прииму я лиру и послѣдую твоимъ красотамъ. Поборствуй мнѣ, добльственный Алкидъ! ты, котораго безстрашная бодрость низлагала ужаснѣйшихъ чудовищъ! Въ подобіе тебѣ, яко отмститель вселенной, еще съ опаснѣйшимъ чудовищемъ и я долженствую браться.

Вихри, разящіе жестокостію своею корабли о каменья, моря покрытыя въ кораблекрушеніе тысящами дерзновенныхъ мореходцовъ, вѣтры творящіе тлетворнымъ своимъ дыханіемъ изъ земли опустошенной гнусное позорище Атропы, не такъ страшны, какъ стрѣлы ласкательства, которыя вредятъ сердца героевъ.

Нравное ласкательство есть чадо собственнаго своего прибытка. Притворство, воспитавшее оное, даровало ему убранство добродѣтелей. Оно

присѣдя непрестанно при подножіяхъ трона, ѳиміамомъ тщеты окружаетъ оный, и упоеваетъ имъ мужей и царей великихъ. Личиною учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживыхъ его потаканій.

Тако клубящаяся змія, лежащая сокровенно во злакѣ, приуклоняетъ кичливую главу свою предъ безопаснымъ Африканцомъ. Она ползетъ, дабы напасть, и вредъ желающей угрызть несетъ подъ сѣннолистіемъ и подъ цвѣтами, или такожъ неосторожнаго путника, вмѣсто истиннаго свѣта, прельщаютъ огни блудящіе, мгновеннымъ своимъ блистаніемъ.

Коварный льстецъ скрываетъ подъ обманчивою сладостію своихъ безпрестанныхъ хвалъ наивреднѣйшій ядъ. Уста его лживы и обманчивы; языкъ его стрѣла изощренноубійственная, внезапно прилетающая, попадающая и пронзающая, подобно яко лютое пѣніе Сиренъ, съ удовольствіемъ смерть приноситъ.

Небо! какое преображеніе дѣлаетъ изъ трости кедръ, изъ тернія розу, изъ Минотавра красавца! Мевій тотчасъ сдѣлался *Виргиліемъ*, Терситъ явился соперникъ *Ахиллесовъ*, и все стало одно съ другимъ смѣшенно. Государи! научайтесь познавать ласкательство: оно есть то, котораго обоженія пороки ваши творятъ добродѣтелями.

Часто его низкость благоговѣтъ предъ отвращенію достойнымъ тираномъ, и славословя его мерзости, продаетъ за дорогую цѣну свое смѣ

благоуханіе. Высоковѣйное счастіе, измѣна и благополучная дерзость находятъ себѣ почитателей. Ежели бы Картуша украсила корона, или Катилина былъ на престолѣ, то не имѣли ли бѣ и они своихъ ласкателей.

Когда разгоряченная кровь моя, изъ жилъ въ жилы стремящаяся, изъ скнипа возпламеняется, и скоропостижный огонь приносить біющемуся моему сердцу, когда потемненный мой разумъ уже оставляетъ меня моему бѣснованію, вотще тогда безстыдный льстецъ, обманчивымъ своимъ краснорѣчіемъ, будетъ выхвалять и цвѣтъ лица моего, и совершенство моего здравія.

Вмѣсто того, чтобъ скаредное ласкательство благообразило наши пороки, то искажать сіе преступное богопочтеніе у витязей славу. Люди могутъ насъ хвалить или хулить; но мы остаемся таковы, каковы есьмы: немощны или здоровы; откровенны или скрытны. Нѣтъ, не витійство человѣковъ, но гласъ совѣсти моей одобряетъ мои добродѣтели.

Людовикъ, который потрясъ землю, котораго руки сильно ужасалися, былъ очень великъ на войнѣ, но весьма малъ на театрѣ. Всѣ знаки чести, посвященные государями собственной ихъ памяти, дѣлаютъ тріумфы ихъ ненавистными, и я не познаю уже гордаго раззорителя Вавилона на его престолѣ, когда онъ велѣлъ себя нареши сыномъ Божіимъ.

Возстаните отъ упіенія вашего, Государи, Князи, Мудрецы и Герои, и побѣдите слабость вашу, владычественныя лавры ваши дѣлающую поблекшими. Воззрите на море заблужденія, въ которое изъ суеты самолюбіе ваше васъ низвергаетъ. Мужайтесь, бодрствуйте противъ ласкателей и разбейте невѣрное зеркало, сокрывшее предъ вами правду.

О! ясноблещущая истина, дочь безсмертная Неба! снесися къ симъ мѣстамъ изъ лучезарнаго твоего жилища. Свѣтъ твое наслѣдіе; разсыпь туманныя облака, чѣмъ гордость помрачаетъ нашъ разумъ; да преїдетъ она яко мгла густая, исчезающая отъ тихихъ лучей грядущаго на горизонтъ утренняго солнца.

Вельможи, послѣдующіе примѣрамъ Циней и Морней! вы единственно заслуживаете храмъ, посвященный именамъ великимъ. Ваши тонкія укоризны при напоминовеніи, умѣютъ нравиться, и вы суть одни друзья справедливыя. Ласкатели! не употребляйте теперь болѣе вашей лести, не думайте, чтобъ вы меня обмануть могли. Я познаю уже ваши непріязненныя стрѣлы.

Цезаріонъ, другъ истинный и нѣжнѣйшій нежели Пиридъ! въ тебѣ нахожу я примѣръ изъ первыхъ всѣхъ добродѣтелей. Обличай дерзновенною дружбою твоею безослабленно мои заблужденія и пороки. Такъ очищаетъ и раздѣляетъ золото въ горнилѣ огонь отъ прочихъ низкихъ металловъ.

CLVII.

ОДА

НА ПОРИЦАНІЕ.

Какое привидѣніе, какое страшилище неперестанно меня преслѣдуетъ! Оно убѣждало отъ рубежа царства тѣней, и взоръ его грозитъ погубленіемъ. Рѣки горести и желчи текутъ изъ оскорбительнаго рта сего блѣднаго и свирѣпаго чудовища. Оно не имѣетъ другія плоти, кромѣ лжи, обмана, клеветы, лести и вѣроломства.

Я познаю тебя по подлымъ изворотамъ лица твоего, варварское порожденіе зависти! Я познаю тебя по неутолимой никогда алчбѣ безстыдства и предательства твоего, по зміямъ твоимъ и скорпіямъ, воздвоеннымъ твоею лютостію, по покрывалу твоему, по ложному гласу трубы твоей, сему твоему орудію недоброхотства!

Между тѣмъ какъ угасшій фіалъ мрачнаго твоего подозженія раздуваешь ты вновь и отрясаешь его близъ престоловъ, то въ куреніи семъ исчезаютъ оныя. Уже къ облежимымъ къ нимъ тобою не доходятъ болѣе жалобы невинности, коея были они покровители. Тотчасъ сами они становятся тебѣ въ порокахъ сопреступниками, тебѣ служатъ и угнетаютъ все, что только гонитъ твоя ненависть.

Личиною притворства прикрываешь ты свое сквернообразіе. Продерзость скарднаго твоего языка возстаетъ даже на самихъ тосударей. Съ ужаснымъ ревомъ во всѣхъ чертогахъ царскихъ слышно рыканіе твоей наказанія достойной зависти. Ты есть единственная душа притворныхъ, преобращающая смѣющіеся ихъ дни въ печальныя ночи.

И такъ наполненный твоими поношеніями быстротекущій слухъ заражаетъ своею лютостію всю вселенную. Европа, жадная къ новостямъ, глотаешь дымъ, изрыгаемый твоимъ ядовитымъ дыханіемъ. Вверженная тобою въ заблужденіе, почитаетъ она прорицалище лжи за излагателя правды.

Ржа твоя обыкновенно пристаешь болѣе къ именамъ славою великимъ. Сіяніе ихъ вящей красоты неудобосносно твоимъ мрачнымъ взорамъ. Демонъ ужаса, которымъ ты одержима, очерняетъ Цесареву славу у Никомеда и не щадитъ Сципіона. Ты изгоняешь Велисарія въ бѣдность и преобращаешь его лавры своимъ волшебствомъ въ глазахъ народа въ терніе.

Гдѣ были великія заслуги, на которыхъ ты когда не зіяла? Не гонишь ты Терсита, но Ахиллеса заглушаетъ твой ревъ. Сварѣные твои сообщники вооружались въ Греціи острацизмомъ, истребити всѣхъ героевъ. Великіе только люди суть твоя жертва, и еще дымится кровь оныхъ

на темныхъ олтаряхъ твоихъ, пролитая твоими беззаконіями.

Въ безумномъ упіеніи твоємъ Люксембургъ былъ обвиненъ чарованіемъ. Евгеній въ молодости своей носилъ знаки зубовъ твоихъ. Колбертъ, сей достопочтенный мужъ совѣта, и теперь еще стыдитъ тѣмъ Францію, чѣмъ ты его поклепала. Тобою даже статуя великаго Людовика въ минуту послѣ его смерти была обезчещена.

Кинжалъ твой, прободая честь, возставляетъ бранниковъ. Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ. Преодоля всѣ препятствіи по многимъ дивамъ, имя его наконецъ будетъ яду твоему противный ядъ. Но какъ ты ни на кого болѣе не преогорченна, лишь на людей великихъ, то въ твоємъ мракѣ чрезмѣрное ихъ сіяніе ослѣпляетъ паче глаза смертныхъ.

Потому, претерпѣвъ твою лютость, не боюся я болѣе твоихъ намущеній, для того, что пускаемые тобою стрѣлы всегда попадаютъ въ добродѣтель. Напрасно ставить противъ тебя споны: сама Минерва, вооруженная Медузой, не могла обратить тебя въ камень. Одно благодѣяніе времени откроетъ твою злость и оправдаетъ насъ передъ свѣтомъ.

Вы же, которыхъ чудовище сіе воскормило и воспитало, пзлившіе пагубными языками своими злость его, соустраивайте свой хулительной

гласъ, органъ подлѣйшаго обмана, тонкимъ клеветамъ его, возмущайте паче, ежели можете, и всѣ бездны моря, ничто не разрушить глубокаго моего покою.

Между тѣмъ какъ въ прекрасныхъ вертоградахъ нашихъ, съ цвѣтовъ перелетая на цвѣты, для своего нектару собираетъ пчела сладость, то въ то же время, безплодной рой шерстневъ, для собиранія своего яду, высасываетъ со вредныхъ травъ горестъ. Когда къ трудолюбивому царству пчелъ припалзываютъ ненавистные шерстни, тогда царица оныхъ взвивается къ облакамъ.

Всегда полезная невинность, тако счастливая и спокойная, довольная своею судьбиною, трудится для блага человѣческаго рода и видитъ въ варварскихъ рукахъ твоихъ остріе желѣза, подстрекаемое до послѣдняго слѣда, разрушить новые памятники, поставленные премудростію и блаженствомъ.

Стократно видѣлъ я, что твои неблагодарныя руки, дабы тѣмъ болѣе повредить живущихъ, ласкаютъ умершихъ. Пороки твои обитаютъ въ нощи, ибо ты отвращаешься дня, который ихъ изобличить можетъ. Подобно печальнымъ вранамъ, кои на кладбищахъ мертвыхъ собираются въ кипарисныхъ дебряхъ, и своимъ крикомъ пугаютъ тѣней.

Ядовитая гидра! ты, которой угрызеніе змѣнно жалитъ для общаго добра рожденнаго прища,

о дикой, кровожаждущій тигръ! я отказываюсь труда, не заслуживающаго благодарности, умягчить твои свирѣпыя нравы: прежде Аравитянинъ, подъ горящимъ поясомъ, укротить всѣхъ африканскихъ чудовищъ.

Будь кто соревнитель Виргиліевъ и царствуй на горѣ двухолмистой, но Зоилъ тебя перехулитъ и сопхнетъ со Геликона. Дерзостный орелъ, вознесшій свое пареніе до чертоговъ божества свѣта, понижаетъ свой полетъ, и скоро преобращенъ будетъ въ хищную, или трупы жрущую птицу.

Между тѣмъ какъ разгорячившееся отъ яду порицанія сердце занимается объ ономъ слагать стихи, безчеститъ оно свой даръ и божественное согласіе своея пѣсни. Да не употребимъ во зло вашего восторга; желчь порицанія отравляетъ источникъ Иппокрены. Я предпочитаю краснорѣчію твоему мудрое и добродѣтельное Бернардово молчаніе, который онѣвалъ божество любви.

Такъ стоитъ безъ утѣшенія Наяда, когда возьмутъ бунтующіе вихри тихія ея воды, изъ нѣдръ глубокаго ея жилища поднимаются камни, песокъ мѣшается съ волною и помрачаетъ кристаловидныя ея струи. Но ежели наступитъ тишина, источникъ становится прозраченъ, бѣжитъ свѣтло въ тихое его теченіе, то уже ничто не возмущаетъ чистаго ея потока.

Подобны сему и разславленные поношенія,

между тѣмъ, какъ они еще и новы, касаются только воздуха, потомъ презирають ихъ, позабываютъ и пасквили ихъ съѣдаются червями. Одиѣ только справедливыя заслуги находятъ сами въ себѣ непрестанное покровительство.

Напослѣдокъ возставленная истина торжествуетъ надъ заблужденіемъ. Іуліанъ находитъ противъ священнаго порицанія защитника. Ежели ненависть и ея подружіе зависть лежатъ въ пыли, то безъ дальняго предстательства, добродѣтель сама показывается собою. Мы видимъ въ почтеніи достойныхъ повѣстьяхъ, что лавры славы зеленѣютъ паки, которые было-обезлистила ненависть.

**ОДА
НА ПОСТОЯНСТВО.**

Ослѣпленная алчба крови, губительница смертныхъ, не твоему мрачному неистовству посвящаю я здѣсь алтарь, но той мужественной, постоянной, твердой и долготерпѣливой добродѣтели, которая, презирая обуреваніе судьбины, непреклонна отъ гласа ненависти, полна любви къ своей жизни, изъ великодушія токмо пренебрегаетъ смерть.

Изведенный Гіевъ боговъ преступкомъ дерз-
скаго Прометея, похитившаго у нихъ небесный
огнь, велѣлъ распространиться изъ вреднаго со-
суда Пандоры по всей землѣ адскому отроищу
зла, только единственная частица ихъ милости
осталась на днѣ пагубнаго сего сосуда въ надеж-
дѣ.

На страшномъ позорѣ ономъ, гдѣ люди яко на
игрищѣ представляютъ свои лица, природа, утѣ-
шающаяся нашими несчастіями, кажется намъ
мачиха: заслуги, достоинства, порода и ничто не
освобождаетъ насъ отъ страданія. Во всѣхъ на-
шихъ участяхъ бѣды съ нами: я вижу Галилея
въ узахъ, Медисъ въ заточеніи и Карла на
мѣстѣ лобномъ.

Здѣсь похищенное у тебя счастіе возжигаетъ
въ тебѣ отмщеніе; тамо неповинное твое сердце
прободаютъ стрѣлы зависти; тутъ изнуряющая
скорбь разливаетъ свои страхи на цвѣтущее твое
здравіе. Сегодня больна жена, завтра мать, или
братъ, или смерть вѣрнаго твоего друга, застав-
ляютъ тебя проливать слезы.

Тако, не взирая на усиленную лютость сви-
рѣствующей хляби, носится утлое судно по
ярящемуся морю. Воздвизаемыя бурнымъ дыха-
ніемъ волны, то возносятся къ облакамъ, то низ-
вергаютъ его въ тартаръ. Небо возвѣщаетъ ему
его сокрушеніе, но оно, — подкрѣпляемое своею
бодростію, противится и волнамъ, и вихрямъ, и
безднамъ.

Итакъ въ смущенныхъ дняхъ, противу всѣхъ навѣтовъ твердость щитъ и непоколебимость оружія. Судьбина можетъ гнать и изготовлять паденіе и ускорять погибель, но никакая опасность не сотрясетъ постоянства. Когда боязливая подлость исчезаетъ безъ надежды, тогда духъ крѣпкій мужаться долженъ.

Божество времени скорыми своими крылами летитъ и не возвращается къ намъ паки. Хотя не можетъ оно отмѣнить судьбины, но, кажется, въ его отдаленіи самымъ своимъ полетомъ уже даетъ намъ благо, ибо все имъ причиняемое, и все истребляемое, даже до малѣйшаго слѣда, уноситъ оно съ собою. Для чего жъ вздыхать въ краткое несчастіе, которое пройдетъ въ минуту, и для чего безпрестанно намъ жаловаться?

Чуждуся я Овидія: печалень, грустенъ, боязливъ, даже въ самой бѣдности ползущій льстецъ своего тирана не имѣетъ ничего мужественнаго въ своемъ сердцѣ. Должно ли заключить изъ его жалобъ, что кромѣ пышныхъ стѣнъ Рима нѣтъ нигдѣ надежды смертнымъ? Блаженъ бы онъ былъ, когда бы въ своемъ заключеніи, какъ Гораций, сказать могъ: «Счастіе мое со мною!»

Крѣпкіе философскіе духи, жители на земли неба, звѣзды стоическаго ученія! вы будете изъ смертныхъ боги. Ваши мудрованія, ваши непоколебимыя души надъ человѣчествомъ торжествуютъ. Что могутъ налоги несчастія мужественному сдѣлать сердцу, которое унывать неспособно?

Регуль оставляетъ друзей, отечество, идетъ въ Кароагену, предается въ неволю укротить дикую суровость своихъ мучителей. Велизарія я болѣе чту въ его презрѣніи и въ нищетѣ, нежели на лонѣ его благополучія. Если я удивляюсь великому Лудовику, то это тогда, какъ его угнетаютъ въ несчастіи, и онъ лишается своего потомства.

Малый духъ покоится безъ труда въ нѣдрѣ своего благополучія; человѣкъ наслаждается своимъ счастіемъ, которое ему даруетъ случай; душа благородная не токмо отличается въ благопріятномъ времени, но ежели и обстоятельства смѣшаны. Сіе же опытъ совершенной добродѣтели, когда сердце въ жестокостяхъ рока растетъ и возвышается.

Вѣчное предопредѣленіе неупросимо; напрасно хотятъ преобратить его; который смертный дерзнулъ противоборствовать его узаконеніямъ? Нѣтъ! всѣ силы Алцидовы въ крутизнахъ стремленія его слабы. Постоянною душою только надлежитъ сносить свирѣлость несчастія, которое никакъ премѣнить не можно.

ОДА

КЪ МОВТЕРПІЮ.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОНЪ.

О! Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ ма-
ла есть наша жизнь! Цвѣтъ сей, сегодня блиста-
ющій, едва только успѣлъ расцвѣсть, завтра увя-
даетъ. Все проходитъ, все проходитъ строгою
необходимостію неизбѣжимыя судьбины, и все
уносится. Твои добродѣтели, твои великіе талан-
ты не могутъ дня одного получить отсрочки отъ
времени.

Лучшихъ дней моихъ нѣтъ. Какъ шумящія
волны, удовольствія мои улетѣли; никакая сила
оныхъ не удерживаетъ, и я слѣдую уже стоиче-
скому поученію хладнаго моего разума. Между
тѣмъ, какъ я удручаюся, онъ восходитъ, насто-
ящее летитъ, будущее неизвѣстно, а прошедшее
менѣе какъ сонъ.

Гордый смертный, ты, который толь суетенъ
въ слабыхъ помышленіяхъ духа твоего! познай
твою крушиму ю судьбину, и умѣрь твою спѣсь;
кратокъ есть конецъ и въ томъ предѣлъ твой:
лишь только ты родился, уже рокъ дня того вле-
четъ тебя къ разрушающей ноши, гдѣ Мевіи и
Виргиліи во множествѣ смѣшенны и имѣютъ
единственную участь.

Прельщенные ложнымъ блескомъ добра цедо-
стойнаго, дѣлающіе себѣ идола изъ металла
бреннаго и преходящаго, къ чему вы его жалѣе-
те? Видите, о, смертные! на свѣтѣ семъ все яко
цвѣтъ сельный упадетъ; такъ лучше пожалѣй-
те о своемъ заблужденіи! Ваши сокровища, ваши
богатства послѣдуютъ ли за вами въ могилу ва-
шу?

Какъ можно тоlikое множество суетныхъ
предметовъ пожертвовать нашей жизни! Для че-
го такое великое пространство замысловъ пути
столь ограниченному? Герои! готовящіе узы не-
счастливой вселенной, воззовите витязей начер-
танныхъ въ лѣтописцахъ, достигаете ли всѣхъ
оныхъ вы славы?

Пусть подсолнечная дѣлами вашими придетъ
во изступленіе, пусть тріумфы ваши превозне-
сутъ васъ въ санъ Монарха, но миръ окончитъ
брани; вы будете жертва смерти, и едва только
выговорится о васъ одно слово, уже все загла-
дится рушущими вѣками. Человѣкъ умретъ и ге-
роя позабудутъ.

Какое множество было мужей великихъ, и вре-
мя еще усугубитъ оныхъ. Станьте съ ними ря-
домъ, но тѣнь ихъ помрачитъ васъ. Ежели ва-
ше невѣжественное бѣшенство почитало славо-
любіе за истинную славу, то, ахъ! какая будетъ
судьба ваша? Часто свирѣпствующій кровопивецъ
думаетъ въ то время прославляться дѣлами свои-

ми, когда свѣтъ весь наполненъ къ нему омерзѣнія.

Сколько прошло вѣковъ, какъ щеждарная десница мятежныя устроила стихіи, и изъ хаоса сотворила свѣтъ. Время все захватываетъ въ свое владычество, такъ, что настоящее бѣжитъ, а будущее скоропостижно ему же послѣдуетъ. Человѣкъ! область дней твоихъ въ вѣчности точка: быть одну минуту, сіе называется жить.

Когда бы люди по крайней мѣрѣ двойственное число дней своихъ жить могли, то бы можно было иногда поласкать ихъ гордости. Смертные! дерзкія желанія ваши возносятъ васъ сравняться богамъ, но что вы?—вы рождены пресмыкаться въ пыли, жить и умереть. Это вы, которые существуете на то, чтобы исчезнуть,—это вы стараетесь о славѣ?

Для чего искать счастья? Для чего бояться ударовъ Неба? Доброе есть пріятный, а злое худой сонъ. Всѣ сіи случаи для того, кому бытіе наше извѣстно, суть предметы равнодушныя. Прочь печали, утѣхи и вы, любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ въ рукахъ уже смерти.

Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единого взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игралище непостоянства.

Познаемъ слѣпоту нашу, предразсужденія наши и наши слабости: тогда все кажущееся великимъ будетъ куча бездѣлицъ. Вознесемся на небеса и низпустимъ отъ величественной высоты оной взоръ свой на Парижъ, на Пекинъ и на Римъ, то въ отдаленности всѣ сіи великости исчезнутъ. Вся земля уподобится точкѣ; что же будетъ человѣкъ?

Наполненны суетности, носимся мы между прошедшею и будущею бездною вѣковъ, которые бѣгутъ непрестанно. Всегда упражнены ничѣмъ, яко дѣйствительные Танталы ложнаго блага, погруженны въ обавающіи сонъ, терзаемся безпрестанно хотѣніемъ и теряемся въ ничтожествѣ: сей есть предѣлъ нашей жизни!

О Д А

НА ВЕЛИКОСТЬ.

Живущая въ кругахъ небесъ,
У существа существъ всѣхъ сущихъ,
Кто свѣтъ изъ вѣчной тмы вознесъ,
И твердь воздвигъ изъ безднъ борющихъ,
Дщерь мудрости, душа боговъ!
На гласъ моей звенящей лиры
Оставь гремящіе ээиры,
И стань среди моихъ стиховъ!

Возлеги на твоихъ персяхъ,
Наполнясь твоего паренья,
Я зрю, блистаетъ свѣтъ въ очахъ;
Я мню, перо творить велѣнья!
Восторгся духъ зарей въ чертогъ!
Страны вселенныя, взирайте,
Божественъ образъ познавайте:
Великость въ человѣкѣ—Богъ!

Свѣтилы красныя небесъ,
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не собирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ собираю,
Великость вамъ внушить желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.

Ногою ставъ на черный понтъ,
Чрезъ мракъ и чрезъ пары стремящи,
Тавръ всходитъ въ вышній горизонтъ;
Не можетъ вихрь его ярящій
Нимало сердце колебнуть:
Онъ бурей трескъ уничтожаетъ,
Онъ молній блескъ пренебрегаетъ,
Безсиленъ громъ его потряхнуть.

Высокій духъ, чрезъ все высокъ,
Всегда онъ твердъ, что ни случится:
На западъ, югъ, полношь, востокъ
Готовъ онъ въ правдѣ ополчиться.

Пускай самъ Богъ ему грозить, (*)
Хотя въ пыли, хотъ на престолѣ,
Въ благой Своей Онъ крѣпокъ волѣ,
И въ ней по смерть, какъ холмъ, стоитъ.

Изъ мрачной древности временъ,
Великій духъ, мнѣ въ слухъ разится,
Алкидъ, геройствомъ возбужденъ,
Прогнать изъ свѣта злобу тщится.
Онъ въ путь течетъ средь безднъ, средь
блатъ,
Изъ корней горы всторгаетъ,
Горами страшными бросаетъ,
Шагами потрясаетъ адъ.

Когда богамъ не можно быть
Никакъ со слабостями людскими,
То долженъ человѣкъ сравнить
Себя дѣлами имъ своими.
На что вноситься въ звѣздный тронъ?
Петра Великаго лишь зрѣти,
Его кто можетъ духъ имѣти,
Богамъ подобенъ будетъ онъ.

Востока Царь, полсвѣта страхъ,
Подсолнечной желатель трона,
Не тѣмъ великъ въ моихъ глазахъ
Попратель града Вавилона,
Что скипетры подъ нимъ лежатъ,

(*) Когда на Іова праведнаго низпосланы были бѣдства, то Самъ Богъ, искушая его, призывалъ духа и велѣлъ коснуться плоти его.

Но что, быть мнивши кубокъ съ ядомъ,
Пріялъ, не возмущился взглядомъ,
Яко божественный Сократъ.

Судьбина если не дала
Кому престоломъ обладати,
Творити Титовы дѣла,
Щедроты смертнымъ изливати,
И въ нижней части можно быть
Пресвыше, какъ носить корону:
Чѣмъ быть подобному Нерону,
То лучше Епиктетомъ слыть.

Терпѣть, страдать и умереть
Съ неколебимою душою,
Такою ревностью горѣть,
Мужался Регулъ каковою,—
Преславно тако кончить дни!
Бездушные Сарданапалы
Сто разъ предъ Велизаромъ малы,
Хотя блаженствуютъ они.

Небесный даръ, краса вѣковъ,
Къ тебѣ, великость лучезарна,
Когда средь сихъ моихъ стиховъ
Восходитъ мысль высокопарна,
Подай и сердцу столько силъ,
Чтобъ я тобой одной былъ явентъ,
Тобой въ несчастьи, въ счастья равентъ,
Одиу бы добродѣтель чтлѣ.

Луны у насъ въ полудни нѣтъ,
Она средь ночи намъ блистаетъ,

А если солнце день даетъ,
По буряхъ краше намъ сіяетъ.
Великъ напастьми человѣкъ!
Въ горнилѣ злато какъ ражженно,
Отъ праха зрится очищенно,
Такъ нашъ бѣдами бранный вѣкъ.

Услышьте, всѣ земны владыки,
И всѣ державныя главы!
Еще совсѣмъ вы не велики,
Коль бѣдъ не претерпѣли вы!
Надлежитъ зло претерть пятой,
Противъ перуновъ ополчиться,
Самихъ Небесъ не утрашиться
Со добродѣтельной душой.

Богини радости сердецъ,
Я здѣсь высотъ не выхваляю,
Помыслить кто, что былъ я льстецъ,
Затѣмъ потомкамъ оставляю,
Гремящу, пышну ону честь:
Россія чувствуетъ налоги,
Судьбы Небесъ какъ были строги,
Монархини сей духъ вознестъ.

Она пожары, язвы, гладъ,
Свирѣпы бунты укротила;
Всѣхъ золь зіялъ на насъ какъ адъ, —
Она бѣды всѣ отвратила:
Магмету стерла гордый рогъ;
Превыше смертныхъ щедрой власти,
Была покровъ намъ въ лютой части,
Какъ былъ на насъ Самъ въ гнѣвѣ Богъ.

Уже дымятся алтари,
Душъ превыспренней, парящей;
Среди побѣдъ, торжествъ зари,
Своимъ величествомъ свѣтящей,
Россія празднуетъ жену.
Но что за громъ мнѣ ударяетъ?
Екатеринъ міръ взываетъ:
Ты свергла змія и луну!

ОДА

НА ЗНАТНОСТЬ.

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристаломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

На стогнъ поставленъ, на позоръ
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ,
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.

Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!

Внемлите, князи всей вселенной!
Статуи, безъ достоинствъ, вы!

При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ,
Калигула быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышенъ цугъ?
Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?

Творящъ въ Ареопагѣ судъ,
Подъ кровомъ злата и виссона,
Оемиды свято мѣсто тутъ,
Бѣги изъ зазерцальна трона,
Коль ты неправеденъ, Катонъ!
На что и правосудье въ свѣтѣ,
Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что сталъ другой (*) Шемякинъ онъ?
Къ чему способности и умъ,
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужить вождя шумъ,
Когда не щитъ онъ государства?
Емелька съ Катилиной змѣй,
Разбойникъ, распреникъ, грабитель,
И царь невинныхъ утѣснитель
Равно вселенной всей злодѣй.

(*) Да не возьметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой счетъ;
судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи.

Въ тріумфѣ, въ славѣ, подъ вѣнцемъ,
Герой, Помпея побѣдитель,
Юлій, жаждущимъ мечемъ
Не сталъ ли Рима обогритель?
Славнѣй Екатериной быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ границамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.

О, вы, верховныя главы,
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душою благородной,
Талантомъ, знаньемъ и умомъ
Примѣры обществу даете,
И пользу оному ведете
Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.

Дворянства взводитъ на степень
Заслуга, честь и добродѣтель;
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истинна содѣтель:
Я князь, коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Боляринъ, коль за всѣхъ болѣю,
И всѣмъ усерденъ для услугъ.

Предъ нами древностью своей
О, князи міра! не гордитесь:
Каковъ Евгенийъ, Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситесь,
Но въ Росскомъ множествѣ дворянъ

Герои славнѣя бывали,
И нынѣ царство подпирали,
Межъ прочихъ сей примѣръ вамъ дамъ:

Отечеству Румянцовъ другъ,
И прямо свѣта хвалъ достоинъ.
Великъ, что въ немъ геройскій духъ,
Но болѣ, что Востокъ спокоенъ
И Сѣверъ сталъ его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишь только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой.

CLVII.

О Д А

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА,

СОЧИНЕННАЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И БУНТА.

1774 года.

—
Се красный день, твой Новый годъ,
А Ты еще не утружденна,
Еще ни въ чемъ не упражненна,
Кромѣ побѣдъ, добротъ, щедротъ,
Кромѣ, чтобъ милость намъ являти
И часть потеряннымъ считати
Безъ милосердіевъ твоихъ.
Любовь и удивленье свѣта,

Что дѣлалъ Петръ, Елисавета:
Твой вѣкъ, Екатерина, ихъ!

Се новый путь блистать лучамъ,
Тебѣ въ безсмертіе стремиться,
Еще превыше возноситься
Съ Тобою возходить и намъ.
Но въ яры дни теперь вздыхая,
Дней прошлыхъ кротость вспоминая,
Ужель не ждать ихъ вспять съ Небесъ?
Эхъ! можно ль въ ономъ сомнѣваться,
И лзя ли Россу удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ чудесъ!

Младая Муза, вспрянь, бодрись,
И Евръ какъ, крыла простирая,
Полеты стрѣлъ предускоряя
Дерзай, теки, стремись, несись,
И въ быстромъ вихрѣ скоропарномъ,
Въ теченіи солнца свѣтозарномъ
Приблѣжь къ нему свой орлій взоръ,
Сдержи его крутизнъ въ вершинѣ,
На самой выпренней стремнинѣ,
Пловущихъ, синихъ, свѣтлыхъ горъ!

Сдержи и рцы: о! князь планетъ,
Веществъ чувствительныхъ живитель,
Цвѣтовъ, весны, зарей родитель,
Свѣтило, льюще въ душу свѣтъ!
Со лучезарной колесницы
Весь день низводишь ты зѣницы
На Россіи, небу равный край,
Не въ гнѣвъ тебѣ, царю златому,

Равенъ ли солнцу ты другому,
Кѣмъ свѣтелъ нордъ? Скажи, вѣщай!

Ражженный, какъ въ горну Халкидъ,
Таковъ тутъ сынъ Латонинъ зрится,
Въ лицѣ багрянымъ цвѣтомъ рдится
И свой желаетъ скрыти стыдъ.
Трясетъ горящими кудрями,
И жаркихъ бьетъ коней вожжами,
Претечь ихъ нудить горизонтъ.
Пустившись съ высока юга,
Всего емпиря чрезъ полкруга,
Въ единый мигъ онъ скрылся въ понтъ.

Когда бъ средь варварства почей
Еще, Монархия, мы жили,
Мы въ солнца чинъ Тебя бъ вмѣстили,
Поставя правдой вымысль сей,
Но днесъ ужъ Ольгой освященны,
Тобою паче просвѣщенны,
Мы баснями Тебя не чтимъ,
А если къ онымъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить чаемъ,
Въ Тебѣ его что образъ зримъ.

Отъ вѣкъ горящій океанъ
Возвѣшенъ въ тверди сей надъ нами,
Дабы свѣтящими рѣками
Земныхъ онъ былъ лампада странъ.
Такъ Ты во блещущей коронѣ,
На боголѣпномъ предковъ тронѣ,
Екатерина, Россіи свѣтъ:

Ты намъ премудростью сіяешь,
И ею тамъ Ты озаряешь,
Гдѣ съ мракомъ ледъ борьбу ведетъ.

Любезный зракъ какъ свѣтитъ сей,
Какъ зримъ его передъ глазами,
Безвредными тогда стезями
Мы ходимъ средь своихъ путей:
Такъ ясный день Твое владѣнье,
Твои доброты охраненье
Отъ всѣхъ намъ золъ въ странѣ Твоей:
Законы, казни всей вселенной,
Не могутъ жизни дать блаженной,
Какъ благъ одинъ примѣръ царей.

Полезной всюду теплотой
Оно плоды произращаетъ,
Богатыхъ съ скудными питаетъ
И всяку плоть живить собой.
Такъ Ты героевъ награждаешь,
И купно бѣднымъ помогаешь
Въ воспитаньи оныхъ чадъ.
Торги, художества, науки,
За милости, воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ.

Оно обиліемъ лучей
Ползущихъ тварей оживляетъ:
Твоя рука намъ поднимаетъ
Изъ пыли верженныхъ дѣтей,
На зданья зданья всѣ Мемфиски
Тебѣ поставимъ въ обелиски,
Благодаренья малъ то знакъ:

Носили горы исполины,
А человекъ, взявъ изъ глины,
Одинъ лишь Богъ содѣлалъ такъ.

Когда угрюмыхъ облакъ сонмъ
Хотятъ лицо его покрыти,
Оно, дни ясны продолжити,
Зажегши паръ, бросаетъ громъ.
Въ завидшихъ нашему покою
Побѣдоносною войною
Перунъ и Ты пустила свой.
Уже пламеноносны стрѣлы
Низпали въ вражески предѣлы,
Стѣснившись какъ туманъ густой.

Уже, какъ зыкъ въ лѣсахъ ловцовъ
Еленецъ робкихъ ужасаетъ,
Срацынъ такъ слухъ одинъ сражаетъ,
Монархия, Твоихъ полковъ.
Доколь въ нихъ молніи летаютъ,
Они ужъ то въ тріумфъ считаютъ,
Гдѣ если бѣгъ имъ жизнь спасетъ.
Господь Твоей помощникъ волѣ,
Не будетъ несть земля ихъ болѣ
И память съ шумомъ ихъ минетъ.

Но скопы жирныхъ, черныхъ тучъ,
Какъ солнце жаромъ разрываетъ,
Желанный дождь всѣмъ проливаетъ,
Журчащихъ водъ сугубитъ ключъ,
Такъ Ты всѣмъ мать равна буди!
Враги, Монархия, тѣ жъ люди!

Ударь еще и разжени,
Но съ тѣмъ, чтобъ милость къ нимъ про-
лити.

Въ Свое владѣнье покорити,
Какъ насъ, покоить ихъ въ сѣни.

Какъ насъ всегда храня съ Собою,
Покроя орлими крылами,
Златыми осчастливя днями,
Весь міръ возвесели Тобой.
Тобой Борей Зефиромъ будетъ,
Злодѣйство злобствовать забудетъ,
Сокроетъ зависть ядъ въ себѣ.
Пріидутъ царіе вселенны,
Твоею славой восхищенны,
Учиться царствовать къ Тебѣ.

Тогда ни вранъ на трупъ жить,
Ни волки течь къ тѣламъ стадами,
Не будутъ, насыщаясь нами,
За снѣдь царей благодарить.
Не будутъ жатвы поплѣненны,
Не будутъ села попаленны,
Не пролетъ Пугачевъ кровей.
Твоя кротчайшая природа
Утѣшитъ всѣ страны народа,
Коль будетъ въ власти все Твоей.

Ужель на сей одинъ конецъ
Всѣ твари только и созданны,
Вели чтобъ брани непрестанны?
О, Боже благъ, щедротъ отецъ!

Нельзя ль изъ хаоса злосчастьевъ,
Намъ свѣтъ Тебѣ содѣлать счастьеевъ,
И слезы наши отереть?
Подай, да царствуетъ едина
Надъ свѣтомъ всѣмъ Екатерина:
Имъ долженъ тотъ, кто благъ, владѣть.

Ея и благъ и кротокъ духъ
Пришельцовъ сѣною Та покрыла,
Отъ казни винныхъ свободила,
Она намъ щитъ отъ сильныхъ рукъ.
Кого жъ, кромѣ Ея, Содѣтель,
Твою прославить добродѣтель
Пошлешь къ исправѣ Ты людей?
Удвой Ей громъ, спасай вселенну,
Вездѣ отъ злобы утѣшенну,
И воцари Ее надъ ней!

CLVIII.

ОДА

**НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ
СМОЛЕНСКАГО,**

АПРѢЛЯ ВЪ 16 ДЕНЬ 1813 ГОДА.

Отколѣ палъ внезапно громъ
И молнія покрылась паромъ?
Грохочетъ всюду гулъ кругомъ!
Какимъ гордится смерть ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль, страна преславна,
Въ блаженствѣ царствовала ты!
Гдѣ жъ красота твоя державна?
Не тотъ и взоръ, не тѣ черты!

Отколь тамъ грусть, гдѣ духъ вели-
кій?

Военный геній твой въ слезахъ.
Въ густомъ туманѣ ратна сила,
Всеобща скорбь слышна въ рѣчахъ,
По лаврамъ ты идешь уныло!

Гдѣ сынъ твой, гдѣ безсмертный
вождь?

О, рокъ! гдѣ вождь нашъ сильный?
Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ?
Онъ въ родинѣ своей обильной

На гладъ и моръ враговъ навелъ,
И ихъ заставилъ жрать другъ друга!

Гдѣ онъ со пламеннымъ мечемъ
Женящій князя тмы и злобы,
Глотавшаго въ пути своемъ
Болѣзни, муки, смрадъ и гробы,
Бѣгущаго, какъ хищный волкъ?

Откликнись, вождь нашъ несравненный!
Осиротѣлъ твой мечъ въ ножнахъ!
На твой лежащій шлемъ священный
Уже валяется ржа и прахъ!
Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли изъ безднъ встаетъ
И страшны рветъ съ себя оковы!
Въ лицѣ луны кровавый цвѣтъ
Огнистый мечетъ взоръ суровый
И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись.... Но что?... Желанья тщетны!
Молчитъ весь міръ на голосъ мой!
Ссѣченный дубъ нашъ кратколѣтній
Не тмитъ уже лучей собой,
И шумъ вокругъ лишь въ листьяхъ
мертвыхъ.

Вотъ генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его—могила,
А сущность—горсть одна земли!

И свѣтъ и прахъ онъ здѣсь мгновенно,
Но скрытый сей небесный громъ
Единымъ мигомъ въ жизни тлѣнной,
Быть можетъ вѣчности лучомъ.

О, призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ, — и рабъ благій, иль злой,
Съ закатомъ солнца тѣнь растуша!
Единый Богъ свѣтильникъ твой.
Струя въ пути тебя несуща
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые!
Не унывайте въ скорбный часъ:
Все Богъ! — Его лучи святыя
Съ рожденьемъ въ сердцахъ у васъ.

Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ.
Царь Сѣвера, Отецъ народный,
Повергнувъ зло къ Своимъ стопамъ,
Откроетъ къ счастью путь свободный,
И землю отъ оковъ спасетъ.

Ступай, о, Россъ! воитель ада,
Горою бей и вихремъ рви,
Ударь даждемъ въ подобьи града,
Усѣй враговъ костями рвы.

Заря блаженства за тобою!

СЛІХ.

ДЕЖУРСТВО.

Солнце красно закатилось,
Сумракъ скучный наступилъ;
Стужа съ вечеромъ явилась,
Сторожъ печи затопилъ.

Мнѣ въ то время показалось,
Что природа спать легла;
Здѣсь спокойство водворялось;
Мысль моя судить могла.

Сѣвъ на стулѣ я, у печи,
Пристально въ нее глядѣлъ;
Не съ кѣмъ мнѣ промолвить рѣчи:
Голову склоня сидѣлъ.

Я смотрѣлъ, какъ угольками
Тамъ огонь перебиралъ;
Гдѣ потухнетъ, гдѣ мѣстами
Лучъ златой еще игралъ.

Между тѣмъ вѣтръ заключенный
Пѣснь плачевну воспѣвалъ;
Теноръ томный, сокрушенный
Мысль со страхомъ мнѣ вливалъ:

Точно такъ мы потемнѣемъ,
Какъ сей черный уголекъ;
Нынѣ — блескъ въ себѣ имѣемъ,
Тамъ — затмить насъ страшный рокъ.

Быстро уголь истлѣваетъ,
Быстро блескъ его пройдетъ:
Такъ и съ смертнымъ здѣсь бываетъ:
Онъ живетъ — и пропадетъ.

Такъ почто здѣсь суется?
Счастьемъ почто блистать?
Здѣсь намъ вѣчно не нажиться,
А какъ уголь истлѣвать.

Но мы счастьемъ ослѣплены,
И не помнимъ жребій свой,—
Взоры къ злату обращены,
Когда смерть ужъ за спиной!

Что намъ въ золотѣ съ чинами?
Многого на что желать? —
И покрытаго крестами
Будетъ въ гробѣ червь терзать!

Все увянетъ, все истлѣетъ.
Слава, блескъ — во мракъ сойдетъ,
Въ міръ все конецъ имѣетъ,
И исчезнетъ въ свой чередъ.

Я считалъ дежурство вѣкомъ,
Но вотъ скоро и пройдетъ;
Такъ и въ свѣтѣ съ человѣкомъ:
Отдежуритъ — и уйдетъ!

CLX.

О, какъ великъ На - полѣ - онъ,
И хитръ, и быстръ, и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Бог - рати - онъ.

CLXI.

слѣпой случай (*).

Ужель я тварь слѣпаго рока?...
Ужели случая я сынъ?
Такъ нѣтъ святыни, нѣтъ порока,
И разумъ мой лишь дымъ одинъ.
А вѣчность, добрыхъ дѣлъ награда,
Пустая слабыхъ душъ отрада.
Все слѣпо, глухо подъ луной,
И бытіе мое свершилось
Затѣмъ, что только такъ случилось?
Вина—лишь случай, звукъ пустой!

(*) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ Томъ II подъ именемъ Сочиненія Державина, но намъ извѣстно, что это стихотвореніе сочиненія не Державина, а Николая Сергіевича Арцибашева, написанное въ 1805 году. Здѣсь же помѣщается для того, что уже было напечатано подъ именемъ Державина.

II.

Машина міра, цѣпь природы,
Свѣтилъ блестящихъ миллионъ
Разнообразныхъ тварей роды,
Движенья вѣчнаго законъ,
Парящій умъ, воображенья,
Къ познанию истины стремленье,
Любовь, связь общая людей,
Отъ Лейбница до паутины,
Все—дѣло глупыя причины:
И добродѣтельный, и злой!

III.

Душа моя затрепетала
Отъ мысли бѣдственной сея!
На части грудь мою терзала
Сомнѣнья лютая змѣя.
И такъ, я автоматъ презрѣнный,
Слѣпымъ лишь случаемъ рожденный.
Что жъ добродѣтель, кою чту?
Что разумъ, память и свобода?
Что связь, порядокъ и природа?—
Вездѣ я вижу лишь мечту.

IV.

Вдругъ небо вскрылось надо мною:
Я слышу бурныхъ вихрей ломъ,
Земля трепещетъ подъ ногою,
Сверкнулъ перунъ, ударилъ громъ.
Въ превыспреннихъ предѣлахъ дальныхъ,

Средь звѣздъ и солнцевъ лучезарныхъ
Богиню вижу я тотъ часъ:
Она трясетъ свѣточъ возженный,
Провикла умъ мой потемненный
Внутри себя я слышу гласъ:

V.

«Въ пространствѣ атомовъ безмѣр-
номъ—

Полкапля! въ страшныхъ безднахъ водъ—
Когда въ безумствѣ дерзновенномъ
Ты буйныхъ мыслей правишь ходъ!
Ты червь, а быть желаешь Богомъ!
И въ изступленіи жестокомъ
Стремишься въ тму низвергнуть міръ;
И даже не изъ тучъ гремящихъ,
Не изъ огней свѣтилъ блестящихъ,—
Изъ глупости творишь кумиръ!

VI.

Зри, какъ лучи въ волнахъ играютъ,
Одѣлись зеленью лѣса,
Какъ нивы землю покрываютъ,
Звѣздами блещутъ небеса;
Какъ плодъ поспѣвшій предъ тобою,
Ты рвешь завистливой рукою,
Какъ все имѣетъ свой предѣлъ:
И отягченная трудомъ
Земля почіетъ подъ снѣгами—
Ужель то случай повелѣлъ?

vii.

Когда картиной Тиціана
Прельщается твой умъ пустой,
И вѣришь, что не начертанна
Была своей она рукой;
Что даже трудъ сей несравненный
Не кисти плодъ обыкновенный,—
То какъ же міръ собою быть могъ?
Онъ тма картинъ въ изящномъ родѣ.
Коль случай сдѣлалъ все въ природѣ,
То случай—разумъ, случай—Богъ!

viii.

Ты уважаешь духъ Невтоновъ,
И чтишь первѣйшимъ въ естествѣ,
За то, что изъ судьбы законовъ
Онъ истины открылъ намъ двѣ:
Лучей чрезъ призму раздробленье,
Всѣхъ къ центру въ міръ тѣлъ стремленье,
Его безсмертію вѣнецъ.
Коль разумъ нуженъ былъ отмѣнный,
Найти звено въ цѣпи вселенной,
То случай ли ея творецъ?

ix.

Въ пустыняхъ воздуха безмѣрныхъ
Кружится сонмъ тяжелыхъ тѣлъ,
Къ своимъ орбитамъ пригвожденныхъ.
Кто имъ вращаться повелѣлъ?
Закрой же взоръ, и съ быстротою
Бѣги назначенной чертою:

Къ своей придешь ли цѣли ты?
Когда жъ и умъ тебѣ измѣнитъ,
То какъ душа твоя повѣритъ,
Что бѣгъ ихъ—дѣло слѣпоты?

х.

Всѣмъ дѣйствіямъ здѣсь есть причина,
Собой не можетъ быть ничто:
Конецъ, начало, есть середина,
Доказываетъ опытъ то.
Какой же случай прежде вѣка
Всему далъ жизнь, и человѣка
Душей разумной одарилъ?
Ужели свѣтъ былъ созданъ тмою?
Ты глупость чтишь ума виною,
Безсиліе—причиной силъ.

хi.

Умъ человѣческій огромный,
Не можетъ атомовъ создать:
То какъ же случай глупый, темный,
Возмогъ вселенну основать?
Украсть сводъ небесъ звѣздами,
Разлить моря между берегами?
Пустить по тверди трескъ громовъ?
Природѣ дать движенья душу?
Пролить дожди и сдѣлать сушу?
Лучи составить изъ цвѣтовъ?

хii.

Порядокъ, стройность всей природы,
Связь общая во всѣхъ вещахъ,

И поддержанья тварей роды,
Всегда имъ въ свойственныхъ чертахъ—
Слѣпой ли дѣйствіе причины?
Коль слонъ родилъ бы апельсины,
И бытіе дубъ галкѣ далъ,
Когда бъ огонь знобилъ намъ члены,
То бъ въ слѣдствіе такой премѣны
Льзя мыслить: случай тутъ игралъ!

хiii.

Но мы рожденные одними,
И производимъ въ свѣтъ другихъ;
Природа узами святыми
Сковала чадъ съ отцами ихъ;
Она жъ велѣла наслажденью
Дать поводъ къ нашему рожденью;
А безъ того что бъ быть могло?
Бѣда въ потомствѣ, а не радость:
Ужли жъ союзовъ нѣжныхъ сладость
Пустое въ мірѣ сопрягло?

хiv.

Когда ничто—міровъ Создатель,
То призракъ жизни, сонъ пустой:
И совѣсть, честь и добродѣтель—
Дѣла причины все слѣпой.
Что жъ было бъ свято намъ въ природѣ:
Равно бы славилась въ народѣ,
Отрепьевъ, Мининъ, Анкерштремъ.
И къ пользѣ частной устремлены,

Злодѣйства были бы почтенны,
— Пороки были бѣ милы всѣмъ.

ХV.

Въ хаосъ бы міръ сей обратился,
Порядка умъ нашъ былъ бы чуждъ,
Вездѣ бѣ духъ буйства воцарился,—
Расторглась связь взаимныхъ нуждъ.
Морозы спорили бѣ съ жарами,
Міры столкнулись бы съ мірами,
Расшибли бѣ твердь небесныхъ тѣлъ,
Вездѣ бѣ былъ ужасъ разрушенья,
Разстройство, смерть, опустошенье,
Огонь бы въ нѣдрахъ водъ горѣлъ.

ХVI.

Но что вѣковъ прошло ужъ въ мірѣ,
А все своей идетъ чредой;
Коль царства пали, рабъ въ порфирѣ—
То глупость наша въ томъ виной:
Монада, волей одаренный,
Помыслилъ человѣкъ надменный,
Чтобъ было все въ его рукахъ,
Чтобъ въ страхъ всѣ предъ нимъ тря-
слися:

И рѣки крови пролилися—
И человѣчество въ цѣпяхъ!

ХVII.

Вотъ сколько глупость твари тлѣнной
Наводитъ міру страшныхъ бѣдъ!
Такъ что жъ бы было въ той вселенной,

Въ Творцѣ которой смысла нѣтъ?
Хоть зло является межъ нами,
Но мы тому причиной сами,
Всегда одинъ Творца законъ:
Онъ служитъ твари къ соблюденью;
Не къ ужасу и разрушенью,—
Къ добру навѣки устремлѣнъ.

ХVIII.

Виновенъ ли Создатель свѣта,
Что гордость здѣсь, корысть, обманъ?
Что чтутъ пророкомъ Магомета?
На тронѣ царствуетъ тиранъ?
Что ханжества костры пылаютъ?
Что міръ войны опустошаютъ?—
Онъ далъ намъ жизнь и бытіе,
Онъ далъ намъ часть ума и воли,
Зачѣмъ же къ точкѣ лучшей доли
Не правимъ сами мы ее?

ХІХ.

Гласъ правды разума священной,
Твердись всегда въ душѣ моей!
Какъ громъ раздайся во вселенной
И врѣжься ты въ сердца людей:
Отъ грубыхъ трудниковъ Потозы
До Мирабо и до Спинозы!
Не знать тебѣ Творца всего
Гораздо меньше преступленья
Чѣмъ въ ложномъ случаѣ сужденіе,
Доказывать, что нѣтъ Его!

XX.

Зиждитель вѣчный, Всемогущій!
Всего что есть—душа, вина,
Святой, Всесильный, Вездѣсущій,
Кѣмъ вся природа создана!
Хоть я Тебя не постигаю,
Но что Ты есть, то твердо знаю,
И слабымъ докажу умомъ:
Что Ты великъ, коль всѣмъ владѣешь!
Ты благъ—коль все хранить умѣешь!
Премудръ—коль правишь естествомъ!

CLXII.

ПИСЬМО

**ДЕРЖАВИНА КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ
ЕВГЕНІЮ.**

Ваше Преосвященство,

Милостивый мой Архипастырь!

Извиняюсь, мой милостивый отецъ, что по напечатаніи 3-й части моихъ сочиненіевъ, не присылалъ я къ вамъ долго оныя, — хотѣлось мнѣ вмѣстѣ отправить къ вамъ съ нѣкоторыми произведеніями Званскими, но къ пріѣзду моему туда, всѣ не поспѣли, а только часть, и для того препровождаю теперь: 1) Наслѣдіе прапращура Багрима, Китайскіе теплые сапоги

для ношенія вамъ во время холодной службы. 2) Моей промышленности стихи, а 3) Дарьи Алексѣевны рукодѣліе, пике для домашняго спальняго полукафтання, которая къ осени еще кое-что и для наряду уже вамъ приготовить. Прошу принять съ добрымъ сердцемъ, съ каковымъ посланы сіи бездѣлки. Впрочемъ, скажу вамъ, что я по замѣчаніямъ вашимъ переправляю теперь мое разсужденіе о Лирической Поэзіи. Хочется издать цѣлою книжкой. Но скажу по правдѣ, что инныя замѣтки мнѣ не очень нравятся, ибо, кажется, вы не такъ — то справедливо судили. Напр. извѣстно, что Тредіаковскій былъ мужъ ученый и зналъ правила піитики и риторики, (этого у него оспорить нельзя. Но то бѣда, что не имѣлъ только вкуса), — то какъ ему не знать было правильныхъ ямбовъ, хореевъ, дактилей и анапестовъ, какъ вы о томъ сказали? то и препровождаю присемъ къ вамъ копію съ того списка, который я вамъ посылалъ. Прошу покорно потрудиться переправить, какъ имъ быть должно, и возвратить ко мнѣ. Также педантскіе раздѣлы лирическихъ стихотвореній я не очень уважаю, но чтобъ не поднять всю араву школъ на себя, перемѣняю, нѣсколько только касаясь. Впрочемъ, внесу вашу монахиню, г-жу Розвейду, съ прочими въ породъ авторами, какъ и Пиндарову древнюю музыку, которая по лексикону, не помню чьему-то, давно мнѣ извѣстна была, даже пѣваема и играна, какъ то не давно и въ прошлыхъ годахъ Бортнянскій въ хоръ для бесѣды взялъ нѣчто

изъ оной. Наконецъ, ежели что еще встрѣтит-
ся, то не оставляю отослать къ вамъ для совѣта
и благословенія, каковаго испрашивая съ истин-
нымъ моимъ почтеніемъ и преданностію, пре-
бываваю

Вашего Преосвященства,
Милостиваго моего Архипастыря,

покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

—
Юня 20 дня

1816 года.

С. Званка.

Хорей.

Отста	ва ла	лебель	б ѣ ла	я
Какъ отъ	ста да	ле бя	ди но	ва.

ХОРЕЙ СЪ ДАКТИЛЕМЪ.

У ко	лодезя	у сту	денова
Доброй	молодецъ	самъ ко	ня пойлъ
Красна	дѣвица	во ду	черпала.

ДАКТИЛЬ.

Ярка не	ярка ба	ранъ не ба	ранъ
Стара о	вечка не	я р и но	чка

ЯМБЪ.

Дале	че охъ	дале	че во	чистомъ	полъ
Не трав	ка не	мурав	ка за	шата	лася.

ЯМБЪ СЪ АНАПЕСТОМЪ.

Не шуми	мати	зеле	на дубро	ва,
Не мѣшай	цвѣсти	лазо	реву цвѣ	т у.

АНАПЕСТЪ.

Ой ты по	люшко по	люшко чи	сто е,
Ни чево	мнѣ ты по	ле не ро	д и л о
Охъ, ты ро	д и л о толь	ко раки	товъ кустъ.

CLXIII.

ОТВѢТЪ ДЕРЖАВИНА М. ЕВГЕНІЮ.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь и Благодѣтель,

Лишь только отправилъ я 4 Іюля мое благодарственное письмо за дары Ваши, какъ въ тотъ же вечеръ получилъ и письмо Ваше, бывшее при посылкѣ, но задержавшееся какъ-то на почтѣ. И такъ пишу въ другой разъ съ повтореніемъ моей благодарности Вамъ и Ея Высокопревосходительству Дарьѣ Алексѣевнѣ. Сапоги я назвалъ-было киргизкайсацкими, а теперь, по объявленному отъ Васъ ихъ родословію, будутъ они у меня подъ именемъ *Баримовыхъ*. Но останутся только для домашняго употребленія, ибо въ публикѣ дѣйствительно я показался бы въ нихъ мурзою или муллою.

Сверхъ извѣстія о посылкахъ, письмо Ваше заключаетъ еще вопросы, и требуетъ отъ меня поясненія прежнихъ моихъ замѣчаній на нѣкоторыя мѣста Вашего *Разсужденія о Лирической Поэзіи*. Охотно готовъ я изъясниться подробнѣе и откровеннѣе, но не въ споръ, а на рѣшеніе Вамъ самимъ, ибо готовъ и уступить вамъ, какъ учителю въ семъ искусствѣ.

И во-первыхъ замѣчаю, что правила родовъ поэзіи суть общія для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но правила родовъ просодіи или стопосложенія

олжно производить изъ свойства языковъ. Нѣкоторые народы вовсе не имѣютъ стопосложенія, какъ напр. Французы, Испанцы, Италіянцы и Англичане, и потому у нихъ только поэзія, а не просодія, развѣ просодіею назовутъ они только свой счетъ слоговъ. Но другіе народы, какъ напр. Греки, Римляне, Нѣмцы, Русскіе и многія Азіятцы, имѣютъ не только поэзію, но и просодію.

Я сказалъ уже, что просодію или стопосложеніе должно производить изъ свойства языковъ. Ибо не всѣмъ языкамъ свойственно одинакое стопосложеніе. Я это объясню сравненіемъ русскаго языка съ греческимъ и римскимъ.

CLXIV.

ПИСЬМО

ДЕРЖАВИНА КЪ А. Я. НЕСТЕРОВУ.

Милостивый Государь мой Аполлонъ Яковле-
вичъ, (*)

Стихи ваши на постановленіе статуи въ залѣ Московскаго Дворянскаго Собранія Екатерины Великой имѣлъ удовольствіе получить. Они столь прекрасны, и можно сказать мастерскіе, что напрасно ищите пѣвца на возобновленіе памяти Богоподобной Фелицѣ. Не подумайте, что я приписываю имъ сіе достоинство по пристрастію, за превосходную похвалу вашу, мнѣ въ нихъ изъявленную, которой я не стою. Нѣтъ, — замысль, обороты, легкій и естественный слогъ, — сіе поистинѣ заслуживаетъ. Вы бы написали сами гимнъ сей обожаемой Государынѣ, и я увѣренъ, что общество приняло бы оный съ рукоплесканіемъ; но ежели бы надобны было мои пѣсни, хотя уже теперь по старости лѣтъ не думаю, чтобы были восхитительны, — и когда бы кто изъ старшинъ общества отнесся ко мнѣ о томъ: то я бы

(*) Я наугадъ отечество ваше написалъ, предполагая, что вы сынъ Якова Никитича Нестерова, бывшаго напоследокъ губернскимъ землемѣромъ въ Тамбовской губерніи, который былъ мнѣ пріятель. *Прим. Держ.*

послѣднія истощилъ силы сдѣлать благородному сословію угодное, съ тѣмъ однако, чтобъ музыка была на оныя сдѣлана русскимъ художникомъ, и чтобъ по всякій годъ въ Екатерининъ день онѣ были пѣты въ Собраніи. Впрочемъ, дабы не отнесено было это къ моему излишнему самолюбію, то я не напрашиваюсь, зная, что Московская Столица, яко центръ Имперіи, обильна патріотическимъ духомъ и превосходными поэтами.—Пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ къ дарованію вашему,

Вашъ

Милостиваго Государя моего

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Мая 6 дня 1812 года.

С.-Петербургъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

КОНЕЦЪ.

пожеланиям и потребностям
 общества, а также и
 в области науки и искусства.
 В настоящее время
 в области науки и искусства
 наблюдается значительный
 прогресс, который
 способствует развитию
 человеческого общества.

Институт Государства

популярный стиль

Государство

Бюро
 Государства
 Мюнхен

33
 11111

А.В. КТОРЕВА

Deržavin, Gavriil Romanovič,

Sočinenija Deržavina Izdanie Aleksandra Smirdina

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1847

P.o.rel. 3470-9,2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036445-2